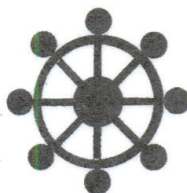

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени АЛЬ-ФАРАБИ

А.С. АМАНЖОЛОВ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Монография

Третье издание

Алматы
«Қазақ университеті»
2024

УДК 80/81
ББК 81.2
А 61

*Рекомендована к изданию КазНУ им. аль-Фараби
(протокол № 10 от 10.05.2024 г.)*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор

Д.М. Насилов;

доктор филологических наук, профессор

Ж.К. Туймебаев.

Аманжолов А.С.

А 61 Опыт изучения тюркских языков: монография / А.С. Аманжолов. –
3-е изд. – Алматы: Қазақ университеті, 2024. – 274 с.: 12 илл.

ISBN

Монография включает основные исследования профессора А.С. Аманжолова по грамматическому строю и лексическому составу тюркских языков, отдельные тюркологические и биографические заметки разных лет. Большое внимание уделено сравнительному изучению тюркских языков, выявляется строй тюркских языков, их типологическая характеристика.

Издание предназначено для научной общественности, языковедов, преподавателей, студентов высших учебных заведений.

Книга переиздается к 90-летию со дня рождения профессора А.С. Аманжолова и печатается с разрешения его семьи..

**УДК 80/81
ББК 81.2**

ISBN

© Аманжолов А.С., 2024
© КазНУ им. аль-Фараби, 2024

Аманжолов Алтай Сарсенович

Известный языковед-тюрколог,
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель Казахстана
(1934-2012)

Алтай Сарсенович Аманжолов родился 2 июня 1934 года в городе Алма-Ате (ныне – Алматы). В 1957 г. окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Институт восточных языков при МГУ) по специальности «Тюркская филология», там же он прошел аспирантуру и в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Глагольное управление в языке памятников древне-тюркской письменности». В 1975 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности».

А.С. Аманжолов – один из ведущих профессоров Казахского национального университета имени аль-Фараби, в 1979-1995 годах заведовал кафедрой общего языкознания; затем продолжал работать в должности профессора этой кафедры.

А.С. Аманжолов – крупный языковед-тюрколог, опубликовал более двухсот работ по тюркской филологии и языкознанию, в том числе 7 монографий на русском и казахском языках, два десятка публикаций на английском и турецком языках. Выступал с докладами на международных научных конференциях, подготовил трех докторов и 18 кандидатов наук.

С 1978 г. – профессор, с 1995 г. – действительный член (академик) Академии гуманитарных наук Казахстана, с 2009 г. – заслуженный деятель Казахстана, в 1976-1988 годы – Почетный член Казахского общества охраны памятников истории и культуры, председатель секции древней письменности и фольклора.

А.С. Аманжолов успешно сочетал свою научную и педагогическую работу с общественной деятельностью по пропаганде памятников культуры.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**Председателя Правления – Ректора
КазНУ им. аль-Фараби**

Туймебаева Жансеита Кансеитовича

Наш университет в этом году отмечает важную веху – 90 лет со дня основания. За этот почти вековой возраст КазНУ стал флагманом отечественного образования и науки, сформировал в своем лоне немало научных школ, увековечил и упрочил научные традиции.

Одной из таких традиций является чествование выдающихся ученых КазНУ. Очень символичным и знаковым является в этой связи празднование 90-летия со дня рождения тюрколога с мировым именем, человека высокой культуры – профессора Аманжолова Алтая Сарсеновича. Я и многие мои коллеги были его учениками. И очень горды осознавать этот факт.

А.С. Аманжолов – это ученый, имя которого известно далеко за пределами Казахстана. Он является примером ученого, который полностью отвечал за свои действия, поступки и мысли; кто осознавал ценность истины в деле служения науке, а будучи прекрасным педагогом помогал своим ученикам стать сильными.

Все, кому посчастливилось долгие годы работать рядом с ним, слушать его лекции, видеть его общение с аспирантами, докторантами, наблюдать за его научным поиском, отмечают, что А.С.Аманжолов – истинный ученый, преданный своему делу, своему научному кредо.

Научно-исследовательская работа А.С.Аманжолова охватывает широкий круг проблем истории языка и письменности. Алтай Сарсенович – один из немногих специалистов в области исторической грамматики тюркских языков, истории древнетюркской письменности. Его труды, статьи, монографии, диссертации, в разное время были высоко оценены крупнейшими учеными Казахстана и других стран, в их числе доктор исторических наук Л. Гумилев, профессор В. Шеворошкин, завкафедрой тюркской филологии ИСАА при МГУ, заслуженный деятель науки РСФСР профессор В. Насилов, академик АН КазССР А. Маргулан, профессор Т. Гарипов, профессор М. Копыленко и многие другие. Все названные ученые высоко ценили труды А.С. Аманжолова и писали об

уникальной и увлеченной личности. В библиографическом справочнике Алтая Аманжолова указано более двухсот опубликованных в Казахстане и за рубежом работ по тюркской филологии и языкознанию.

Мы преклоняемся перед памятью выдающегося ученого, просветителя и патриота своей Родины. Светлая память об Учителе, наставнике многих поколений исследователей останется навсегда в сердцах его учеников, коллег, друзей

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной монографии представлены основные исследования автора по грамматическому строю и лексическому составу тюркских языков, а также отдельные тюркологические заметки и научно-биографические материалы о творчестве языковедов-тюркологов. Большое внимание уделено сравнительно-сопоставительному (типологическому) изучению тюркских языков. В результате сравнительно-исторического изучения тюркских языков устанавливается их материальное родство, их фонетико-грамматические закономерности, развитие их важнейших лексико-грамматических и грамматических категорий. В результате сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков устанавливаются общие типологические черты их грамматического строя, специфические особенности отдельных языков.

Сравнительно-историческое изучение тюркских языков осуществляется на основании тщательного диахронического исследования языка древнетюркских письменных памятников VII-XI веков (иначе говоря, древнетюркского письменно-литературного языка) сравнительно с современными тюркскими языками. Сравнительно-сопоставительное (типологическое) изучение тюркских языков осуществляется на основании синхронного выявления отличительных признаков родственных и неродственных языков в области лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса.

Следует отметить как большие возможности сравнительно-исторического метода применительно к тюркским языкам и их диалектам, так и его недостатки. Довольно часто реконструкция древнейшей фонетической и грамматической системы тюркских языков предпринимается без достаточных исторических обоснований. Произвольное обращение с фонетическими законами и грамматическими категориями тюркских языков нередко имеет место в тюркологических работах.

Всё многообразие отношений между естественными человеческими языками (типологические, ареальные и генетические отношения) схематично можно представить в виде трёх концентрически расположенных кругов. Большой круг – это типологические отношения,

средний круг – ареальные отношения, а малый круг, или ядро (ядерная зона), – генетические отношения. Иначе говоря, родственные языки обязательно соотносятся между собой (хотя бы исторически) и по ареалу распространения, и по основным типологическим признакам.

Примечательно, что в работах советских языковедов-тюркологов, развернувших свою научную деятельность в тридцатых-сороковых годах XX века (А.П. Поцелуевский, Н.К. Дмитриев, С.А. Аманжолов, И.А. Батманов и др.), проявился исключительно глубокий интерес к лингвистической теории, к типологическому анализу фактов тюркских языков. Например, уже в середине тридцатых годов в Казахстане было издано два лингвистических сборника, посвященных структурно-типологическому изучению казахского языка. В наши дни разработка общелингвистических проблем на материале тюркских языков приобретает особую актуальность.

Лингвистическая конференция, состоявшаяся в Москве в ноябре 1983 года, вновь подтвердила огромное значение и актуальность синтаксической концепции академика И.И. Мещанинова для современного языкознания. Функционально-семантический подход к анализу языковых явлений, разработанный в трудах выдающегося советского ученого, находит самое широкое применение. И.И. Мещанинов оказал большое влияние, в частности, на развитие тюркского и казахского языкознания. Нам, например, довелось испытать притягательную силу типологической теории И.И. Мещанинова и в своей монографии «Глагольное управление в языке древнетюркских памятников» (М., 1969) практически увязать её с проблемами исторического синтаксиса тюркских языков.

Академик И.И. Мещанинов в военные 1941-1943 годы жил и работал в Алматы, здесь он создал свой основной труд «Члены предложения и части речи» (М.-Л., 1945). Он читал лекции по общему языкознанию в Казахском государственном университете и в Казахском педагогическом институте имени Абая, тем самым способствовал подготовке лингвистических кадров нашей республики.

Наука неотделима от личности ученого и его научного творчества. Основные вехи развития тюркологической науки в немалой степени определяются творческим путем видных ученых-тюркологов (Махмуд Кашгарский, Алишер Навои, Ч.Ч. Валиханов, В.В. Радлов, В. Томсен, В. Банг, П.М. Мелиоранский, Ф.Е. Корш, А.Н. Самойлович, В.А. Гордлевский, С.Е. Малов, Н.К. Дмитриев, В.М. Насилов и др.). Например, трудно переоценить значение титанической личности и научного творчества академика Василия Васильевича Радлова (1837-1918). Поучителен его творческий путь: 1) сбор материалов по языкам, фольклору и этнографии тюркских племен Западной Сибири (алтайский период); 2) научно-педагогическая деятельность в Казани; 3) научная деятельность в Петербурге, ознаменовавшаяся изданием «Опыта словаря тюркских наречий», «Атласа древностей Монголии», исследований по древнетюркским и древнеуйгурским письменным

памятникам, многих других работ. Важнейшие из них легли в основу современной тюркской филологии и тюркологии.

Предлагаемая монография «Опыт изучения тюркских языков» состоит из пяти разделов:

I. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников.

II. Синтаксическая типология тюркских языков.

III. Тюркологические заметки.

IV. Казахско-русский словарь лингвистической терминологии.

V. Наука и судьбы.

Некоторые научные работы книги ранее не публиковались, а ранее изданные приводятся с незначительными авторскими поправками. Разумеется, в монографию не вошли труды по данной тематике, созданные автором на казахском языке. Кроме того, в свое время автор составил на казахском и русском языках учебные программы по курсам «Введение в тюркскую филологию», «Древнетюркский язык» и «Сравнительная грамматика тюркских языков», прочитанным студентам и преподавателям высших учебных заведений (Казахстан, Башкортостан, Узбекистан, КНР, Турция).

Будучи воспитанником Московской тюркологической школы, я по мере сил старался приложить полученные знания в сфере науки и образования Казахстана. Меня всегда окрыляла светлая вера в торжество идеалов добра и справедливости, привитая мне Московским университетом имени М.В. Ломоносова, наследниками Герцена и Огарева, русской демократической интеллигенцией, моим мудрым наставником – Владимиром Михайловичем Насиловым.

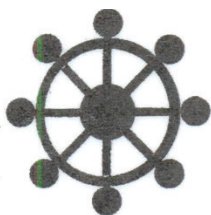
Научно-педагогической деятельностью в Казахстане занимаюсь уже полвека (Академия наук, Казахский женский педагогический институт, Казахский национальный университет имени аль-Фараби). Знания и убеждения, московское высшее образование, откровенно говоря, не позволяли мне долго работать в застойной академической среде прежних лет. Мне всегда было интересно работать с молодежью. Новое просвещенное поколение, возрожденный независимый Казахстан, его единение с демократическими силами России и других стран – залог духовного обновления, подлинного расцвета нашей науки и образования.

Результат изучения тюркских языков, предложенный в данном сборнике, достигнут главным образом при поддержке добрых учителей, друзей и коллег, которым автор выражает искреннюю признательность. Особая благодарность Московскому университету имени М.В. Ломоносова, воспитавшему меня в качестве филолога-востоковеда и языковеда-тюрколога.

Алтай Аманжолов

I

ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В книге, опубликованной издательством «Наука» (Москва, 1969, с. 104), рассматривается управление древнетюркского глагола в связи с некоторыми аспектами его словообразования. При изучении глагольного управления автор исходит, в первую очередь, из лексико-семантических и структурных особенностей глагольных основ, выступающих как господствующий, управляющий компонент объектного словосочетания, а затем устанавливает управляемые падежные формы имен при различных по своей семантике и структуре группах глаголов.

«...Память о таких богатырях туркологии, как Махмуд Кашгарский, Радлов и Томсен, и их великие творения будут вдохновлять новые поколения турковедов во всех концах земли на продолжение с энтузиазмом трудов своих предшественников ради культурного процветания турецких народов и развития теоретического знания на пользу всего человечества»¹.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Предлагаемая работа посвящена одному из малоизученных разделов исторического синтаксиса тюркских языков – глагольному управлению и взаимосвязанным с ним структурно-семантическим особенностям глаголообразования в языке древнетюркских письменных памятников V–XI вв. Диалектные различия памятников древнетюркской письменности выступали в фонетических (орфографических), лексических и некоторых грамматических отклонениях, не затрагивая, однако, основного словарного фонда и грамматического строя древнетюркского языка². В древнетюркских письменных памятниках из Центральной Азии и сопредельных районов, как показывают лингвистические исследования, своеобразно отражены особенности древнетюркских диалектов в переходный период на путях сложения языков народностей.

Характерные особенности древнетюркского языка прослеживаются далее, постепенно отмирая или видоизменяясь в тюркоязычных памятниках XII–XIV во. («Хибат ал-хакаик» Ахмеда Югнеки, «Кысас ал-анбия» Насретдина Разгузи и др.). Изучение последних справедливо выдвигается как самостоятельная задача тюркского языкознания³.

Все языковые примеры из памятников древнетюркской письменности даются нами на основе русской академической транскрипции с незначительными изменениями в целях приближения знаков транскрипции к современным алфавитам тюркских языков Советского Союза: вместо ä, ö, ü, *j(i)*, *k*, *l*, *ц*, *w* соответственно э (*e*), ө, ү, й, қ, л, ж, в⁴.

¹ Самойлович А.Н. Вильгельм Томсен и туркология // Сб. «Памяти В. Томсена». – Л., 1928. – С. 34.

² Radloff W. Alttürkische Studien. V. Die alttürkische Dialekte. – СПб.: «Известия Академии наук», 1911. – С. 427.

³ Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тевфиса XII–XIII вв. – М., 1963. – С. 20.

⁴ Ср. Насилов В.М. Язык орхон-енисейских памятников. – М., 1960; Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. – М., 1963.

В перевод отдельных мест древнетюркских текстов⁵ внесены уточнения. Вместе с тем мы не сочли целесообразным пересматривать общепринятые транскрипции, хотя чтение (транскрибирование) древнетюркских текстов и вызывает отдельные критические замечания. Например, слова *адақ* «нога», *адғыр* «жеребец», *едгу* «добрый, хороший», *кед* «очень», *адыр-* «разделять», *тод-* «насыщаться» и т. д. в памятниках рунической письменности транскрибируются со звуком *д*, а в памятниках уйгурского письма и в арабских рукописях «Кутадгу билиг» со звуком *д̣*: *адақ, адғыр, едгу, кед, адыр-, тод-* и т. д. По мнению В. Томсена, орхоно-енисейский *д* вообще произносился как межзубной звук *д̣*, а *т* после *р, л, и* как звук *д̣*⁶.

Автор выражает глубокую признательность В.М. Насилову, Э.Р. Тенишеву, Э.Н. Наджипу, Н.А. Баскакову, Г.Ф. Благовой, Р.Ф. Тарасенко, Э.А. Груниной и С.А. Соколову, которые прочли работу в рукописи и своими квалифицированными замечаниями способствовали ее улучшению.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

1) Древнетюркские тексты на руническом алфавите

О – Онгинский памятник, начало VIII в.

КТб, КТм – Памятник в честь Кюль-Тегина (большая и малая надписи), VIII в.

Х – Памятник Могилян-хана (Бильге-кагана), VIII в.

Тон. – Памятник Тоньюкука. VIII в.

КЧ – Памятник Кули-Чура, VIII в.

МЧ – Памятник Моюн-Чура («Селенгинский памятник»), VIII в.

Е – Енисейские тексты, предположительно V-XI вв.

Тал. – Таласские тексты, предположительно V-VIII вв.

ThS – Гадательная книжка («Ырк битиг») из Дун-хуана (Восточный Туркестан), начало IX в.

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge. SPb., 1897; Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. – «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, вып. II и III, СПб., 1899; Thomsen V. Samlede Afhandlinger, III. Kobenhavn, 1922; Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung. – «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen

⁵ Условные обозначения (и соответствующие издания) использованных древнетюркских текстов на руническом, манихейском, уйгурском, брахми и арабском алфавитах приведены в конце работы.

⁶ Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. – «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», V. Helsingfors, 1896. – С. 190.

Gesellschaft», Bd. 78, Leipzig, 1924-1925, S. 121-175; Orkun H.N. Eski türk yazıtları, I-IV, Istanbul, 1936, 1939, 1940, 1941; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959; Ramstedt G.J., Grano J.G. und Pentti Aalto. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. Helsinki, 1958; Giraud R. L'inscriptlon de Baïn-Tsokto. Edition critique. Paris, 1961.

2) Древнетюркские тексты манихейского, уйгурского, брахми и арабского письма

Chuast. – Le Coq A.von. Chuastuaniit, ein Sundenbekenntnis der manichaischen Auditores. – «Abhandlungen der K.Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philosophisch-historische Klasse, 1910 (Berlin); Le Coq A. von Dr. Stein's Turkish Khuastuanift from Tun-huang, being a Confession-prayer of the Manihaean Auditores, – «Journal of the Royal Asiatic Society», 1911 (London); Radloff W. Chuastuanift, das Bussgebet der Manichäer. SPb., 1909.

Man I-III – Le Coq A. Von. Türkische Manichaica aus Chotscho, I-III. – «Abhandlungen der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philosophisch-historische Klasse, 1911, 1919, 1922 (Berlin).

Uig. I-IV – Muller F.W. K. Uigurica, I-IV. – «Abhandlungen der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philosophisch-historische Klasse, 1908, 1910, 1920 (1922); «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1931 (Berlin).

Tiš. – Radloff W. Tišastvustik. Ein in türkischer Sprachie bearbeitetes buddhlistisches Sutra. – «Bibliotheca Buddhica», XII, SPb., 1910.

Kuan. – Radloff W. Kuan-ši-im Pusal. Eine türkische Übersetzung des XXV Kapitels des chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika. – «Bibliotheca Buddhica», XIV, SPb., 1911.

Suv. – Буддийская сутра «Алтун ярук». – Radloff W. und Ma1ov S. E. Suvarnaprabhasa (uigurische Redaktion). – «Bibliotheca Buddhica», XVII, SPb., 1913-1917.

KP – Pelliot P. La version ouigour de l'histoire des princes Kalyanamkara et Papamkara. – «T'oung Pao», vol. XV, Leiden, 1914, p. 225-272.

Usp. – Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mil Ergänzungen herausgegeben von S. Malov. Leningrad, 1928.

TT I-X – Bang W. und Gabain A. Von. Türkische Turfan-Texte, I – VII. – «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1929-1936; Gabain Annemarie von. Türkische Turfantexte, VIII – X. – «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrgang 1959, 1956, 1958. Berlin, 1954, 1958, 1959.

QBW – Венская (гератская) рукопись «Кутадгу билиг». Радлов В.В. Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи придворной библиотеки в Вене. СПб., 1890; «Kutadgu bilig, Tıpkıbasım, I, Viyana nüshası», Istanbul, 1942.

QBN – Наманганская (Ферганская) рукопись «Кутадгу билиг». «Kutadgu bilig. Tıpkıbasım, II, Fergana nüshası». Istanbul, 1943.

QBQ – Каирская рукопись «Кутадгу билиг». «Kutadgu bilig, Tıpkıbasım, III, Mısır nüshası», Istanbul, 1943.

Аналогично трем предыдущим – QBW, QBN, QBQ – обозначен транскрибированный сводный текст (с турецким переводом) всех рукописей «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского: Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig, I, Metin. Istanbul, 1947; «Yusuf Has Hacib. Kutadgu bilig, II. Tercüme», çeviren Reşid Rahmeti Arat. – «Türk tarih Kurumu yayınlarından», II. Seri, № 20. Ankara, 1959.

KB II – Radloff W. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chasshadschib aus Balasagun, II, Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. SPb., 1900–1910.

MW – Brockelmann C. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgaris Divan Lugat at-türk. Budapest–Leipzig, 1928.

МК I–III – «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского. «Mahmud Kaşgarlı. Divanü lugat-it-türk tercümesi», çeviren Besim Atalay, cilt I–III. Ankara, 1939, 1940, 1941.

МК I–III узб. изд. – «Махмуд Кошғарий, Туркий сузлар девони (Девону луғотит турк)», I–III, таржимон ва нашрга тайерловчи С.М. Муталлибов. – Ташкент, 1960, 1961, 1963.

IbM – «Словарь» Ибн-Муханны. Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. – СПб., 1900; Aptullah Battal. İbnü Mühenna Lûgatı. Istanbul, 1934.

Hib. – «Хибат ал-хакаик» Ахмеда Югнеки. Necib Asim Balhassan Oğlu. Un texte ouïgour du XII siècle. – «Keleti Szemle», VII, Budapest, 1906; «Хибат ал-хакаик», изд. Неджиба Асима, Стамбул, 1918.

Ateb. – Новое издание сочинения Ахмеда Югнеки. Reşid Rahmeti Arat, Atebetü-l-Nakayıık, Istanbul, 1951.

Rby. – «Кысас ал-анбия» Насретдина Рабгузи по лондонской рукописи XV в. Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе. – «Сборник статей учеников проф. барона В.Р. Розена». – СПб., 1897. – С. 279–308.

Zam. – «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб, I–II. – «Труды Института востоковедения АН СССР», т. XIV, 1938.

ON – «Огуз-наме» по парижской рукописи XV в. (на уйгурском алфавите). Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. – М., 1959.

* * *

азерб. – азербайджанский язык
алт. – алтайский (ойротский) язык
др.-тюрк. – древнетюркский язык
ж.-уйг. – язык желтых уйгуров (сарыг-югурский)
иран. – иранский язык
казах. – казахский язык
к.-калп. – каракалпакский язык
кирг. – киргизский язык
кит. – китайский язык
монг. – монгольский язык
тат. – татарский язык
тув. – тувинский язык
тур. – турецкий язык
туркм. – туркменский язык
узб. – узбекский язык
уйг. – уйгурский язык
хакас. – хакасский язык
чув. – чувашский язык
якут. – якутский язык

Арабские цифры при условных обозначениях текстов указывают строку, страницу или порядковый номер соответствующего источника.

ГЛАВА I

НАЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЛОВ

Синтаксис словосочетания, составной частью которого являются словосочетания, построенные на управлении, характеризует наиболее специфические стороны грамматического строя тюркских языков, их синтаксическую типологию. Вопрос о синтаксической связи слов в словосочетании и в предложении имеет два аспекта: внутренний (смысловой, логический) и внешний (формы или способы выражения внутренних, смысловых связей или отношений). «...Синтаксические категории, – не без основания отмечал О. Есперсен, – подобно двуликому Янусу, обращены и к форме, и к понятию. Они находятся посередине и представляют собой соединительное звено между миром звуков и миром понятий»⁷. Объективные отношения предметов и явлений окружающего нас мира и обусловленных ими представлений выражаются более или менее абстрагированно в каждом конкретном языке различными синтаксическими связями (отношениями)⁸ между словами: предикативными, определительными (атрибутивными), обстоятельственными (циркумстантивными), объектными и др. Само собой разумеется, что смысловые (лексико-семантические) отношения между словами в словосочетании и предложении, являясь отражением реальной действительности⁹, бесконечно богаче и разнообразнее синтаксических связей – продукта абстрагирующей умственной деятельности человеческого коллектива.

Предикативная связь несет в себе сообщение о действительности, что характерно для предложения как основной единицы речевого общения. Словосочетание, в отличие от предложения, не является ком-

⁷ Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958. – С. 59-60.

⁸ Понятия «синтаксические связи слов» и «синтаксические отношения между словами» в лингвистической литературе обычно отождествляются.

⁹ Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Сб. «Вопросы грамматического строя». – М., 1955. – С. 31.

мутативной единицей речи¹⁰. В тюркском языкознании в основном признается, что предикативные отношения (связи) возможны только между подлежащим (субъектом) и сказуемым (предикатом) в составе предложения¹¹. В то же время в тюркском языкознании вполне установлено, что предикативные связи, находящие свое выражение в категории сказуемости, исторически развивались из определительно-обстоятельственных связей, из спряжения глагольных имен¹².

Объединенные одинаковой синтаксической функцией, но независимые по отношению друг к другу слова в предложении (однородные члены предложения) вступают в сочинительные отношения. В отличие от сочетания таких слов, словосочетание всегда предполагает заимость одного слова от другого.

Между господствующим и зависимым компонентами словосочетания устанавливаются подчинительные синтаксические связи (отношения) – определительные, обстоятельственные и объектные. Определительные синтаксические связи обобщают зависимые смысловые отношения между признаком и его носителем. Обстоятельственные синтаксические связи указывают на различные зависимые смысловые отношения (пространственные, временные, причинные, образа действия и т.д.) между качественно-определятельным признаком и действием или признаком. Объектные синтаксические связи указывают на различную степень направленности действия на предмет (прямой или косвенный объект) либо на обратную направленность прямого или косвенного объекта на психофизическое восприятие субъекта. При этом переходное действие (или его негативная разновидность – чувственное восприятие), выражаемое глаголом переходной семантики, конкретизируется, определяется зависимым объектом (именем существительным). Следовательно, синтаксические объектные связи обнаруживают органическое единство со смысловыми (лексико-семантическими) отношениями сочетающихся имени и переходного глагола¹³.

Синтаксические связи между словами в каждом языке выражаются своими синтаксическими (порядок слов) или морфологическими

¹⁰ Виноградов В.В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» // «Известия АН СССР», ОЛЯ. – 1954, вып. 6. – С. 498.

¹¹ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948. – С. 202-203; Севортян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках // Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. – М., 1961. – С. 5.

¹² Насилов В.М. Аффиксы включения // Сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока». – М., 1958. – С. 43; Севортян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. – С. 6-7.

¹³ Смирницкий А.П. Синтаксис английского языка. – М., 1957. – С. 56. В целом же остается справедливым замечание Ж. Вандриеса: «Расхождение между грамматикой и логикой состоит в том, что грамматические категории и логические очень редко покрывают друг друга; почти никогда число первых и вторых не совпадает» (Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М., 1937. – С. 112).

(словоизменительные формы) средствами. «Средства выражения синтаксических отношений являются одним из тех элементов, из которых складываются типологические особенности языка»¹⁴.

Основными способами (типами) синтаксических связей в тюркских языках, как и в русском языке¹⁵, обычно считаются согласование, управление и примыкание. «В языке орхоно-енисейских памятников, – отмечает проф. В.М. Насилов, – уже достаточно стабилизировались три типа словосочетаний, которые продолжали дифференцироваться в ходе исторического развития многочисленных тюркских языков: примыкание, т.е. композиция слов в их основной форме без аффиксального обозначения грамматических отношений, управление, когда зависящее слово оформляется в определенном падеже под влиянием управляющего слова, согласование, которое является взаимодействием категории лица в имеющихся компонентах словосочетания. Кроме того, существуют изафетные словосочетания, выражающие релятивные или посессивные взаимоотношения составляющих компонентов, что формально выражается личным аффиксом принадлежности»¹⁶. Имеющие место в исследованиях по современным тюркским языкам попытки выделения других типов синтаксических связей обусловлены различным пониманием языковых явлений. Так, в определительных словосочетаниях типа киргизского *окуучу китеби* «ученическая книга» (так называемый II тип «изафета»: определение выражено существительным в неоформленном падеже, определяемое – существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица) обнаруживают «соприложение»¹⁷, согласование¹⁸ или примыкание¹⁹; в определительных же словосочетаниях типа киргизского *окуучунун китеби* «книга ученика» (так называемый III тип изафета): определение выражено существительным в притяжательном-родительном падеже, определяемое – существительным с аффиксом

¹⁴ Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. – Фрунзе, 1940. – С. 3.

¹⁵ «Многообразие форм сочетания слов, принадлежащих к разным частям речи, соответствует разнообразию синтаксических отношений между членами словосочетания. В русских грамматиках со времени Буслаева и Потебни принято все это многообразие сводить к трем основным категориям синтаксических связей (или отношений): согласования, управления и примыкания» («Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. – М., 1954. – С. 22).

¹⁶ Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. – М., 1960. – С. 71.

¹⁷ Боровков А.К. Природа турецкого изафета // Сб. «Академику Н.Я. Марру». – М.-Л., 1935. – С. 174.

¹⁸ Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. – С. 12.

¹⁹ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.-Л., 1950. – С. 39.

принадлежности) находят управление²⁰, согласование²¹ или даже «соподчинение»²². По причине такой несогласованности мы вынуждены остановиться на характеристике основных типов синтаксических связей слов в древнетюркском языке.

Согласование (грамматическое уподобление) в тюркских языках является способом выражения предикативных и определительных связей посредством морфологических показателей лица и числа. Согласование в языке памятников древнетюркской письменности может выражаться в лице и, реже, в числе между подлежащим и сказуемым²³, между определением, выраженным притяжательным местоимением или существительным в форме притяжательного-родительного падежа, и определяемым именем существительным (соответственно глагольным именем в функции предикативного компонента развернутого члена предложения). Например: *İnim Kүл тегін кергэк болты, өзім сақынтым* (КТб., 50) «Мой младший брат, Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел»; *Біз йемэ сүләдіміз, аны ертіміз* (Тон, 44) «Мы еще воевали и преследовали их»; *Беш йүз ерэн келті* (Ха, 11) «Пришло пятьсот мужей»; *Менің сабымын сымады* (Хб, 14; КТм., 11) «Моей речи (на памятнике) они не исказили»; *Тоған қушың тырнақы өгүшүпэн қалыу бармыш* (ThS, 67) «Когти сокола вцепились (в зайца), и он (сокол) поднялся ввысь»; *Оларның ташмышын көрүп, ол Кү тау бег өтрү оларны оқыу, ынча, теп теді. «Елэңлэр едгүлэрім! Мен тірілмішкэ сізлэр негүлүк анча кед?» качар сізлэр?»* (Suv., 5) «Увидев их бегство (или: увидев, что они побежали), тот начальник по имени Кю-тау начал тогда звать их и сказал: «Приблизьтесь, мои хорошие! Почему это вы так быстро убегаете при моем воскрешении?»».

В рунических памятниках согласование в лице при выражении предикативной связи и связи определительной (когда определение выражено притяжательным местоимением или существительным в притяжательном-родительном падеже), т.е. в случаях, аналогичных

²⁰ Казем-бек Л. Общая грамматика турецко-татарского языка. – 2-е изд. – Казань, 1946. – С. 374; Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. Синтаксис. – СПб., 1987. – С. 8; Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. – Ашхабад, 1943. – С. 24; Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка, ст.). 39; Лебедева Л.И. Глагольное управление в киргизском литературном языке: Автореф. канд. дисс. – М., 1955. – С. 18.

²¹ Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. – С. 12; Коклянова А.А. Нормы согласования и современном узбекском языке // Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. – М., 1961. – С. 74.

²² Балакаев М.Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке. – Алма-Ата, 1957. – С. 19. В грамматической литературе давно уже бытует термин «соподчинение», однако он имеет совсем другое значение – соподчинение придаточных предложений по отношению к главному.

²³ В 3-м лице сказуемое морфологического показателя не имеет, однако своей «неоформленностью» противостоит сказуемым в других лицах и, следовательно, «согласуется» со своим подлежащим.

приведенным выше, иногда совершенно отсутствует²⁴. Например: *Екі бың эртіміз, біз екі су болты* (Тон., 18) «Нас было две тысячи, нас стало два войска»; *Біздің сү аты туруқ, азуқы йоқ ерті* (КТб., 39) «Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было»; *Үчінч Йегін Сіліг бегің кедімліг торығ ат бініп тегді* (КТб., 33) «В третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега и произвел атаку».

Интересно отметить также необычное с точки зрения современных тюркских языков отсутствие согласования в 1-м и 2-м лицах между подлежащим, выраженным возвратным местоимением *өзүм* «я сам», *өзүң* «ты сам», и сказуемым в «Кутадгу билиг»: *Өзүм арзулады аның қабғына* (QBW, 29₆) «Я сам пожелал быть при его дверях (т.е. в услужении у него)»; *Йазуқ үзрі қолдун, қутулды өзүң* (QBN, 59₃) «Ты просил прощения своих прегрешений – (и вот) ты спасся». Между посессивным подлежащим (*өзүм* исторически означало «моя самость, мое естество», *өзүң* – «твоя самость, твое естество») и «неоформленным» сказуемым в приведенных выше примерах наблюдается «согласование» в 3-м лице.

Примыкание как способ выражения подчинительных связей посредством порядка слов характеризуется в лингвистической литературе «не только синтаксической зависимостью и соседством двух слов, но и морфологической неоформленностью примыкаемого»²⁵. Если приемлемо такое традиционное понимание примыкания по отношению к языку памятников древнетюркской письменности, то факты заставляют нас выделить вслед за М.Д. Лесником²⁶ особый способ связи слов – так называемое «падежное примыкание» (морфологическое оформление примыкающего слова падежным аффиксом) – в определительных словосочетаниях типа *бізің сү* «наше войско» (КТб., 39), *сізің ер ат* «ваше геройское имя» (Е. 26₁₃), *Байырқуның ақ адғырығ* (КТб., 39) «белого жеребца из Байырку» и, в равной мере, между интонационно обособленными или в какой-то степени адвербиализованными падежными формами имен, выступающими в предложении в роли различных обстоятельств (времени, места,

²⁴ Так, еще В.В. Радлов подметил: «...Когда в древнетюркском языке ставится впереди Genitiv равно как и Genitiv местоимения, местоименный аффикс 3-го лица может не прибавляться, что во всех остальных тюркских языках невозможно» (Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, SPb., 1897. – С. 104). Ср. отмечаемые в живой разговорной речи сочетания типа: казах. Сен жақсы «Ты хороший», *біздің колхоз* «наш колхоз»; узб. Кўшининг тинч, сен хам тинч (поговорка) «Спокоен твой сосед, спокоен и ты»; Биз эски солдат, жонидан (Айбек) «Мы старые солдаты, дорогой». См.: С. Аманжолов. Қазақ тілі ғылыми синтаксисінің қысқа курсы (Краткий курс синтаксиса казахского языка в научном освещении). – Алма-Ата, 1940. – С. 36, 94; Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.–Л., 1960. – С. 350.

²⁵ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.–Л., 1945. – С. 70.

²⁶ Лесник М.Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке // Сб. «К вопросу управления (приглагольного и приименного)». – Рига, 1957. – С. 29.

причины, образа действия, сравнения и т.д.), и сказуемыми (именными или глагольными), например: *Теңрі елім-кэ елчісі ертім* (Е, 1) «Я был посланником у божественного моего государства»; *Теңрі елім-тэ йемліг бен* (Е, 3) «В моем божественном государстве я (теперь) добыча» (представляющий пищу для воронья и зверья, ср. узб. *емтик* «пища, еда», казах. *жемтік* «падаль»); *Аны суб-уғ баралым* (Тон., 27) «Да отправимся мы (именно) рекой Аны!»; *Алтун йысығ йолсуз-ын асдым* (Тон., 35) «Я без дороги перевалил Алтунскую чернь»; *Йалнус-ун йорыйур* (ThS, 59) «Он ходит в одиночку»; *Күл тегін қон йыл-қа йеті йегірмі-кэ учды* (КТб.. табл. XIX) «Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день»; *Іріг сөз-кэ ағрыр көңүл* (QBQ, 200) «От резких слов скорбит (болит) сердце»; *Оот-қа көймэгэй* (Tis., 49a) «Он не сгорит в огне».

Стремясь к большему уточнению и расчленению системы способов выражения синтаксических связей в различных языках, И.И. Мещанинов в числе других выделил синтаксический прием оформления самостоятельных по своему значению в предложении слов (членов предложения), который он назвал «сепаратизацией» и противопоставил связям слов в словосочетании²⁷. Несомненно, что словосочетания как реальные языковые единицы всегда выступают не сами по себе, а только в предложении, этом «главном средстве формирования, выражения и сообщения мысли»²⁸. Поэтому «падежное примыкание» (см. вышеприведенные примеры), отличающееся как от примыкания, так и от управления, можно в какой-то мере сопоставить и с синтаксическим способом (приемом) сепаратизации. Следует лишь отметить, что этот способ характеризует не столько связи слов в словосочетании, сколько их соотносимость в структуре целого предложения.

Собственно примыкание в языке памятников древнетюркской письменности, как и в современных тюркских языках, является обычным синтаксическим способом выражения определительных и обстоятельственных связей в именных и именно-глагольных словосочетаниях²⁹. Например: *Ол амты аһығ йоқ, түрк қаған Өтүкэн йыш олурсар, елтэ буң йоқ* (КТм., 3) «Если в Отюкенской черни сидит (т.е. обитает) тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то в племенном союзе нет скорби». В этом весьма характерном для древнетюркских памятников предложении почти все слова (за исключением обстоятельного сочетания *елтэ йоқ* «в государстве нет», где мы усматриваем «падежное примыкание») связаны между собой способом примыкания и, в целом, определенным порядком расположения (зависимый

²⁷ Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – С. 79.

²⁸ Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Сб. «Вопросы грамматического строя». – М., 1955. – С. 389.

²⁹ Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. – С. 71: «Примыкание представляет определительную или обстоятельную композицию слов».

компонент примыкает к следующему за ним господствующему компоненту, иногда следующему даже через несколько слов): определительная связь – *ол қаған* «тот каган», *амты аһығ* «теперешняя порча», *аһығ йоқ қаған* «каган, не имеющий порчи» (между *аһығ йоқ*; и *қаған*), *түрк қаған* «тюркский каган», *Өтүкэн йыш* «Отюкенская чернь»; обстоятельственная связь – *йыш олурсар* «если сидит в лесистых горах»; предикативная связь – *аһығ йоқ*, «порчи нет», *буң йоқ* «печали нет, скорбь отсутствует», *қаған олурсар* «если сидит каган». Предикативная связь, когда она осуществляется примыканием, непосредственно сближается со связью определительно-обстоятельственной, а именно – *қаған олурсар* может восприниматься как обстоятельственное словосочетание со значением «если сидит каганом», «если восседает в качестве хана».

Как уже было отмечено В.В. Радловым³⁰, примыкание в древнетюркских языках имеет большую сферу распространения, чем в современных тюркских языках. Поскольку же в языке древнетюркских памятников примыкание может выступать почти универсальным способом выражения любых синтаксических отношений, отражая в какой-то мере картину древнейшего аморфного состояния тюркских языков, мы должны при установлении синтаксических связей слов учитывать их смысловую сторону. Рассмотрим в этом плане объектные словосочетания.

Объектные связи имени и глагола (или глагольного имени) выражаются постановкой зависимого имени существительного в падеже прямого или косвенного объекта, требуемого смысловым содержанием глагола переходного действия (в этом, скажем сразу, состоит сущность и назначение глагольного управления). Объектные связи в языке памятников древнетюркской письменности уже достаточно обособились от определительно-обстоятельственных, благодаря закреплению основных значений винительного падежа и некоторых значений косвенных падежей (дательно-направительного, местно-исходного и инструментального) за выражением объекта действия при переходном глаголе. Рассматривая объектные словосочетания в составе предложения, где они выступают в синтагме дополнение – глагольное сказуемое (или предикативный компонент развернутого члена предложения), нельзя не согласиться с выводом И.И. Мещанинова, сделанным на основе тщательного сравнения языков различных типологий: «Решающим является не падеж с его грамматической формой, а синтаксическая позиция, занимаемая соответствующим членом предложения. Таким членом предложения является прямое дополнение тогда, когда оно выполняет возложенное на него назначение передавать предмет, на который направлено продуктивное действие»³¹.

³⁰ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – С. 98.

³¹ Мещанинов И.И. Различные построения членов предложения и связи с отношениями субъекта и объекта, — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1 (13). – М., 1961. – С. 10.

Так, в объектных словосочетаниях имя существительное при глаголе переходного действия может факультативно стоять в форме основного (неопределенного, неоформленного) падежа, например: *кейік йүйү* «питаюсь оленями» (Тон., 8). *Ақ термэл кечэ* «переправившись через (реку) Ақ термель» (Тон., 25), *елігчэ ер тутдымыз* «около пятидесяти человек мы пленили» (Тон., 42). *орду йапмыш* «он построил дворец» (ThS, 41), *алтун алғай* «он возьмет золото» (Ulg. I, 23-24) и т.п. Если исходить исключительно из формы, то в таких объектных словосочетаниях следовало бы признать примыкание, а «падежное примыкание» отнести целиком к управлению, что и делается в большинстве описательных грамматик тюркских языков. Однако такой формально-механический подход к языковым явлениям не имеет ничего общего с синтаксическим изучением языка. Любая синтаксическая конструкция определяется именно смысловым назначением ее в процессе общения³². Таковым назначением глагольного управления, например, является выражение объектных связей в словосочетании. Поэтому мы должны признать способность управлять, т.е. способность образовывать объектные словосочетания, только у глаголов с семантикой переходного на объект действия. Поскольку же оформленность или неоформленность объекта в памятниках древнетюркской письменности зависит зачастую от определенности или неопределенности, от конкретности или обобщенности объекта, следует рассматривать форму неопределенного падежа в объектных словосочетаниях как винительный (объектный) неоформленный падеж». В этом случае следующее замечание И.А. Батманова вовсе не покажется парадоксальным: «Хотя формально (основной падеж не управляется, тем не менее мы относим его к числу управляемых форм, если он выражает объект действия»³³.

Переходим теперь к рассмотрению различных точек зрения на управление. В тюркском языкознании в понимании управления как одного из типов синтаксической подчинительной связи слов много противоречивого. Единства взглядов на управление нет и в русском языкознании, оказавшем и оказывающем большое влияние на тюркское языкознание.

Распространенным является мнение о том, что «грамматический процесс управления фактически связывается с употреблением падежей»³⁴. Таким образом, любой случай употребления падежной формы принимается за управление.

Во многих современных грамматиках тюркских языков содержится утверждение, что глагол может управлять не только дополнениями,

³² Насилов В.М. Имена в уйгурском языке // Сб «Вопросы языка и литературы стран Востока». – М., 1958. – С. 30.

³³ Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. – С. 14.

³⁴ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – С. 206. Ср. также: Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – С. 59; Медведева Л.Я. Падежное управление побудительных глаголов в современном уйгурском языке // Сб. «Тюркологические исследования». – М.-Л., 1963. – С. 112.

но и обстоятельством (времени, места, причины, цели и образа действия) в падежной форме. При этом исследователи сами замечают, что они подводят под управление разные явления, «Однако нужно заметить, что обстоятельства (особенно обстоятельства времени и места) гораздо слабее связаны со своим управляющим глаголом, чем, например, дополнение: обстоятельства могут относиться не столько к одному члену предложения, сколько ко всему предложению (разрядка наша – А.А.) и в этом случае они могут стоять в самом начале предложения, левее зоны подлежащего»³⁵.

Собственно говоря, такое понимание управления в тюркских языках ничем не отличается от точки зрения автора «Русского синтаксиса в научном освещении» (1914 г.) А.М. Пешковского, который придавал первостепенное значение формальным показателям и поэтому любую падежную форму в предложении считал управляемой. Термины А.М. Пешковского «сильное управление» и «слабое управление» имеют хождение в некоторых исследованиях по глагольному управлению в тюркских языках³⁶.

А.М. Пешковский под «сильным управлением» понимал наличие необходимой связи между падежной формой имени существительного (с предлогом или без него) и «словарной или грамматической стороной глагола». В так называемом же «слабом управлении», по мнению А.М. Пешковского, внутренняя связь отсутствует: «Поскольку сочетание это выражает не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно вообще, что оно приложимо к любому глаголу»³⁷.

В противовес точке зрения, когда любая падежная форма считается управляемой, отдельные языковеды предпочитают не ставить вопрос об управлении как способе синтаксической подчинительной связи компонентов словосочетания³⁸. В.А. Богородицкий со всей определенностью заявлял: «Заметим, что употребление глаголов

³⁵ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – С. 214.

³⁶ Асланов В.И. Некоторые вопросы глагольного управления в памятниках азербайджанского языка в сравнительном освещении (переходные глаголы): канд. дисс. – М., 1960. – С. 13, 15 и др; Офросимова-Серова Л.Г. Управление переходных глаголов уйгурского языка // «Ученые записки Института международных отношений». Серия филологическая. – М., 1961, вып 5. – С. 182. Последний автор заменяет понятие «слабое управление» понятием «несильного управления», которое своеобразно усматривается в сочетаниях прямо-переходных глаголов с формами дательного и исходного падежей и в сочетаниях непереходных глаголов движения с формой винительного падежа, т.е., по нашему мнению, в обстоятельственных словосочетаниях, связанных способом «падежного примыкания».

³⁷ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – изд. 6. – М., 1938. – С. 270.

³⁸ Петересон М.Н. Лекции по современному русскому литературному языку. – М., 1941. – С.100; Баскаков Н.А. Словосочетания в каракалпакском языке // Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. – М, 1961. – С. 50.

в соединении с тем или другим падежом представляет собой вовсе не управление глагола именем, а лишь сочетание глагола с данной падежной формой, вызванное взаимным соответствием их при выражении данной мысли»³⁹. Недооценка смысловой стороны управления приводит к его отождествлению с «категорией склонения»⁴⁰.

Зависимость управления определенной падежной формой имени от лексического значения управляющего компонента словосочетания отмечается уже А.Х. Востоковым⁴¹ и одним из зачинателей тюркологии в России А. Казем-беком⁴².

Основополагающую и, пожалуй, наиболее плодотворную для понимания сущности управления мысль о необходимости отграничения категории управления от любых случаев синтаксического употребления падежных форм высказал впервые А.А. Потебня: «Чтобы понятие управления не расплзлось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого (напр., винительный прямого объекта при действительном глаголе, падеж с предлогом при предложном глаголе, как «надеяться на Бога»). Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи. Другими словами, связь между дополняемым и дополнением может быть теснейшая и более отдаленная»⁴³. Вслед за А.А. Потебней, другой видный русский лингвист Д.Н. Овсянко-Куликовский⁴⁴ отметил, что косвенный падеж имени существительного (например, творительный сравнения и превращения, творительный времени, родительный даты) может примыкать к глаголу.

Отсюда с необходимостью вытекало признание отличного от управления и примыкания способа синтаксической связи слов, когда падежная форма зависит не от лексического значения глагола, а вызывается содержанием предложения в целом (Д.Н. Овсянко-Куликовский фактически уже обосновал термин «падежное примыкание», А.М. Пешковский подводил это явление под понятие «слабого управления»).

Особо подчеркнул семантическую природу управления, решающую роль лексического значения управляющего слова Л.В. Щерба: «Следует предостеречь от общераспространенного предрассудка, будто управление слов определяется грамматикой: на самом деле

³⁹ Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – изд. 5. – М.-Л., 1935. – С. 222.

⁴⁰ Баскаков Н.А. Простое предложение в каракалпакском языке // Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. – М., 1961. – С. 71.

⁴¹ Востоков А.Х. Русская грамматика. 1831. – С. 244.

⁴² Казем-бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. – С. 381-386. 391-394.

⁴³ Потебня А. Из записок по русской грамматике, I. Введение, II. Составные члены предложения и их замены. – изд. 2. – Харьков, 1888. – С. 115.

⁴⁴ Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1902. – С. 236.

оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого слова, а поэтому является фактом словаря»⁴⁵. Материалы древнетюркских памятников письменности и современных тюркских языков убеждают, что управление должно быть определено как синтаксический способ выражения объектных связей (отношений объекта к переходному действию), которые в синтаксическом и лексико-семантическом плане органически едины. Управление – способ синтаксической подчинительной связи компонентов объектного словосочетания, где падежная форма зависимого (управляемого) имени обусловлена лексико-семантическим содержанием господствующего (управляющего) слова.

Историческое становление категории управления связано, в первую очередь, со специализацией винительного падежа в качестве падежа прямого дополнения при переходном глаголе⁴⁶ и, соответственно, с выделением объектных связей из определительно-обстоятельственных. В глубокой алтайской древности, когда имя и глагол еще не разграничивались в формальном отношении⁴⁷, а синтаксические связи выступали недифференцированно как определительно-обстоятельственные связи вообще, не было и категории управления как способа выражения объектных связей. В памятниках древнетюркской письменности уже обнаруживается достаточная дифференциация объектных и определительно-обстоятельственных связей, дифференциация имен от глаголов, дифференциация самих глаголов по категории переходности – непереходности. Однако несмотря на сосредоточение объектных значений в винительном падеже, позволяющем говорить об управлении переходных глаголов винительным падежом объекта, пережиточно в самом винительном падеже сохранились некоторые «пространственные» (обстоятельственные) значения, а в так называемых «пространственных» падежах – в какой-то мере объектные значения. Не будет преувеличением сказать, что в древнетюркском языке в известных случаях при любом самостоятельном глаголе могла быть употреблена любая падежная форма.

Так, например, в древнетюркских памятниках сохраняется пережиточно, в ограниченном числе случаев, свободное употребление аффикса винительного падежа (так называемый винительный пространственный) при непереходных глаголах движения. В свою очередь, формы косвенных падежей, выражая преимущественно обстоятельственные связи, имеют в предложении зачастую довольно свободное грамматическое употребление, независимое от других слов, и способны к взаимозаменяемости. Глубоко верно заметил О. Есперсен:

⁴⁵ Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. – М., 1947. – С. 93.

⁴⁶ Десницкая Л.В. К вопросу о прохождении винительного падежа в индоевропейских языках // «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 6. – М., 1947. – С. 499.

⁴⁷ Котвич В. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962. – С. 65.

«...Падеж есть категория чисто грамматическая (синтаксическая), а не понятийная в настоящем смысле слова»⁴⁸.

Способностью управлять падежными формами имен обладает главным образом глагол в своих личных (*verbum finitum*) и неличных формах (причастие, деепричастие, имя действия и глагольное имя, обладающее свойствами имени и глагола). Форма глагола и его синтаксическая функция в предложении совершенно не влияют на его управление. Несколько своеобразнее и поэтому нуждается в специальном изучении «управление» послелогов, нередко восходящих к деепричастной форме глагола, например: *тегі* «вплоть, до» (КТб., 8; *тег-* «доходить, касаться»), *аша* «через, за, по ту сторону» (КТб., 21; *аш-* «переходить, переваливать»), *бару* «с, начиная с» (Мат. I, 11; *бар-* «идти, отправляться») и др.⁴⁹

Задачей исследования глагольного управления, как мы его понимаем, является не регистрация допустимой в составе развернутого предложения факультативной сочетаемости падежных форм с глаголом, а установление строго обязательной для каждого объектного словосочетания падежной формы имени, управляемой глаголом переходного на объект действия, и выявление смысловых, структурных и синтаксических особенностей этих словосочетаний.

В тюркских языках управление глагола является, несомненно, результатом лексико-семантических свойств самого глагола. Само же лексико-семантическое свойство глагола характеризуется выражением переходности или непереходности действия. Одни глаголы выражают такие действия, которые переходят непосредственно на предмет (лицо, живое существо, предмет, явление), другие же глаголы выражают действия, не вызывая при этом представления о лицах или предметах, на которые это действие переходит. Первые принято называть переходными, вторые – непереходными. Таким образом, глагольное управление теснейшим образом смыкается с категорией переходности – непереходности глагола.

Категория переходности – непереходности распространяется прежде всего на объектный, винительный падеж. Однако объектное отношение не является всегда одинаковым и неизменным⁵⁰. Переходные глаголы, т.е. глаголы, обладающие способностью управлять объектом, могут иметь объект как в винительном оформленном или неформальном падеже (прямой объект), так и в некоторых косвенных падежах (косвенный объект). В первом случае мы имеем собственно переходный (прямо-переходный) глагол, во втором случае – косвенно-переходный глагол. Для обозначения глаголов, употребляемых с объектами всех видов, вполне оправдан также термин «объектные глаголы»⁵¹

⁴⁸ Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958. – С. 212.

⁴⁹ Насилов В.М. Язык орхон-енисейских памятников. – С. 41-42.

⁵⁰ Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М., 1935. – С. 327.

⁵¹ Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. – М., 1954. – С. 96.

Грамматически слова, выражающие объект (лицо, живое существо, предмет, явление), на который направлено действие, могут рассматриваться как особый член предложения, к которому мы применяем термин «дополнение». Управляющий же глагол (и глагольные формы) может выступать в предложении в функции как сказуемого, так и любого другого члена предложения⁵².

Итак, объектные связи имени и глагола оформляются грамматически падежными формами имени, связанного с глаголом определенного содержания. Соответственно при управляющем глаголе мы имеем прямое и косвенное дополнения (прямой и косвенный объекты).

При изучении глагольного управления мы исходим в первую очередь из лексико-семантических и структурных особенностей глагольных основ, выступающих как господствующий, управляющий компонент объектного словосочетания, а затем устанавливаем управляемые падежные формы имен⁵³ при различных по всей семантике и структуре группах глаголов. Как показывают немногочисленные исследования по глагольному управлению в тюркских языках, специфика глагольного управления затушевывается, если отправляться, в первую очередь, из значений и синтаксических функций падежей, подразделяя их на пресловутые «сильноуправляемые», «несильноуправляемые» и «слабоуправляемые», а затем объединять глаголы по способности сочетаться с одним, двумя, тремя и четырьмя падежами. При последнем подходе работа о глагольном управлении, которое имеет местотольковообъектномсловосочетании, превращается в исследование о синтаксических функциях различных падежей (кроме родительного падежа) в предложении.

По своей структуре древнетюркские глаголы делятся на непроизводные (или корневые) и производные. Производные глаголы образуются двумя путями: 1) морфологическим, т.е. аффиксацией (синтетические глаголы) и 2) синтаксическим, т.е. словосложением (аналитические глаголы). В соответствии со структурно-семантическими особенностями управляющего глагола целесообразно рассмотреть весь языковой материал древнетюркских письменных памятников сначала дифференцированно (управление корневых глаголов, управление производных аффиксальных глаголов и управление производных аналитических глаголов), а затем отметить их характерные общие черты в управлении определенными падежными формами. В каждой из последующих глав особо отмечается теснейшая связь категории переходности – непереходности с управлением основных структурных типов глагола.

⁵² «Линия “сказуемое – дополнение” является... частным случаем более общей линии, которая вскрывается в сочетании “дополнение – управляющий глагол” (Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – С. 212).

⁵³ Управление глаголов глагольными именами принципиально ничем не отличается от управления собственно именами и также подлежит рассмотрению в синтаксисе словосочетания.

Прежде чем перейти к конкретному анализу языкового материала, заметим, что управляемое имя, согласно общему для тюркских языков правилу, обычно ставится перед управляющим глаголом. Между управляемым именем (дополнением) и глаголом могут находиться ближайшие определения к глаголу – обстоятельства. Косвенное дополнение обычно отстоит дальше от глагола, чем прямое дополнение. Более свободный порядок слов наблюдается в больших рунических надписях на камне, определенно отражающих ораторскую речь древних тюрков⁵⁴, и в стихотворных произведениях («Кутадгу билиг»), где инверсия обусловливается требованиями рифмы и стилистической выразительности, например: **Келүртім** өк Түрк бодунуғ Өтүкэн йеркэ... (Тон., 17) «Как только я привел тюркский народ в землю Отюкен...»; *Ол күнтэ* тегті Түрк бодун *Темір қапығқа* (Тон., 46) «В те дни достиг (!) тюркский народ Железных ворот»; *Көні сөз ачығ ол* **сіңүргіл** аны, *Йарын асғы келгэй сүчітгэй* *сені* (QBW, 164) «Правдивое слово горько – восприми его, завтра оно пригодится и доставит тебе наслаждение».

⁵⁴ В.В. Радлов отмечал в «Памятнике в честь Кюль-Тегина» случаи, когда прямое или косвенное дополнение, принимая на себя логическое ударение, ставится в начале предложения, впереди всех остальных его членов (Radloff W. Die alttiirkischen Inschriften der Mongolei. – С. 129). Разнообразные явления инверсии мы находим и в «Памятнике Тоньюкука», хотя Г. Айдаров отрицает их наличие, за исключением «единственного примера» (Айдаров Г. О языке памятника Тоньюкука и его отношении к некоторым современным тюркским языкам: Автореф.канд. дисс. – Алма-Ата, 1959. – С. 22). Показательна попытка «исправить» инверсию в той же надписи, в результате чего «фраза хорошо укладывается в четверостишии» (Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI—VIII веков. – М., 1965. – С. 145).

ГЛАВА II

УПРАВЛЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО КОРНЕВОГО ГЛАГОЛА

Корневые глаголы выражают древний круг наиболее необходимых глагольных понятий. Корневой (непроизводный) глагол представляет в языке памятников древнетюркской письменности неразложимое в языковом восприятии слово с реальным лексическим значением (в основе синтетического-производного глагола выделяется живой корень и живой глаголообразующий аффикс). Корневые глаголы можно разделить на односложные и двусложные.

Корень (непроизводная основа) глагола в тюркских языках при рассмотрении его в сравнительно-историческом плане зачастую оказывается производной основой⁵⁵, т.е. состоит из древнего корня и древнего аффиксального элемента. Так, А.А. Зайончковский весьма убедительно показал возможность реконструкции ряда первичных глагольных корней типа «согласный+гласный» путем сопоставления древнетюркских корневых глаголов, например: **ад-<адын-* «дивиться, изумляться», *адыр-* «отделять, различать», *абыл-* «опаматоваться, вытрезвиться», *адыш-* (МК: *эр адақы адышды* «человек широко расставил ноги»); **йа-<йал-* «загораться, воспламеняться», *йақ* «поджигать топливо», тур. *йан-* «сгореть, загораться», **йа-<йай-//йаН-* «простираться, расстилаться, распространяться», *йад-* «распространять», *йат-* «лежать»; **то-<тод-* «насыщаться, быть сытым», *тол-* «наполняться», *топ-* «складывать слоями», *тош-* «наполнять, делать полным» и т.д.⁵⁶ «Омертвление ряда корней или основ объясняется утратой грамматического значения некоторыми ныне вполне продуктивными аффиксами...»⁵⁷. Например, в большинстве современных тюркских языков глаголы *сын-* «сломаться», *айт-* «говорить, сказать» являются корневыми

⁵⁵ Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке, М.-Л., 1954. – С. 33; Deny J. Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie), Paris, 1955, § 226 («Термины корень, первообразное слово и непроизводное слово имеют условное и временное значение»).

⁵⁶ Зайончковский А.К. вопросу о структуре корня в тюркских языках // «Вопросы языкознания», 1961, № 2. – С. 31-32.

⁵⁷ Юнусалнев Б.М. Развитие корневых слов в киргизском языке: Автореф. докт. дисс. – М., 1953. – С. 21.

(непроизводными) глаголами, а в памятниках древнетюркской письменности они выступают как залоговые образования *сын-* «ломаться, быть сломанным» (ThS, 10; QBW, 17) и *айыд-//айым-//айт-* «заставить, приказывать говорить; спрашивать» (Тон., 34; Suv., 610; KB II, 60; ср. чуваш, *ыйт-* «спрашивать») от корневых глаголов *сы-* «ломать, разрушать, нарушать» (КТм., 11; Тон., 19; Chuast., 92) и *ай-* «говорить» (Тон., 31; Chuast., 153; Hib., 1).

Управление древнетюркского корневого глагола, являясь результатом лексико-семантических свойств данного глагола, связано с категорией переходности и непереходности. Переходность глагола выражается в существенном влиянии глагольной основы на падеж имени. Падежная форма имени (преимущественно винительный падеж) в таком объектном словосочетании зависит от переходной семантики глагола.

Переходность и непереходность корневого глагола в языке рассматриваемых памятников, как и вообще в тюркских языках, – лексико-семантическая, присущая самой основе глагола, категория, проявляющаяся синтаксическим путем через управление определенными падежными формами.

В зависимости от заложенного в основе глагола лексического значения все корневые глаголы делятся на переходные и непереходные. Такие переходные глаголы, как *іл-* «прицеплять, вешать» (КТм., 5), *көл-* «запрягать» (ThS, 38), *ет-* «устраивать, делать» (КТб., 21; Suv., 16), *ар-* «прельщать, соблазнять, обманывать» (КТм., 5), *кес-* «резать» (ThS, 13), *ич-* «пить» (ThS, 26), *ба-* «привязывать» (ThS, 19; Тон., 27; Suv., 7; Chuast., 110) и многие другие выражают различные отношения действия к своему объекту и по существу только они могут управлять именем в падежной форме. Глаголы же типа *бол-* «быть» (ThS, 35; КТм., 1; Тон., 14; Suv., 608), *күл-* «смеяться» (QBW, 14), *емгэ-* «мучиться, испытывать бедствия» (QBW, 25.), *йат-* «лежать» (ThS, 31; КТб., 24), *ар-* «уставать» (ThS, 25), *түкэ-* «кончаться» (ThS, 4; Suv., 6), *ес-* «дуть, веять (о ветре)» (QBW, 13), *көч-* «переезжать, переселяться» (МК), *ери-* «таять, уничтожаться» (QBW, 38), *көй-//күй-* «гореть» (Tiš., 49a; Suv., 624), *сүчи-* «быть сладким» (MW, 187), *ары-* «быть чистым, очищаться» (ТТ VIII, 18) и т.п., т.е. глаголы со значениями состояния, процесса, движения и положения в пространстве, выражают отношения к субъекту действия и являются непереходными. Непереходные глаголы не обладают (если не происходит переосмысления или конкретизации их значения) способностью управлять объектом и поэтому в данной работе специально не рассматриваются. Таким образом, мы видим теснейшую связь категории переходности и непереходности глагола с его управлением.

1. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОРНЕВЫМИ ГЛАГОЛАМИ И ПРЯМЫМИ ДОПОЛНЕНИЯМИ

Прямым дополнением (прямым или непосредственным объектом) управляет переходный глагол в собственном смысле этого слова. Прямое дополнение выражается в тюркских языках именем в винительном оформленном или неоформленном падеже.

Винительный падеж при управляющем глаголе в памятниках тюркской рунической, манихейской и древнеуйгурской письменностей выражается аффиксами: *-ғ, -г* (после гласных основ, т. е. после основ, оканчивающихся на гласный звук), *-ығ, -ig, -уғ, -ug* (после согласных основ, т. е. после основ, оканчивающихся на согласный звук), *-н, -ын, -ін, -үн* (после аффиксов принадлежности)⁵⁸. При личных и указательных местоимениях уже в памятниках манихейского и рунического письма употребляется аффикс винительного падежа *-ны, -ні*, который в более поздних древнеуйгурских памятниках встречается факультативно при любом имени и местоимении, вытесняя, таким образом, все предыдущие аффиксы. В.А. Богородицкий не без основания считал, что начальный *-н* в аффиксе винительного падежа *-ны, -ні* возник из конечного *-н* местоимений *мен//бен* «я», *сен* «ты». Аналогичной точки зрения придерживается К. Брокельман: «У местоимений *māni* «меня», *sāni* «тебя», *tunī* «этого», которые первоначально оканчивались на *i*, аффикс *nī* абстрагировался и был затем перенесен также на имя»⁵⁹. Факты древнетюркских памятников позволяют со всей определенностью возвести конечный *i* в местоимениях *мені, сені* к аффиксу винительного падежа *-ig* (*мені<мен+ig*), например: *Меніг атқанмақ* (ТТ VI, 462) «ручательство за меня». Остаток древнего аффикса винительного падежа *-ғ, -ығ, -ийг* в монгольском языке⁶⁰, можно усмотреть в турецком варианте показателя этого падежа *-ы, -і, -у, -ү*. Остальные же аффиксы винительного падежа характерны для большинства современных тюркских языков.

Согласно общему для тюркских и монгольских языков правилу, винительный падеж объекта не оформляется аффиксом в тех случаях, когда объект – предмет неопределенный или обобщенный. Отношения же между глагольной основой и прямым объектом, будь он в винительном оформленном или неоформленном падеже, остаются без изменения, например: *Ақ адғырығ удлықы-н сыйу урты* (КТб., 36) «Он погубил белого жеребца, сломав ему бедро»; *Ерклікін ерксізін бачағ сыдымыз* (Chuast., 119) «Вольно и невольно мы посты нарушали

⁵⁸ В рукописях манихейского содержания встречаются фонетические разновидности аффикса винительного падежа *-ағ, -эг* (после согласных основ) и *-ан, -эн* (после аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица).

⁵⁹ Brockelmann C. Osttiirkische Grammatik der islamiscnin Litteratursprachen Mittelasiens, Leiden, 1951-1954. – С. 154-155.

⁶⁰ Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957. – С. 37.

(букв. ломали)»; *Аз тутуқ-уғ елігін тутды* (КТб., 38) «Он собственно-ручно схватил тутука азов»; *Бірэгүсі бедүк беркэ тутмыш* (Suv., 5₁₀) «Один из них держал большую плеть».

Однако в памятниках рунической письменности винительный неформленный (основной, неопределенный) падеж употребляется и при определенном объекте. На это обстоятельство обратил внимание еще В.В. Радлов: «...Как и в остальных тюркских языках, в древнетюркском винительный падеж очень часто замещается неопределенным. Но в то время, как в остальных тюркских языках, употребление аффикса винительного падежа точно упорядочено, употребление аффикса винительного падежа в древнетюркском кажется полностью произвольным»⁶¹, например: *Ышбара йамтар боз ат-ығ бініп тегді* (КТб., 33) «Он произвел атаку, сев на белого коня (принадлежащего) Ышбара-Ямтару»; *Кул тігін Башғу боз ат бініп тэгді* (КТб., 37) «Кюль-Тегин произвел атаку, сев на белой масти коня Башгу»; *Ертіш үгүз-іг кечэ йорыдымыз* (КТб., 37) «Мы пошли (в поход), переправясь через реку Иртыш»; *Ақ термэл кечэ оғрақлатдым* (Тон., 25) «Переправясь через Ак-Термель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем».

Эта особенность в оформлении прямого объекта аффиксом винительного падежа отмечается и в куманском языке⁶². Неформленный винительный падеж при определенном объекте встречается и в современных тюркских языках⁶³. В казахской разговорной речи и устной поэзии слова с притяжательными аффиксами 1-го и 2-го лица нередко стоят в винительном неформленном падеже.

Рассмотрим взаимоотношения между корневыми глаголами и прямыми дополнениями (управляемыми именами в форме винительного падежа). С точки зрения отношений между действием и объектом прямое дополнение при собственно переходном корневом глаголе обладает рядом оттенков.

1. Собственно переходные корневые глаголы выражают прежде всего конкретные действия (*verba operandi*), непосредственно направленные на объект (предмет, лицо, живое существо), существующий независимо от действия, и производящие в нем какие-либо изменения. В таких объектных словосочетаниях мы имеем так называемый винительный падеж внешнего объекта.

К этому разряду относятся глаголы физического воздействия на предмет: *кес-* «резать», *сөк-* «распарывать, отдирать», *быч-* «разрезать, кроить», *санч-* «заколоть (копьем)», *йанч-* «мять, деформировать» (ср.

⁶¹ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. – SPb., 1897. – С.102.

⁶² Курышжанов А. Значение аккузатива в языке Codex Cumanicus // «Известия АН КазССР», Серия филологии и искусствоведения. – Алма-Ата, 1957, вып. 1 (6). – С. 47.

⁶³ Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 43; Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.-Л., 1950. – С. 122.

чагатайское *йанч*- «мять, давить, разминать, жать...»⁶⁴, казах. *жанш*- в том же значении), *буз*- «разрушать», *сы*- «ломать», *йул*- «вырывать; грабить», *қыс*- «жать, притеснять; принуждать», *бас*-«давить; напасть», *йық*- «повалить, опрокинуть», *ег*- «сгибать», *тыд*- «пресекать, препятствовать», *йімір*-//*йумур*- «сокрушить, повергнуть в прах, истребить» (ср. к.-калп. *жымыр*- «смять, деформировать»), *йод*- «истреблять, уничтожать; терять», *йит*- «погубить» (ср. тув. *чит*- «терять, утрачивать»), *ур*- «ударять, бить; поразить», *тоқы*- «ударить, поразить; забивать, вбить; волновать (воду)», *иіріш*- «осклабить; обнажить в улыбке (зубы)», *ач*- «открывать», *йум*- «закрывать, смыкать, жмурить (глаза)» и др.

Примеры: *Алтун коруғсақым-ын кылычын кесіпэн...* (ThS, 12) «Порезав золотое мое чрево мечом...»; *Ат узэ бінтүрэ, қар-ығ сөкдім* (Тон., 25) «Приказав сесть на лошадей, я пробился сквозь снеговой покров (букв. распорол снег)»; *Ет-өзүңүзлэр-ні бычып өңі кемішэйін* (Ulg. I, 41) «Раскрою-ка я ваши тела и разбросаю по сторонам!»; *Екі ер-іг удыш-ру санчды* (КТб., 36) «Двух мужей он заколол (копьем) одного за другим»; *Өрпэнтэ сүңүшдім сүсі-н санчдым* (X, 26) «Я сразился при Орпене и разбил («переколол») их войско»; *Йана қамағ темір-эг кентү йанчар* (Man. I, 8) «Снова все железо он сам деформирует» (A. von Le Coq: *durchbrechlien* «проламывать»); *Ебі-н барқы-н буздум* (X, 34) «Я разрушил их дома и постройки (? имущество)»; *Менің сабым-ын сымады* (КТм., 11) «Они не исказили («не изломали») моей речи»; *Сыңар сүсі еб-іг барқ-ығ йулғалы барды* (X, 32) «Одно (из двух) их войско отравилося грабить («вырывать»-) дома и строения»; *Ечүміз апамыз Бумын қазан төрт булуң-ығ қысмыш йығмыс йаймыш басмыш* (0,1) «Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил»; *Қырғыз бодун-ығ уда басдымыз* (КТб., 35) «Мы напали на кыргызский народ, когда он спал»; *Тамғаларымыз-ны басып бертіміз* (USp., 21) «Мы приложили («придавили») наши печати»; *Йарағсыз-ны йықты, елігін уруп* (KB II, 45) «Неугодного он повалил, ударив рукой»; *Егілмэз кіші-ні егэр бу кумуш* (QBQ, предисловие) «Это серебро сгибает несгибаемого (т.е. твердого) человека»; *Сені тыдтачы кім ерсэр болмағай* (Ulg. III, 47) «Никто не должен тебя пресекать»; *Амты муна бурханлығ кучүмін ташқару үнүтүрүп Адавакі йэкнің күвэнчліг тағы-н йімірэйін* (ТТ X, 18) «Теперь вот я желаю проявить свою силу будды и сокрушить гору высокомерия демона Адаваки (?); *Ку-дрэті бірлэ уған қадыр йумурды барчасы-н* (Rby., 283) «Силою своею истребил их всех Всемогуший Бог»; *Көңүлсүз кіші білгэ аты-н йодар* (QBN, 207) «Человек без вдохновения потеряет свою известность мудрого» (ср. у классика казахской литературы Абая Кунанбаева: *Журекте оты жоқ адамда ми болмас* «У человека, в сердце которого нет огня, отсутствует ум»); *Тіл арслан турур, көр, ешіктэ йатур, Сен. ебліг арсық*

⁶⁴ Будагов Л., Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1871. – С. 343.

ба-шың-ны йітүр (QBW, 17) «Язык – лев, смотри, он лежит в дверях. О ты, обманывающийся хозяин, он погубит твою голову»; **Бір ер-іг оқун урты** (КТб., 36) «Одного мужа он поразил стрелой»; **Тукэл сақлап, утру йағы-ғ урмыш ер** (QBN, гл. 43) «Он все бережет, и в результате он муж, побивающий врага»; **Болчу үгүздә үч қарлуқ-ығ анта тоқы-дым** (МЧ, 25-26) «У реки Болчу «уч-карлуков» я тогда поразил»; **Інчә турзун қалты, темір қазқуқ-уғ йеркә тоқысар** (ТТ IV, 642-43) «Пусть остается так (незыблемо), как если бы в землю вбили железный кол!»; **Көл сувы-н тоқып...** (Suv., 617) «Озеро взволновало свои воды...»; **Қалық қыз күләр тег йірішті тішні** (QBQ, 348) «Он осклабился (широко улыбнулся, показав зубы), как улыбаются райские девы»; **Еркліг қан аны ачып оқыдуқта...** (Suv., 14) «Когда Эрклиг-хан раскрыл ее (грамоту. – А. А.) и прочитал...»; **Оңынта теңрі йеріңэру қапағы-н ачды** (Man. I, 13) «Справа от себя он открыл ворота по направлению к божественной стране»; **Көзі-н йумды Ай-толды, һіч ачмады** (KB II, 59) «Ай-Толды за-жмурил глаза свои и совсем не открывал».

Физическое воздействие на объект понимается не только как де-формация, но и как всевозможное охватывание предметов или только соприкосновение с ними. Эти оттенки объектных связей прослежива-ются в словосочетаниях, где управляющим компонентом выступают корневые глаголы *ба-* «привязывать», *түг-* «связывать», *қуч-* «охва-тывать, обнимать», *тер-* «собирать», *йығ-* «собирать», *ірк-* «собирать», *ал-* «брать», *сеч-* «избирать, выбирать», *тут-* «держать, хватать, ло-вить», *йөлэ-* «поддерживать», *қун-* «похищать, грабить», *бер-* «давать», *сат-* «продавать», *өтэ-* «оплачивать, воздавать», *үлэ-* «распределять, делить (между кем-либо), раздавать», *көм-* «закапывать, зарывать», *өп-* «целовать», *йет-* «достигать, настигать», *бул-* «находить», *тап-* «на-ходить» и др.

Примеры: **Қузғун-уғ ығачқа бамыш** (ThS, 19) «Привязали к дереву ворона»; **Ол уч йеклэр-іг анхрвэнта бады** (Man. I, 19) «Тех трех демо-нов он привязал к своему Зодиаку»; **Тығ ат қудруқы-н түгүп тігрэт** (ThS, 76) «Подвяжи узлом хвост бойкой каурой лошади...»; **Узун сачы-н түгүп...** (Uig III 30) «Он связал свои длинные волосы»; **Қачықлыққа** (ср. *қачығлықа* – QBN, 41) **йабчур адақы-н қучар** (KB II, 42) «Она (судьба) привязывается («липнет») к убегающему (от нее), обнимает его ноги»; **Тоқуз оғуз бодуным-ын терү қобраты алтым** (МЧ, 5) «Я собрал и со-единил мой собственный народ «токуз-огузов»»; **Олар-ны барча бір йердә йығыңлар теріңлэр** (Uig. III. 28) «Всех их соберите в одном ме-сте»; **Оғул қыз кішім теп неңі-н іркмэсэ, йа йер сув бағым теп күмүш термэсэ** (QBN, 172) «Не следует ради детей и жены скопидомство-вать (букв. собирать вещи) или же копить серебро для приобретения земли и сада»; **Түрк бодун ач ерті, ол йылқы-ғ алып егі(т)тім** (X, 38) «Тюркский народ был голоден, (тогда) я взял тех лошадей и улучшил (положение)»; **Сечэ тут булар-ығ сен адра өңі** (QBN, 422) «Выбирай их, отличая от других»; **Аз тутуқ-уғ елігін тутды** (КТб., 38) «Тутука азов он собственноручно схватил»; **Сені ол йөлэді қопурды қутун** (QBQ,

346) «Он поддержал тебя и возвысил в счастьяи»; *Йеклэр улуғы а сізің қызыңыз-ны, Арчуні тоңа қунуп ілдү барды* (Uig. II, 25) «О, повелитель демонов, Вашу дочь похитил и увез герой Arjuna»; *Еліг йыл іш-іг күч-іг берміш* (КТб., 8) «Пятьдесят лет они отдавали (свои) труды и силы»; *Йабғу-ғ, шад-ығ анта берміш* (КТб., 14) «Он назначил (букв. дал) тогда ябгу и шада («воеводу и старосту»); *Борлуқум-ны Солдабайқа тоғру томлыду* садтым (USp., 13₄) «Я законно и правильно продал свой виноградник Солдабаю»; *Үч йаблақ йолта өз өтэк өтэйур* (ТТ II, 2) «На трех греховных путях оплачивают (они) свою вину (букв. долг)»; *Өтәміш болайын атасы хақы-н* (QBN, 127) «Оплачу же я ему долг перед его отцом!»; *Чығайқа үләді күмүш нем ағы* (QBQ, 73) «(Сын Ай-Толды) раздал неимущим серебро и драгоценности»; *Керәксіз сөзі-ні көмүп кізләйүр* (Атеb., 118) «Он закапывает и прячет ненужные свои слова»; *Йағысы йер өпсү* йырақ *йінрүнүп* (QBQ, 347) «Пусть его враг целует землю, издали преклоняясь (перед ним)!»; *Атығ өгсә йүгрүр учар-ығ йетэр* (QBN, 180) «Если обласкать лошадь, она помчится и настигнет (даже) птицу»; *Ол мені йетті* (МК II, 363 узб. изд.) «Он настиг (догнал) меня»; *Ідіші-н аяқы-н есэн түүкэл булмыш* (ThS, 63) «Она нашла свои ведро и чашу невредимыми и целыми»; *Өзі-н тутғучы ер қут-уғ тапғучы* (QBN, 205) «Муж, владеющий собой, найдет счастье»; *Кічізлік анук тут, өзүң булғуқа!* (QBW, 29₃₀) «Будь готов к уничтожению, чтобы приобрести тебе самого себя!»; *Ер ердәмі атым табдым ердәмі* (м үчүн) (Е, 5) «Ради моей доблести я снискал (букв. нашел) геройское мужественное свое имя».

Примечание. В последних двух примерах при глаголах *бул-* «находить» и *тап-* «находить» – вполне определенные прямые объекты (с аффиксами принадлежности), тем не менее употреблен неоформленный винительный (основной) падеж.

Особо выделяется управление именем в винительном падеже у глагола *кед-* «надевать», где действие субъекта должно переходить на объект (например, одежду), а фактически возвращается на субъект: *Тоны-н кедті Ай толды турду өру* (QBW, 28₂₄) «Надел свою одежду и встал прямо Ай-Толды».

Близки к глаголам физического воздействия на объект глаголы со значением принятия пищи: *йе-* «есть, питаться», *іч-* «пить», *сор-* «сосать» (ср. монг. *сору-* «всасывать»), *йут-* «глотать, проглатывать» и др.

Примеры: *Бір қары өкүз-үг білін бічэ қомурсға йеміш* (ThS, 56) «Одного старого вола заели пугливые маленькие муравьи»; *Кейік йейү, табышған йейү олурур эртіміз* (Тон., 8) «Мы жили (там), питаясь оленями и питаясь зайцами»; *Йорыйу барыпан, суб ічіпән, йаш йепән өлүмдә озмыш* (ThS, 26) «Она (лошадь) быстро пошла и, попив воды, поев зелени, избавилась от смерти»; *Йана кішінәң қаны-н кентү со-рар* (Мап. 1) «И снова он сам сосет человечью кровь»; *Ол йумуртқа-ны йутты* (МК II, 363 узб. изд.: «огузское и кипчакское слово») «Он проглотил яйцо».

2. Винительным падежом внешнего объекта управляют также прямопереходные глаголы предложения (*verba dlcendi*), семантика которых нередко усложнена различными эмоциональными оттенками (одобрение, порицание, просьба, приказание, предположение и пр.): *ай-* «называть, говорить», *оқы-* «звать, приглашать; читать (вслух)», *алқа-* «благословлять, освящать молитвой», *өг-* «хвалить, восхвалять, превозносить», *сөк-* в переносном значении «ругать, бранить, порицать» (как отмечалось выше, глагол *сөк-* в своем основном значении «распарывать, отдирать» также управляет винительным падежом внешнего объекта), *қол-* «просить», *сор-* «просить», *өтүн-* «почтительно просить, молить», *йалбар-//албар-* «упрашивать, умолять», *буйур-* «приказать, повелеть, поручить», *йөр-* «толковать (сны), предсказывать» (ср. уйг. *жору-* казах. *жоры-* в том же значении), *үшгүр-* «упоминать» и др. Воздействие на объект у глаголов речи в таких объектных словосочетаниях становится до некоторой степени «моральным».

Примеры: **Қыйын-ығ көңлүңчэ ай** (Тон., 32) «Называй (т.е. назначай) наказания по своему желанию!»; *Өтрү ол көк тонлығ бег аттын қоды түшүп, мені оқыды* (Suv., 6) «Затем тот начальник в голубой одежде, сойдя с коня, призвал меня»; *Бу ем-іг ікі хата охыйу те-гінтім* (Ман. I, 29) «Это «целебное средство» (т.е. «священную книгу») я дважды прочитал (вслух)»; **Барқы-н бедізі-н ташы-н бічін йылқа... қоп алқадымыз** (КТб., конец) «Его надгробное здание, фрески и камень с надписью – мы все (это) освятили (молитвой) в год Обезьяны»; *Недә утру улуғ Англіон бітіг ічінтә башлайу ай теңрі-эг (sic!) өгәр алқайур* (Ман. III, 12) «Почему в великой книге Евангелии восхваляют и благословляют сначала божество Луну?!»; *Одуглуғ бу сақлық-ны өгді ерэн* (КВ II, 45) «Бодрость и эту трезвость хвалил человек»; *Қарағу йорық, азса, сөкмә аны* (КВ II, 49) «Если слепой собьется с пути, то не брани его!»; *Аш ічкү колты* (Suv., 5) «Он попросил пищи (букв. еду и питье)»; *Негукэ йаңылмыш-ны сорғу керэк* (КВ II, 60) «Нужно спросить, почему он ошибся»; *Өтрү ол арқыш вайрам йел тег барып Андайакрі сузахдахы тынлығларның ол өтүглэрі-н түзү түкэді Бимбазарі елігкэ өтүнті* (ТТ X. 12) «Затем тот нарочный помчался, подобно ветру *Vairambha*, и изложил достоверно и полностью правителю Бимбазари нижайшую просьбу жителей города Андаягри (?)»; *Кенэ күнлэрдэ бір күн Оғуз қаған бір йердэ теңрі-ні жалбарғуда ерді* (ОН, 6) «Однажды Оғуз-каган молился в некоем месте небесному владыке (букв. умолял божество)»; *Йарағлығ ерэнгэ буйурды іші* (КВ II, 6₁₁) «Он поручил (наказал) дела угодному мужу»; *Түш-үг йөр-мэгү өз көңлүңчэ көрүп* (QBN, 429) «Не следует толковать сны по собственному усмотрению!»; *Негү тер мені үшгүрүр мү ду'ан.* (QBW, 166) «Что он говорит, упоминает ли меня в молитвах?».

3. Ряд корневых глаголов, управляющих формой винительного падежа, обозначает воздействие на предмет в процессе его направленного перемещения в пространстве. В таких словосочетаниях мы видим тесную связь объектных и пространственных отношений.

К этой группе глаголов динамического воздействия на объект относятся: *елт*- «вести, тянуть, уводить», *сүр*- «вести, тянуть», *ыд*-//*ыд*- «посылать, оставлять, повидать» (ср. якут. *ыыт*- в том же значении), *кыд*- «отпускать», *код*-//*қод*- «оставлять», *ит*- «толкать, колебать», *суқ*- «совать, положить внутрь чего-либо», *сер*- «отталкивать» (ср. тур. *sermek* «разостлать; бить, колотить», казах. *seriǵu*- «встряхиваться; освежиться»), *төк*- «проливать», *сач*- «рассыпать, разбрызгивать», *йан*-//*йай*- «рассеять; прогонять, побеждать», *адыр*-//*адыр*- в значении «отделять, разлучать, отдалять», *кеміш*- «бросать» (ср. якут. *кэбис*- «бросать, метать»), *ычғын*- «уронить, отбросить; утратить; привести в расстройство» (ср. тув. *ышкын*- «терять; ронять; упускать»), *көтүр*- «поднимать», *игід*- «возвышать, поднимать» и т. д.

Примеры: *Бу сү-г елт, теді* (Тон., 32) «Он сказал: «Веди это войско!»; *Сү сүрті қарлуқығ кічіг анта сымады* (КЧ, 20) «Войско он вел, карлуков он чуть там не разбил»; *Табғачғару Қуңы сеңүн-үг ыдмыс* (Тон., 9) «Он послал к табгачам Кунгы-Сенгуна»; *Тоқуз оғуз бодун йері-н субы-н ыдып табғачғару барды* (Х, 35) «Народ токуз-огузов оставил свою родину (букв, землю и воду) и отправился к табгачам»; *Салих-ні оларға ыдды* (Rb., 285) «(Бог) послал к ним Салиха»; *Күл тігін ебіг башлайу қы(д)тымыз* (КТб., 48) «Мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал дома»; *Узун тонлуг ідіші-н аяқы-н қодупан бармыш* (ThS, 62) «Женщина оставила (дома) свое ведро и свою чашу и отправилась в путь»; *Қамағ іш қодғыл* (ТТ I, 4) «Оставь все дела!»; *Эмді бізгә аталарымыз діні-ні қодуп адын дінгә му үндәйүрсән* (Rb., 284) «Теперь же неужели ты призываешь нас в другую веру, отрекшись от веры отцов наших?»; *Ітілмәс көңүл-үг ітәр бу күмүш* (QBQ... предисловие) «Это серебро колеблет (толкает) непоколебимое сердце»; *Кі(д)із-іг субқа суқмыш* (ThS, 49-50) «Войлок положили в воду»; *Ағырлық өдіндә кіші-г сермәді, Учузлуқ өдіндә тапуғ кесмәді* (QBN, 133) «В пору почета он не отталкивал людей, в пору бесчестья он не отказался от службы»; *Йеркә төкті йаш-ығ* (QBQ, 372) «Он проливал слезы на землю»; *Йер сипіріп сув сачар ерді* (Uig. III, 53) «Он подметал землю и разбрызгивал воду (на землю)»; *Аны йаһып түргі йарғун көлтә буздымыз* (КТб., 34) «Мы его (войско) рассеяли (или: прогнали) и разбили при озере Тюрги-Яргун»; *Йаруқ келіп түнәріг-іг йайдуқ үчүн...* (Man. III, 6) «Так как явился свет и прогнал темноту...»; *Біз-ні еркліг адырты йыта* (Е, 28₅) «Сильный, увы, разлучил нас; *Өлум мадар келіп өзтә тутмыш севэр оғул-уғ қыз-ығ улаты өг-үг қаң-ығ барча адырып адн ажунқа елтү барыр* (Uig. III, 42-43) «Придет демон Смерти, разлучит со всем, что (человеку) принадлежит и любимо – сыном и дочерью, отцом и матерью, и уведет в другой мир»; *Мені ағыр үлүғ емгәкліг тілгән арасынта кемішгәлі оғрайуқсыз* (Iig. III, 48) «Меня Вы намереваетесь бросить в круговорот («колесо») тяжких великих мук»; *Түрк төрүсү-н ычғынмыс будун* (КТб., 13) «Народ, упразднивший (потерявший, отбросивший) свои тюркские обычаи (законы)»; *Узунтонлуг күзүңүсі-н көлкә ычғынмыш* (ThS, 33)

«Женщина уронила свое зеркало в озеро»; *Ол ташығ көтүрүп ол (ку) дуғ ічінтэ кемішділэр* (Uig. I, 47) «Подняв тот камень, они сбросили его в тот колодец»; *Арқулуғ тағы-ығ көтүрүп...* (ТТ IX, 17) «Поднимая расколотую гору..»; *Өлтэчі бодун-ығ тірігрү ігі(д)тім* (КТб., 29) «Я поднял к жизни готовый погибнуть народ».

4. Собственно переходные корневые глаголы выражают также конкретные и отвлеченные действия, производящие сам предмет как продукт действия. В таких объектных словосочетаниях усматривается винительный результата.

Здесь мы видим глаголы производительного, созидательного действия, такие, как односложные: *ет-* «устраивать, делать», *қыл-* «творить, делать, выполнять», *йап-* «строить, устраивать», *тік-* в значении «водрузить, воздвигнуть, поставить (памятник)», *сүр-* в значении «совершить, осуществить, выполнить» и двусложные: *кігүр-* в значении «выполнить, совершить», *йара-* «организовывать, созидать», *біті-* // *бітү-* «писать» и др.

Примеры: *Іл-іг ітміш мэн* (ThS, 73) «Я устроитель государства»; *Ечім қаған олурупан, түрк бодун-ығ йічэ етді, ігімі* (КТб., 16) «Мой дядя, сев каганом (на царство), опять устроил и поднял тюркский народ»; *Ел-іг етті түзді* (KB II, 46) «Он устроил и упорядочил племенной союз»; *Буйан-бөктэг қылур біз теп йаңылу нечэ айығ қылынч қылтымыз* (Chuast., 63-64) «Считая по заблуждению, что совершаем благодеяния (добродетель, помощь), сколько мы делали греховных поступков!»; *Қылумаз өзүм бу қамуғ ел іші-н* (KB II, 44) «Я не могу сам выполнить все эти дела народа»; *Қан олурупан орду йапмыш* (ThS, 41) «Сев ханом (на престол), он построил дворец»; *Төрт оғлум бар үчүн бенкүм-ін тікті* (E, 20) «Так как у меня было четыре сына, то они водрузили мне вечный памятник»; *Нең ет-өз севігін овутсуз іс-іг сүрү умаз, оғул қыз йеме нең туғурмаз* (Man. I, 16) «Они отнюдь не смогут (без божественного предопределения) плотской любовью осуществить зачатие и ребенка на свет не произведут»; *Үкүш іш-ні сүргән – уқушлуғ көсүш* (QBN, 42) «Разумное желание – выполнить (это) множество дел»; *Йаблақ кігүртіг* (КТб., 24) «Ты совершил подлость (низость)»; *Бай апам ел йарайу...* (E, 39) «Мой богатый Апа (? дядя), организуя племенной союз...»; *Бу бітіг бітігмэ атысы Йолығ т(ігін)* (КТм., 13) «Эту надпись писавший – родной племянник его Йоллыг-Тегин»; *Қайу бірі өлсэ, аның аты-н бу ешіккэ бітүр ерділэр* (Rb., 290; *Q – бітійүр*) «Когда один из них умирал, то имя его писали на этих дверях».

5. Винительным падежом негативного объекта управляют собственно переходные глаголы мышления, восприятия и ощущения (*verba sentiendi*): *ө-* «думать; вспоминать», *сақын-* «думать, размышлять, помышлять; считать», *уыт-* // *унут-* «забывать», *біл-* «знать», *уқ-* «понимать, разумеать, осмысливать», *туй-* «осознавать, понимать, постигать», *күт-* «ждать, ожидать», *сев-* «любить», *йер-* «брезговать, пренебрегать; презирать, осуждать», *ақла-* «испытывать отвращение»,

көр- «видеть», *кудээ-* «наблюдать, следить за», *күзэт-//көзэд-* «присматривать, обгрегать, сторожить», так называемый «парный глагол» *күй-* *күзэт-* «тщательно охранять» (ср. кирг. *күйүк-* «заботиться», казах. *күйін-* «горевать, печалиться»), *айа-* «уважать, почитать, чтить», *есід-//ешід-//ешит-* «слышать» и т. д.

Предмет или лицо в объектных словосочетаниях с этими глаголами не подвергается непосредственному воздействию со стороны деятеля, а только охватывается активным умственным или чувственным восприятием последнего. Взаимодействие между объектом и действием, так сказать, обратное, негативное. Винительный падеж в таких словосочетаниях именуется винительным восприятия.

Примеры: *Туруқ ат семріті йері-н өпэн йүгүру бармыш* (ThS/23) «Тошная лошадь, вспомнив о месте, где она добрела, быстро побежала (туда)»; *Өз амрағым-ын өйүрм(э)н* (Man. II, 8) «Я думаю о собственном друге»; *Сенітін адрылғулуқ сав-ығ көңүлүмтэ арыты сақынмаз ердім* (Uig. III, 48) «Я никогда не помышляю (букв. не помышляю слов) в душе о том, чтобы разлучиться с тобой»; *Йемэ тіші кішілэрің (!) көр-кін меңізі-н нең йоқча едлігсізчэ сақынур* (Man. III, 22) «И красоту, и (об)лик женщин он считает за нечто ничтожное и нестоящее»; *Өкүс өдтэ бару емгенміс емгэк(э)мэз-ін уныталам* (Man. I, 11) «Позабудем наши мучения, которыми мы мучились с продолжительного времени»; *Унутма мені сен, тутуздум саңа* (QBQ, 348) «Не забывай меня, (ведь) я доверился тебе!»; *Тегдүкі-н, Түрк беглэр, қоп білірсіз* (КТб., 34) «Его атаки, о тюркские начальники, вы вполне знаете!»; *Амты бу сав-ығ.. уқмуш кергэк* (Uig. III, 24) «Теперь надо уразуметь эти слова»; *Сен муны уқ тедім* (QBW, 33₁₄) «Ты это пойми!» – сказал я»; *Туйдумуз йаруқ* (Man. III, 7) «Мы поняли светлое»; *Қың көзін, салынмыш қарақлықын сені күтэ турурлар* (Suv., 9) «Они поджидают тебя, устремив хищно и сурово свои глаза (букв. с пристальным взглядом с устремленной силой)»; *Көңүл кім-ні севсэ, мун ердэм болур* (QBW, 29₁₄) «Сердце если кого любит, то недостатки становятся достоинствами»; *Едгу е(рэнлэр кун-чуй)ларның йалғантуру сөзләміш савы-н йермэзлэр, көсүшлэрін қандурурлар* (Uig. III, 82) «Хорошие мужчины не питают брезгливости к обольстительным словам женщин и удовлетворяют их желания»; *Кічіг болуп йағы-ны йергү емэс* (МК II, 37 узб. изд.) «Нельзя презирать врага, если даже он мал»; *Сув ічін қанмаз, аш-ағ ақлар* (ТТ VIII, 57) «Пьет воду и не утоляется, к пище испытывает отвращение»; *Тухум ажуннуң түпі-н көртэчі* (ТТ VIII, 19) «Он увидит конец рода (человеческого) и (бренного) мира»; *Аны көріп, анча білің* (КТм., 13) «Глядя на него, так знайте!..»; *Йавлақ күдээ тілің-ні* (МК) «Крепко следи за своим языком!»; *Күзэч-іг күзэтіп, сынмасар, аш бердэчі ол* (ТТ I, 28) «Если присматривать за котлом, и он не сломается, то он даст пищу»; *Көрүгмэ күн теңрі, сіз біз-ні көзэдің* (Май. II, 9) «Видящее божество Солнце, ты нас охраняй!»; *Ел-іг улуш-уғ күйү күзэту...* (ТТ IX, 16) «Племенной союз и государство охраняя и оберегая...»; *Ердэмліг кішілэр-іг айағыл* (ТТ I, 9) «Уважай

добродетельных людей!»; *Kişi aрасы ешід Қара сеңір елчі-г* (Е, 24) «Слушайте, все люди, посла (из) Кара-Сенгир»; *Тоғуз оғуз бегләр бодуны бу сабым-ын едгүті* ешід, *қатығды тыңла* (КТМ., 2) «Начальники и народ тоғуз-огузов, эту речь мою хорошенько слушайте и крепко (ей) внимайте!»; *Ешітті бу Ай толды барча сөз-үг* (QBW, 30) «Услышал этот Ай-Толды все слова».

* * *

Заслуживает особого внимания сочетание непереходного глагола внутреннего переживания *өкүн-* «каяться, раскаиваться, сожалеть» с именем в форме винительного падежа, которое указывает на источник, основание, причину данного психического состояния (обстоятельство причины) и, строго говоря, не управляется непереходным глаголом, а относится к содержанию целого высказывания. Здесь выступает, по-видимому, так называемый «винительный падеж отношения» (*Akkusativ des Bezugs*)⁶⁵, точнее – винительный падеж причины.

Примеры: *Бөтүрміс тарқан түкәді ніғосақларның суйы-н йазуқы-н өкүнгү ғуастуанвт* (Chuast., 160) «Бетюрмис-Тархан закончил Хуастуанифт – покаяние за грехи и погрешения слушателей»; *Кентү өзүм білмәтін* (т.е. *білмәдін*) *йазмыш йаңылмыш айығ қылынчым-ны кентү өкүнүп ерті йетінчсіз тімір* (Suv., 9) «Я сам непрестанно каюсь бы из-за своих дурных поступков, которыми я погрешал и заблуждался, сам (того) не зная».

Примечание. Обстоятельство причины при непереходном глаголе психического состояния *өкүн-* может выражаться формой дательно-направительного падежа, например: *Азрақ аңар өкүнгіл* (МК III, 267) «Поменьше сожалей из-за этого».

Как показывает приведенный выше случай, винительный падеж в языке памятников древнетюркской письменности иногда может выражать не столько объектные, сколько обстоятельственные, пространственные отношения. Г.И. Рамстедт отмечал: «Об употреблении винительного падежа во всех этих языках (алтайских языках. – А.А.) следует еще сказать, что винительный падеж используется не только как падеж дополнения, требуемый глаголом, он может также выражать отчуждение во времени и пространстве»⁶⁶.

Рассмотрим употребление имени в форме винительного падежа (обстоятельство места) с некоторыми глаголами движения (непереходными).

Глаголы движения передают перемещение субъекта в пространстве и поэтому сочетаются обычно с именами в «пространственных» падежах (дательно-направительный, направительный и местно-исходный), указывающих на начальную или конечную точку движения (обстоятельство места). Однако само пространство может восприниматься как некий объект, путем преодоления которого или

⁶⁵ Gabain A. von Alttrürkische Grammatik. – С. 166.

⁶⁶ Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – С. 39.

на котором осуществляется пространственное перемещение, процесс движения. Глагол движения как бы становится переходным, употребляясь с именем в форме винительного падежа, означающим место, пункт выполнения действия. «Пространственный объект» (место, пункт выполнения действия, т.е. обстоятельство места, но отнюдь не прямое дополнение) при глаголе движения выражается винительным падежом пространственным.

Так, с винительным падежом пространственным в памятниках древнетюркской письменности употребляются непереходные корневые глаголы движения *бар-* «идти, отправляться», *тоғ-* «подниматься», *йоры-* «идти, ходить, передвигаться», *кез-* «ходить, бродить, путешествовать» и глаголы со значением прохождения каким-либо пунктом или перехода через какой-нибудь пункт: *кеч-* «переходить вброд, переправляться (через реку)», *аш-//ас-* «проходить, проезжать, переваливать (через горы)» (ср. *аш-* в переходном значении «возвышать, приумножать, увеличивать», *Sup.*, 607), *өт-* «проходить» (в современных тюркских языках три последних глагола движения употребляются обычно с исходным или, реже, с винительным падежами в значении места совершения действия). В таких словосочетаниях проявляются не столько объектные («пространственный объект»), сколько обстоятельственные отношения (обстоятельство места). Ср. употребление глаголов движения с творительным предикативным падежом в русском языке (идти лесом, ехать полем, плыть морем и т.п.).

Примеры: *Аны суб-уғ баралым* (Тон., 27) «Да отправимся мы рекой Аны»; *Көгмэн йыш-ығ тоға йорып...* (КТб., 35) «Поднимаясь Когменской чернью...»; *Өңдэн қағанғару сү йорылым, теміс, йорымасар біз-ні* (Тон., 29) «Двинемся войском, – говорил он, – с востока на (тюргешского) кагана, (иначе) как бы он не пошел на нас («не повоевал бы нас»)!»; *Кувэзлік байаттын йыратур қулуғ, Уқушлуғ йорымаз бу йаңлығ йолуғ* (QBW, 180) «Гордыня отдаляет раба от бога: понимающий не идет подобным путем»; *Қутрулқу йол йыңақларығ тілэйу, қоптын сыңар ел-улушлар-ығ кезтіңіз* (ТТ III, 60-61) «Разыскивая пути избавления, Вы пространствовали во всех направлениях по всем странам и государствам (или: «исходили страны и государства»)»; *Ертіс үгүз-үг кечігсізін кечдіміз* (Тон., 35) «Мы переправились без брода через реку Иртыш (или: переправились рекой Иртыш)»; *Алтун йыс-ығ йолсузун асдым* (Тон., 35) «Я без дороги перевалил Алтунскую чернь (Алтайские лесистые горы)»; *Ол йылқа түргіс тапа Алтун йыш-ығ аша, Ертіс үгүз-іг кечэ йоры(дым)* (Х, 27) «В этом же году я ходил на тюргешей, перейдя через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш»; *Тамға сувы ташра чықып тағ-ығ өтэр* (МК I. 400 узб. изд.) «Талая вода (поток), выйдя из берегов, проходит (протекает) горами (горными ущельями)».

Примечание. В том же локальном, пространственном значении при непереходных глаголах движения могут употребляться, помимо

винительного пространственного и «пространственных» падежей, также инструментальный падеж (аффикс *-н, -ын, -ін...*) и так называемый «сравнительный (сопоставительный, уравнивательный) падеж» (*Äquativ, Quantitativ*), стоящий на грани словоизменения и словообразования (аффикс *-ча, -чэ*)⁶⁷, например: Аны-н бармыс (Тон., 24) Он отправился вдоль (по реке) Аны»; *Қайу йол-ча барғулукумын арыты білмэз мән* (Uig., III, 36) Я совсем не знаю, по какому пути я должен идти.

В аналогичных словосочетаниях с винительным падежом пространственным выступают также непереходные глаголы движения и положения в пространстве (статики) *қон-* «садиться, сесть, опуститься; сидеть, обитать», *олур-* «садиться, сесть; сидеть, пребывать на месте» и *бін-//мін-* «садиться верхом; ездить верхом (на лошади)». Благодаря конкретизации винительным падежом, глаголы *қон-* и *олур-* переосмысляются и принимают, так сказать, переходное значение «иметь местом пребывания, избрать местожительством», а глагол *бін-//мін-* – переходное (в отношении «пространственного объекта») значение «избрать местом восседания (для верховой езды)», т.е. «оседлать».

Примеры: *Бен өзүм білгэ Тонукуқ Өтүкэн йер-іг қонмыс* (Тон., 17) «Я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен»; *Чуғай қузы-н Қара қум-уғ олуруп ертіміз* (Тон., 7) «Мы избрали местожительством Куз Чугая и Кара-Кумы (мы пребывали в Кара-Кумах)»; *Алп Шалчы ақ аты-н бініп тегміш* (КТб., 40) «Оседлав (сев верхом на) белого коня героя Шалчы, он произвел атаку»; *Аты-н мінді барды йана қаршықа* (QBQ, 348) «Он оседлал (уселся верхом на) свою лошадь и снова отправился ко дворцу».

Примечание. В современных киргизском, казахском, узбекском и некоторых других тюркских языках глагол *мін-* в переходном значении «оседлать» сочетается с винительным пространственным падежом (в турецком языке тот же самый глагол движения *binmek* с винительным падежом не употребляется), в значении же переходного глагола движения «садиться верхом, ездить верхом» – сочетается с дательно-направительным падежом.

2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОРНЕВЫМИ ГЛАГОЛАМИ И КОСВЕННЫМИ ДОПОЛНЕНИЯМИ

Морфологический подход к синтаксическим явлениям тюркских языков приводит к неоправданному смешению косвенных дополнений со всевозможными обстоятельствами, ибо формально они выражаются одними и теми же падежными формами имен. Нет надобности перечислять разнообразные случаи такого смешения в тюркологических работах, примером чему служит термин «обстоятельственное дополнение»

⁶⁷ Насилов В.М. Язык орхон-енисейских памятников. – М., 1960. – С.30

А.П. Поцелуевского⁶⁸, сошлемся на одно из новейших исследований: «Обстоятельства времени, места, причины и цели, как было отмечено выше, чаще всего представляют собой дополнения с пространственными падежами: а) дополнения с местным падежом соответствуют обстоятельствам времени и места; б) с исходным – времени, места и причины; в) с направительным – времени, места, цели и даже причины и проч.»⁶⁹.

Проф. Н.К. Дмитриев в своем курсе лекций «Синтаксис балкарского языка» совершенно справедливо подчеркнул семантический критерий разграничения косвенного дополнения от обстоятельства: «Иногда бывает трудно провести четкую границу между косвенным дополнением и обстоятельством, поскольку и косвенное дополнение, и обстоятельство одинаково могут стоять в дательном, исходном и местном падежах. Основное различие между дополнением и обстоятельством следующее: дополнение обозначает объект или такой предмет, который необходимо связан с действием и без которого невозможно полное выражение этого действия. Другими словами, дополнение как бы проявляет определенную активность или инициативу, хотя, конечно, не в такой степени, как подлежащее. Обстоятельство же органической связи с действием не имеет: оно является как бы внешними рамками действия, его декорацией. Происходящее в данной внешней обстановке действие могло бы происходить в другой обстановке»⁷⁰. Косвенное дополнение как член предложения выражает имя в форме косвенного падежа, управляемое косвенно-переходным глаголом (объектное словосочетание). Обстоятельство как член предложения выражает имя в форме любого падежа, кроме притяжательного-родительного, которое соотносено с любым глаголом способом «падежного примыкания» (обстоятельственное словосочетание).

Каждое действие или состояние может быть охарактеризовано во времени и пространстве. Для выражения пространственных, обстоятельственных отношений в языке древнетюркских памятников могут употребляться имена в так называемых «пространственных» падежах – направительном, дательном (или дательно-направительном), местно-направительном и местно-исходном. Относительно последнего А. Габэн замечает: «Местный падеж (Lokativ) был первоначально довольно индифферентным со значениями «на месте; во время», реже «на место; с места отсюда; в течение времени; посредством, через». Лишь постепенно местный падеж дифференцировался от исходного (von... her «от, из, с... сюда») и от дательного (nach... him «в, к, на... туда, прочь, по направлению к»). В рунических надписях и в большинстве

⁶⁸ Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. – Ашхабад, 1943. – С. 17, 38-53.

⁶⁹ Баскаков Н.А. Простое предложение в каракалпакском языке // Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. – М., 1961. – С. 70.

⁷⁰ Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 366.

рунических рукописей н-диалекта, а также в рунических рукописях й-диалекта эта форма еще заменяет исходный падеж»⁷¹. Пространственные, обстоятельственные отношения способны выражать и так называемые «объектные» («грамматические») падежи – винительный (см. выше) и инструментальный – при непереходных глаголах движения и состояния. В незначительной мере продолжал выражать пространственные отношения между именем и глаголом аффикс *-ча, -чэ* (так называемый сравнительный или продольный падеж).

Все перечисленные косвенные падежи могут в большей или в меньшей степени заменять друг друга при выражении обстоятельств места, времени, цели, причины и т.д. Следует учитывать условность в названиях косвенных «пространственных» падежей. Факты недифференцированно обстоятельственных функций этих падежей достаточно освещались В.В. Радловым, А. Габэн, В.М. Насиловым и др.

Падежные формы, когда они выражают различные обстоятельства при любых глаголах в предложении, как уже отмечалось, не имеют отношения к глагольному управлению. Рассмотрим употребление падежных форм хотя бы при глаголе восприятия *сақын-* «думать, помышлять; печалиться», который управляет, благодаря конкретизации значения, винительным падежом объекта и сочетается способом «падежного примыкания» с косвенными падежами имен в функции обстоятельств, например: *Қаған олуртым, олуртуқым-а* (обст. времени) *өлтэчі-чэ* (обст. образа действия или причины) *сақынығма түрк белгэр бод(ун) өгіріп себініп тоқтамыш көзі йөгөрү көрті* (X, 2) «Я воссел каганом (на царство). Когда я воссел, то тюркские беги и народ, опечаленные тем, что они обречены были погибнуть, (теперь) радуясь-ненадеясь смотрели кверху (на трон) спокойными глазами»; *Бунча ішіг күчіг бертүк-гэрү* (обст. цели) *сақынматы* (КТб., 10) «Он (тюркский народ) не думал (т.е. не хотел) отдавать столько сил и трудов»; *Ол қам көңүліңэ* (обст. места или образа действия) *інчэ сақынты* (Man. I, 34) «Тот жрец так подумал в душе»; *Сенітін адрылғулуқ сав-ығ* (прямое дополнение) *көңүлүм-тэ* (обст. места или образа действия) *арыты сақынмаз ердім*. (Uig. III, 48) «Я никогда не помышляю («не помышляю слов») в душе о том, чтобы разлучиться с тобой».

Мы не можем согласиться с мнением исследователей⁷², которые склонны видеть управление или хотя бы «слабое» управление падежными формами у непереходных глаголов движения и состояния. Управление определяется семантикой глагола, а не призрачной и неопределенной семантикой падежной формы. «...Словоизменительные

⁷¹ Gabain A. von Alttürkische Grammatik. – С. 168.

⁷² См., например: Лебедева Л.И. Глагольное управление в киргизском литературном языке, канд. дисс. – М., 1954. – С. 172, 178 и др.; Вещилова В.Ф. Глаголы движения в турецком языке // Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. IV. Лексика. – М., 1962. – С. 103; Медведева Л.Я. Падежное управление побудительных глаголов в современном уйгурском языке // Сб. «Тюркологические исследования». – М.-Л., 1963. – С. 112, 113 и др.

категории, к числу которых относятся также и падежи, среди всех грамматических категорий языка в наибольшей степени свободны от давления лексического значения и ближайшим образом напоминают геометрические отношения, лишенные всякой конкретности... Иной вопрос, что реализация (употребление) многообразных значений и функций косвенных падежей требует определенных условий, в числе их также и лексических»⁷³. Формы «пространственных» падежей обусловлены не столько семантикой непереходного глагола, сколько всем предложением в целом. Способностью управлять, как уже говорилось в главе I, обладают только переходные глаголы в широком понимании (прямо-переходные и косвенно-переходные), обозначающие направленные действия, переходящие на прямой или косвенный объект (прямое или косвенное дополнение). Этой способностью не обладают непереходные глаголы, обозначающие внутреннее состояние, имманентный процесс и пространственное перемещение субъекта, которые могут вступать в составе предложения в обстоятельственные отношения с именами в любых косвенных «пространственных» падежах (обстоятельства).

Из сказанного следует, например, что нельзя причислять к управлению сочетания обстоятельств места с так называемыми глаголами движения (*verba movendi*): *бар-* «идти, отправляться», *йоры-* «ходить, бродить», *үн-* «выходить; подниматься вверх», *тоғ-* «подниматься», *ағ-* «подниматься», *кел-* «приходить», *кір-* «входить», *түш-* «падать; спускаться» и т.п. Эти глаголы в распространенном предложении могут быть соотнесены с конечной или исходной, начальной точкой движения, для чего употребляются формы косвенных пространственных падежей (ср. употребление винительного пространственного для обозначения обстоятельства места при непереходных глаголах движения *бар-*, *йоры-*, *тоғ-* и др.

Примеры: *Бег ер йонтыңару* (йонтын-ғару, напр. п.) **бармыш** (ThS, 7) «Князь пошел к своему табуну коней»; *Басмыл йағыдып ебім-рү* (напр. п.) **барды** (МЧ, 28) «Басмылы, ставши врагами, пошли к моему дому»; *Теркін тавраты йүгрүк атларын қошуқлуғ қаңлыта олуруп, ол қамысылығ арық-қа* (дат.-напр. п.) **бартылар** (Suv., 625) «С большой поспешностью они уселись в экипаж, запряженный рысакami, и тотчас же поехали к той поросшей камышом реке»; *Ідішімтэ айақым-та* (местно-исх. п.) *қан(ын)ча барыр мен, – тер, йана келміш* (ThS, 63) «От моей посуды (букв. ведра и чаши) каким образом я отправляюсь?!» – говорила она и снова пришла (домой); *Балық-дын* (исх. п.) *балық-қа* (дат.-напр. п.), *улуш-дын улуш-қа, ел-дін ел-кэ тыңчы, савчы болуп йорыдымыз* (ТТ IV, В2о-2і) «Мы бродили из города в город, из народа в народ, из государства в государство в качестве посредников»; *Йумқы балық-тын тасқару үнүп...* (Suv., 622) «Все они

⁷³ Севортян Э.В. Об ошибках казахских языковедов // «Вопросы языкознания», 1953, № 2. – С. 112-113.

вышли из города наружу...»; *Күн теңрі йаруқын. Көгмэн тағ-да* (место-исх. п) *тоға келір ерті* (Ман. III, 23) «Солнце поднималось в своем сиянии по Когменским горам»; *Йемэ Хроштаг Падвахтаг теңрі Хурмузта теңрі-дэн таму-дан* (исх. п.) *йохару ағдукта...* (Ман. I, 13) «И когда Хроштаг (и ?) Падвахтаг бог мимо бога Хормузта из ада наверх поднимался...»

В памятниках манихейской и древнеуйгурской письменностей идея направленности может передаваться аффиксом местного падежа *-та, -тэ, -да, -дэ*, например: Сен *нелуг келтің бізін-тэ* (Ман. I, 33) «С чем ты пришел к нам?»; *Қар ічін-тэ із кірді, көңүл ічін-тэ оот кірді* (ТТ I, 3) «В плечевую кость вошла болезнь, в сердце вошел огонь (т.е. беспокойство, волнение, тревога)».

Взаимозаменяемость дательно-направительного и местного падежей при оформлении обстоятельства места в современном тувинском языке приобрела, по-видимому, характер грамматического явления, ибо первый сочетается («управляется»?) с глаголами прошедшего и будущего времени, а второй – с глаголами настоящего времени⁷⁴.

Количество косвенно-переходных глаголов, непосредственно управляющих косвенным объектом (косвенным дополнением), невелико.

а) Дополнение в дательно-направительном падеже

В памятниках тюркской рунической письменности косвенное дополнение зачастую оформлялось дательным (аффикс *-қа, -кэ, -ға, -гэ*, иногда *-а, -э, -йа, -йэ*) или направительным (аффикс *-ғару, -гэрү*, редко *-қару, -кэрү*) падежами. В памятниках же древнеуйгурской письменности, как и в большинстве современных тюркских языков, выступает единый дательно-направительный падеж (аффикс *-қа, -кэ, -ға, -гэ*).

Косвенным объектом в дательно-направительном падеже непосредственно управляют следующие группы косвенно-переходных глаголов:

1. Глаголы чувственного восприятия или переживания, соотносимого с объектом восприятия: *ынан-* «верить, доверяться, полагаться», *ышан-* «верить, доверяться, надеяться» (ср. узб. *ишон-*, уйг. *ишән-*, к.-калп. *ісен-*, казах. *сен-*), *сығын-* «уповать, надеяться», *бүт-//біт-* «верить, доверять», *амран-* «влюбляться, питать любовь к кому-либо» (ср. *амрақ* «любезный, друг», ThS, 101), *бөк-* «насыщаться; удовлетворяться, наслаждаться» (ср. тув. *пөк-*, якут. *бөх-*, казах. *бөк-* «насыщаться доотвалу, объедаться»), *сүчін-* «наслаждаться», *тод-//тод-* «насыщаться» (КТм., 8), *йалқ-* «пресыщаться, чувствовать отвращение; утомляться», *усан-* «испытывать пресыщение, утомление; пренебрегать» (ср. тур. *usanmak* «испытывать скуку, отвращение; скучать, соскучиться; наскучить, надоесть; пресытиться», управляющий исходным падежом), *қорқ-* «бояться, пугаться», *еймэн-* «стыдиться, стесняться» (ср. казах. *имен-* «стесняться, бояться, робеть», уйг. *эймэн-* «бояться,

⁷⁴ Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961. – С. 128.

чувствовать страх»), *ерсі*- «стыдиться, устыдиться; пощадить, сжалиться» (ср. казах. *ерсі* «неприличный, непристойный; странный, нелепый»), *уйаџ*- «стыдиться» и т.п.

Примеры: **Ет өз-кэ ынчып ынантым** (Suv., 613) «Я так доверился (бренному) телу»; **Өз кентүң-кэ ынанғыл** (ТТ I, 6) «Полагайся на самого себя!»; **Көңүл-кэ ышанма, біті, ай оғул** (QBN, 206) «Не доверяйся сердцу, о сын, пиши; *Көңүл тіл көні тут, байат-қа сығын* (QBN, 164) «Будь правдив сердцем и языком, уповай на бога». Ср. в «сельджукских стихах» Султан Веледа (XIII в.): *Бу өзүт-тур хақ хасы-на сығының* (Rebab-Nameh, 43) «Это – наставление: уповайте на избранных богов»; *Өзүң көргэ, шексіз, маңа бүтмэсэ* (QBW, 169) «Сам увидишь, несомненно, если мне не веришь»; *Қул теңрі-гэ бүтгі* (МК II, 339 узб. изд.) «Раб уверовал в бога», *Біз бу сөз-кэ бітмэзміз теділэр* (Rby., 284) «Они сказали: «Мы этим словам не верим»; *Түн күн сені умұнып саңа амранмақын өлүр мен* (Uig. ill, 82) «Ночью и днем я уповаю на тебя, от любви к тебе умираю»; *Теңрідэкі күн-кэ йердэкі елім-кэ бөкмэдім* (Е, 7) «Солнцем на небесах и моим государством на земле я не наслаждался»; *Ол тавар-қа бөкді* (МК II, 26 узб. изд.) «Он удовлетворился имуществом»; **Сүчіг-кэ сүчінсэ** *ажун бэглэрі, Ачығ болды ел күн бодун іглэрі* (QBW, 84) «Если правители мира предаются наслаждениям (букв. наслаждаются сладким), то страна и народ испытывают горькие страдания; *Өкүш нең-кэ тодмас* (QBW, 48) «Многочисленными вещами не насытится (человек)»; *Өкүш сөз-кэ йалқар бу йалнуқ ірэ* (QBW, 185) «Человек утомляется и чувствует отвращение от многословия»; **Усанма өзүң қут-қа, атлығ кіші** (QBN, 58) «Не пренебрегай счастьем (т.е. не зазнавайся), именитый человек!»; *Өтрү тайтсысы, нівзванілар-қа ертінгү қорқуп бахшысыңа іңчэ мен өтүнті.* (Uig. III, 75) «Тогда его князь (F.W.K. Müller перевел неточно *taitsi* «ученик»; ср. *тайсы*- «князь», USp., 1, монг. *тайж*, кит. *ta-czy*) чрезвычайно испугался страстей и так обратился к своему учителю...»; **Йана қорқар ерсэ байат-қа өзі** (QBN, 204; QBQ, 154) «Еще да убоится бога он сам!»; **Қувраға-қа** (читается **куврағ-қа**) **еймэнмэ-кліг қорқыңч** (ТТ VIII, 10) «Страх стыдиться общины (т.е. церковного прихода)»; **Муңар еймэнүр мен, ай еліг қуты** (QBQ, 351) «Я стыжусь этого, о счастливый правитель»; **Авычқа қуртға-қа ерсімэз** (Man. III, 11) «(Даже) стариков и старух (смерть) не пощадит»; *Өзүм йолда азымыш байат-қа уйаџтым* (QBQ, 387) «Я, оказывается, сбился с (истинного) пути – я устыдился бога».

Объект восприятия при глаголах чувственного восприятия и психического состояния нередко осознается как причина данного состояния, как «причинный объект» или, точнее, обстоятельство причины. Такое значение принимает имя в дательном-направительном падеже в приведенном выше примере с глаголом *йалқ*- «утомляться», а также при глаголах *өкүн*- «раскаиваться», *йумша*- «размягчаться; умиляться» и пр., например: (69) *тіріглік йава қылмыш-қа өкүнмэкін айур* (QBQ, оглавление) «(69-я глава) говорит о раскаянии по поводу дурно проведенной жизни»; *Сүчіг сөз-кэ йумшар улуг һем кічіг* (QBW, 97) «От

ласковых слов умиляется и стар, и млад» (можно перевести по-русски и с косвенным объектом: «Ласковым словам умиляется и стар, и млад»). Причинный оттенок может иметь при глаголах чувственного восприятия также дополнение в местно-исходном или исходном падежах (см. ниже).

2. Глаголы подчинения: *тап-* «поклоняться; служить», *йүкүн-* «преклоняться, поклоняться; почитать», *удь-* «следовать за; гармонировать, сообразовываться; подчиняться», *уқ-* в значении «подчиняться, покоряться», *көр-* в значении «подчиняться».

Примеры: **Қаным елім-кэ тапдым** (Е, 13) «Я преданно служил моему хану и моему племенному союзу»; **Аунтумуз сізіңэ асра көңүлін йүкүнгэлі** (ТТ III, 3) «Мы приготовились Вас смиренным сердцем почитать»; **Ет өз йеті ендэм көңүл-кэ удар** (QBN, 207) «Тело, крепкое телосложение (? семь пропорций тела) гармонируют (соподчиняются) с душой»; **Kişi (бал)ықда (ма)ңа уқғалы келті** (Х, 28) «Из города пришли люди, чтобы покориться мне»; **Түрк бодун Табғач-қа көрүр ерті** (Тон., 1) «Тюркский народ был в подчинении у государства Табгач».

Тесная взаимозависимость падежного управления глагола и его лексического значения особенно видна у двух последних глаголов. В своем основном значении глаголы восприятия *уқ-* «понимать, разуметь» и *көр-* «видеть» управляют винительным падежом объекта, а за их переосмысленным значением «подчиняться, покоряться» закрепилось управление дательно-направительным (дательным) падежом. Последнее значение развилось у глагола *көр-* непосредственно из употребления с формой дательно-направительного падежа в значении «смотреть на», примеры чему находим в памятниках древнетюркской письменности (у Махмуда Кашгарского глагол *көр-* мог еще употребляться как синоним глагола *бақ-* «смотреть на»): **Аңар көрү білің, түрк амты бодун белгэр, бөд-кэ көрігмэ белгэр гү йаңылтачы сіз** (КТм., 11) «Смотря на него (памятник с эпитафией), знайте вы, тюркский теперешний народ и начальники, покорные престолу (букв. смотрящие на престол) начальники, вы, ведь, склонны заблуждаться (т.е. изменять)!»; **Айур уш маңа көр маңа** (QBQ, 375) «Они говорят: «На меня посмотри, на меня!»; **Йуз-гэ көрмэ, ердэм тілэ** (МК II, 81) «Не смотри на лицо, а желай (т.е. ищи) добродетель!»; **Ол маңа бақты** (МК II, 23 узб. изд.) «Он посмотрел на меня».

3. Глаголы противодействия: *сүңүс-//сүңүш-* «сражаться против кого-либо», *қарыш-* «враждовать, сходиться для битвы (с врагом), сталкиваться; перечить, ссориться» (ср. якут, *харыс-* «бодаться, состязаться, сталкиваться», казах. *қарыс-* «упираться, упрямиться, перечить; свестись судорогой», *қар-* «предплечье»), *йаз-* «прегрешать против кого-либо, ошибаться относительно чего-либо», *үзнэ-* «противиться».

Примеры: **Елтэріс қаған біліг есін үчүн, алпын үчүн Табғач-қа йеті йегірмі сүңүсді, Қытай-қа йеті сүңүсді, Оғуз-қа бес сүңүсді** (Тон., 48-49) «Ильтерис-каган, так как он был другом знания и героем, против табгачей сражался семнадцать раз, против киданей сражался семь

раз, против огузов сражался пять раз»; *Өг қан оғол қыз қа қадас күң қул бір екінті-кз қарышур отлы сувлы тег төтөслүг болор* (ТТ VIII, 71) «Мать и отец, сын и дочь, старший и младший брат, рабыня и раб будут друг другу перечить и враждовать между собой, как огонь и вода»; *Ол маңа йолда қарышты* (МК II, 105 узб. изд.) «Он встретился мне (столкнулся со мной) на пути»; *Сөзің-э йазмайын теді йаңылмайын теді* (МЧ, 44) «Он сказал (мне): «Против твоих слов я не погрешу, не провинюсь»; *Саңа йазды сендін күрәді өзүм* (QBQ, бейт 6639 в издании Р.Р. Арата) «Я прегрешил против тебя, от тебя я убежал»; *Қалы үзнәсэн қут-қа қадғун күрәш* (QBW, 34,) «Если же будешь противиться счастью, то борись с горем!»

4. Глаголы касания: *тег-* «касаться; достигать», *опла-* «нападать, атаковать, бросаться в атаку», *йет-* «достигать; сравниться, приравниваться», *йақ-* «прикасаться; приближаться», *йабыш-//йапыш-* «прилипнуть; привязываться».

Глагол *тег-* «касаться, достигать» приобрел много переносных значений. Даже застывая в деепричастной форме *тегі* в качестве послелога, он сохраняет свое управление. Следы управления глагола *тег-* обнаруживаются также в лексикализованном словосочетании *айағқа тегімліклэр* (ТТ VIII, 14) «почтенные», букв. «достигшие почета» (*айағ* «почтение, уважение», ср. казах. *аяулы* «достойный, уважаемый, дорогой; ценный»).

Примеры: *Түпүт-кз кічіг тегмәдім* (КТм., 3) «Я немного не дошел до Тибета»; *Біліп ішлэсэ ер тілэк-кз тегүр* (КВ II, 44) «Если муж будет работать со знанием (дела), то он достигнет (своих) желаний»; *Алп ер бізіңз тегміш ерті* (КТб., 40) «Герои-воины на нас напали»; *Мен бошук йарлық-қа тегіп, ол балықтың үндүм* (Suv., 16) «Получив приказ об освобождении, я вышел из города»; *Бөклі қаған-қа тегі сүлэйү берміш* (КТб., 8) «Они ходили войной вплоть до Бекли-кагана»; *Евэк ев-гэ тегмэс* (МК II, 27 узб. изд.) «Торопливый не достигнет дома» (пословица, ср.: «Тише едешь, дальше будешь»); *Йағы-қа йалыңус оплайу тегіп опулу кіріп өзі қысға кергэк болты* (КЧ, 23) «На врагов он один бросился в атаку, вошел в массу войска и сам был задавлен до смерти»; *Бүкз-гүк-(к)э йетдім* (МЧ, 13) «Я достиг местности Бюкегюк (С.Е. Малов переводит: «Я настиг их в местности Бюкегюк», так как глагол *йет-* в рунических памятниках обычно управляет винительным падежом); *Кім ерсэ аның көркіңз* (дат.-напр. п.) *йетмэс болды* (Rb., 285) «Никто не мог сравниться с ним в красоте (букв. с его красотой)»; *Күйэр от-қа йақса, аңар йут турур* (QBW, 33) «Несчастье тому, кто приближается к горящему огню!»; *Қачықлық-қа йабчур (<йабшур, йабышур, йапышур)* (КВ II, 42) «(Судьба) привязывается к убегающему (от нее)».

Косвенное дополнение в дательном-направительном падеже может быть при многих прямо-переходных корневых глаголах, управляющих прямым объектом (винительным падежом имени): *бер-* «давать», *сат-* «продавать», *оқы-* «звать, призывать; читать», *үлэ-* «распределять, делить (между кем-либо), раздавать» и т.п. Если прямой объект подвергается непосредственному воздействию субъекта действия, то

косвенный объект при этих глаголах, выраженный именем в дательном-направительном падеже, непосредственно воздействию не подвергается – это только адресат (лицо), на который направлено или для которого совершается действие.

Примеры: *Чік бодун-қа тутуқ бертім* (МЧ, 26) «Чикскому народу я дал тутука (князька, управителя)»; *Ол бітіг-ні ма бегім-кэ бертім* (Uig., 1) «То письмо я дал моему начальнику»; *Борлуқум-ны Солдабай-қа тоғру томлыду садтым* (читается саттым) (USp., 13) «Я законно и правильно продал свой виноградник Солдабаю»; *оқығыл аны сен маңа* (KB II, 55) «Позови ты его ко мне!»; *Чығай-қа үләді күмүш һем ағы* (QBQ, 73) «(Сын Ай-Толды) раздал неимушм серебро и драгоценности».

При прямо-переходном глаголе физического воздействия *ур-* «бить, ударять» в памятниках древнеуйгурской письменности дополнение в дательном-направительном падеже обозначает партитивный (частичный) объект как место приложения действия, а дополнение в винительном падеже – объект целиком, например: *Анта оқ ол Кілімбі йек улуғ бкдук сөгутуг тубіндэ бару қу(нғар)уп*; *Бімбасіні тона-ғ баш-ға урды* (Uig. II, 26-27) «Тогда же тот демон Килимби (Hidim-ba) вырвал с корнем высоченное дерево и ударил (им) героя Бимбасини (Bimbasena) по голове». Аналогичные случаи отмечаются в современном уйгурском языке⁷⁵; в большинстве же тюркских языков партитивный объект обычно выражается дополнением в исходном падеже.

б) Дополнение в местно-исходном или исходном падеже

В памятниках орхоно-енисейской письменности местный и исходный падежи выступают еще недифференцированно в форме местно-исходного падежа (аффиксы *-та, -тэ, -да, -дэ*). Известный в большинстве современных тюркских языков аффиксы исходного падежа *-тан, -тэн, -дан, -дэн* встречаются в наречных образованиях в рунических памятниках, например: *қандан* «откуда» (КТб., 23), *оғуздандан* «от огузов» (Тон., 8), *берідэнийан* «с правой стороны, с юга», *өңдэнийан* «спереди, с востока», *йырдандайан* «с левой стороны, с севера» (Тон., 11), и эти же аффиксы спорадически употребляются в тюркских текстах манихейского содержания из Турфана (г. Куча): *Йемэ Хроштаг Падвахтаг теңрі Хурмузта теңрі-дэн таму-дан йохару ағдуқта...* (Man. I, 13) «И когда Хроштаг (и?) Падвахтаг бог мимо бога Хормузта из ада наверх поднимался...» Позднее в памятниках древнеуйгурской письменности выделился специфический аффикс исходного падежа (*-тын, -тін, -дын, -дін*), который и поныне употребляется в современном уйгурском языке.

Объектные словосочетания, образованные именем в местно-исходном или исходном падеже и управляющим глаголом, в языке древнетюркских памятников встречаются довольно редко.

⁷⁵ Офросимова-Серова Л.Г. Управление переходных глаголов уйгурского языка // «Ученые записки Института международных отношений», вып. 5, Серия филологическая. – М., 1961. – С. 185-186

Местно-исходным или исходным падежом оформляется косвенное дополнение (косвенный объект) при следующих лексико-семантических группах глаголов:

1. Глаголы со значениями «спасаться, избавляться, освобождать (ся), отделять(ся), отказываться от кого-нибудь или чего-нибудь»: *оз-* «спасаться, избавляться», *куртул-//кутрул-* «спасаться, избавляться», *куртғар-* «избавлять, вызволять, спасать»⁷⁶, *кеч-* в значении «избежать, пройти мимо (грехов)», *сеч-* «отделять, отбирать от», *көтүр-* «освобождать от», *тэз-* «бежать (от) чего-нибудь, удаляться от», *тан-* «отказываться, не признавать, отрекаться» и др.

Примеры: **Өлүм-тэ озмыш, өлүм-тэ озупан өгірэ себіну йорыйур** (ThS, 75) «(Барс) спасся от смерти и, спасшись от смерти, стал радоваться и веселиться»; **Бу ада-тын озғулуғ йолуң оруқуң көзүмэз** (TT I, 3) «Не виднеется для тебя пути-тропинки, чтобы избавиться от этой опасности»; **Бу емгәкім-тін іді озғум қутрулғум йоқ турур** (Suv., 10) «У меня совсем нет избавления и спасения от этих моих страданий»; **Төрт улуғ емгәк-дэ куртулалым** (Man. II, 11) «Да избавимся мы от четырех великих мучений!»; **Айығ қылынчлығлар-да куртғарың, йазуқлуғлар-да сечің, озғуруң таму оғланында** (Man. III, 24) «Избавь (меня) от дурно поступающих, отдели от грешных и спаси от исчадий ада!»; **Йазуқ-та кечэрмен** (Man., I, 30) «Я избегу грехов»; **Егэр тегсэ емгәк, кіші-дін көтүр** (Hib., 328) «Если мучения коснутся (его), то освобождай человека от них»; **Бімігчі бор ісэ, біліг-дін тезэр** (QBN, 202) «Если писец пьет вино, он удаляется от знания»; **Тандылар хақ-дын қамуғы** (Rby., 283) «Отреклись они все от бога».

2. Глагол *аз-* «сбиваться, путаться, ошибаться относительно чего-либо» управляет именем в местно-исходном или исходном падеже, обозначающем объект, относительно которого совершают ошибку. Например: **Бу йолча йоры, йол-да азма улы** (QBQ, 384) «Иди этим путем (жизни) и не сбивайся с основного пути (веры)!»; **Білігдін тезіглі бітіг-дін азар** (QBN, 202) «Тот, кто удаляется от знания, допускает ошибки в письме (букв. сбивается с письма)».

3. Глаголы чувственного восприятия или переживания, соотносимого с объектом восприятия: *бөк-* «насыщаться; удовлетворяться, наслаждаться», *қорқ-* «бояться, пугаться», *ум-* «надеяться, уповать на» и др.

Примеры: **Ер ердәмім-дэ бөкмәдім** (E, 44) «Геройской своей доблестью я не наслаждался»; **Ол аш-дын бөкді** (МК И, 26 узб. изд.) «Он насытился пищей»; **Сачыратқу-дын қорқмыш қуш қырқ ыыл адрь йығач үзэ қонмас** (МК II, 383 узб. изд.) «Птица, напуганная силком, сорок лет не сядет на раздвоенное дерево» (*сачыратқу* «силоч, устраиваемый

⁷⁶ Глаголы *куртул-* и *куртғар-* (ср. тур. *kurtulmak*, *kurtarmak*, узб. *кутул-*, *кутқар-*), по-видимому, являются исторически производными от известных в тюркских языках глаголов *курут-//курыт* «сушить; истреблять, переводить» < *куру-//куры-* «сохнуть, высохнуть» (Suv., 624, 616), ср. уйг. *куру-* «сохнуть, высохнуть, засыхать; переводиться, уничтожаться, исчезать, вымереть, сгинуть».

между двумя палками»); *Айды, қорқғыл теңрі-дін* (Rby., 114) «Он сказал: «Побойся бога!»; *Сенің раһмәтің-тін умармен оңа* (Hib., 2) «Я искренне надеюсь на твою милость».

Некоторые глаголы чувственного восприятия (*бөк-*, *қорқ-*) могут иметь косвенный объект как в форме дательно-направительного, так и в форме местно-исходного или исходного падежей. Это происходит оттого, что объект восприятия при глаголах чувствования и психического состояния указывает по существу на источник, повод, причину чувствования или переживания; отсюда и колебания в употреблении падежных форм при этих глаголах (ср. отмечавшуюся сочетаемость глагола психического состояния *өкүн-* «каяться, раскаиваться» с формами винительного и дательно-направительного падежей).

В современных тюркских языках за глаголами со значениями «бояться, пугаться, стыдиться, стесняться, опасаться» (*verba timendi*) закрепилось управление исходным падежом. Об управлении глагола *қорқ-* «бояться, пугаться» именем в исходном падеже Н.К. Дмитриев, приведя балкарскую пословицу *Аюдан қорқма, аюдан қорқған ағачха бармаз* «Не бойся медведей! Кто боится медведей, тот в лес не ходит», вполне справедливо заметил следующее: «В данном случае объект боязни осознается как причина. Между тем в русском и в других европейских языках предмет боязни осознается как объект действия»⁷⁷.

Глагол чувственного восприятия *көр-* «видеть» в сочетании с именем в исходном падеже принимает значение «заглядывать в судьбу, загадывать на, гадать на кого-либо»; ср. казах., уйг. *көр-*, узб. *кўр-* с формой исходного падежа в значении «считать причиной, винить, подозревать кого-либо (исх. п.) в чем-либо (вин. п.)», например: **Бег-тін іші-тін көр-сэр сен савқа кіркәлір сен, ел-тін қан-тын көрсэр сен алқа-маққа тушкәлір сен** (ТТ I, 24) «Когда ты (оракул) загадываешь (W. Bang: заказываешь) относительно князя и его супруги, то ты собираешься войти в славу. Когда же ты загадываешь (предвидишь) относительно государства и хана, ты намереваешься снискать похвалу».

Дополнение в местно-исходном падеже (очень редко в местно-направительном падеже на *-ра*, *-рә*) при прямо-переходных глаголах физического воздействия на объект *ур-* «бить, ударять», *тут-* «держатъ, схватывать» и *тік-* «ставить вертикально, втыкать; вонзатъ, вкалывать, прикалывать» может обозначать партитивный (частичный) объект как конкретное место приложения действия (ср. выше дополнение в дательно-направительном падеже в таком же значении при глаголе *ур-*).

Примеры: **Йарақын-та йалмасын-та йуз артуқ оқун урты** (КТб., 33) «В его вооружение и в его плащ более чем ста стрелами попали («ударили»)»; **Кейікчі ер ағулуғ оқын саплап тошғ (уру) тартып бодісвт оғушлуғ йаңаның йүрэк-рә урды** (Uig. III, 57-58) «Охотник положил на тетиву отравленную стрелу, натянул очень сильно и застрелил («ударил») в сердце слона из разновидности Бодисатва»; **Қаңым**

⁷⁷ Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – С. 370.

Елтэріш қаған-ығ, өгім Елбілгэ қатун-ығ (объекты целиком) *теңрі төпэсін-тэ* (партитивный объект) *тутуп йөгэрү көтүрмиш ерінч* (КТб., 11) «Небо, держа за макушку отца моего Эльтериш-кагана и мать мою Эльбильге-катун, возвысило их (над народом)»; *Ачаташтру еліг бегнің хуасы-н йермэксіз көңүлін алып, башын-та тікгіл* (ТТ X, 34) «Прими без брезгливости чистосердечно цветок царствующего правителя Ачаташтру и приколи его в свои волосы (букв.: к своей голове)».

Косвенное дополнение в исходном падеже при прямо-переходном глаголе *қол-* «просить, спрашивать» обозначает лицо, у которого что-нибудь просят, например: *Ол мен-дін нең қолды* (МК II, 33 узб. изд.) «Он попросил у меня вещь».

в) Дополнение в инструментальном падеже

При прямо-переходных глаголах, управляющих прямым дополнением, может выступать также косвенное дополнение, выраженное именем в инструментальном, орудном падеже (аффикс *-н, -ын, -ін, ун, -үн*). Косвенное дополнение в инструментальном падеже обозначает «орудный объект» – орудие, средство, инструмент, которым что-либо совершает субъект действия, например: *Бір ер-іг* (вин. п.) *оқ-ун* (инстр. п.) *урты* (КТб., 36) «Одного мужа он поразил стрелой». *Оқ* «стрела» является здесь и непосредственно объектом, так как подвергается воздействию субъекта действия, и, напротив, орудием для воздействия на другой объект (*ер* «муж, воин, герой»).

Прямо-переходный глагол управляет орудным объектом (дополнением в инструментальном, орудном падеже) несколько иначе, чем прямым объектом. При посредстве орудного объекта действие переходит на прямой объект. Близость винительного и инструментального падежей, служащих для выражения объектных отношений, проявляется и в их форме. После аффикса принадлежности аффикс винительного падежа (*-н, -ын, -ін, ун, -үн*) совпадает с аффиксом инструментального падежа.

Примеры: *Аз тутуқ-уғ еліг-ін тутды* (КТб., 38) «Он схватил рукой азского тутука»; *Сүчіг саб-ын, йымшак ағы-н арып...* (КТм., 5) «Прельщая сладкими речами и роскошными драгоценностями (из контекста подразумевается прямой объект – «тюркский народ»)»; *Алтун қорұғ сақым-ын қылыч-ын кесіпэн...* (ThS, 12) «Мое золотое чрево мечом порезав...»; *Саліх тікмэ бірі-н еліг-ін тутуп бір сыңар ташлар ерділэр* (Rb., 288) «Салих перехватал их всех руками и разбросал в разные стороны».

Инструментальный падеж может употребляться при любом глаголе (мы не касаемся уже наречных образований типа *йайын* «летом», X, 39, *йазын* «весной», Ха, 2, *қышы-н* «зимой», Ха, 2, выступающих в предложении в функции обстоятельства времени). Имя в инструментальном падеже при непереходном глаголе уже нельзя назвать управляемым, ибо падежная форма здесь не обусловлена лексико-семантическим содержанием глагола. При непереходном глаголе движения, процесса или состояния имя в инструментальном падеже, который в таких

случаях употребляется как «наречный падеж» (Adverbial-Casus)⁷⁸, примыкает к глаголу («падежное примыкание») и выступает в предложении в функции обстоятельства образа или способа действия.

Примеры: **Ингэк көлүк-ін** *Т оғлада Оғуз келті* (Тон., 15) «По реке Тогле пришли огузы с рогатым, вьючным скотом»; **Едгүлүк-үн кел, есізлік-ін келмэ** (МК II, 97 узб. изд.) «Приходи с добрыми намерениями, со злыми намерениями не приходи!»; **Бағр-ын йорығма** (Chuast., 34) «Передвигающиеся животом (т.е. пресмыкающиеся)»; **Адақ-ын йорып сізніі атайу** (ТТ III, 97) «Ходя ногами (т.е. пешком) и называя Вас...»; *Тоз топрақ өз-ін сөнді* (ТТ I, 1) «Пыль улеглась («угасла») сама собой».

Исторический процесс развития тюркских языков приводит к тому, что древний инструментальный падеж, бывший универсальным в языке памятников рунической письменности, в памятниках древнеуйгурской письменности начинает частично отмирать, а в современных тюркских языках уже полностью исчез.

Значение орудности, инструментальности в «Кутадгу билиг», помимо инструментального падежа, может передаваться формой местно-исходного (местного) падежа, например: **Йарағсызны йықты, еліг-ін уруп** (KB II, 45) «Неудобного он повалил, ударив рукой»; **Йарағсызны боғды, еліг-дэ уруп** (QBN, 43) «Неудобного он сдал, ударив рукой». Ср. в узбекском языке сочетания типа: *Мен ошни қошиқда ейман* «Я ем плов ложкой». Орудные отношения здесь выражаются формой местного падежа».

В древнеуйгурской буддистской литературе орудные отношения выражаются иногда посредством послелога үзэ «наверху, над, на, на основании, с помощью, посредством», например: **Буларның алқу хамаф бутыларның қылмыс йаратмыс арвыслары-н хылыч үзэ кесэрмэн, вріп үзэ қазқуқ тоқыйурмен** (Uig. II, 61) «Чары их, сотворенные всеми различными призраками, я разрубаю мечом, посредством *vaira* (белемнит, чертов палец) я приколачиваю (т.е. пригвождаю, прибиваю)».

Орудные отношения, отношения способа и образа действия в древнеуйгурских памятниках арабского письма могут выражаться и союзом *бірлэ>білэ* «с, вместе с...», выступающим в данном случае в качестве послелога. Например: **Ол атны чыбық бірлэ чапты** (МК II, 9 узб. изд.) «Он стегнул лошадь прутом»; **Арымас нечэ йувса қан бірлэ қан** (Hib., 324) «Кровь не смывается (букв. не очистится), сколько бы ее не смывали кровью»; **Кудрэт1 бірлэ уған қадыр йумурды барчасын** (Ro., 283) «Силою своею истребил их всех Всемогуший Бог»; **Амуллуқ білэ ачты Ай толды тіл, Сіліклік білэ өз сөзін айды, біл** (QBN, 53; QBW, 30) «Со спокойствием открыл свою речь Ай-Толды, с изыществом он сказал, знай, свои слова»; **Сақынч қағу бірлэ көзін йуммады** (QBQ, 373) «В тоске и печали (пребывая) он не сомкнул глаз (всю ночь)». В современных тюркских языках орудные отношения

⁷⁸ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – С. 63.

выражаются преимущественно посредством развивающегося послелога *бірлэ* (в его различных фонетических вариантах), который связывает имя с глаголом. Ср. тур. *ile*, *-(y)la(n)*, *-(y)le(n)*, тув. *-биле* (пишется через дефис), узб. *билан*, уйг. *билән*, тат. *белән*, казах. *-мен(ен)*, *-бен(ен)*, *-пен(ен)* (в отличие от одинакового союза этот послелог условно квалифицируется в казахских грамматиках как аффикс «вспомогательного падежа» – *көмектес септік*, хотя он и не подвержен гармонии гласных), кирг. *менен* и т.д.

* * *

Корневые переходные глаголы обозначают как конкретные действия над конкретным объектом, так и обобщенно-абстрактные действия (*ар-* «прельщать, обманывать», *бырт-* «осквернять», *безэ-* «украшать», *авыт-* «успокаивать» и пр.). В зависимости от контекста более или менее отвлеченные смысловые оттенки может принимать почти каждый глагол конкретного действия, что само по себе не изменяет характера синтаксических объектных связей между управляющим глаголом и управляемым именем. Ср. употребление в переносных значениях прямо-переходных глаголов *тут-* «держат, хватать» – «применять», «помнить», *тыд-* «пресекать» – «смирять, умирать (алчность)», *тег-* «трогать, задевать» – «применять», *сүз* «цедить, фильтровать, очищать» – «упорядочивать, благоустраивать», *йе-* «есть, съесть» – «насладиться» и др.

Примеры: *Біліг ішкэ тутса, тыдуса көзі-н* (QBN, 212) «Следует применять знание к делу и умирать глаза (т.е. их алчность)»; *Буларның атлары-н тутмыс кергэк* (Tis., 43a) «Надо помнить их имена»; *Біліг-н укушу-н тегіп ел түзэр, Бу үч нең білэ ер ажун-уг сүзэр* (QBN, 201) «Применив свои знание и разум, муж устроит государство, посредством (же) этих трех вещей муж благоустроит вселенную»; *Йеді бу ажун-уғ, йегэй ол ажун* (QBW, 81) «Он наслаждался этим миром и насладится тем миром».

Однако в ряде случаев такие свободные синтаксические словосочетания, благодаря закреплению определенных значений глагола с определенными именами, лексикализуются в устойчивые фразеологические единицы глагольной семантики, синтаксические объектные связи между компонентами которых ослабляются (на этом остановимся подробнее в главе IV).

ГЛАВА III

УПРАВЛЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПРОИЗВОДНОГО ГЛАГОЛА СИНТЕТИЧЕСКОГО (АФФИКСАЛЬНОГО) ОБРАЗОВАНИЯ

Исторически прослеживаемый процесс лексико-грамматического развития глагольного управления тесно связан с аффиксальным словообразованием производного глагола. Управление производных глаголов аффиксального («морфологического») словообразования обуславливается, в сущности говоря, не столько грамматической формой (аффиксы глаголообразования), сколько семантическим переосмыслением производной основы по сравнению с исходной основой. Не претендуя на исчерпывающее изложение древнетюркского глаголообразования, мы попытаемся проследить в данной главе отношение производных глагольных основ к категории переходности–непереходности. Упор, разумеется, делается на производные глаголы переходной семантики (господствующие, компоненты объектных словосочетаний), ибо только они и могут управлять прямыми и косвенными дополнениями, выраженными определенной падежной формой имени.

Производные глагольные основы образуются как от имен, так и от глаголов. В последнем случае управление производного глагола рассматривается в тесной связи с лексико-синтаксической стороной залогообразования (выражение отношения между субъектом и объектом действия), за исключением основного или прямого залога, т. е. корневого глагола и глагольной основы, образованной от имени.

1. ОСНОВЫ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ИМЕН, И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С УПРАВЛЯЕМЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Производные отыменные глаголы, подобно корневым глаголам, могут быть классифицированы на несколько известных лексико-семантических групп, по разному относящихся к категории переходности–непереходности, к способности управлять падежной формой

имени в объектном словосочетании. Переходность или непереходность отыменных глаголов в значительной степени зависит от лексического значения исходных именных основ⁷⁹.

В центре образования глагола от имени находится аффикс *-ла// -лэ* (выступающий иногда в вариантах *-да, -дэ, -та, -тэ*).

Аффикс *-ла//...*, присоединяясь к имени, образует глагол, конкретное содержание которого определяется семантикой исходной именной основы. От имен, обозначающих время, цель, состояние, процесс или его признак, образ или способ действия, и от звукоподражательных слов образуются непереходные глаголы состояния, процесса, движения и звукоподражания: *қышла-* «зимовать» (КТб., 48; МЧ, 9; *қыш* «зима»), *йайла-* «проводить лето, располагаться на летовку» (МЧ, 20; *йай* «лето»), *сүлэ-* «воевать, ходить военным походом» (0,7; *сү* «войско, поход»), *сувла-* «пить воду, ходить на водопой» (КВ II, 47; ср. в переходном значении казах. *сула-* «смачивать водою»), *бузағула-* «телиться» (MW, 46; **бузағу** «теленки»), ертэлэ- «рано идти на работу» (MW, 62, ср. *ертэ* «рано, утром»), *ісіглэ-* «нагреваться» (MW, 68; *ісіг* «горячий», ср. казах. *ыссыла-*, *ыстықта-* «разогреть от жары»)⁸⁰, *терклэ-* «спешить, торопиться» (ThS, 11; *терк* «быстро, скоро»), *іглэ-* «хворать, болеть» (Suv., 4; *іг* «болезнь»), *таңла-* «удивляться, поражаться» (QBW, 183; *таң* «утренняя заря», «диво, удивление»), *ынчықла-* «вздыхать, всхлипывать, плакаться» (Uig. III, 35; *ынчық* «вздохи, стоны», ср. уйг. *инжиқ* «потуги», «тот, кто кричит», *инжиқ-лимақ* «кричит», узб. *инжиқ* «капризный, привередливый; нытик») и т.д. От имен, обозначающих орудие, предмет, объект, признак, результат и пр., образуются переходные глаголы, управляющие прямым дополнением (прямым объектом, выраженным именем в форме винительного падежа).

В памятниках древнетюркской письменности представлены следующие лексико-семантические группы прямо-переходных глаголов, образованных от имен при помощи аффикса *-ла//...*:

1. Глаголы активного действия, физического (осуществляемого в различной степени) воздействия на объект: *қылычла-* «зарубить мечом» (*қылыч* «меч»), *йоғла* «погребать, хоронить» (*йоғ* «погребение,

⁷⁹ Севортян Э.В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. К проблеме словообразования. – Сб. «Вопросы узбекского языкознания». – Ташкент, 1954. – С. 79.

⁸⁰ Производные отыменные глаголы типа *yrtalamak* «(vgl. *irtä*) früh an die Arbeit gehn», *isiglämäk* «in der Hitze gehn» и др., отмеченные К. Брокельманом в лексике «Дивана» Махмуда Кашгарского, не позволяют согласиться со следующим замечанием: «Махмуд Кашгарский отметил лишь одно непереходное значение (появление, возникновение у предмета других предметов, в том числе потомства). Это говорит о том, что уже для его эпохи переходность значений глаголов на *-ла-* была ведущей, тогда как непереходность в целом являлась умирающей, почему Махмуд Кашгарский и не заметил в форме на *-ла-* значения перехода предмета в другое состояние, вид, форму и пр.» (Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М., 1962. – С. 85).

захоронение останков, похороны», ср. чув. *сава* «кладбище»), *семэк*лэ- «погребать, совершать погребальные церемонии» (*семэк* «лес, роща», ср. чув. *симк* «весенние поминки, семик»), *емлэ*- «лечить, исцелять» (*ем* «средство, лекарство»), *йерлэ*- «делать местожительством, населить, обжить» (*йер* «земля, место»), *еблэ*- «женить, наделить домохозяином» (*еб* «юрта, жилище, домохозяином»), *талула*- «избирать, выбирать, отбирать» (*талу* «избранный, отборный»), *берклэ*- «задерживать, ограждать» (*берк* «укрепление; крепкий»), *беклэ*- «задерживать, запира- рать, закрывать, заключать» (*бек* «крепкий», ср. тат. *бик* «запор, засов, щеколда»), *башла*- «начинать, возглавлять», «управлять, начальство- вать» (*баш* «голова; начало»), *ишлэ*- «делать, совершать» (*иш* «работа, дело»), *оғурла*- «красть, похищать» (*оғур* «случай, обстоятельство», Suv., 608; иногда ошибочно возводится к *оғры* «скрытый; вор», ThS, 23, Dig. III, 14), *сақла*- «хранить, беречь» (*сақ* «осторожный, бдительный»), *издэ*-//*истэ*- «искать, разыскивать» (*из* «след») и др.

Примеры: *Алты еріг санчды, су тегісінтэ йетінч ер-іг қылычла- ды* (КТб., 45) «Шесть мужей он заколол, в свалке он зарубил мечом седьмого воина»; *Ысбара білгэ Күлі чур-ығ йоғлаты* бедізін *бедізті олурты* (КЧ, 24) «Ысбара Бильге Кули-Чура они похоронили, укра- шения (т.е. памятник с эпитафией) вырезали и поставили»; *Өлүг-үг семэкклэгэлі... елтмээз кнэ* (Suv., 5) «Они еще не увозили погребать покойника»; *Бағрым башы-н емлэді* (МК) «Она исцелила раны моей печени»; *Қара сеңэр-іг йерлэдім* (Е, 24) «Я сделал местожитель- ством Кара-Сенгер»; *Еблэдім оғлум-ын* (Е, 47) «Своих сыновей я наделил домохозяином (т.е. женил)»; *Кішідэ талула бу ікі кіші-г* (QBQ, 153) «Выбирай этих двух людей среди людей!»; *Негү тег кішэн ол сені берклэгү* (QBW, 39₃) «Каковы те пути, которые тебя задер- живают?»; *Йеллі сувлы тебрэйү қудуғ ічі-н беклэті* (ТТ I, 14) «Ветер и вода, двигаясь, закрыли внутренность колодца»; *Байат аты бірлэ сөз-үг башладым* (QBQ, предисловие) «Я начал (свою) речь с именем бога!»; *Бу сақлық білэ, көр, е-лін башлады* (QBN, 437) «С этой бди- тельностью, смотри, он управляет своим народом!»; *Күл тігін еб-іг башлайу қытымыз* (КТб., 48) «Мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал дома»; *Аддынларқа* (т.е. *адынларқа*) *асығлық іш- іг ішлэтіңіз* (ТТ III, 69) «Для других Вы совершили полезное дело»; *Аднағунуң тавары-н оғурладымыз* (ТТ IV, А) «Мы имущество друго- го похищали»; *Бу сақлық білэ, көр, елі-н сақлады* (КВ II, 45) «С этой осторожностью, смотри, он сохранил **свое** государство!»; *Балық улу- ста бу ном-уғ істэп (? издэп) тапышмады* (Suv., 17) «В городе среди жителей искали это писание, но не нашли».

2. Глаголы речи, говорения: *сөзле*- «говорить, рассказывать, изла- гать» (*сөз* «слово, речь»), *үнтэ*-//*үндэ*- «звать голосом, выкрикивать, призывать, созывать» (*үн* «голос, звук»; ср.тур. *ünlemek* «кричать, звать; петь», казах. *үнде*- «призывать»), *номла*- «проповедовать, читать в назидание» (*ном* «священная книга, закон, вероучение»). Перечис- ленные прямо-переходные глаголы могут управлять также косвенным

дополнением, выраженным именем существительным или местоимением в дательном-направительном падеже.

Примеры: *Қорқмаңлар, мен емті сізләр-кэ тірілміш тылтақым-ын сөзлэйін* (Suv., 5) «Не бойтесь! Я теперь расскажу вам причину моего воскресения»; *Бег йарлығы-н Віданкасарі браман-қа то(лу) тукэти сөзлэділэр* (Uig. III, 30) «Они целиком и полностью изложили брахману Vidangasaga повеление правителя»; *Улар куш үнін тартты үндэп еші-н* (QBW, 14) «Улары (самцы горных индеек) затянули свои песни, созывая своих товарищей»; *Еліг үндэді бір күн Өгдүлміш-іг* (QBW, 65) «Однажды правитель призвал Огдюльмиша»; *Үчинч арығын торуғын ермэк-іг номлайур* (Man. III, 21) «В-третьих, он проповедует бытие чистое и праведное»; *Төрт көні ном-уғ олар-қа көңүлчэ номлайын* (Uig. III, 11) «Да буду я сердечно проповедовать им четыре истинных учения!»

Только прямым дополнением управляет глагол *соңда-* «поносить, оговаривать, оклеветать заочно» (*соң* «после, затем; конец»): *Кіші-г сондамағыл тілің қыл ағын* (QBN, 438; QBQ, 367) «Не поноси заочно людей, придерживай свой язык (*ағын* «немой»)!»

3. Глаголы чувственного восприятия: *тыңла-* «слушать, внимать» (*тың* «внимание»), *арзула-* «желать, мечтать» (иран. *арзу* «желание, мечта»), *ағырла-* «почитать, уважать; возвышать» (*ағыр* «почтенный») и др.

Примеры: *Өгүм өтін алайын, қаңым сабы-н тыңлайын теп келміш тер* (ThS, 90) «Рассказывают, он (блудный сын) вернулся, говоря: «Да получу я наставления моей матери, да выслушаю я слова моего отца!»; *Саңа сөзлэдім мен, сөзүң тыңладым* (QBW, 33) «Я тебе говорил и твои слова слушал»; *Ажун бодны ештін, аны арзулап...* (KB II, 46) «Народ мира, услышав, мечтает о нем»; *Кіші-г тіл ағырлар..., кішіг тіл учузлар* (QBW, 17₄) «Язык возвышает человека..., язык и унижает человека»; *Міһман ағырлаған* (Rby., 109) «Он почитал гостей».

Некоторые производные глаголы на *-ла* принимают косвенно-переходное значение. Так, глаголы *хатла-//қатла-* «смешиваться, примешиваться, наслаиваться на» (*қат* «слой») и *тылта-* «ссылаться, делать оговорки, возражать» (*тыл* «лазутчик; речь», ср. *тылтақ* «предлог, причина», *тылтан-* «ссылаться, делать отговорки на что-либо, основываться», Chuast., 125) управляют именем в форме дательного-направительного падежа, а глагол чувственного восприятия *өбкэлэ-* «сердиться, обижаться на...» (*өбкэ* «обида, огорчение») управляет именем в форме местно-исходного (или исходного) падежа, например: *Ол азың кім таштан ас-қа ічкү-кэ хатлап ерүр..., йемэ ет»өзкэ кірүр* (Man. I, 16) «Эта твоя греховная страсть, которая извне смешивается с едой и питьем, снова входит в плоть...»; *Бу бітігтэкі чауны бітіг йосунча, негү-кэ ма тылтамайын (? тілтэмэйін), чамсыз көні берүрбіз* (USp., 12) «Мы отдадим сполна и справедливо по правилу документа, не ссылаясь ни на что, упомянутые в этом документе денежные ассигнации»; *оғлы өгін-тэ қаңын-та өбкэлэпэн тезіпэн бармыш* (ThS, 89-90) «(Некий) сын,

рассердившись на своих родителей (букв. на свою мать и своего отца), убежал (из дому)».

В результате слияния аффикса *-ла* с показателем возвратного залога *-н* в производных глаголах развивается единый аффикс *-лан* (< *-ла+н*), образующий, как правило, непереходные глаголы: *атлан* «садиться верхом на лошадей, выступать, отправляться в поход» (КЧ, 20; *ат* «лошадь»), *өглэн* «одуматься, прийти в чувство после обморока» (Suv., 619; *өг* «мысль»), иногда же косвенно-переходные глаголы чувственного восприятия: *суқлан* «завидовать чему-либо, зариться на что-либо» (*суқ* «завистливый, жадный, алчный», ср. узб. *суқла* «лечить от глаза заговором или с помощью магических действий», *суқлан* «завидовать», «быть замороженным, очарованным»), *азлан* «испытывать страсть, питать чувство, стремиться к...» (аз «греховная страсть, вожделение») и пр., например: *Абынларның булунчыңа суқландачы болқулуқ ермэз* (ТТ VIII, 39) «Нельзя быть зарящимся на приобретения других»; *Ол оқ тегінмэк тылтағынта азунлар-қа ед тавар-қа ерк-кэ түрк-кэ азланмақ турур* (Uig. II, 10) «Из-за желания достигнуть именно этого (а не чего-нибудь другого) возникает греховная страсть к мирским удовольствиям, имуществу, власти и могуществу»; *Ед-кэ тавар-қа ашланмағыл* (Suv., 16) «Не прельщайся мирскими благами (*ашлан* «прельщаться, соблазняться чем-либо» <*аш* «пища»)!»

В словаре Махмуда Кашгарского аффикс *-лан/-лэн* образует как непереходные глаголы со значением перехода в другое состояние, значением возникновения и развития нового признака (*күчлэн* «стать сильным», *қыпчақлан* «усвоить кыпчакские привычки, окыпчачиться», *беглэн* «выйти замуж»), так и прямо-переходные глаголы со значением уподобления, употребления чего-нибудь в функции имени, от которого образован глагол. «Управление винительным падежом у глаголов на *-лан*-, справедливо заметил Э.В. Севортян, объясняется неразвитостью медиального значения показателя *-н*-»⁸¹. Например: *Ол бу ат-ығ туруқланды* (МК II, 265) «Он посчитал этого коня тощим»; *Ол өтмэк-ні қуруғланды* (МК II, 1268) «Он нашел, что этот хлеб сухой»; *Хан бу йер-іг қушлағланды* (МК II, 273) «Хан использовал эту землю как место охоты на птиц».

Употребителен также аффикс *-а/-э*. В зависимости от семантики имени он образует глаголы со значением действия как переходного, так и непереходного: *сығта* «вопить, стонать, рыдать» (КТб., 4; QBW, 179); *сығыт* «стон, вопль, рыдание»), *орна* «размещаться; пребывать, обитать» (QBN, 410; Tiš. 43h); *орын* «место»), *йаша* «быть в определенном возрасте» (КТб., 42; *йаш* «возраст, лета»), «жить» (МК III, 89), *түнэ* – «ночевать» (QBW, 27₂₂; *түн* «ночь») и др. Глаголообразующая функция аффикса *-а/-э* приближается к функции аффикса *-ла...*

⁸¹ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – С. 127.

Прямым дополнением (именем в винительном падеже) управляют следующие прямо-переходные глаголы, образованные с помощью аффикса -а// -э:

1. Глаголы производительного действия, физического воздействия на объект: *ула-* «связывать, соединять; обосновывать» (*ул* «дно, основание»), *өртэ-* «зажигать, поджигать» (*өрт* «пожар»), *қата-* «присоединять» (*қат* «ряд, слой»), ср. *қат-* «присоединять» (USp., 74, 99), *қарта-* «бередить (рану)» (*қарт* «нарыв, опухоль, рана»), *күчэ-* «пересилить, принуждать» (*күч* «сила»), «делать усилия, напрягаться, усиливаться» (непереходное значение), *сына-* «испытывать» (*сын* «испытание»), *теңэ-* «приравнивать, сравнивать; оценивать» (*тең* «мера, пропорция; равный, равно»), *үстэ-* «прибавлять, дополнять, увеличивать, приумножать» (*үст* «верх») и др.

Примеры: *Қара йол теңрі мен. Сынуқыңын сепэрмэн, үзүүкің-ін улайурмен* (ThS, 72-73) «Я черное божество судеб. Твое сломанное я поправляю, твое разорванное я соединяю»; *Евэ йығлу келді, аңар өз улап* (KB II, 46) «Быстро собираясь, он (народ) пришел, чтобы себя присоединить (т.е. присоединиться) к нему»; *Тақы йемэ інчэ қалты оот, кім ығачдан өнүп йана ығач-ағ өртэйүр* (Map. I, 7) «И снова так, как огонь, который возникает из дерева и снова зажигает дерево»; *Сенің борлуқуң-ны ел күчэніп Ыналқучқа қатады* (USp., 24) «Твой виноградник община насильственно присоединила к Ыналкучу»; *Бағрым башы-н қартадым* (МК) «Я бередию раны моей печени»; *Үдік мені күчэйүр* (МК) «Любовь меня пересиливает» (С.Е. Малов переводит: делает сильным); *Сынады көр еліг бу Өгдүлміш-іг* (QBQ, 83) «Смотри, правитель испытал этого Огдюльмиша»; *Теңэгли теңэді білігнің теңі-н* (Ateb., 98) «Достоинства знания оценил (только) достойный»; *Біліг ердэм үстэп, қызартмадың ең* (QBQ, 345) «Приумножая (свои) знания и добродетели, ты не заставлял краснеть лицо» (R.R. Arat: «не достиг счастья»).

Глагол *йалға-//йалқа-* «лизать, облизывать» (ср. ж.-уйг. *йалға-*, узб., тур., азерб. *яла-*, казах. *жала-*, тув. *чылга-* в том же значении) образован либо от имени *йалығ*, представленного в языке желтых уйгуров со значением «помои» и в турецком языке со значением «деревянный или роговой сосуд для питья»⁸² (*йалығ+а-*), либо от имени *йал*, имеющего в азербайджанском языке значение «жидкая пища, месиво для собак» (*йал+ға*). Аффикс *-ға// -гэ, -қа// -кэ*⁸³ представляет собой, по-видимому, фонетический прототип аффикса -а// -э. Ср. еще переходный глагол *сыққа-//сыхқа-* «сделать густым», в составе которого одинаково можно заподозрить как аффикс -а, так и -қа (алт. *сықық, сыққық* «тесно, плотно вместе», узб. *сиқиқ* «сжатый, тесный, стесненный», тур. *sık* «густой, плотный»; USp. 28: *сық* «мера земли»), например: *Йағлығ қамыч булуң-ын йалғайу тірілміш, өлүмдэ озмыш*

⁸² Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. III. – СПб., 1901–1905. – С. 164.

⁸³ Этот аффикс обнаруживается также в непереходном глаголе *ерінчкэ-* «быть милостивым, сожалеть» (Suv, 612, *ерінч* «жалкий, несчастный», Suv, 610)

(ThS., 18) «Она (старуха) лизала край масляного ковша и ожила, избавилась от смерти»; **Төгүм-ін сыхқазунлар** (ТТ VIII, 61) «Пусть они мое просо сделают густым!»

2. Глаголы речения: *ата-* «называть, именовать» (*ат* «имя»), *тілэ-* «просить, молить, испрашивать (у бога); желать» (*тіл* «язык»), *йарлықа-//йарлыға-* «приказать, повелеть, провозглашать, соизволить» (*йарлығ* «повеление, приказ»).

Примеры: *Йемэ ерінч кіші оғлы кентү көрмүш өтэгі-н емгэкі-н атайурлар* (Мап. I, 9) «И несчастные сыны человеческие называют свои прегрешения и страдания, которые они сами испытали»; *Қамағ тыңлығлар үчүн мен бурхан қуты-н ті-лэдім* (Uig. III, 36) «Для всех живых существ я молил буддийского благополучия»; **Тілэр ерміш ердэм ідэлэрі-н ол** (KB II, 47) «Он желает (т.е. просит у бога) добродетельных людей (букв. обладателей добродетели)»; *Бегкэ қара бодунқа едгү йарлығ йарлықады* (ТТ II, 1) «Знати и народу он провозгласил (свое) благосклонное повеление»; *Теңрі йарлықадуқун үчүн... қаған олұртым* (КТм., 9) «Так как Небо соизволило (меня)..., я воссел (на престол) каганом».

Глагол чувственного восприятия *түшэ-* «видеть во сне» выступает обычно в составе глагольного комплекса *түш түшэ-* «видеть сновидения» (QBN, 429), но иногда может выступать и самостоятельно, образуя объектные словосочетания с различными именами существительными, например: *Қыш ерсэ йана түш көрүглі қары, Ақар сув түшэсэ йа буз, қар, толы...* (QBQ, 360) «Если зима и видящий сны старый, а видит он во сне поток или же лед, снег и град, то...».

Иногда отыменный глагол, образованный с помощью аффикса *-а//е*, управляет косвенным дополнением в форме дательно-направительного падежа. Таковы косвенно-переходные глаголы *оғра-* «встретить(ся), случиться; обращаться, поступать, направляться» (*оғур* «случай, обстоятельство»), *оғша-//оқша-//охша-* «походить, уподобиться» (*оғуш~окус* «порода, разновидность; род, племя»; ср. уйг. *охша-*, казах. *ұқса-* или *ұса-* в том же глагольном значении), *меңзэ-* «стать похожим, соответствовать, уподобляться» (*меңіз* «лицо, цвет лица, облик») и т.д.

Примеры: *Чақ емті маңа оғрайу өтөзүмін ісіг өзүмін тіткүлүк ыдалағулуқ өд қолу соқа келті* (Suv., 612) «Как раз теперь, обращаясь ко мне, наступило время мое тело и мою жизнь отстранить и отбросить (т.е. пожертвовать)»; *Ай толды Күн тоғды тапуғыңа оғрамышын айур* (QBN, 44₁₅) «(XIII глава) говорит о поступлении Ай-Толды («Полнолуние») на службу к Кюн-Тоғды («Восход солнца»); **Тағ-ға оғрады** (Rb., 286) «Он направился в горы»; *Йемэ бу үчүнч йаруқ күн күн теңрі-кэ оғшайур йөлэшүр* (Мап. III, 18) «И этот третий светлый день походит и уподобляется божеству Солнцу»; *Йемэ муңар меңзэті* (Мап. I, 23) «И такому он уподобился»; **Муңар меңзэр емді бу бейтіг оқы** (QBN, 128) «Соответственно этому прочти теперь (вот) это двустиишие!»; **Меңзэді атасы-ға** (Zam., 95) «Он стал похож на своего отца».

Аффикс *-ы//і//у//ү* образует от имен, преимущественно, переходные глаголы: *ағры-//ағру-* «болеть» (ТТ VIII, 49; MW, 4,5; *ағыр*

«тяжелый, тяжело»), *йыды-* «испускать запах, пахнуть» (MW, 87; *йыд* «запах»), *сақы-* «показываться, казаться» (MW, 171; *сақ* «бдительный, осторожный, чуткий»), *кеді-* «поспевать, наливаясь (о плодах)» (Ulg. I, 27; *кед~кед* «очень», *кез* «время, пора»), *тару-* «быть тесным» (KB II, 48, *тар* «тесный»), *байу-* «богатеть» (KB II, 46; *бай* «богач, богатый»), *кеңу-* «расширяться» (QBW, 168; *кең* «широкий, обширный») и др. В памятниках древнетюркской письменности встретился только один переходный глагол, образованный при помощи описываемого аффикса, а именно *бошу-* «освобождать, отпускать (грехи), прощать» (*бош* «пустой, свободный, незанятый»; ср. непереходный глагол *боша-* «освобождаться, пустеть»). Например: **Суйумуз-ны бошуйу** *өтүнмэк кергэк ерми* (Chuast., 124) «Надо было каяться, чтобы освободиться от грехов наших»; **Йазукумуз-ны бошуйу** *йарлықазулар* (ТТ IV, В, 36) «Пусть смилуются, прощая наши грехи!»

При помощи аффикса *-қ/-ық/-ік/-уқ/-үк* от имен образуются, аналогично аффиксу *-ы/-1/-у/-ү* (возможно *-ық<-ы+қ*, где *-қ* показатель глагольного интенсива), преимущественно непереходные глаголы: *ағуқ-* «отравляться» (ТТ III, 28; *ағу* «яд, отрав»), *тағық-* «восходить, подниматься в горы» (КТб., 12; *тағ* «гора»), *антық-* «клясться» (Chuast., 43; *ант* «клятва»), *муңуқ-* «горевать, скорбеть, тосковать» (QBN, 180; *муң* «скорбь, горе, тоска») и др. С помощью этого же аффикса иногда могут образовываться косвенно-переходные глаголы, управляющие косвенным дополнением в дательном-направительном падеже: *йолуқ-* «встретиться, повстречаться с» (*йол* «дорога, путь»), *ічік-* «направляться внутрь – к центру государственного объединения», т.е. «подчиняться, покоряться» (*іч* «внутренняя сторона чего-либо, внутренность; нутро»). Например: **Йыта сізім-э йолуқайын** (Е, 10) «Горюя, мне хотелось бы встретиться с вами, моими (родными)»; **Қаған-қа қырқыз будуны ічікді йүкүнті** (Тон., 28) «Кыргызский народ подчинился кагану и повиновался (ему)».

Аффикс *-р/-ар/-эр* образует от имен прилагательных и существительных обычно непереходные глаголы «процесса и состояния»: *қарар-* «сделаться темным, почернеть» (Suv., 617; *қара* «черный, темный»), *белгүр-* «становиться заметным, обнаруживаться» (Suv., 621; *белгү* «мета, примета, знак»), *қарағур-* «становиться слепым (от жадности)» (QBW, 174; *қарағу* «слепой»), *түнэр-* «обращаться в ночь, темнеть, чернеть, мрачнеть» (QBN, 212; QBW, 38, 28; МК II, 86; *түн* «ночь»), *тазар-* «плешиветь» (МК II, 77; *таз* «плешивый»), *күзэр-* «наступить осени» (МК II, 77; *күз* «осень»), *муңар-* «делаться грустным» (KB II, 44; *муң* «грусть, печаль, тоска») и др. Этот аффикс совершенно отсутствует в памятниках рунического письма, где в аналогичной функции выступает аффикс *-д/-ад/-эд* (см. ниже). В результате фонетического расщепления последнего (*д~д~р*) в памятниках древнеуйгурской письменности возникают аффиксы *-д/-ад/-эд* и *-р/-ар/-эр*. Изредка в древнеуйгурских памятниках аффикс *-ар/...(-ғар...)* образует от имен переходные глаголы, например: *өңэр-* «брать на вид, положить

перед собой; предусматривать, принимать во внимание, учитывать» (**өң** «перед; восток; вид, цвет», ThS, 25; Top., 29; MW, 134), ср. казах. **өңгер-**, уйг. **өңгәр-**, тув. **үңгер-** в более конкретном значении «положить впереди себя (перед собой) на седло».

Бу **мунумуз-ны** емті қылыңч теңрісі **өңәрзун** – *теп өтүнтілэр* (Suv., 7) «Они спросили: «Да примет во внимание эти наши беды божество поступков!».

Аффикс **-ғар// -гэр// -қар// -кэр** в памятниках древнеуйгурской письменности был довольно продуктивным и образовывал от имен преимущественно переходные глаголы (в рунических текстах этот аффикс отсутствует): *ташқар* – «устранять, удалять» (*таш* «внешняя часть чего-либо», ср. *таш* – «убегать», Suv., 5), *көңүлкэр* – «продумывать, вспоминать; проникать сердцем» (*көңүл* «сердце»), *түпкэр* – «углублять, исследовать до дна» (*түп* «дно, основание»), *чынғар* – «расследовать, устанавливать истину, докапываться до сущности» (*чын* «истина, правда»), *атғар* – «посадить верхом на лошадь» (*ат* «лошадь»), *умутғар* – «пристыдить, осрамить» (*умут* «стыд»), *сувғар* – «поить; орошать, поливать» (*сув* «вода»), *түзгэр* – «одарить» (*түз* «подарок»), *көзгэр* – «показывать» (*көз* «глаз») и многие другие, которые управляют прямым дополнением.

Примеры: **Ал алтағ узанмақлар-ығ ташқарып, аддынларқа асығлық ішіг ішлэтіңіз** (ТТ III, 68-69) «Устранив обман и небрежность, Вы сделали полезное для других дело»; **Бу сутур ертіні-г көңүлкэр-мэк кергэк** (Tiš., 50b) «Нужно припомнить эту сутру-сокровище!»; **Толу түкэл білгэ біліг-іг түпкэргүлүк...** (Suv., 614) «Полно и совершенно мудрое знание исследовавшая (диана, созерцательность, отрешенность от земных забот)»; **Ол ыш-ығ түпкэрді** (МК II, 179) «Он исследовал (изучал до подробностей) дело»; **Ол ыш-ығ чынғарды** (МК II, 182) «Он расследовал дело»; **Ол мені атғарды** (МК I, 225) «Он меня посадил верхом на лошадь»; **Ол мені умутғарды** (МК I, 290) «Он меня пристыдил»; **Ол ат сувғарды** (МК II, 188) «Он напоил лошадь»; **Мен аны түзгэрдім** (МК II, 179) «Я одарил его»; **Ол атам-ны маңа көзгэрді** (МК II, 196) «Он показал мне моего отца».

В очень редких случаях аффикс **-ғар//...** образует от имен непереходные глаголы: *тазғар* – «плешиветь» (МК II, 178; таз «плешивый»), *күзгэр* – «идти к осени, становится осенним» (МК II, 198), *сүтгэр* – «превращаться снова в молоко, разжижаться (о простокваше)» (MW, 189). Сравнивая глаголы *тазар//тазғар* – «плешиветь», *күзэр//күзгэр* – «наступить осени», естественно предположить, что они образованы фонетическими вариантами одного и того же аффикса. Интересно, что между этими вариантами произошла в значительной степени, как мы видели выше, дифференциация значений по переходности-непереходности: при помощи аффикса **-ғар//...** обычно образуются переходные глаголы, а при помощи аффикса **-р// -ар// -эр** обычно образуются непереходные глаголы.

От имен при помощи малоупотребительного аффикса **-ырқа// -ір-кэ// -урқа...** образованы: непереходный глагол психического состояния

таңырқа- «изумляться, поражаться, удивляться» (QBQ, 384; *таң* «диво, удивление, изумление»), переходные глаголы чувственного восприятия *есіргэ-//есіркэ-* «жалеть, сожалеть, скорбеть о чем-либо; щадить, оберегать» (ср. эс «добыча, жертва хищных зверей», MW, 24) и *тсуйурқа-//суйурқа* – «проявить доброе чувство к кому-нибудь, пожалеть, помиловать» (происходит от китайского слова *ts'i – ts'ü* «добрый, сострадательный; жалость, сострадание»⁸⁴).

Примеры: *Бу етөзүм-ін есіргэкүм іді келмэс тег* (Suv., 609) «Похоже, что вовсе не испытываю жалости к этому моему (бренному) телу»; *Есіркэп ачыр мен саңа ай йігімлік* (QBW, бейт 6528 по изданию Р.Р. Арата) «О молодость, я скорблю и сожалею о тебе!»; *Чығай тул йэтім-іг суйурқағлы йоқ, Ажун тегшүрүлді таңырқағлы йоқ* (QBQ, 384) «Некому пожалеть бедняков, вдов и сирот; перевернись (хотя бы даже) вселенная – никто не удивится»; *Суйурқа аны сен ай көркі толун* (QBN, 202) «Смилуйся над ним, о ты, красотой как полная луна!»

Все рассмотренные выше аффиксы (-ла, -а, -ға, -ы, -ық, -ар, -ғар, -ырқа) в известной мере нейтральны к категории переходности-непереходности, к смысловой характеристике производного глагола, так как могут образовывать от различных имен как переходные, так и непереходные глаголы. Управление отыменных переходных глаголов, таким образом, обуславливается исключительно их смысловым содержанием, по отношению к которому перечисленные аффиксы глаголообразования в целом обнаруживают нейтральность. В случае, если от одной и той же именной основы образовано несколько производных глаголов, последние дифференцируются между собой (здесь решающую роль играет семантика каждой конкретной именной основы и специфика каждого конкретного языка), например, в «Диване тюркских языков» Махмуда Кашгарского (MW, 129, 119): *от* «трава» > *отла* – «щипать траву, пастись», *ота* – «лечить травами, исцелять» (ср. тув. *оьда* – «вызывать дождь магическим способом при помощи некоторых трав», казах. *ота* – «полоть, пропалывать от сорной травы»), *отғар* – «пасти»; *күз* «осень» > *күзэ* – «проводить осень», *күзгэр-//күзэр* – «наступать осени, становится осенним (о времени года)».

Остальные аффиксы в языке древнетюркских памятников образуют от имен (и от звукоподражательных слов, мимем, междометий) только непереходные глаголы (процесса, состояния, звукоподражательные и др.), которые не имеют никакого отношения к глагольному управлению. Для полноты картины перечислим наиболее известные из этих аффиксов.

Аффикс -*д//ад//э*д или -*д//ад//э*д (resp. -*й//ай//эй* или -*р//ар//эр* в «Истории пророков» Рабгузи, в современных узбекском, уйгурском, казахском, татарском и ряде других тюркских языков): *йағыд* – «становиться врагом» (МЧ, 22; *йағы* «враг; вражда, война», ср. *йағы*

⁸⁴ Bang W. und Gabain A. von Türkische Turfan-Texte, III. Berlin, 1930. – С. 30 (прим. 113); Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. – С. 68

– «враждовать», КЧ, 18), *қулад* – «становиться рабом» (КТб., 13; *қул* «раб»), *күңэд* – «становиться рабыней» (КТб., 13; *күң* «служанка, рабыня»), *йегэд*–/*йигэд* – «улучшаться» (Х, 36; QBW, 133; *йег*~*йиг* «добро, благо; добрый, хороший»), *йоқад*–/*йоқад* – «гибнуть, уничтожаться» (КТб., 10; 94; *йоқ* «нет»), *буңад*–/*муңад*– «горевать, печалиться, тосковать» (КТм., 3; QBW. 30₂₂; *буң*~*муң* «огорчения, печаль, тоска»), *қутад*– «становиться счастливым» (КВ II, 64; *қут* «счастье, блаженство»).

Аффикс *-ғур*–/*-қур*–/*-ғыр*–/*-қыр*...: *қықыр* – «рычать, орать, кричать» (ТТ X, 12; Suv., 7; *қы* «рык», мимема крика), *йаңғур*– «звучать, отдаваться эхом» (Suv., 12; *йаң* «образ, форма», ср. туркм., хакас. *йаң* «эхо, отзвук»). Образую непереходные глаголы, рассмотренный выше аффикс *-ғар*–/... чередуется с аффиксом *-ғур*–/... при одних и тех же исходных именных основах, например: *сүткэр*–/*сүткір* – «превращаться в молоко, разжигаться (о простокваше)» (МК II, 219–220 узб. изд.; *сүт* «молоко»).

Аффикс *-ра*–/*-рэ*: *йаңра* – «издавать звуки, плакать навзрыд» (ThS, 34), *мүңрэ* – «реветь, мычать» (ThS, 93), *көкрэ* – «греметь, рычать, ржать» (МК III, 282), *чиңрэ* – «звонить» (MW, 56; ср. там же *чиң эт* – «звенеть, звонить»), *өгрэн* – «учиться» (КВ II, 47), *өгрэт*– «обучать» (QVQ, оглавление, гл. 52; *өг* «разум, рассудок»), *амраш*– «взаимно любить» (ТТ VIII, 33), *амран*– «предаваться любви, влюбляться» (Iig. III, 75; ср. *амрақ* «любовь; любезный, друг», Uig. III, 75, ThS, 101). Относительно этого аффикса Г.И. Рамстедт высказался довольно определенно: «В тюркском древнее *-ra-* появляется ныне либо в виде *-ra-*, *-r-*, либо в виде *-ar-*, что является результатом фонетического развития гласного в неначальном слоге; в некоторых случаях очевидно также более позднее влияние монгольского. Окончание *-ra-* принадлежит, во всяком случае, к наиболее архаическим: тюркск. *ö-* «понимать», *ög* «разум», «разумение», *ögran* – «учиться, упражняться», *ögrät-* «обучать», ср. факитивное *ögür* – «поучать, наставлять», *ögürt*~*ögüt* «совет» (подробно ср. ниже); среди этих примеров, число которых легко может быть значительно умножено, имеются такие, в которых трудно распознать, с чем мы имеем дело: с неким окончанием *-re-* ~ *-ra-* или же, напротив, с краткой формой окончания, являющейся и более свежей по своему происхождению»⁸⁵. Ср. казах. *тымаура* – «страдать насморком, болеть простудой» (*тымау* «насморк, простуда»), *тымаурат* – «простудиться» и узб. *тумовла* – «схватить насморк» (*тумов* «насморк»), казах. *сылтаура* – «пользоваться предлогом», *сылтаурат* – «находить повод» (*сылтау* «предлог, мнимая причина, отговорка») и тув. *сылдагла* – «находить повод, пользоваться удобным случаем» (*сылдаг* «отговорка, повод, причина»), отсюда напрашивается предположение о генетическом единстве аффиксов *-ла* и *-ра* (чередование звуков *p* ~ *л*).

Аффикс *-са*–/*-сэ*: *таңса* – «удивляться, недоумевать» (QBW, 32; *таң* «диво»), *сувса* – «желать воды, испытывать жажду» (QBN, 216), *етсэ*– «желать мяса, иметь охоту к мясному» (MW, 27).

⁸⁵ Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание, Морфология. – М., 1957. – С. 177.

Аффикс *-сы// -сі:* *сувсы-* «принимать водянистый вкус» (MW, 187), *ерсін-* «становиться мужчиной, мужать» (<ер+сі+н-, MW, 24; ер «муж, мужчина», ср. *ерсік* «мужественный, благородный», MW, 24).

Аффикс *-сыра// -сірэ:* *қағансыра-* «лишаться кагана» (КТб., 13), *елсірэ-* «утрачивать государственную самостоятельность» (КТб., 13; *ел* «племенной союз, государство»), *өгсірэ-* «лишаться чувств, падать в обморок» (Suv. 619; *өг* «сознание, рассудок»).

По своей природе, функции и фонетическому облику в древнейших письменных памятниках аффиксы отыменного глаголообразования строго отграничиваются от аффиксов залогообразования глагола (*-т, -ур, -тур, -л, -н, -ш*). В процессе исторического развития, однако, аффиксы отыменного образования могут сливаться с залогообразующими аффиксами в трудноразложимые морфемы. Если же некий отыменный производный глагол, образованный при помощи аффикса *-ы// -і// -у// -ү*, почему-либо не употребляется в памятниках древнетюркской письменности и не встречается в современных тюркских языках, но известна лексикализованная залоговая форма этого глагола и исходная именная основа, то создается обманчивая видимость того, что залоговые показатели, якобы, могли образовывать глагол непосредственно от имени (в подобных этимологиях не всегда учитывается также омонимичность многих именных и глагольных основ). Исходя из очень сомнительных этимологий⁸⁶, Э.В. Севортян заключает, что в «своем древнейшем применении залоговые формы смыкаются со словообразовательными аффиксами отыменных глаголов и подобно им нередко образуют глаголы от именных основ»⁸⁷. Однако в памятниках древнетюркской письменности V-XI вв. нет достаточно убедительных фактов, подтверждающих это.

Правда, в памятниках древнеуйгурской письменности имеют-ся аффиксы *-ғур, -ғар, -ар*, образующие глаголы от имен [в «Истории пророков» Рабгузи, в современном турецком, азербайджанском, татарском и некоторых других тюркских языках отмечается также аффикс *-л// -ал// -эл*, развившийся, по-видимому, как фонетическая разновидность аффикса *-р// -ар// -эр*: *сағал* – «поправляться,

⁸⁶ Таковы, например: *тозут-* «поднимать пыль, пылить» (тур., уйг.; MW, 215: *тоз* < *тоз* «пыль» (ср. уйг. *тозу* – «подниматься пыли, пылиться»), *саптур* – «велеть дать приданое за невестой; приказать присоединить, приладить» (MW, 171; МК II, 212 узб. изд. رتېس قاي. -; МК II, 182 – Бесим Аталай и С. Муталлибов транскрибируют неточно в виде *септур* -) < *сеп* «приданое невесты» (ср. *сап-* «присоединять, прилаживать; вдевать нить в иглу», MW, 171; МК II, 10 узб. изд.), *сақын* – «беречься, остерегаться, быть осторожным» (QBQ, 172; казах. диалектное, тур. *sakınmak*) < *сақ* «бдительный, осторожный, чуткий» (ср. алт. *Сақы-* «стеречь, хранить», тув. *Сағы-* «соблюдать, блюсти; беречь, хранить»). См.: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – С. 338, 339, 319.

⁸⁷ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – С. 550. Ср. более осторожное замечание Э.И. Фазылова: «Первоначально залоговые аффиксы служили словообразующими аффиксами, которые присоединялись не только к глагольным основам но, по-видимому, и к именным» (Э.И. Фазылов, Категория залога в узбекском языке в сравнительно-историческом освещении: Автореф. канд. дисс. – Ташкент, 1961. – С. 4).

выздоровливать, становиться здоровым» (Rbү., 217), тур. *gencelmek* «молодеть, становиться молодым», азерб. *азал-* «уменьшаться», тат. *караль-* «темнеть, чернеть, мрачнеть»], однако вопрос об их генетической общности с аффиксами понудительного (*-ғур~ғар*) и страдательного (*-л, -ыл, -іл, -ул, -үл*) залогов еще остается открытым. Нередко аффикс страдательного залога производных отыменных глаголов на *-а* или *-ы*, (*йоқал ~ йоқул* «исчезать, уничтожаться, пропадать, теряться», ср. уйг. *йоқа-* ~ *йоқу* в том же значении и в переносном значении «убиваться, сокрушаться, иссохнуть от тяжелой утраты»; *түзэл-* «исправляться, налаживаться; поправляться; становиться здоровым», ср. казах. *түзе-* «поправлять, исправлять, делать ровным, ровнять», уйг. *түзә ~ түзу-* «исправлять, поправлять; разгибать, распрямлять» и др.) превратно истолковывается как аффикс отыменного глаголообразования⁸⁸. Необходимость большой осторожности при подобных сравнениях совершенно правильно подчеркнул В. Котвич: «Как мы уже видели, алтайские суффиксы выступают в многочисленных вариантах, и часто тождество их трудно установить, исходя только из внешней формы. И наоборот, разные суффиксы иногда настолько совпадают фонетически и семантически, что создается впечатление общности их происхождения. Чаще всего это наблюдается в суффиксах, которые отличаются друг от друга только по степени открытости образования входящих в них гласных...»⁸⁹.

Совершенно уже беспочвенны утверждения о том, что показатели возвратного (*-н// -ын//...*) и взаимно-совместного (*-ш// -ыш//...*) залогов могли образовывать некогда глаголы непосредственно от имен. «Все оканчивающиеся на *н* двусложные глагольные основы, – справедливо отмечал В.В. Радлов, – являются возвратными формами от частично уже, возможно, забытых корней, но при малом объеме предложенного нам языкового материала надписей невозможно установить, какие из этих корней ко времени надписей были еще в употреблении»⁹⁰.

2. ОСНОВЫ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ГЛАГОЛОВ, И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С УПРАВЛЯЕМЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Производные отглагольные глаголы обусловлены лексико-синтаксической стороной залогообразования. «Словообразование глагольных основ от глагола, – пишет В.М. Насилов, – неразрывно связано с изменением залогового значения. Это свидетельствует о древности

⁸⁸ Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. – С. 67; Brockelmann C., Osttiirkische Grammatik dor islaniischen Litteratursprachen Mittelasiens, Leiden, 1951–1954. – С. 218–219; Кайдаров А. Краткий грамматический очерк уйгурского языка (приложение к «Уйгурско-русскому словарю». – Алма-Ата, 1961). – С. 308.

⁸⁹ Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962. – С. 56–57

⁹⁰ Radloff W. Die alttiirkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897. – С. 88–89.

категории залога в тюркских языках»⁹¹. Категория залога выражает отношения между субъектом (производителем) действия и объектом действия, т.е. отношения лексико-синтаксические, что указывает на словообразовательный характер этой лексико-грамматической категории⁹². Впрочем, единства в понимании категории залога нет.

Залог грамматически оформляется аффиксом, присоединяемым к основе глагола. Соответственно этому в языке памятников древнетюркской письменности выделяются залого: понудительный, страдательный, возвратный и совместно-взаимный. Этим четырем оформленным залогам противопоставляется пятый – неоформленный или основной залог (основа глагола).

Как известно, все глаголы делятся по своей семантике на переходные и непереходные. Это разделение всех основ глагола реализуется не морфологическим, а лексическим путем, т.е. каждый из глагольных корней или каждая из производных от имени глагольных основ, еще до морфологического преобразования их в залоговые формы, вместе с основной семантикой действия или состояния имеет и объективную характеристику отношения к субъекту или объекту действия»⁹³. Переходность и непереходность глагола, вызванные исключительно его лексико-семантическим содержанием, исторически вытекают из противопоставления глаголов действия и глаголов состояния, из категории активности и пассивности глагола. Эти глаголы образовывались, наряду с именами, из первичных корней, которые не были дифференцированы на имя и глагол. На этом этапе развития тюркских языков, который мы застаем в древнетюркских текстах, морфологические показатели субъектно-объектных отношений уже срослись с первичным корнем в самостоятельный, «непроизводный» глагол. Такие непроизводные или корневые глаголы приобретают самое различное содержание, ввиду чего не удастся собрать достаточного количества фактов, доказывающих происхождение различных корневых глаголов от определенных понятийных корней. Однако нельзя не заметить, что конечный согласный *-т, -р, -з, -л, -н, -ш...* «непроизводных» основ глагола имеет нечто общее с морфологическими показателями залогов⁹⁴.

Таким образом, значения залога как дополнительной характеристики семантики глагола с точки зрения отношений субъекта и объекта

⁹¹ Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. – М., 1960. – С. 21.

⁹² Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.–Л., 1948. – С. 179) («В результате словообразования глаголов от глаголов возникают категории залога»); Баскаков Н.А. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. – М., 1952. – С. 306-307 («Категория залога выражается главным образом морфологическим способом – присоединением к основе глагола аффиксов словообразования, образующих новые основы глагола с иной залоговой характеристикой»).

⁹³ Баскаков Н.А. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. – С. 333.

⁹⁴ Харитонов Л.Н. К вопросу о происхождении некоторых глагольных аффиксов в якутском языке. – «Ученые записки ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР», вып. 3. – Якутск, 1955. – С. 141-143.

к действию заключены в самой непроемкой глагольной основе. Поэтому трудно согласиться целиком с исследователями, которые рассматривают залог как сугубо грамматическую словоизменительную категорию (формообразование), способную выражать только отношение действия к грамматическому субъекту⁹⁵.

Аффиксам залогообразования в памятниках древнетюркской письменности (-т, -ур ~ -уз, -тур ~ -туз, -л, -н, -ш ~ -с) отнюдь не присуща универсальность залогового значения⁹⁶. Семантика производного отглагольного глагола различна в зависимости от того, переходным или непереходным был исходный глагол, к основе которого присоединен данный залогообразующий аффикс. Пока еще не представляется возможным установить (эта задача специальных исследований), насколько залоговые аффиксы носят действительно «залоговый характер» ибо не установлено окончательно само понятие категории залога.

Во всяком случае не приходится сомневаться в том, что категория залога в тюркских языках является лексико-грамматической и стоит на грани словообразования и словоизменения⁹⁷. Интересную попытку объяснить относительную правомерность обеих противоположных точек зрения на залоги в тюркских языках сделал Э.В. Севортян: «Тюркские языки представляют пеструю картину состояния залоговой категории, которая в одних языках доросла до значения грамматической категории, свободной от лексических ограничений, в других же окончательно не освободилась от словообразовательных функций»⁹⁸.

В категории залога дается развернутая дифференциация субъектно-объектных отношений путем синтетического (морфологического) словообразования. С лексико-синтаксической стороны залогообразование (выражение отношения между субъектом и объектом действия) непосредственно соприкасается с категорией переходности и непереходности глагола, отражаясь на его способности образовывать объектные словосочетания с именами. Изменение управления глагола при залогообразовании, таким образом, целиком обуславливается не полисемантичными залоговыми аффиксами, а лексико-семантическим переосмыслением производной залоговой основы глагола по сравнению с исходной глагольной основой. Поэтому определенно ошибочным выглядит, на наш взгляд, следующее утверждение: «Управление

⁹⁵ См.: Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. Автореф. докт. дисс. – М., 1956. – С. 16;

⁹⁶ Ср. К.М. Любимов. О двух функциях залоговых аффиксов в турецком языке // «Турецкий сборник». – М., 1958. – С. 179 («Формообразующую функцию залоговых аффиксов надо рассматривать в разделе грамматики, а их словообразовательную функцию в разделе лексики»).

⁹⁷ Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. – М.–Л., 1963. – С.11.

⁹⁸ Севортян Э.В. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском языке: Автореф. докт. дисс. – М., 1957. – С. 48.

глагола тем или другим падежом зависит не только от лексического значения управляющего глагола, но и от грамматической, т.е. залоговой, формы глагола»⁹⁹. С чисто грамматической стороны (выражение отношения действия к грамматическому субъекту) образование залоговой формы глагола, как и любой другой его формы, не влияет на глагольное управление, не изменяет смысловой и синтаксической связи в объектном словосочетании.

Понудительный залог

Понудительный (каузативный, побудительный) залог означает вмешательство одного субъекта в действие другого, причем вмешательство это понимается весьма широко – от энергичного приказания до индифферентного попустительства, что можно передать по-русски словами «заставлять, велеть, побудить, позволять, дать, допустить что-либо сделать».

Аффиксы понудительного залога в языке памятников древнетюркской письменности *-т*, *-ур* ~ *-уз*, *-тур* ~ *-туз* и их фонетические варианты¹⁰⁰ могут присоединяться как к переходной, так и к непереходной глагольной основе.

От непереходных глаголов (глаголов движения, процесса, состояния) при помощи аффиксов понудительного залога образуются переходные (прямо-переходные) глаголы разнообразной семантики: *йорыт*- «заставить идти, повести» (*йоры*- «ходить»), *келүр*- «заставить прийти, приводить» (*кел* – «приходить»), *ташығыр*- «понуждать выступить» (*ташық*- «распространяться, выступать за пределы чего-либо, выходить из племенного союза»), *қонтур*- ~ *қондур*- «поселять» (*қон*- «обитать, селиться, жить; садиться (о птицах); ночевать»), *тар-қар*- «рассеивать, разгонять» (*тарқа*- «расходиться, рассеиваться»), *өлүр*- «убивать», *өлүрт*- «убивать», *өлтүр*- «убивать» (единство содержания трех основных аффиксов понудительного залога видно из приведенных здесь глаголов *өлүр*-, *өлүрт*-, *өлтүр*- «убивать» <*өл*- «умирать»), *қарыт*- «заставить стареть, состарить» (*қары*- «стареть, состариться»), *артат*- «губить» (*арта*- «погибать»), *тіргүр*- ~ *тіргүз*- «оживлять, воскресить» (*тір*- «жить, существовать»), *амуртқур*- «успокоить, умирать» (*амурт*- «успокоиться, стать спокойным») и т. д.

Преобразование исходного непереходного глагола в производный переходный глагол означает, что пассивный процесс действия или состояния теперь характеризует не субъект, а объект действия, субъект же активно воздействует на объект и становится причиной действия

⁹⁹ Асланов В.И. Некоторые вопросы глагольного управления в памятниках азербайджанского языка в сравнительном освещении (переходные глаголы): Автореф. канд. дисс. – Баку, 1960. – С. 5.

¹⁰⁰ В древнетюркских памятниках встречаются также аффиксы понудительного залога *-ғут*~*-кут*, *-ғур*~*-ғуз*, *-қур*~*-қуз*, *-ғар*~*-қар*, *-ар*-,*-р*.

или состояния, в котором пребывает объект действия. Итак, субъект (логический) исходного и производного глаголов в данном случае по существу не изменился. «Изменяется только грамматическое отношение в первом случае к субъекту, а во втором – к объекту»¹⁰¹.

Примеры: *Ол сабығ есідін су йорытдым* (Тон., 35) «Услышав эти слова, я двинул (в поход) войска»; *Антың өңі йолча йорытды ол моғочлар-ығ* (Uig. I, 9) «Он повел тех волхвов по другой дороге»; *Тыл-ығ келүрті* (Тон., 36) «Привели лазутчика («языка»»); *Сіз ташықың, чік-іг ташығырың теміш* (МЧ, 22) «Он сказал: «Вы выйдите (из племенного союза) и чиков принудьте выйти (т.е. выступить против центральной власти)!»»; *Бодун-ығ анча қонтуртымыз* (КТб., 21) «Мы поселили таким образом народ»; *Пушуш сақынч емзэк толғақ-ығ біртэм тарқарғулуқ* (Suv., 614) «Рассеивающий сразу же горести и печали, мучения и потуги»; *Қырғыз қағаны-н өлүртүміз* (КТб., 36) «Кыргызского кагана мы убили»; *Үкүш бег қарытты, қарымаз өзі* (KB II, 43) «Множество правителей состарил (этот мир), а сам он не стареет»; *Айқа тегміш-іг артатмайын* (ThS, 91) «Достигших месяцев (т.е. маловозрастных) я не буду губить»; *Мунтада адын тақы өңі аш ічкү йоқ кім бу аланурмыш ач барс-ығ тіргүргүлүк* (Suv., 610) «Кроме этого, у них нет другой еще пищи и питья, чтобы можно было оживить эту обессилевшую голодную тигрицу»; *Кэсур-ны тіргүзді* (Rb., 288) «Бог Всевышний воскресил Касура»; *Тоғмақ өлмэкліг тексінч-іг амыртқурғулуқ* (Suv., 614) «Смиряющий круговорот рождений и смертей».

От переходных глаголов при помощи аффиксов понудительного залога, как правило, образуются каузативно-переходные глаголы: *уртур* – «заставить выбить (знаки на камне)» (КТм., 12; *ур-* «бить»), *тутуз* – «позволить схватить, предать» (ТТ II, 1; *тут-* «держатъ, хватать»), *арыт* – «заставлять искать» (Е, 28; *ары-* «искать»), *утуз* – «позволить выиграть, т.е. проиграть» (ThS, 44; *ут-* «выиграть»), *айыт* – «приказать говорить, спрашивать» (Suv., 13; *ай-* «говорить, сказать»), *уқыт* – «дать понять, разъяснить, вразумить» (ТТ III, 11; *уқ-* «понимать, разуместь»), *уқтур* – «дать понять, вразумить» (QBW, 28-), *білдүз* – «дать знать, сообщить» (МК II, 202; *біл-* «знать»), *көркіт* – «дать видеть, показать» (KB II, 62; *көр-* «видеть»), *севіт* – «побудить полюбить; радовать, умилять» (QBW, 80; *сев-* «любить») и т. д.

Каузативно-переходный глагол продолжает управлять прямым объектом (прямым дополнением), т.е. отношения в объектных словосочетаниях не изменяются, несмотря на изменение залоговой формы исходного переходного глагола (здесь как нельзя более проявляется чисто грамматическая сторона залогообразования).

Переходный глагол в понудительном залоге меняет свое отношение к субъекту действия. В исходном переходном глаголе субъект действия, направленного на прямой объект, является одновременно и грамматическим, и логическим (семантическим) субъектом.

¹⁰¹ Баскаков Н.Л. Каракалпакский язык. т. II, ч. 1. – С. 340

В производном же каузативно-переходном глаголе субъект исходного глагола является только грамматическим. Само действие совершается не субъектом исходного глагола, а грамматическим косвенным объектом (косвенное дополнение в дательном-направительном падеже).

Итак, логическим (семантическим) субъектом действия выступает косвенный объект. Грамматический же субъект исходного глагола становится лишь поводом или причиной для совершения данного действия косвенным объектом. Приведем примеры с каузативно-переходными глаголами:

Аңар (косв. доп.) **адынчығ барқ** (прям, доп.) **йаратуртым** (КТм., 12) «Я велел им выстроить особое здание». Грамматический субъект при глаголе *йаратур* – «велеть устроить, приказывать выстроить» (<*йарат* – «устраивать, создавать»), выраженный аффиксом лица при глаголе-сказуемом, является только поводом, причиной действия, которое совершается другими лицами, грамматически выраженными косвенным объектом (косвенным дополнением в дательном-направительном падеже).

Өзүм йаңзағы-ны саңа көркіту (КВ II, 62) «Я показываю (даю видеть) тебе мое изображение»; **Бодун-қа севітүр өзі-н бу йаң ол** (QBW, 86) «Он таким образом заставляет народ, полюбить его». В данных примерах грамматические субъекты *өзүм* «я сам» и *ол* «он» при глаголах чувственного восприятия *көркіт* – «показывать, дать видеть» и, соответственно, *севіт-* «заставить любить, умилять» также являются поводом для того, чтобы грамматический косвенный объект (логический субъект) осуществлял чувственное восприятие.

Прямой объект при каузативно-переходном глаголе может грамматически не выражаться, а только подразумеваться из контекста, из предыдущего изложения.

Сүңіг сабыңа, йымшақ ағысыңа артурып үкүш, түрк бодун, өлтүг (КТм., 6) «Дав (себя) прельстить сладкой их речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве»; **Кіші күчү қорасар кішікә басытур** (ТТ I, 8) «Когда силы у человека ослабнут, он позволит подавить (себя) чужому человеку».

Глаголы *артур* – «дать прельстить» (<*ар-* «прельщать, соблазнять, обманывать; опутывать; обвязывать») и *басыт-* «позволить подавить» (<*бас-* «давить; напасть») выражают действие, которое в данных примерах переходит на сам субъект. Понудительный (каузативный) залог здесь граничит со страдательно-возвратным: «дать себя прельстить, дать себя обмануть» = «прельститься, обмануться, быть обманутым»; «позволить себя подавить, дать на себя напасть» = «быть подавленным, подвергнуться нападению». Такое явление происходит часто и с другими глаголами в каузативе, когда не выражен прямой объект.

Косвенный объект, выражающий логический (семантический) субъект действия, также может только подразумеваться.

Таш тоқытдым (КТм., 12) «Я велел воздвигнуть камень»; **Бу ном ердініг бошқундылар, тутдылар, бітіділэр, бігітділэр, (оқыды)лар,**

окутдылар (Suv., 17) «Они изучали, исполняли, писали, заказывали писать, читали и заказывали читать это драгоценное писание»; *Улуг күндэ көркіт оларның йүзүн* (KB II, 15) «В великий (судный) день покажи (нам) их лица!»; *Бір ат мүндүрді, бір тон кәддүрді* (Rby., 289) «Он пожаловал (ему) коня и одежду (букв. велел оседлать коня и надеть одежду)»; **Екісін өзі алтызды** (КТб., 38) «Двух из них он сам допустил взять (т.е. потерял)»; **оғлын кішісін утузмадуқ (!) йана тоқузон бош қон утмыш** (ThS, 44) «Своего сына и жену его он не проиграл, а даже выиграл еще девяносто суягных (букв. свободных) овец».

Как видно из двух последних примеров, глаголы *алтыз-* «попустить взять, т.е. потерять» (<*ал-* «брать») и *утуз-* «дать выиграть, т.е. проиграть» (<*ут-* «выиграть») при отсутствии грамматически выраженного в косвенном дополнении логического субъекта действия понимаются не столько в понудительном плане, сколько в страдательном.

На грани понудительного и страдательного залогов в языке древнеуйгурских памятников стоит также аффикс *-сық/-суқ..*, присоединяемый к переходным основам, со значением «допустить, позволить что-либо сделать».

Амты ол бітіглэрні бегім йаман қайута қодуп, унутды. Кісікэ му алсықды (USp.. 1₂₃₋₂₅) «Теперь мой начальник, положив те письма куда-то в плохое место, забыл (куда именно). Или он допустил уворовать (допустил взять, быть взятыми) какому-либо человеку»; *Ер йағықа тутсуқды* (МК II, 227) «Воин дозволил врагу (себя) схватить (т.е. попался в плен)»; *Ол йармақ утсуқты* (МК I, 242) «Он дозволил выиграть (т.е. проиграл) деньги»; *Оқын йүрэкіңз урсукмыш тег сықылурмен* (Suv., 621, 623) «Подобно пронзенному в сердце стрелой, я горю».

В отличие от языка древнеуйгурских памятников, форма на *-сық* в языке рунических памятников имеет значение только инфинитива (имени действия, отглагольного имени)¹⁰², например: *Ел тутсық йер Өтүкэн йыш ермиш* (КТм., 4) «Страной, где можно было созидать племенной союз, была Отюкенская чернь».

Страдательный залог

Страдательный залог глагола означает, как и каузативный залог, действие, которое совершается грамматическим объектом и переходит на грамматический субъект. Это обстоятельство обуславливает то, что страдательный залог могут иметь обычно только переходные глаголы. При этом переходный глагол становится непереходным, а логический (семантический) субъект часто только подразумевается. Грамматический субъект пассивен, он претерпевает, испытывает действие, совершаемое другим, логическим, субъектом.

¹⁰² Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. – СПб., 1899. – С. 41.

Страдательный залог образуется с помощью аффикса *-л//*-ыл//*-іл//*-ул//*-үл*, который присоединяется к гласным (очень редко!) и согласным основам (кроме основ на *л*), и с помощью аффикса *-н//*-ын//*-ін//*..., который присоединяется к основам на гласный или на согласный *л*.

Страдательный залог в древнетюркских памятниках очень часто выступает недифференцированно с возвратным залогом, отличаясь от последнего только в контексте: *сын*- «ломаться, быть сломанным» (*сы*- «ломать»), *қылын*- «делаться, быть сделанным» (*қыл*- «делать»), *ілін*- «зацепляться, привязываться, быть зацепленным» (*іл*- «зацеплять, вешать») и т.д. Малоупотребительный аффикс страдательного залога *-туқ//*-дуқ¹⁰³ также мог выражать и страдательное, и средне-возвратное значения: *булдуқ* – «быть найденным, найтись» (МК II, 264 узб. изд.).

В памятниках производные страдательные глаголы встречаются преимущественно без грамматического дополнения (логического субъекта).

Так как при страдательном залоге действие глагола-сказуемого направлено только на грамматический субъект (подлежащее), то вряд ли можно говорить о наличии управления у производного страдательного глагола. Исходный переходный глагол в страдательном залоге становится непереходным и, таким образом, теряет свое управление: *йар*- «раскалывать» > *йарыл*- «быть расколотым, быть разодранным»; *сы*- «ломать, разрушать» > *сын*- «ломаться, быть сломанным»; *ал*- «брать» > *алын*- «быть взятым»; *боғузла*- «зарезать, перерезать горло» (*боғуз* «горло») > *боғузлан*- «быть зарезанным»; *біті*- «писать» > *бітіл*- «быть написанным»; *біл*- «знать» > *білін*- «познаваться, быть познаваемым»; *қыл*- «делать» > *қылын*- «делаться, быть сделанным» (здесь: «получить чье-либо воспитание»); *кед*- «надевать» > *кеділ*- «быть надетым»; *қыс*- «жать, сжимать, давить» > *қысыл*- «быть зажатым, придавленным» и др.

Примеры: *Адығың қарны йарылмыш, тоңузуң азығы сынмыш* (ThS, 10) «Брюхо медведя было разодрано, клыки кабана были сломаны»; *Беш йегірмі йашда алынмышым* (Е, 11, п) «В пятнадцать лет я был взят (на воспитание к китайцам)»; *Йерчі йер йаңылып, боғузланты* (Тон., 26) «Местный проводник сбился с пути и был прирезан»; *Кіманта бітілді бу қаған аты* (КВ II, 21) «Имя этого хана было написано в книге»; *Біліг бірлэ білінүр са'адат йолы* (Атеб., 83) «Посредством знания познается (становится познаваемым) путь счастья»; *Қапаған Елтэріш қаған еліңз қылынтым* (0.4) «Я был воспитан в преданности государству, Капаган, Эльтеріш-кагана»; *Білгэ Тонуқуқ бен өзүм Табғач еліңз қылынтым* (Тон., 1) «Я сам, мудрый Тоньюкук, получил

¹⁰³ См. подробнее: Тенишев Э.Р. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»: Канд. дисс. – Л., 1953. – С. 75.

воспитание государства Табгач»; *Тон үзэ тон кеџілті саңа* (ТТ I, 21) «На тебя надета одежда поверх одежды»; *Еліг капугқа қысылды* (МК II, 155 узб. изд.) «Дверью прищемило руку».

Примечание. В последних трех примерах логический субъект действия выражен косвенным дополнением в дательном-направительном падеже.

Особо надо отметить употребление глагола *адырыл-* «отделяться, разлучаться; быть отделенным» (*адыр-* «отделять, разделять»).

Возвратно-страдательный глагол *адырыл-* (*адырыл-*, *айырыл-*) в древнетюркских памятниках, как и в современных тюркских языках, может употребляться с именем в местном-исходном падеже, обозначающем исходный пункт, от которого происходит удаление предмета.

Примеры: *Түрк бодун... табгач-да адырылты, қанланты* (Тон., 2) «Тюркский народ отделился от государства Табгач и выбрал хана»; *Алты бағ бодун-да үч йегірімі (йашымқа) адырылдым* (Е, 5) «Я отделился (т.е. умер) в тринадцать лет от «шестиродного» народа»; *Йаруқ теңрілэр-дэ адырылты* (Chuast., 9) «Он разлучился со светлыми богами»; *Балық сувын-тын адырылып ісіг қумта ағынамыс тег йертэ ағынайу ынча теп йығлады* (Stiv., 626) «Катаясь по земле, подобно рыбе, вынутой из воды и бьющейся на горячем песке, она так причитала...».

Однако в Енисейских памятниках глагол *адырыл-* «отделяться, разлучаться» (в значении «умирать») очень часто употребляется с дательным падежом, чего мы не наблюдаем ни в одном из современных тюркских языков. Объяснение этому явлению дал С.Е. Малов: «По поводу страдательного залога этого глагола *адырыл* – мне хочется думать, что здесь покойник мыслится безлично или, лучше сказать, неопределенно лично... Исходный падеж указывал бы то, от чего отделяется покойник, а здесь в форме дательного падежа ставятся названия всех родственников покойного, названия его имущества и лица и предметы и указывается этим, что они не пункт, от которого покойник удаляется. Форма дательного падежа указывает на все то, на что смерть упоминаемого в эпитафии лица производит то или иное впечатление, влияние, экономические перемены...»¹⁰⁴

Таким образом, глагол *адырыл-*, как и любой другой глагол в страдательном залоге, не управляет в собственном смысле этого слова падежной формой.

Примеры: *Үч йетміш йашымқа адырылтым Егүк қатун йерімкэ адырылтым* (Е, 3) «Я умер (букв. отделился) на шестьдесят третьем году на своей земле Эгюк-катун»; *Қуйда кішім-э йыта адырылу бардымыз* (Е, 18) «Горюя, мы отделились от своих жен в покаях»; *Қуйда*

¹⁰⁴ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.–Л., 1952. – С. 12.

кунчуйым-ға-қа өздә (!) оғлым-қа адрылдым (Е, 7) «В отношении моей госпожи в покаях и в отношении собственного сына в долине я разлучился (т.е. умер)».

Дательный падеж при данном глаголе иногда заменяется неоформленным, основным падежом. **Қадашым адырылдым, ыйу қуйда кунчуйым адырылдым** (Е, 13) «От моих родственников я отделился (т.е. умер). Увы! От моей госпожи в покаях я отделился».

В Енисейских памятниках, кроме глагола *адырыл-*, в том же значении «умирать» и опять же с формой дательного падежа употребляются глаголы; *адыр-* «отделять, разделять», *адырын-* «отделяться», *йеріл-* «расколоться, отколоться», *өл-* «умирать». Сказанное о глаголе *адырыл-* относится и к данным глаголам.

Примеры: **Алты йашымта қаң адырдым білінмәдім үч ічим-э йыта адырдым** (Е, 32) «В шесть моих лет я лишился отца (или: от отца отделился). Я не сознавал этого. Я, горя, отделился от трех моих старших братьев»; **Үч ечим-э адырылдым** (Е. 32) «Я отделился (умер) от трех своих старших братьев»; Ер *ердәмім адақы егәчим-э ана егмәч егәт йерілтім* (Е, 41) «Моя геройская доблесть, батюшка (мой), от моей тетки, мать, супруга, служанки (со всеми вами) я разлучился»; **Секіз йет-міш йашым өлтім есізім-э ағым-ға** (Е, 41) «В мои шестьдесят восемь лет я умер, увы, для своей казны».

Ср. глагол *уч-* «летать» в значении «умереть» в «Памятнике в честь Кюль-Тегина». **Күл тігін қон йылқа йеті йегірмікэ учды** (КТб., конец) «Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день...».

Аффиксы страдательного залога, присоединяясь к непереходным глаголам, образуют глаголы со средневозвратными или медиальными («безличными», неопределенно-личными) значениями: *тіріл-* «жить, пребывать» (*тір-* «жить»), *батыл-* «тонуть, утопать, погружаться» (*бат-* «тонуть, заходить»), *кіріл-* «входить», *барыл-* «идти, отправиться» и др.

Примеры: **(Бодун анта бермәзіңә тасул (мыс) (0,9)** «Народ тогда поднялся (в поход), чтобы не отдать его (врагам)»; **Есэн інч тірілгіл ай үстәң еліг** (QBN, 150) «Пребывай в здравии и покое, о возвышенный правитель!»; **Тооз топраққа, батылып турқару монқул ертіләр** (ТТ III, 27) «Утопая в пыли, были они всегда безрассудными»; **Евгә кірілді** (МК II, 158 узб. изд.) «В дом вошли»; **Ол йергә барылды** (МК II, 160 узб. изд.) «Отправились в то место».

Возвратный залог

Возвратный залог (аффикс -н, -ын, -ін, -ун, -үн, иногда -л, -ыл...), выражая замкнутую в себе сферу действия одного субъекта, образуется от исходных глагольных основ (как переходных, так и непереходных) по большей части непереходные глаголы со средневозвратным значением: *атан-* «прославиться, приобретать имя» (ThS, 85; *ата-* «именовать, называть»), *алқан-* «молиться, поклоняться» (Chuast,

98; Man. III, 26; *алқа*- «благословлять, освящать молитвой»), *сэбін*- ~ *сэвін* - «радоваться» (ThS, 22; Suv., 123; *себ*- ~ *сев*- «любить»), *көрүн*- «показаться. явиться, быть видимым» (QBN, 49₁₄; *көр*- «видеть, смотреть»), *сынан*- «испытываться» (QBW, 30₈; *сына*- «испытывать»), *үстэл*- «увеличиваться, приумножаться, возвышаться» (Suv., 10; TT III, 170; *үстэ*- «прибавлять, дополнять, увеличивать, приумножать»), *түкэн*- «израсходоваться» (QBN, 46₁; *түкэ*- «кончаться»), *тонан*- «одеваться» (KB II, 48; *тона*- «одевать», Rby., 556), *улан*- «соединяться» (Rb., 118; *ула*- «связывать, соединять»)..*күлүн*- «посмеяться про себя, усмехнуться» (TT I, 5; *күл*- «смеяться»), *ерін*- пребывать в самом себе; лениться» (Chuast., 119; *ер*- «быть, пребывать»), *орнан*- «располагаться, пребывать, обитать самому по себе» (Tls., 42b; *орна*- «размещаться; пребывать, обитать») и др.

Возвратный залог в языке древнетюркских памятников может также характеризовать действие, которое совершается субъектом (действующим лицом) для себя, в своих целях. В этом случае возвратный залог выступает лишь как грамматическая категория и не влияет на глагольное управление. Глаголы (грамматические формы) возвратного залога, образованные от переходных глаголов, сохраняют переходность: *бан*- «повязать себе, опоясываться» (*ба*- «связывать»), *қолун*- «просить для себя» (*қол*- «просить»), *тілэн*- «желать для себя» (*тілэ*- «желать, просить»), *тутун*- «удерживать, сдерживать себя» (*тут*- «держат, хватать»), *етін*- «делать, устраивать, улаживать в своих целях» (*ет*- «делать, устраивать»), *басын*- «подавлять, подчинять себе, обижать» (*бас*- «давить, напасть»), *елтін*- «переносить, проводить, провладчить» (*елт*- «тянуть, вести, уводить»), *білін*- «сознавать для себя, осознавать, признаваться в чем-либо» (*біл*- «знать») и др.

Примеры: *Алтунлығ кеш-іг белімкэ бантым* (E, 10₅) «Я повязал золотой пояс (колчан) на своей пояснице»; *Қут қолуну... үнін қықыра бертім* (Suv., 12) «Прося счастья (для себя)..*я закричал сильным голосом*»; *Бу сақлық білә ікі ажун тілэн* (KB II, 45₂₄) «При помощи этой осторожности желай (для себя) двух миров (т.е. этого и загробного)»; *Уқуш болмаса ер өзі-н тутнумаз, Біліг болмаса ер іші-н етнүмэз* (QBQ, 157) «Когда нет рассудка, человек не может удерживать самого себя (от соблазнов); когда нет знания, человек не может устроить свои дела»; *Орун бердім ерсэ, басындың мені* (QBW, 32₃₃) «Я дал тебе место, а ты обижаешь меня!»; *Ең кэнкі етөз-өг елтіндэчі* (TT VIII, 19) «Тот, кто перенесет своим существом самую последнюю бrenную плоть (из цикла перевоплощений)»; *Өглэрін көңүллэрін ықынып, не қылынмышы-н арыты білінмэз болтылар* (Suv., 625) «Лишившись своего рассудка и чувств, они совсем не сознавали своих поступков»; *Емті аны барча өкүнүрбіз, йазукумуз-ны білінүрбіз* (TT IV, A₆₄₋₆₅) «Теперь мы раскаиваемся во всем этом, признаемся в наших грехах».

Как и в памятниках древнетюркской письменности, винительный падеж при возвратной форме переходных глаголов возможен в

«староузбекском» языке, а также в тувинском, якутском, казахском и некоторых других современных тюркских языках¹⁰⁵.

Косвенно-переходный глагол в форме возвратного залога обычно сохраняет свое управление. Так, дательно-направительным падежом управляют *тап-* «поклоняться, служить» и *тапын-* «поклоняться, предаваться, повиноваться, почитать, служить», *йаз-* «ошибаться, заблуждаться; грешить, погрешать против» и *йазын-* «прогрешать, провиниться перед кем-либо», *йапыш-* «прилипнуть, привязываться» и *йапын-* «прилепляться, привязываться» и т.п.

Примеры: *Igīd ном-қа тапынтымыз удунтумуз* (Chuast., 66) «Мы ложные законы почитали и следовали (им)»; *Беш мың йекләр аңар тапынурлар* (Tis., 42b) «Ему повинуются пять тысяч демонов»; *Йағы мен кім аңар йазынты* (Man. III, 13) «Я враг, который погрешил против него»; *Біз қамағун емті ісіг өзүмүз-кэ етөзүмүз-кэ ертінгү ілінміш йапынмыш біз* (Suv., 611) «Мы всецело теперь к нашей жизни и к нашему телу чрезвычайно «прицепились и прилепились».

Взаимно-совместный залог

Взаимно-совместный залог образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов с помощью аффикса *-ш, -ыш, -іш, -уш, -үш* (иногда *ш ~ с*) и выражает действие, которое совершается не одним, а двумя или более субъектами.

Аффикс взаимно-совместного залога при переходном глаголе имеет взаимное или совместное значение, и в зависимости от словообразовательной или словоизменительной функции «залоговой формы» находится глаголообразование, отражающееся в глагольном управлении.

Управление прямо-переходного глагола прямым дополнением не изменяется (формообразование), когда аффиксом взаимно-совместного залога выражается совместное действие, содействие двух или нескольких субъектов (соответствует форме множественного числа), например: *үлэ-* «делить» > *үлэш-* ~ *үлэс-* «совместно делить, поделить» (ср. казах. *үлес-* «распределять, раздавать»), *сөзлэ-* «говорить, рассказывать» > *сөзлэш-* «сообща рассказывать что-либо, т.е. обсуждать», *кес-* «резать, пилить» > *кесіш-* «содействовать или состязаться в резке, распилке», *тут-* «держать, схватывать, ловить» > *тутуш-* «совместно схватывать, сообща ловить, содействовать в ловле» и др. В языке рунических текстов обращает на себя внимание переходный глагол *йоққыш-* «уничтожить, истребить», который образован от имени *йоқ* «нет» с помощью форманта *-қыш*, где *-қ* исторически является

¹⁰⁵ См., например: Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – С. 18; Хасенова А.К. К вопросу о переходных и непереходных глаголах и категории залога в современном казахском языке // Сб. «Вопросы казахского языкознания», Труды ИЯЛ АН КазССР, т. 1. – Алма-Ата, 1959. – С. 28; Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. – М.–Л., 1962. – С. 178; Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. – С. 78-80.

аффиксом глагольного интенсива, а *-ыш* – аффикс взаимно-совместного залога. В целом глагол *йоққыш-* выражает интенсивное собирательное действие («изничтожить») и управляет прямым объектом.

Примеры: *Булмыш түші-н те, үлэсүр біз* (USp., 28) «Полученные с нее (с той земли) плоды будем вместе делить на равные доли»; *Теңрі еліг дындарлар бірлэ ікі күн түн бу савлар-ығ сөзләштілэр* (ТТЛ, 1) «Божественный правитель и священнослужители обсуждали эти слова два дня и (две) ночи»; *Ол маңа йығач кесішді* (МК II, 110 узб. изд.) «Он помог мне распилить дерево»; *Ол маңа кейік тутушды* (МК II, 94 узб. изд.) «Он содействовал мне в поимке зверя»; *Ол су-г анта йоққышдымыз* (КТб., 32, 34) «То войско мы там уничтожили».

Управление производного глагола изменяется, когда аффиксом взаимно-совместного залога выражается взаимное действие, взаимодействие двух или нескольких субъектов по отношению друг к другу. Второй субъект взаимного действия часто выражается грамматически косвенным дополнением (имя в форме инструментального, дательно-направительного падежей или с послелогом *бірлэ*). При этом аффикс взаимно-совместного залога превращает прямо-переходные глаголы в глаголы косвенно-переходные: *соқ-* «ударять, бить» > *соқуш-* «сталкиваться, повстречаться с кем-либо, наткнуться на кого-либо»; *суңуш-* ~ *суңус-* «сражаться с кем-либо, наткнуться на кого-либо» (исторически, по-видимому, взаимно-совместный залог от глагола **сүңү-*, ср. *сүңүз* «копье», *сүңүш* ~ *суңус* «сражение», уйг. *сүңгү-* «нырять, нырнуть») и др.

Примеры: *Утру екі айлығ кіші оғлы-н соқушмыш* (ThS, 2) «Он повстречался с двухмесячным младенцем»; *Бай ер қоны үркүрэп бармыш бөрікэ сооқушмыш* (ThS, 40) «Овца богача, испугавшись, побежала и столкнулась с волком»; *Табгач-қа бунча сүңүсіп ердэмін үчүн кү бунча тутды* (КЧ, 12) «Столько (раз) сражаясь с табгачами, он по своей доблести настолько прославился»; *Кағанын бірлэ Суңа йышда сүңүшдіміз* (КТб., 35) «С их каганом мы сразились в лесистых горах Сунга».

Взаимно-совместный залог от прямо-переходного глагола осмысливается как непереходный взаимно-возвратный глагол, если субъекты взаимного действия логически выступают прямыми объектами по отношению друг к другу, но грамматически это не выражается, например: *көр-* «видеть» > *көрүш-* «взаимно видеться, увидеться, свидеться», *тут-* «держат, схватывать» > *тутуш-* «взаимно схватиться, сцепиться» и т.п.

Примеры: *Йана теңрі қутынта үчүнч йылта қоп есэң түкэл көрүшміш* (ThS, 22) «Снова по благодати Неба на третий год все благополучно увиделись»; *Олар іккі тутушдылар* (МК II, 94 узб. изд.) «Они двое схватились друг с другом».

Аффикс взаимно-совместного залога в словаре М. Кашгарского может присоединяться и к непереходным глаголам, сообщая глаголам движения значение совместности, содействия или состязания, а глаголам состояния – средневозвратное (медальное) значение с оттенками

начинательности, постепенности, интенсификации и т.п. Например: *тэз*- «бежать» > *тэзіш*- «вместе бежать», *қач*- «убегать» > *қачыш*- «убегать один от другого», *бар*- «идти, отправиться» > *барыш*- «ходить, отправиться один к другому; содействовать или состязаться в ходьбе», *сүчі*- «быть сладким» > *сүчүш*- «становиться сладким», *соғу*- «холодеть, остывать» > *соғуш*- «становиться холодным, охлаждаться», *бекі*- «быть крепким, прочным» > *бэкіш*- «укрепиться, закрепить, упрочиться», *қуру*- «сохнуть, высыхать» > *қуруш*- «засохнуть, пересыхать» (см. соответственно: МК II, 107, 98, 100, 92, 111, 116, 105 узб. изд.).

* * *

Образование от глагольной основы глагола с новым оттенком или значением не исчерпывается полностью категорией залога. Здесь мы имеем также аффиксы: *-(а)ла...* (*ыдала*- «отсылать, отбрасывать» от *ыд*- «послать», *қувла*- «преследовать, гнать» от *қув*- «гнать»; производный глагол приобретает оттенок длительности по сравнению с исходным глаголом), *-та...* (*іртэ*- «гнать, преследовать» от *ір*- «следовать, гнать», *йаста*- «протягивать, расправлять» от *йас*- «выравнивать, расправлять»), *-қ...* (*сезік*- «предчувствовать» от *сез*- «чувствовать», *көнүк*- «разгореться» от *көн*- «гореть»), *-ған* (*қызған*- «ревновать, сожалеть» от *қыз*- «пламенеть, краснеть, возбуждаться», *қазған*- «приобретать, добывать» от *қаз*- «рыть, копать, добывать», *татған*- «пробовать на вкус, найти вкусным» от *тат*- «пробовать на вкус»), *-ғса* (*барығса*- «желать идти» от *бар*- «идти», *көрүгсэ*- «желать видеть» от *көр*- «видеть»), *-мсын* (*қылымсын*- «иметь обыкновение что-либо делать») и др. Эти аффиксы дополняют семантику глагола оттенками длительности, многократности, интенсивности, желания, привычности и др., но не указывают на субъект или объект действия, а потому на управление глагола влияния не оказывают.

ГЛАВА IV

УПРАВЛЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ГЛАГОЛА

Все производные глаголы тюркских языков, если согласиться с «теорией атглютинации» одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппа¹⁰⁶ являются исторически глаголами аналитического, синтаксического образования. Однако при современном состоянии тюркологии происхождение большинства глагольных аффиксов еще не поддастся выяснению¹⁰⁷, поэтому речь пойдет ниже только о таких производных глаголах, синтаксическая структура которых в языке памятников древнетюркской письменности не вызывает сомнения (аналитические глаголы).

Уже автор «Грамматики турецко-татарского языка» (1989 г.) А. Казем-бек противопоставляет глаголам аффиксального образования («производные глаголы») глаголы синтаксического образования – «составные глаголы»: *намаз кылмак* «делать молитвы, молиться», *һазир итмек* «сделать готовым, приготовить», *ильтифат эйлемек* «делать внимание, внимать, ач олмак» «быть голодным», *ғәм йемек* «есть печаль, печалиться», *үмр сүрмек* «жить» и т.п.¹⁰⁸; к «составным глаголам» А. Казем-бек причисляет также «все глаголы тюркского языка, составленные из герундий (деепричастие. – А.А.) и других глаголов»¹⁰⁹, т.е. сложные глагольные формы с видовыми, модальными и другими грамматическими оттенками, например: *алыб-вермек* «торговаться, действовать», *гидиб-гелмек* «посещать, ездить часто»,

¹⁰⁶ Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. 2. Ausg: Berlin, 1857: ср. Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957. – С. 26 («Когда окончание представляет собой исторически-первичное образование, мы называем его суффиксом; если оно восходит к отдельному слову, утратившему в силу безударности свою самостоятельность, мы его называем аффиксом, или говорим об аффикированном слове»)

¹⁰⁷ Харитонов Л.Н. К вопросу о происхождении некоторых глагольных аффиксов в якутском языке // «Ученые записки ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР», вып. 3. – Якутск, 1955. – С. 141-149.

¹⁰⁸ Казем-бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. – Изд. 2. – Казань, 1846. – С. 175-178.

¹⁰⁹ Там же. – С. 178.

отуруп дурмак «иметь знакомство с кем, иметь сообщество», *коювермек* «отпустить», *язалмамак* «не быть в состоянии писать», *ишидиб-алмамак* «не быть в состоянии слышать».¹¹⁰

В современных исследованиях по тюркским языкам наблюдается разноречивость относительно именования аналитических глаголов «составными глаголами» или «сложными глаголами». Одни исследователи¹¹¹, не употребляя термина «составные глаголы», понимают под «сложными глаголами» любые именно-глагольные и глагольные синтаксические комплексы; другие¹¹² называют аналитические глаголы, состоящие из имени и вспомогательного глагола, «составными глаголами», а сочетания деепричастия основного глагола со вспомогательными глаголами – «сложными глаголами»; третьи¹¹³ же, наоборот, называют аналитические глаголы (имя+вспомогательный глагол) «сложными глаголами», а аналитические формы глагола (деепричастие + вспомогательный глагол), выражающие характер протекания действия, – «составными глаголами». Своеобразное употребление термина «составные глаголы» для производных глаголов аффиксального словообразования находим у Н.К. Дмитриева: «Если для простого глагола два понятия корня и основы совпадают, то в составных глаголах основа всегда слагается из корня и словообразовательного аффикса»¹¹⁴. Во избежание известной терминологической путаницы мы условимся именовать производные глаголы, образованные от сочетания имени со вспомогательными или окказионально-вспомогательными глаголами, и так называемые «глаголы внутреннего объекта» аналитическими глаголами¹¹⁵.

По характеру образования и отношению к системе глагольного управления можно выделить три основные группы аналитических глаголов.

¹¹⁰ Там же. – С. 177-179 (перевод, местами явно неудачный, оставлен без изменения).

¹¹¹ Байлиев Х. Сложные глаголы в туркменском языке // Сб. «Проблемы туркменской филологии», т. I. Ашхабад, 1944. – С. 5-11.

¹¹² Баскаков Н.А. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. – С. 323; Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. – М., 1960. – С. 84-85.

¹¹³ Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.–Л., 1956. – С. 259, 263.

¹¹⁴ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.–Л., 1948. – С. 178.

¹¹⁵ От аналитических глаголов отграничиваются аналитические формы глаголов. В аналитических формах глагола сохраняется управление основного компонента, выраженного глаголом в деепричастной форме. Вспомогательный же компонент выражен окказионально-вспомогательными глаголами (бер- «давать», ал- «брать», ыд- «посылать», түгэт- «закончить», бар- идти, отправиться», йоры- «ходить», олур- «сидеть» и т. п.), которые придают основному глаголу в деепричастной форме различные видовые, модальные и другие грамматические оттенки, например: Қағаным бен білгэ То уқуқ өтүнтүк өтүнчүм-ін есідү берті (Тон., 15) «Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу»; Есчі маға йалым қайақа үнүп бармыш (ThS, 75) «Пестрая змея поднялась на крутую скалу»; Түрк Білгэ қаған түрк сір бодун-ығ, оғуз бодун-ығ ігідү олурур (Тон., 62) «Тюркский Бильге-хан возвышает народ тюрков- «сиров» и народ огузов».

А. Многочисленная группа собственно переходных аналитических глаголов образуется с помощью имени в неоформленном (основном, неопределенном) падеже и глаголов абстрактного действия (*verba faciendi*) *қыл-* «делать, творить» или, реже, *ет-* «делать, устраивать», выступающих в качестве вспомогательных глаголов¹¹⁶.

Глаголы переходной семантики *қыл-* и *ет-* в памятниках древнетюркской письменности могли, сохраняя самостоятельное значение, вступать в свободные синтаксические связи с именами. При этом между именем (в винительном или неоформленном падеже) и глаголом возникают отношения прямого объекта к производительному действию, оформляемые в предложении как отношения прямого дополнения к глагольному сказуемому, например: *Суйда бару сақынчын, сөзін, қылынчын он түрлүк суй-азуқ қылтымыз* (Chuast., 41-42) «Ходя в грехах, мы помышлением, словом и поступками сотворили десять различных прогрешений»; *Нізванлар күчлүг болмазун. ет-өзкә ада қылмазун* (Man. III, 12) «Дурные страсти не должны стать сильными, не должны причинять страдания телу»; *Күчүң йетмишін қыл, ынанма маңа* (QBW, 169) «Делай (сам), что тебе по силам, на меня не полагайся»; *Еліг тутуп төрүг етміс* (КТб., 3) «Держа (в своей власти) племенной союз, они творили суд»; *Еліг етмиш мен* (ThS, 73) «Я устроитель государства»; *сынықығ сапар ол бузукуғ етэр* (QBN, 142) «Оно (знание) сломанное связывает, расстроенное устраивает (т.е. приводит в порядок)»; *Кишілік білэ етсэ ел-күн іші* (KB 11. 46) «(Правителю) следует гуманно устраивать народные дела».

К глаголу *ет-//ит-* в самостоятельном значении, поясняя и конкретизируя его, могут прилагаться в одинаковой грамматической форме синонимичные глаголы *түз-* «править, устраивать», *йығ-* «собирать в одно целое, объединять», *йарат-* «устраивать, создавать, творить» и т.п. Например: *Өзі етті-түзді, көр, ел-күн іші* (KB II, 43) «Он сам устраивал и вершил, смотри, дела народа»; *Келігмэ белгэрін бодунын етіп-йығып, аз(ч)а бодун тезміс эрті* (Тон., 43) «Когда я устраивал и собирал приходящих князей и народ, то небольшое число народа убежало»; *Бодиствның қалмыш сөңүклүг серірін еттілэр-йығыдылар* (Suv., 627) «Они собрали и сложили в одно оставшиеся кости – священные реликвии (мощи) бодисатвы; *айығ қылынч қылма, едгү қылынчлығ көбрүк еткіл-йаратқыл* (Suv., 16) «Не делай дурных поступков, твори и созидай корабль и мост добрых деяний»; *Йағы болып, етінү-*

¹¹⁶ В современных тюркских языках имеется немало также непереходных аналитических глаголов, образованных при помощи данных вспомогательных, глаголов. Таковы, например, в татарском языке аналитические глаголы, образованные от подражательных слов (ялт ит- сверкнуть, блеснуть», келт-келт ит- «тикать») от некоторых имен существительных со значением состояния, процесса и предмета действия, главным образом иноязычного происхождения (гомер ит- «существовать» сәүдә ит- «заниматься торговлей, торговать», хезмәт ит- «служить») и от инфинитива русских непереходных глаголов (звонить ит- «звонить», гулять ит- «гулять»). См: Рамазанов Ш.А. Татар теле буенча очерклар. – Казан, 1954. – С. 178-180.

йаратуну *умадуқ, йана ічікміс* (КТб., 10) «Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать и создавать для себя, он (тюркский народ) опять подчинился (государству Табгач)». В парных глагольных словосочетаниях типа *етті-түзді, етіп-йығып, еттілэр-йығдылар, еткіл-йаратқыл, етіну-йаратуну* и т.п. (так называемые «парные глаголы») имеется налицо особый способ подчинительной связи слов, соотносимый с «корреляцией»¹¹⁷.

Переходные глаголы *қыл-* и, отчасти, *ет-* в сочетаниях с некоторыми именами в неоформленном падеже уже в древности начинают обособляться от других самостоятельных глаголов в сторону все большей формализации, теряют постепенно свое основное конкретное значение и приобретают обобщенно-абстрактное значение процесса действия вообще. Синтаксические отношения прямого дополнения и глагольного сказуемого между именем и вспомогательным глаголом утрачиваются. В качестве вспомогательных глаголов *қыл-* или *ет-* становятся формальными показателями предикативности при соответствующем именном понятии для превращения его в глагольное понятие, которое приобретает способность управлять другим именем в форме винительного падежа. Таким образом из некогда свободного синтаксического словосочетания имени и глагола действия *қыл-* или *ет-* возникает единое лексикализованное глагольное понятие переходной семантики – аналитический глагол.

В памятниках древнетюркской письменности встречается довольно много аналитических глаголов этого типа, лексическое значение которых определяется семантикой именного компонента; таковы: *баз қыл-* «примирить, замирить» (*баз* «мир»), *от суб қыл-* «интриговать» (*от* «огонь», *суб* «вода»), *бай қыл-* «сделать богатым», *үкүш қыл-* «сделать многочисленным», *кіші қыл-* «воспитать (букв, сделать человеком)» *йоқ қыл-* «уничтожить, истребить» (*йоқ* «нет, ничто»), *йулуғ қыл-* «сделать жертвой, принести в жертву» (*йулуғ* «жертва; выкуп»), *тең қыл-* «делать равным, приравнивать», *йаңут қыл-* «отвечать, воздавать» (*йаңут* «ответ; воздаяние»), *анут қыл-* «приготовить» (*анут* «готовый»), *мағ ет-* «воздавать хвалу, восхвалять» (*мағ* «хвала») и т.д.

Примеры: *Бодунығ қоп баз қылтым* (КТб., 30) «Все народы я примирил»; *Бодунуғ от суб қылмадым* (КТб., 27) «Я не интриговал народ (т.е. старался ладить с народом)»; *Чығай бодунығ бай қылтым*, аз *бодунығ үкүш қылтым* (КТм., 10) «Я сделал богатым неимущий народ, я сделал многочисленным малый народ»: *Қара ігіл бодунур йоқ қылмадым* (МЧ, 14) «Черный простой народ я не истребил»; *Атасын анасын*

¹¹⁷ См.: Кротевич Е.В. О связях слов. – Львов, 1959. – С.16. Данное синтаксическое явление, весьма распространенное в языке памятников древнетюркской письменности при самых различных глаголах, нуждается в специальном изучении. Ср. парные глагольные словосочетания в казахском языке, например: Ал көңілім, желден озып серпіл енді, Зарлы күн өтті-кетті. еркің енді (народная песня «Толқын») «Устремись быстрее ветра, мой дух; скорбные дни прошли-миновали, отныне ты свободен».

йолуғ қылды ол (КВ II, 15) «Своих отца и мать он принес в жертву»; *Ай оғлум бегіңкэ өзүң қылма тең* (КВ II, 22) «О сын мой, не приравнивай себя начальнику своему»; *Кішіліккэ кішілік йанут қылмақын айур* (QVQ, оглавление) «(63-я глава) говорит о воздаянии человечностью за человечность»; *Бу браман бахшынын йарлығыңа теркін беш йуз темір талғуқларығ анут қыл* (Uig. III. 47) «Согласно приказу этих учителей-брахманов спешно приготовь пятьсот железных гвоздей»; *Түрк беглэрін будунын ертэңү еті мағ етті.* (Ха, 15) «С тюркскими беками и народом они воздали высокую хвалу (Могилян-хану)». В последнем примере мы не можем с уверенностью сказать, является ли *мағ ет-* «воздать хвалу, восхвалять» аналитическим глаголом, поскольку при нем нет выраженного прямого дополнения. По-видимому, в языке памятников древнетюркской письменности V–XI вв. глагол *ет-* в вспомогательной функции почти не употребляется¹¹⁸. Однако уже в древнеуйгурской рукописи арабского письма «Хибат ал-хакаик» («Подарок истин», XII в.) имеются аналитические глаголы переходной семантики, образованные при помощи вспомогательного глагола *ет-*, например: **Белэк еттім аны шахымға менүк** (Ateb., 79) «Только я подарил ее (книгу) моему шаху».

Способностью образовывать именно-предикативные комплексы непереходного значения обладают абстрактные глаголы бытия *ер-* «быть, пребывать», *тур-* «стоять, пребывать в статике, быть» и *бол-* «быть, становиться», употребляющиеся в вспомогательной функции. Именно-глагольные предикативные комплексы, в которых глаголы *ер-*, *тур-* и *бол-* являются носителями предикативных признаков (лица, наклонения и модальности), выступают в предложении обычно как именное составное сказуемое¹¹⁹, хотя в форме глагольных имен эти предикативные комплексы могут выступать в функции предикативного компонента различных развернутых членов предложения¹²⁰.

Примеры: **Өтукэн йышда йег іді йоқ ерміс, ел тутсық йер Отукэн йыш ерміш** (КТм., 4) «В Отюкенской черни не было хорошего владыки, но местом для созидания племенного союза была (именно) Отюкенская чернь»; *Күл тігін йоқ ерсэр, қоп өлтэчі ертігіз* (КТб., 50) «Если бы не было Кюль-Тегина, все бы вы погибли»; **Екі бың ертіміз, біз екі сү болты** (Тон., 18) «Нас было две тысячи, нас стало два войска»; *Барча едгү қылынчқа төкэлліг болалым* (Мап. I, 29) «Да будем готовы ко

¹¹⁸ Заслуживает особого внимания указание тюрколога XI в. Махмуда Кашгарского о том, что глагол *қыл-* преимущественно употребляют «тюрки» (*ер ыш қылды* «мужчина сделал дело»), «огузы» же заменяют его для обозначения какого-либо действия глаголом *ет-* (*ер йүкүнч етті* «человек помолился») – МК II, 33 узб. изд.

¹¹⁹ Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. – М.–Л., 1940. – С. 208, 238–240; Gabain A. Von. Das alttürkische. – «Philologiae turcicae fundamenta», t. I, Wiesbaden, 1959. – С. 35.

¹²⁰ Об этом подробнее: Насилов В.М. Язык орхон-енисейских памятников. – М., 1960. – С. 52–58.

всем добрым деяниям!»; *Ол қан йоқ болтуқда кесрэ ел йітміс ычғынмыс қачышмыс* (O, 1) «После того, как этого хана не стало, племенной союз погиб, рассеялся и разбежался»; *Оғулум йаңы болмышта өгрүнчүм севінчім* аз ерті, кініндэ оғулуғ йітүрдүктэ пусусы *емгэкі үкүш турур* (Suv., 623) «Когда был зачат мой сын, радости и довольства у меня было мало, а впоследствии при утрате сына горя и печали о нем оказывается много»; *Теңрі оғлы йемэ мен өк ерүрмен. Елік қан йемэ мен ерүрмен. Отачы емчі йемэ мен өк ерүрмен, теп йарлықады.* (Uig. I, 32-35) «Он (мессия) так сказал (волхвам): «И сын бога я, и царь я, и врач я»; *Бу таш ертүнгү-ү ағыр турур* (Uig. I, 42-43) «Этот камень чрезвычайно тяжел»; *Ақ толды өзі давлэт ердүкін Еліккэ білдүрмішін айур* (QBW, 32.) «(15-я глава) говорит о том, что Айтолды осведомляет Элика о том, что он сам есть Счастье»; *Йег ердүкүм ол ерінч Қара сенэріг йерлэдім* (E, 24) «То, что у меня было хорошего, таково: я заселил Кара-Сенгер»; *Йігітэн эрмек, қарымақ оңтун ерүр* (Man. III, 13) «Быть молодым, стариться – правомерно»; *Йемэ үзүксүз арығын ермекіг севэр амрайур* (Man. III, 21) «И он любит и обожает вечное светлое (свое) пребывание».

В последних двух примерах сочетания *йігітэн ермэк* и *үзүксүз арығын ермэк*, выступающие в функциях подлежащего и прямого дополнения (*ермэк* – глагольное имя), сохраняют в себе формант орудного падежа -эн, -ын, которым оформлялись в глубокой древности имена при самостоятельном глаголе *ер-* и который впоследствии отпал при вспомогательном глаголе. Интересно отметить, что глагол *бол-* в самостоятельной функции также употреблялся с именем в форме орудного падежа. *Түрк бодун, қанын болмайын, Табғачда адырылты, қанланты.* (Тон., 2) «Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана».

Исследуя на материале типологически различных языков (индоевропейских, яфетических, палеоазиатских, тюркских и др.) исторический процесс обособления глагола от имени, глагольного сказуемого от именного сказуемого, И.И. Мещанинов справедливо отмечал: «Вспомогательный глагол выступает в различных смысловых значениях и в разнообразных смысловых сочетаниях с именными и глагольными формами. В предложениях действия переходного на объект он не выходит за рамки глагольного образования. В предложениях же состояния, по мере сосредоточения предикативных показателей в единой форме глагола, выделяется в противоположность ему именное сказуемое, снижающее качество обслуживающего его глагола до превращения последнего в служебный показатель. Отсюда можно заключить, что первоначально такая связка была не связкою, а глаголом, управлявшим именем, входившим в общую с ним группу сказуемого. Затем семантическая значимость в составе сказуемого сосредоточилась в имени, наличный же при нем глагол выступил в служебном значении. Получилось отделение вербальной формы от именной»¹²¹.

¹²¹ Мещанинов И.И. Глагол. – М.– Л., 1949. – С. 178.

Процесс исторического развития тюркских языков привел к тому, что вспомогательные глаголы *ер-* и *тур-* закрепились в своих заостенелых и фонетически преобразованных формах (например, в турецком языке – *idi, ise, imis, iken, -dur* и их аффиксальные модификации, в узбекском языке – *эди, эса, эмиш, экан, эмас, -дир < турур*) как особые модально-временные предикативные связки при именном сказуемом. Предикативные же комплексы, образованные от имени и вспомогательного глагола *бол-* (в турецком, гагаузском и азербайджанском языках ему соответствует глагол *ол-* «быть, становиться»), обладают в составе именного сказуемого некоторой тенденцией в сторону сближения с глаголами состояния, чему способствовало и сохранившееся самостоятельное значение глагола *бол-* «быть, становиться»¹²². Данное обстоятельство позволило отдельным исследователям весьма категорически отнести именно-глагольные предикативные комплексы типа *бай бол-* «стать богатым», *пайдасыз бол-* «быть бесполезным», *он бол-* «стать (в количестве) десять», *бақырауық бол-* «быть крикливым» и. т.п. к непереходным глаголам состояния и процесса, образованным синтаксическим путем¹²³. «Все составные глаголы этой группы, – пишет Н.А. Баскаков, – как нормальные глагольные основы, имеют полную систему форм словообразования и словоизменения точно так же, как обычные глаголы»¹²⁴. Однако абсолютному признанию таких именно-предикативных комплексов глаголами (аналитическими глаголами) препятствует, как нам кажется, отсутствие при вспомогательном глаголе *бол-*, если он действительно вспомогательный¹²⁵, глагольной категории залоговых изменений, аффиксов залогообразования.

Совсем иное дело, когда залоговые аффиксы присоединяются к глаголу *бол-* в самостоятельной функции. В памятниках древнетюркской письменности к самостоятельному глаголу *бол-* могли присоединяться аффикс «страдательного залога» *-туқ*, выражавший в данном случае аспект (форму) объективной возможности – *болтуқ* «быть (оказаться) возможным», и аффикс «страдательного залога» *-ул*, который придавал неопределенно-личное значение – *болул* «случиться, оказаться», например: *Үндэ өңі йоқ қуруғ болтуқмаз, йоқ*

¹²² Хорошо сказал об историческом соотношении глаголов *ер-* и *бол-* Н.К. Дмитриев: «Глагол *эмек* выражал статическое понятие «быть», «существовать», а глагол *болмақ* – динамическое «делаться», «становиться», «изменять форму своего бытия». ...Если же для некоторых грамматических категорий от глагола *эмек* не сохранилось соответствующих форм, то тогда его функции переходят к глаголу *болмақ*, который в этом случае приобретает двойное значение: 1) «свое собственное», т.е. делаться, становиться и 2) дополнительное, т.е. быть» (Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.–Л., 1940. – С. 110).

¹²³ Баскаков Н.А. Составные глаголы в каракалпакском языке // Сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана...». – Ташкент, 1952. – С. 84-87.

¹²⁴ Там же. – С. 85.

¹²⁵ В современных тюркских языках от глагола *бол-* образовано также несколько модально-временных связок типа *болар* «может быть», *болса* «если» и т.д.

куруғда өңіуһ болтуқмаз (Kuan., 1-2) «Вне звука не может существовать ничто и пустота, вне ничто и пустоты невозможен звук»; *Едгүнүң там йағымча үлүшін түкэткәлі болтуқмаз, қанта тақы болтуққай* (Suv., 351) «Не окажется возможным свершить даже частичку добра, (а) где еще окажется возможным?»; *Ешітти бу сөз, көр, сәвүнді Елік, Тіләг тәг болулды, сынады еріг* (QBN, 31₉) «Услышал эти слова, смотри, и обрадовался Элик; случилось по желанию, (Элик) испытал мужа».

В современных тюркских языках самостоятельный глагол *бол-* агглютинировал различные залоговые аффиксы, которые зачастую совершенно изменили его лексическое значение. Так, в казахском языке: *болдыр-* 1) «позволить совершиться», 2) «изнемогать, утомиться, ослабеть»; *болыс-* «помогать». По-видимому, неопределенно-личное («безличное») значение «происходить, совершаться, случаться чему-либо» приобретает глагол *болун-* в кумыкском языке¹²⁶, глаголы *олун-* в турецком языке¹²⁷ и *олын-* в азербайджанском языке¹²⁸. Ко времени самостоятельного употребления древнетюркского глагола *ер-* «быть, пребывать» относится, вероятно, также образование глагола *ерін-* «пребывать сам по себе» > «лениться» (ср. глагол *ерін-* с тем же значением в казахском языке). Например: *Йеме қорқунчсуз көңүлүмүз үчүн ерініп ермәкүрүп ерклікін ерксізін бачағ сыдымыз* (Chuast., 118-119) «И из-за бесстрашного сердца нашего, ленясь и прельщаясь (чем-либо), мы вольно и невольно пост нарушали».

В то же время мы видим, что аналитическому глаголу, помимо всех других предикативных признаков, вовсе не чужда специфично глагольная категория залога. Ср., например, аналитические глаголы *ант ет-* «клясться», *ант етіс-* «совместно клясться», *ант еткіз-* «заставить клясться» и *ант етіл-* «быть совершаемой клятве, состояться присяге» в казахском языке (*ет-*, *етіс-*, *еткіз-*, *етіл-* самостоятельно не употребляются); *даўам еттир-* «продолжаться», *даўам еттир-* «продолжать» и *дауам еттирил-* «быть продолженным» в каракалпакском языке (*Проблеманы парахат жол менен шешиўге ерисиў мақсетинде сөйлесиўлер даўам еттириледі* «С целью достижения мирного решения проблемы переговоры будут продолжены». Из газеты «Совет Қарақалпақстаны», 2.XI. 1962); *хис ит-* «чувствовать» и *хис иттер-* «заставить чувствовать» в татарском языке (*Туган илеңә мәхәббәт бөтен тормышыңның мәғһәсен тәмен хис иттерә торган бер зур куәт икән ул* «Любовь к своей родине, оказывается, великая сила, которая заставляет чувствовать смысл и прелесть всей жизни». Г. Башаров «Намус»)¹²⁹.

¹²⁶ Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – С. 134.

¹²⁷ Гордлевский В. Грамматика турецкого языка. – М., 1928. – С. 36.

¹²⁸ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования к азербайджанском языке». Опыт сравнительного исследования. – М., 1962. – С. 502.

¹²⁹ Пример взят из работы Дмитриева Н.К., Чистякова В.М. и Бакеевой Н.З. «Семантика русских и татарских глаголов» (в кн. «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе». – М., 1952, глава VI. – С.191).

В отличие от современных тюркских языков, в памятниках древнетюркской письменности сравнительно мало примеров залогового оформления аналитических глаголов, что, пожалуй, свидетельствует о незавершенности процесса обособления таких глаголов от именно-предикативных комплексов, например: *Ол тынлығыґ віакріт қылымыш еріп...* (Uig, II, 39, 99) «По отношению к тому живому существу было предсказано (букв. было сделано «виакрти»)». При словосочетании *віакріт қылыл-* (в форме страдательного залога) «быть предсказанным, быть напрогноченным» присутствует не управляемый падеж прямого дополнения, а так называемый «винительный падеж отношения» (Akkusativ des Bezugs), отмечаемый А. Габэн¹³⁰ как особенность древнеуйгурских рукописей. «Винительный падеж отношения» употребляется в древнеуйгурских памятниках также при устойчивом словосочетании *туш бол-* «встречаться» (*туш* «случай, совпадение»): *Бу буйан күчінтэ кінінэ түзүн Майтры бурқаныґ туш болалым* (USp., 26) «Хочется нам в силу этого благословения встретиться впоследствии со справедливым буддой Майтреей!»

Таким образом, критериями для разграничения аналитического глагола (глагольного сказуемого) от именного сказуемого в тюркских языках можно признать залоговые изменения аналитического глагола и способность переходного аналитического глагола управлять прямым дополнением, в отличие от именного сказуемого, которое не имеет категории залога и не употребляется в переходных предложениях¹³¹. Заманчивый термин «комбинированное управление», выдвинутый М.Б. Балакаевым¹³², является плодом недоразумения, ибо так называемое «комбинированное управление именного сказуемого прямым дополнением» оказывается в действительности обыкновенным управлением переходных аналитических глаголов типа *арман ет-* «мечтать», *қонақ ет-* «угощать», *қан қыл-* «превращать в кровь», *дуана де-* «считать чудачком», *әже де-* «называть бабушкой» *мақұл көр-* «найти приемлемым, одобрить» и т.п., которые выступают как глагольные сказуемые (или предикативные компоненты развернутых членов предложения).

Б. Следующая группа аналитических глаголов в языке памятников древнетюркской письменности образуется посредством лексикализации в определенных, изолированных случаях синтаксического сочетания имени и глагола (явление устойчивой вербализации). Глагол конкретной семантики, выступая вторым компонентом вербализованного словосочетания, теряет ряд конкретных значений и становится окказиональным или окказионально-вспомогательным. В сочетаниях же с другими именами вне устойчивого словосочетания тот же глагол выступает самостоятельным, проявляя все свое основное содержание.

¹³⁰ Gabain A.von. Alttiirkische Grammatlk. – С. 166.

¹³¹ Ср. Мещанинов И.И. Глагол. – С.165.

¹³² Балакаев М.Б. О комбинированном управлении прямого дополнения в казахском языке // «Тюркологический сборник», I. – М.–Л., 1951. – С. 44.

Аналитические глаголы данного типа могут быть как переходными, так и непереходными. Переходные аналитические глаголы могут образовываться в результате лексикализации сочетаний имени в неоформленном падеже¹³³ и глаголов конкретного физического воздействия на объект, выступающих в данном случае в качестве окказионально-вспомогательных глаголов «назначения», «превращения во что-либо»: *балбал қыс-* «поставить балбалом», *қаған қыс-* «возвести ханом» (*қыс-* «давить, жать; принуждать»), *балбал тік-* «поставить в качестве балбала, водрузить балбалом» (*тік-* «ставить торчком, втыкать») и т.п.¹³⁴, например: *Алп ерін балбал қысды* (0,3) «Их героев-мужей он поставил «балбалами»; *Анта кісрә теңрі біліг бертүк үчүн өзүм өк қаған қысдым* (Тон., 6) «Затем, так как Небо даровало мне знание, я сам возвел ханом («шада» Эльтериша)»; *Қаңым қағанқа башлайу Баз қағаның балбал тікміш* (КТб., 16) «В честь моего отца-кагана во главе (вереницы каменных столбиков, ставившихся по числу убитых покойным врагов) водрузили «балбалом» Баз-кагана». Окказионально-вспомогательные глаголы *қыс-*, *тік-*, как можно заметить, сближаются с глаголом *қыл-* в значении «превращать, изготавливать, делать», например: *Алп ерін өлүріп балбал қылу бердім* (Ха, 7) «Убивая их витязей, я превращал (последних) в балбалы».

Устойчивые именно-глагольные словосочетания переходной семантики образуют, кроме того, глаголы говорения *те-//ті-* «сказать, говорить; называть» и *ата-* «именовать, называть, титуловать» (*ат-* «имя, титул»), глагол *ал-* «брать», глагол чувственного восприятия *көр-* «видеть», глаголы мышления (*verba sentiendi*) *біл-* «знать, узнавать, ведать», *сақын-* «думать, размышлять, грустить» и т.п., выступающие с окказиональным значением «находить таким-то, считать того-то тем-то, принимать за»¹³⁵, например: *Сені сіз тесәлір аны сіз тегіл* (QBW, 123₂₆)

¹³³ Интересно отметить, что неоформленному падежу при окказионально-вспомогательном глаголе древнетюркских памятников письменности зачастую соответствует так называемый «второй винительный падеж» в греческом, латинском и древнерусском языках при глаголах назначения, избрания, называния, восприятия и мысли (Соболевский С.И. Грамматика латинского языка, I. Морфология и синтаксис. – Изд. 3. – М., 1948. – С. 135; Ломтев Т.П. Из истории синтаксиса русского языка. – М., 1954). – С. 29-30).

¹³⁴ Глаголы типа *балбал тік-* «поставить балбалом», вопреки утверждению А. Ислямова, не являются «именным составным сказуемым». См.: Ислямов А. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников, – «Ученые записки Семипалатинского педагогического института им. Н.К. Крупской», вып. II. – Семипалатинск, 1957. – С. 252.

¹³⁵ Ср. в казахском языке словосочетания с глаголом речения *де-* (*дес-*) «сказать, говорить», который выступает с окказиональным значением «называть чем-либо, считать таким-то, принимать за»: Орыстар оны «саквяж» дейді екен («Русские, окказываются, называют это саквяжем»; Балқашты жұрт «етке өштілердің» бірі десетін «Люди считали Балкаша чревоугодником» (примеры из романа С. Муканова «Мөлдір махаббат»). Сочетаниям типа турецкого *dost bilmek* «считать другом», *düşman bilmek* «считать врагом» в казахском языке соответствуют сочетания *дос* (*деп*) *білу*, *дос* (*деп*) *санау*, *дос* (*деп*) *есептеу*, *дұшпан деп ойлау*, *дұшпан деп тусіну* и т.п., или переходные аналитические глаголы, образованные сочетанием имени с глаголом чувственного восприятия *көр-* в окказиональном значении «считать таким-то, принимать за такого-то»: *дұшпан көру* «считать врагом», *туысқан көру* «принимать за родственника», *жат көру* «считать чужим, чуждаться», *жек көру* «ненавидеть» (исторически «принимать за дьявола», ср. др.-тюрк. *йэк* «дьявол, сатана, демон») и т.д.

«Если к тебе обращаются на «Вы», то его (тоже) называй на «Вы»; *Тай білгэ тутуқуғ йабғу атады* (МЧ, 11-12) «Заложника Тай-Бильге он наименовал титулом «ябгу»; *Білгэ ерэн савларын алғыл өгүт* (МК I, 274₄) «Речи мудрых мужей принимай за наставления»; *Бағырсақ көрүрмэн бу Оғдулмышығ* (QBW, 66,) «Я нахожу Оғдулмыша милосердным»; *асығысыз оғулны йағы біл, сақын* (QBQ, 172) «Бесполезного сына считай врагом и остерегайся!»; *Өзүңі йол өткэн сақын, ай қадаш* (QBN, 437) «О брат, считай, что ты прошел уже (свой жизненный) путь!»

Лексическое значение аналитического глагола в значительной мере зависит от окказионально-вспомогательного глагола. Устойчивое словосочетание, когда между именем и окказионально-вспомогательным глаголом сохраняются логические отношения прямого объекта и действия (порою они даже оформляются синтаксически как прямое дополнение и глагольное сказуемое, не теряя своей идиоматичности), оказывается неспособным управлять прямым дополнением. Однако при таком аналитическом глаголе в предложении могут находиться косвенные дополнения, тесно связанные со значением идиоматического глагольного понятия.

Особенно часто лексикализуются синтаксические сочетания имени (прямой объект) с переходными глаголами *ур-* «ударять, бить», *тут-* «держат, хватать», *соқ-* «ударять», *кеміш-* «бросать», *бер-* «давать», *ал-* «брать», *ба-* «связывать, привязывать», *ег-* «сгибать», *кес-* «резать, отрезать», *көр-* «видеть», *тік-* «втыкать, вонзать» и др. Таковы, например, непереходные идиоматические словосочетания типа: *йүз ур-* «направлять свой взор на, смотреть на» (*йүз* «лицо»), *көңүл ур-* «вознамериться» (*көңүл* «сердце, душа»), *ул-түп ур-* «обосновать» (*ул-түп* «дно, основание»), *мун ур-* «попрекать» (*мун* «недостаток, недочет», ср. казах, *мін* «недостаток»), *ат ур-* «называть» (*ат-* «имя, название»), *йол(уғ) ур-* «предопределять, толковать путь» (*йол* «путь, дорога»), *йүз тут-* «обращаться к», *отағ тут-* «вести домохозяйство» (*отағ* «жилище»), *көз қулақ тут-* «наблюдать, следить» (*көз* «глаз», *қулақ* «ухо»), *екін тут-* «возделывать, обрабатывать пахотную землю» (*екін* «пашня, посевы»), *севінч тут-* «возрадоваться» (*севінч* «радость, веселие»), *баш соқ-* «предаваться чему-либо» (*баш* «голова»), *көз кеміш-* «приглядывать, наблюдать, следить», *арқа бер-* «отступать» (*арқа* «спина»), *көңүл бермэ-* «не обращать внимания, игнорировать», *сав ал-* «слушаться» (*сав* «слово, речь»), *ара ба-* «принять участие» (*ара* «промежуток, между»), *қур ба-* «возыметь сильное намерение, приготовиться действовать» (букв. «завязать пояс», ср. казах. *бел буу, бел байлау* «твердо решиться на что-либо», церк.-славянское «препоясать свои чресла»), *бойун ег-* «покоряться» (*бойун* «шея»), *умынч кес-//үмід кес-* «потерять надежду на, отчаяться в чем-либо» (*умынч* «упование, надежда», *үмід* «надежда»), *емгэк көр-* «подвергнуться притеснению, испытывать страдания» (*емгэк* «страдания, мучения, тяготы»), *көз тік-* «устремить взгляд, всматриваться», *көңүл өріт-* «возвышать, возбуждать чувства», *көңүл*

тегүр- «стараться» (*тегүр*- «заставить коснуться, доводить, устремляться» < *тег*- «касаться, доходить»), *йарлық тегүр*- «приказать, повелеть, отдать приказ» (Uig. I, 10), *көңүл турғур*- «возбуждать чувства» (*турғур*- «устанавливать» < *тур*- «стоять; пребывать, жить»), *көз (үз) йарут*- «обрадовать» (*йарут*- «осветить, озарить» < *йару*- «блистать, светиться, делаться светлым»), *ет-өз қод*- «умереть (букв. оставить тело)» и т.д.

Примеры: *Еліккэ йүз урды бу білгэ тетік* (КБ II, 48) «Этот мудрый и смысленый обратил свой взор к правителю»; *Тонанып көңүл урды бармақ үзэ* (КБ II, 48) «Он оделся и вознамерился отправиться (в путь)»; *Сөзін сөзләді, сөзкэ ул-түп уруп* (КБ II, 50) «Он заговорил, обосновывая свои слова»; *Маңа мун урурлар бу атым үчүн* (КБ II, 64) «Они попрекают меня из-за этого моего имени»; *Йемэ бу кітэпкэ ат урмыш улуғ* (КБ II, 6) «И эту книгу они наделили именем Великая»; *Кішілік қыл, ай ер кіші, бол улуғ, Кіші мундағ урды кішілік йолуғ* (QBN, 414) «О доблестный муж, воздавай человечность и будь великим – так предопределил Человек путь гуманизма»; *Улуғда кішігкэ ачуқ тутты йүз* (КБ II, 50) «С открытым взором он обращался к старшим и к младшим»; *Еліг (көз қулақ тутты елдэ қамуғ* (КБ II, 45) «Правитель всегда следил («наблюдал и прислушивался») за народом»; *Бу борлуққа екін тутса берім алым келсэ, мен Мысыр білүрмэн Қайымту білмэс* (ISp., 19) «Если при возделывании этого виноградника возникнут расходы и налоги, то я, Мысыр, ведаю (т.е. обязан уплатить), а Қайымту не ведает»; *Йеркэ теңрікэ севінч тут* (ТТ I, 2) «Возрадуйся земле и небу!»; *Нечэ ме білігліг уқушлуғ кіші Башын борқа соқса бузар өз іші* (QBQ, 147) «Сколько бы ни был ученый и разумный человек, если он предается алкоголю (*бор* «вино»), то расстроит свои дела»; *Төзү көз кемішсэ йемэ туғчықа* (QBN, 191) «(Дворецкому) следует всегда приглядывать за хранителем бунчуков»; *Тірэн арқа бермэ йағықа болуп, Йағығ санч йоқ ерсэ уруш йат өлүп* (QBN, 179) «Держись, не отступай перед врагом; врага срази или же бейся, пока не ляжешь убитым!»; *(Өзүм) тілэк арзуларқа көңүл бермэді* (QBN, 411) «(Я) не придавал внимания желаниям и стремлениям»; *Йавлақ еш-туш адаш-қудаш савын алып* (Chuast., 17) «Слушаясь (или следуя советам) дурных друзей-приятелей...»; *Тардуш шад ара бады* (Тон., 41) «Тардушский шад принял участие (в сражении)»; *Муну қур бадым мен тапуғқа қатығ* (QBQ, 353) «Итак, я возымел сильное стремление к службе»; *Маңа кім бойун егсэ, арзу булур* (КБ II, 63) «Кто мне покорится, тот находит желаемое»; *Умынч кесмэгэй мен саңа, ай умынч* (QBW, 184) «О (моя) надежда, я не отчаюсь в тебе!» (Сравните, однако, управление сходного словосочетания не дательным, а исходным падежом в «Қысас ал-анбия» Рабгузи, XIV в.: *Салих айды Ідйа мен булардың үмід кестім* «Салих сказал: «О боже, и отчаялся в них»); *Он уқ бодун емгэк көрті* (КТб., 19) «Десятиплеменный» народ подвергся притеснению»; *Көзін көккэ тікті, бақа турды кеч* (QBN, 445) «Он устремил взгляд в небо и долго вглядывался»; *Йарлықанчучы көңүл өрітіп көңүлүңін сүзгіл*

(Uig. I, 45) «Возбуждая (в себе) милосердные чувства, очищай (букв. процеди) своим сердцем!»; *Кед көңүл тегүрүп тілэнлэр істэнлэр* (Uig. I, 6) «Очень старательно спрашивайте и разыскивайте!»; *Емті бізің ісің өзүмүзкә едгү көңүл турғуруп умуғ ынағ болғыл* (Uig. I, 45) «Теперь, возбуждая в себе добрые чувства к нашим жизням, будь (нашей) надеждой и защитой!»; *Муны ма айу бер йарут бу көзүг* (QBQ, 132) «Истолковав и это, обрадуй меня (букв. освети эти глаза)»; *Аның арасында кентү өзі-і ет-өз қодуп адын ажунқа барды* (Uig. III, 80) «Тем временем сам он умер и отправился в иной мир».

Непереходными являются также аналитические глаголы, между компонентами которых прослеживаются синтаксические связи косвенного дополнения и сказуемого, например: *Будунуғ біліг бірлэ басты бегі, Біліг болмаса ішкә йақмаз өгі* (QBN, 151) «Князь правит народом посредством знания, если бы (у него) не было знания, его ум был бы непригоден для дела (йақ- «приставать, приближаться»).

Аналитические глаголы, компоненты которых сохраняют следы синтаксических связей обстоятельства и сказуемого, могут быть переходными. Например: *Білгә білігіг йақын турғуруп...* (ТТ VIII, 14) «Приближая мудрое знание (букв, устанавливая близко)...»; *Йақын тутту еліг, көр, Өгдүлмішіг* (QBN, 126) «Смотри, правитель приблизил к себе (букв. держал близко) Огдьюлмиша!»

Иногда устойчивые фразеологические словосочетания обнаруживают синтаксические связи подлежащего и сказуемого (это может связываться с залоговым изменением окказионально-вспомогательного глагола). Например: *Кед өвкәсі келді* (Uig. I, 72) «Он сильно разгневался (букв, сильно его гнев пришел)»; *Ачығ тудса ішчі ер ат көңлі сыр, Ер ат көңлі сынса алыр бегкә кір* (QBN, 208) «Если управляющий делами (князя) будет гневаться, то рассердит конницу; если же настроения конницы испортятся (т.е. конная гвардия рассердится, возмутится), то князь будет скомпрометирован».

В. Третью группу аналитических глаголов составляют так называемые «глаголы внутреннего объекта». Имя в неоформленном падеже при таком глаголе выражает «логический объект, содержание которого включено в содержание глагола, в силу чего объект как бы инкорпорируется в глагол, образуя с ним лексическое целое»¹³⁶. Таким образом, «глаголы внутреннего объекта» можно отнести к словообразовательным единицам, образованным аналитическим (синтаксическим) путем. Такие аналитические глаголы представляют собой частный случай паронимии, т.е. сближения слов, обнаруживающих этимологическое или внешнее звуковое сходство¹³⁷. Относительно паронимии А. Габэн пишет лишь следующее: «Имеются два вида созвучного словообразования: первый возникает вследствие употребления различных вторых слов одинакового корня; другой же

¹³⁶ Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. – Ташкент, 1948. – С. 47.

¹³⁷ Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960. – С. 202.

возникает благодаря тому, что первый слог слова ставится перед этим же словом и заканчивается лабиальным звуком (если же слог закрытый, то перед словом выступает только начальный согласный и первый гласный): *yarın yaru-sar* «если рассвело утро» (MIII 43, Nr. 30), *časut časur*- «клеветать», *alqış alqa*- «восхвалять», *qolun qolu*- «клятвенно обещать, давать обет», *bosuna bosunuldim* (R 07) «я полностью освободился»; *gar gara* «совершенно черный», *aram* «тотчас же»¹³⁸.

Обстоятельно исследовал параномазийные словосочетания в языке письменных памятников XI века и в тюркоязычных среднеазиатских рукописях последующих столетий К. Брокельман¹³⁹. Он отметил в языке «Кутадгу билиг» и «Диван лугат ат-тюрк» характерные, «излюбленные» случаи параномазии между подлежащим и сказуемым (*ақын ақар* «поток течет», *черіг чергэшүр* «войско выстраивается в боевой порядок»), между дополнением и глаголом (*бармақ барды келмэк келді* «он пошел и пришел», *барығ барды* «он ушел», *посуғ пусды* «он рассердился», *қонар қопуғумны*, «позволь мне подняться»), между обстоятельством и глаголом (*йана йандру йанмақ* «возвращаться»), между подлежащим и дополнением (*ер еріг артатур* «муж губит мужа», *йағуса йағыға айғы адрапа* «если враг приближается к врагу, один распознает другого») и т.д.

В параномазийных аналитических глаголах неформленное имя («внутренний объект») и глагол одного корня, примыкая друг к другу, сливаются в единую лексическую единицу переходной (*өгүш өг-* «восхвалять хвалой, перевозносить», *уруғ ур-* «побить боем, избить») или непереходной семантики (*бачағ бача-* «поститься постом», *тарығ тары-* «возделывать злаковые культуры», *сүңүш сүңүш-* «сражаться, дать сражение»¹⁴⁰, *көсүш көсэ-* «желать желание, ограждать», *бошғут бошғур-* «проповедовать учение, наставлять, делать наставления», *емгэк емгэн-* «мучиться муками, испытывать мучения и страдания»). Например: *Байатығ өгүш өгді* (KB II, 52) «Он восхвалял бога»; *Ол еріг уруғ урды* (МК I, 323) «Он избил мужчину»; *Кім маңа атайу арығ бачағ бачасар...* (Мап. III, 49) «Если кто-нибудь, окликаая меня, постится чистым постом...»; *Тарығ тарығу йер* (Usp., 28) «Земля для возделывания (*тарығ* «посевы, хлеба, злаки»); *Йегірмі сунуш сүнүсміс* (КТб., 15) «Он дал двадцать сражений»; *Кут қолурмэн көсүш* көсэйүрмэн (Uig. I, 31) «Я прошу счастья, стражду»; *Йемэ аднағуқа бошғут бошғурмақын севэр* (Мап. III, 21) «И любит он наставлять другого»; *Анта өтрү еліг бег артуқрақ ачығ емгэк емгэніп өз көңүлінтэ інчэ теп меді* (Uig. III, 30-31) «После этого правитель, еще сильнее испытывая горькие мучения, сказал в душе так...».

¹³⁸ Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. – С. 172-173.

¹³⁹ Brockelmann C. Ostturkische Grammatik der Islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, [1951–] 1954. – С. 368-370.

¹⁴⁰ По мнению А. Ислямова, *сүнүс сүнүсміс* является «именным составным сказуемым» (?1). См.: Ислямов А. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников. – С. 252.

Нередко «внутренний объект» выступает как именная основа, от которой образован производный глагол: *сү сүлэ-* «войско войной водить, воевать», *аб абла-* «охотиться на зверей» (*аб* «охота на зверей»), *іш ішлэ-* «дело делать», *сөз сөзлэ-* «молвить слово (букв. слово словить)» и т. п. Например: **су сүлэпэн**, *төрт булуңдақы бодуныг қоп алмыш* (КТб., 2) «Водя войска войною, они покорили все народы четырех частей света (букв. четырех углов)»; **суу сүлэсэр йер телінүр** (ТТ I, 4) «Когда воюют, раскалывается («разверзывается») земля»; **Аб абласар рмлэ (?) тег ерті** (КЧ, 9) «Когда охотился, он был подобен...»; *Өзі тынса, анча ол іш ішлэсэ* (КВ II, 44) «О, если бы он успокаивался, делая столько таких дел!»; *Йана сөзлэдім сөз мен саңа* (QBW, 33₂) «Я снова сказал тебе слово (мое)».

Случается, что имя и созвучный ему глагол паронимазийного словосочетания в предложении размыкаются, или же так называемый «внутренний объект», конкретизируясь и обособляясь, оформляется аффиксом винительного или орудного падежа. В обоих последних случаях рельефно выступают синтаксические отношения (объектные или обстоятельственные), и то лексико-синтаксическое единство, которое давало основание отнести «глаголы внутреннего объекта» к аналитическим глаголам, разрушается. Например: **Түшэр өк кіші түш** (QBW, 171) «Только человек (в отличие от животных) видит во сне сновидения»; *Үкүш едгү сөзлэр тілін сөзлэді* (QBW, 29₁₈) «Много хороших слов сказал он языком»; **Сөзін сөзлэді сөзкэ ул-түп уруп** (QBW, 28₁₈) «Он сказал свои слова, обосновав слова»; *Таш йағыг йағыладым елэдім* (Е, 45) «Я воевал с внешними врагами (букв. воевал врагов) и побеждал»; *(Та)мудықы емгэклэріг емгэтгэлі...* (Uig. III, 6) «Чтобы мучить муками ада (или: заставить испытать муки ада)...»; **Уз одунмақын одунурлар** (ТТ VIII, 42) «Они праведным бодрствованием бодрствуют».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глагольное управление в древнетюркском языке характеризуется определенными лексическими и грамматическими особенностями. Управление является способом синтаксической подчинительной связи компонентов объектного словосочетания, где падежная форма зависимого (управляемого) имени обусловлена лексико-семантическим содержанием господствующего (управляющего) слова.

Отдельные лексико-семантические группы корневых глаголов переходного действия управляют прямыми или косвенными дополнениями (объектами), что грамматически выражается в употреблении определенных падежных форм имени.

Однако наличие падежной формы имени при глаголе еще не является свидетельством того, что налицо глагольное управление. Характер синтаксической связи в сочетаниях имени существительного с корневым глаголом непосредственно определяется лексико-

семантическим содержанием корневого глагола. Соответственно этому сочетания имен в форме винительного, дательно-направительного, местно-исходного и инструментального падежей с непереходными глаголами движения и состояния не отвечают решающему критерию глагольного управления – наличию объектных отношений между именем и глаголом переходного действия – и как таковые относятся к «падежному примыканию», которое воплощается в составе распространенного предложения в линию обстоятельство – сказуемое (или предикативный компонент развернутого члена предложения).

Преобладающее место в управлении корневого глагола занимает управление собственно-переходных корневых глаголов прямыми дополнениями (прямыми объектами), выраженными именами в винительном оформленном или неоформленном падежах. Среди управляющих прямо-переходных корневых глаголов выделяются следующие основные лексико-семантические группы: 1) глаголы физического воздействия на объект; 2) глаголы речения; 3) глаголы динамического воздействия на объект в процессе его перемещения в пространстве; 4) глаголы производительного, созидательного действия; 5) глаголы мышления, восприятия и ощущения.

Гораздо меньшее число корневых глаголов способно управлять косвенными дополнениями (косвенными объектами), выраженными именами в форме дательно-направительного (дательного) и местно-исходного (исходного) падежей. Дательно-направительным (дательным) падежом управляют следующие группы косвенно-переходных глаголов: 1) глаголы чувственного восприятия, 2) глаголы подчинения, 3) глаголы противодействия, 4) глаголы касания. Местно-исходным (исходным) падежом управляют, главным образом, косвенно-переходные глаголы со значением «освобождения, избавления, отказа (от чего-нибудь)» и, с известными оговорками, некоторые глаголы чувственного восприятия. Косвенные дополнения в «пространственных» падежах выступают, кроме того, при некоторых прямо-переходных глаголах. Переходные корневые глаголы могут управлять также косвенными дополнениями (орудными объектами) в форме инструментального (орудного) падежа, аффикс которого исторически един с аффиксом винительного падежа.

Управление производных глаголов аффиксального (синтетического) словообразования обуславливается не столько грамматической формой (аффиксы глаголообразования), сколько семантическим переосмыслением производной основы по сравнению с исходной основой.

Производные отыменные глаголы, как и корневые глаголы, могут быть классифицированы на несколько лексико-семантических групп, по-разному относящихся к категории переходности-непереходности, к способности управлять падежной формой имени в сочетании глагола с именем. Аффиксы отыменного глаголообразования *-ла*, *-а*, *-ға*, *-ы*, *-ық*, *-ар*, *-ғар*, *-ырқа* нейтральны к категории переходности-

непереходности, т.е. могут образовывать от различных имен как переходные, так и непереходные глаголы (остальные аффиксы образуют от имен только непереходные глаголы).

Исторически аффиксы отыменного глаголообразования четко отграничивались от аффиксов залогообразования глагола (-т, -ур ~ -уз, -тур- ~ -туз, -л, -н, -ш). Залоговые аффиксы представляют собой дальнейшую лексико-грамматическую конкретизацию категории активности и пассивности, категории переходности и непереходности, заложённых в основе корневых глаголов.

В лексико-грамматической категории залога дается развернутая дифференциация субъектно-объектных отношений путем аффиксального словообразования. Залоговые аффиксы могут присоединяться как к переходным, так и к непереходным глагольным основам. Изменение управления глагола при залогообразовании связано с лексико-семантическим переосмыслением производной залоговой основы глагола по сравнению с исходной глагольной основой. Образование залоговой формы с собственно грамматической стороны (выражение отношения действия к грамматическому субъекту) не влияет на глагольное управление.

Управление аналитического глагола обуславливается лексикализацией некогда свободного синтаксического словосочетания имени и глагола. Критериями для разграничения аналитического глагола (глагольного сказуемого) от именного сказуемого в тюркских языках являются залоговые изменения аналитического глагола и способность переходного аналитического глагола управлять прямым дополнением, в отличие от именного сказуемого, которое не имеет категории залога и не может управлять прямым дополнением.

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ А.С. АМАНЖОЛОВА «ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ»

Прежде чем говорить о диссертации А.С. Аманжолова, необходимо сказать несколько слов о самом авторе этой диссертации. А.С. Аманжолов окончил восточное отделение филологического факультета МГУ по кафедре тюркской филологии. Будучи студентом, он проявлял живой интерес к научным проблемам тюркского языкознания и вообще к проблемам теоретической лингвистики. Этот интерес фиксировал его на неослабеваемой познавательной работе изучаемых материалов, далеко выходящей за пределы учебных программ. Это выделяло его среди других студентов как энтузиаста познавательного процесса и как юношу, отличающегося серьёзностью, необычной скромностью и тактичностью во всех общественных проявлениях.

Кафедра тюркской филологии после защиты отличного диплома выделила его в аспирантуру по тюркской филологии и пишущего этот отзыв научным руководителем А.С. Аманжолова.

Выполнение кандидатского минимума шло планомерно и своевременно. Темой диссертации Аманжолов избрал «Глагольное управление в языке древнетюркских памятников». Это соответствовало и его прежним студенческим интересам к сравнительно-исторической грамматике. Для осуществления намеченной темы понадобилась большая научная подготовка. Аманжолов Алтай изучил и критически отработал всё, что ему дало русское языкознание в лице его лучших представителей, охватил огромный материал по тюркскому отечественному языкознанию на русском и национальных языках и, чтобы проработать всю необходимую научную литературу на западноевропейских языках, он добросовестным образом изучил английский, немецкий и французский языки, на которых прочитал, органично и критично усвоил всё, что относилось к его теме. Так сложился научный кругозор диссертанта. Глубина и критичность познания количественно огромного текстового материала древнетюркских памятников выявили в диссертанте отличительную особенность его метода, основанного на полной самостоятельности взглядов в интерпретации, оценке и трактовке синтаксических компонентов глагольного управления. Самостоятельность взглядов и сами языковые факты, собранные диссертантом в большой картотеке, дали оригинальные и полностью аргументированные установки в оценке взаимоотношений управляемого и управляющего компонентов глагольного словосочетания, часто совершенно расходящиеся с существующими оценками некоторых тюркологов. Диссертант смело и убедительно отстраняет формалистическую концепцию, навешанную профессором Пешковским в тюркском языкознании, отстраняет так называемое сильное, полусильное и слабое управление глагола (термины, существующие в тюркологии) и даёт развёрнутый анализ чрезвычайно широкой системы лексико-семантических отношений.

В диссертации даётся много интересных, совершенно новых наблюдений над лексико-грамматическими свойствами целого ряда глаголов.

Дана развёрнутая глава о словообразовании глагольных основ, где автор на богатом материале прослеживает семантические модуляции категории залога и его отношения к управляемым именным компонентам.

Во всём концепция диссертанта развивается последовательно, обоснованно, закономерно и, аргументировано опираясь на языковые материалы, всё время им иллюстрируются примеры памятников. Такая обоснованная позиция позволяет автору много раз отступать от формально-традиционных или модных взглядов некоторых тюркологов и убедительно и в то же время тактично критиковать их.

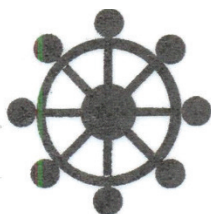
В молодом авторе виден вполне сложившийся самостоятельный учёный, который способен оригинально и полноценно вести любую исследовательскую работу в области сравнительно-исторической грамматики и лексикологии тюркских языков. Хочется думать, что работа А.С. Аманжолова ляжет в основу исследований глагольного управления в тюркских языках как новый и оригинальный пример добросовестного научного познания. А присвоение ему учёной степени кандидата филологических наук у нас не вызывает сомнения.

Научный руководитель. Заслуженный деятель науки
Российской Федерации, профессор: **В.М. НАСИЛОВ**

10.12.1963

II

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Синтаксические связи слов и способы их выражения в языках мира многообразны, в определенной степени представлены в каждом отдельном языке. В статье «К типологии синтаксических связей», опубликованной в «Вестнике КазГУ» (Алматы, 2000), отмечается большое значение синтаксической типологии, синтаксической концепции академика И.И. Мещанинова. Типология уступительных подчинительных конструкций в турецком и казахском языках первоначально исследовалась автором в 1955 году, причем материал турецкого языка оставался неопубликованным, а казахский материал был переработан и издан в виде статьи «Опыт классификации уступительных конструкций в современном казахском языке» (сб. «Казахский язык и литература», вып. 6. – Алматы: КазГУ, 1975).

К ТИПОЛОГИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Синтаксическая типология непосредственно соотносится с вопросом о синтаксических связях между компонентами синтаксических конструкций (предложения или словосочетания). Синтаксическая связь – это формально выраженная смысловая связь между словами в акте коммуникации. В лингвистической литературе понятия «синтаксические связи слов» и «синтаксические отношения между словами» обычно отождествляются.

При рассмотрении проблемы связи слов в соответствующих синтаксических конструкциях должны быть учтены два момента: 1) синтаксические отношения между членами словосочетания (предложения), составляющие внутреннюю сторону явлений, их определенные значения, и 2) способы выражения этих синтаксических отношений, формальное их выражение, что составляет сторону внешнюю. Внешне, материально способы (приемы) выражения синтаксических отношений проявляются в каждом конкретном языке через определенные материальные языковые средства (грамматические формы слов, порядок слов, интонацию и т.д.).

Синтаксические отношения между самостоятельными словами в словосочетании или предложении (предикативные, определительные, объектные, обстоятельственные и др.) отображают реальные отношения предметов и явлений объективной действительности. «Так называемые отношения между словами в речи, предложении, с одной стороны, вообще существуют лишь на основе реальных (или мыслимых как реальные) отношений, с другой же стороны – лишь изображают эти последние [13]. Например, в словосочетании *ясный день*, где синтаксическое определительное отношение выражено способом согласования (в роде, числе, падеже), члены этого словосочетания указывают на признак и носителя признака в самой действительности.

С синтаксическими отношениями тесно переплетаются смысловые отношения. Смысловые отношения устанавливаются между компонентами словосочетания или предложения только в каждом конкретном, отдельном случае их употребления и во многом зависят от лексико-семантических особенностей объединяемых в речи слов и контекста, в котором они употребляются. Синтаксические же отношения между компонентами того или иного образования возникают «в результате обобщения ряда соотносительных однотипных смысловых

отношений, устанавливаемых между соответствующими элементами построения, и их синтаксических значений...» [8, с. 7]. Так, синтаксические обстоятельственные отношения обобщают и объединяют в себе целый ряд смысловых отношений между соотносительными компонентами – пространственные, временные причинные и т.п. (*сидел дома, приехал вчера, отсутствовал по болезни* и т.п.).

По характеру синтаксических связей (отношений), как уже упоминалось, сочетания слов делятся на предикативные, объектные, определительные (атрибутивные), обстоятельственные (циркумстантивные) и др. Из них предикативные отношения выступают в составе предложения между подлежащим и сказуемым (в тюркских языках предикативные отношения обнаруживаются также в составе квазипредложений – развернутых членов предложения). Точка зрения Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, считавших предложение лишь разновидностью словосочетания – так называемым законченным словосочетанием, характеризующимся предикативностью, не позволяло раскрыть специфику предложения. «Вместе с В.В. Виноградовым и А.И. Смирницким, – пишет О.С. Ахманова, – мы считаем, что основным признаком предложения является предикативность, т.е. выражение предикации, под которой понимается отнесение содержания высказывания (предложения) к действительности – сообщение о действительности» [5, с. 453]. Предложение, как основная коммуникативная единица речи, отличается большим структурным разнообразием. Так, словосочетанию как таковому не свойственны сочинительные отношения, в которые вступают независимые друг от друга в грамматическом отношении слова, словосочетания и отдельные предложения в составе сложных конструкций. В составе простого предложения в сочинительные отношения вступают однородные члены предложения. «Словосочетание должно иметь смысловой центр и центр грамматический, иначе говоря, одно из слов словосочетания должно быть грамматически господствующим. Как правило, грамматический и смысловой центры совпадают...» [15]. Таким образом, связь между компонентами словосочетания, как правило, устанавливается на основе подчинительных отношений или связей – определительных, объектных, обстоятельственных.

Определительные отношения устанавливаются между соотносительными членами, один из которых является выразителем свойства или качества другого, господствующего члена, т.е. указывают на отношения «между субстанцией и ее атрибутивными признаками» [10, с. 22]. Например: *новая дорога, белый платок, тетрадь ученика* и т.д.

Обстоятельственные отношения устанавливаются между соотносительными членами, один из которых является выразителем качественно-определяющего признака, а другой, господствующий член, выражает действие – состояние или признак (*быстро записывать, ездить верхом, говорить по-английски, чрезвычайно интересный*), либо указывают на различные обстоятельства (места, времени, условия, причины, цели и т.п.), при которых осуществляется действие-состояние или проявляется признак (*жить за городом, работать по вечерам, растеряться от неожиданности* и т.д.).

Объектные отношения выражают зависимость предмета от действия, которое прямо или косвенно переходит на него или только ориентировано на него, а также зависимость от разных видов состояния, с которым этот предмет связан (*написать письмо другу, готовиться к докладу, подготовка к экзаменам, бороться с недостатками, борьба с недостатками* и т.д.).

Единства взглядов лингвистов на деление синтаксических связей (отношений) нет. Так, А.И. Смирницкий вместо обстоятельственных и объектных связей вводит термин «комплетивная связь». Комплетивная, дополнительная, связь служит для введения второстепенного члена предложения, связанного со сказуемым процессно-предметным отношением. «Из трех основных типов связи – атрибутивной, комплетивной и предикативной (мы принимаем классификацию А.И. Смирницкого), – пишет О.С. Ахманова, – только первая всегда дает словосочетание; второй тип связи дает словосочетание только в своих более тесных формах; третий не дает его совсем» [5, с. 454-455].

Из определительных отношений (связей) ряд лингвистов, например Е.В. Кротевич, считает возможным выделить так называемые аппозитивные отношения. «Зависимый член и атрибутивного словосочетания (*отличный студент*), и аппозитивного (*студент-отличник*) выражает признак предмета, но этот признак выражается по-разному: в первом случае признак выражен непосредственно, во втором – посредственно» [8, с. 11].

Для выражения синтаксических связей между словами каждый конкретный язык располагает рядом способов (или приемов), из которых наиболее распространенными являются согласование, управление и примыкание. Однако способность перечисленных трех способов охватить собой все многообразие синтаксических связей (отношений) между словами подвергается сомнению. В этой связи заслуживает пристального внимания синтаксическая концепция И.И. Мещанинова. Разрабатывая типологию способов выражения синтаксических связей в различных языках, И.И. Мещанинов [10, с. 21-106] выделил следующие способы или приемы: инкорпорирование полное и частичное, синтеизм, согласование, замыкание, примыкание, управление, сепаратизация, локализация, интонация, синтагма и ритмическая группа.

Инкорпорирование – синтаксический прием слияния слов в одну грамматическую форму, в которой нет членения предложения на слова. Такое слитное синтаксическое построение внешне напоминает слова с одним законченным смысловым содержанием, что соответствует предложению. Инкорпорирование имеет место в палеоазиатских и североамериканских индейских языках. Например, в корякском языке *накомайн'ытамйун'н'ыволамык* «они постоянно сильно нас обманывают». При частичном инкорпорировании «сливается не всё предложение в его целом (инкорпорирование), а лишь те составные его части, которые наиболее друг с другом связаны по своему смысловому значению» [10, с. 26].

Синтеизм. «...Синтаксический прием, проводящий объединение составных частей предложения не слиянием слов, а связыванием их при помощи разнообразных служебных частиц, можно, в отличие от инкорпорирования, назвать синтеизмом» [10, с. 34]. Как видим, синтеизм понимается И.И. Мещаниновым очень широко. Этот способ связи представлен во многих языках и может проводиться различными средствами, в том числе и агглютинацией. Согласование оказывает разновидностью синтеизма. «...Под согласованием понимается такой вид синтеизма, в котором слова второстепенной синтаксической значимости связываются с главным путем своего морфологического оформления, построенного по нормам этих ведущих для них слов» [10, с. 42]. Отсюда термин «согласование» не применяется им к отношениям между подлежащим и сказуемым в предложении.

Замыкание – это прием, когда «член предложения, выраженный не в синтаксическом комплексе, расщепляется в своих составных частях, помещая между ними относящиеся к нему слова и тем самым образуя синтаксическую группу. Наиболее ясным представителями такого синтаксического приема будут примеры с использованием артиклей и сложных форм глагола в сказуемом» [9, с. 50]. Например, в немецком выражении *ein im Spiele glücklicher Mann* «счастливый в игре человек» определение *im Spiele glücklicher* замкнуто расчленившимся определяемым *ein ... Mann*. И.И. Мещанинов усматривает прием замыкания также в тюркских языках в развитых словосочетаниях, связанных с изафетными оборотами. Он приводит пример из казахского языка жаздың таудан аңқып соққан майда желі «легкий веющий с гор летний ветер» [букв.: лета с гор веющий легкий ветер – его], где изафетное определительное словосочетание жаздың желі замыкает в себе все другие определения к слову жел «ветер». Мысли И.И. Мещанинова относительно «замыкания» (по-казахски қоршалу) были обстоятельно подтверждены на казахском материале [3].

Примыкание как способ связи слов характеризуется «не только синтаксической зависимостью и соседством двух слов, но и морфологической неоформленностью примыкаемого» [10, с. 70].

Управление определяется весьма традиционно как «синтаксический прием, которым передаются синтаксические отношения между соединяемыми словами предложения односторонне выраженной связью. Зависимое слово получает свое оформление, зависящее от другого синтаксически с ним объединяемого слова» [10, с. 78]. Управлению подчиненных слов противопоставляется сепаратизация.

Сепаратизация – синтаксический прием оформления самостоятельных по своему значению в предложении слов, которым «передается их отношение ко всему предложению в целом, а не к каким-либо его составным частям. Самостоятельное оформление слова обуславливается тем, что оно выступает одним из самостоятельных по своему значению членов предложения, подлежащим, сказуемым или одним из видов дополнений, как слагаемых частей внешнего выражения предложения»

[10, с. 79]. Связь слов внутри словосочетаний, образующих членение предложения, отличается от приема сепаратизации, ограниченного самостоятельным значением в предложении его членов. В русском языке в примерах *принеси мне воду* (всю) и *принеси мне воды* (часть) постановка прямого дополнения в различных падежах не может быть объяснена его зависимостью от сказуемого. «Различие падежей тут может быть понято только как особый способ выражения того оттенка значения, которое заключено в самом прямом дополнении, передающем тот оттенок значения, который выступает в смысловом содержании всего предложения» [10, с. 84].

Все перечисленные способы (приемы) по их функциям в предложении и словосочетании схематично следует представить так: «1) полное инкорпорирование (слияние) оформляет все предложение, частичное инкорпорирование – его внутренние членения, 2) синтеизм (связывание) – всё предложение, согласование – его зависимые члены, 3) сепаратизация оформляет выделяемые члены предложения, управление – слова, зависимые от других членов предложения, 4) локализация охватывает все слова предложения, примыкание применяется только внутри его членений, 5) интонация действует во всем предложении, синтагма выделяет его объединяющиеся части. Что касается синтаксического приема замыкания, то функция его совпадает с функцией частичного инкорпорирования. Оба они выделяют наличное в языке членение предложения, оформляя объединяемую группировку слов» [10, с. 106].

Такова общелингвистическая концепция И.И. Мещанинова по данному вопросу. Несмотря на то, что отдельные моменты этой концепции нуждаются в уточнении на материале языков различных систем, она не утратила своей актуальности. Это было особо подчеркнуто на научной конференции, посвященной проблемам типологических исследований и столетию со дня рождения акад. И.И. Мещанинова (1983 г.).

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных способов выражения синтаксических связей между членами словосочетания.

Согласованием называется такой способ подчинительной связи между словами, при котором зависимое слово в каждом случае его употребления уподобляет свое окончание окончанию господствующего слова. В русском языке мы имеем здесь дело с прилагательным в широком смысле этого слова, относящимся к существительному и согласующимся с ним в роде, числе и падеже, например: светлая комната, в светлой комнате, хороший друг, хорошие друзья, хорошим друзьям.

Между членами словосочетания, связанными по способу согласования, устанавливается как внешняя, т.е. формально грамматическая, так и внутренняя, определительная связь. Формально эта связь в русском языке выявляется только во флексии подчиненного слова, а господствующее слово ничем не выражает наличия при нем определяющего. Однако в русском языке в грамматических формах определяющего, зависящего слова отражаются грамматические категории, присущие определяемому слову.

Из традиционного понимания согласования ряд лингвистов исключает сочетания типа *студент-отличник*. А.М. Пешковский отнес такие сочетания существительного с существительным к сочинительным типам словосочетаний [12, с. 54-55]. Е.В. Кротевич словосочетания типа *студент-отличник, злодейка-западня, кустарь-одиночка, инженер-новатор* определяет термином корреляция: «При корреляции в роли зависимого члена, который принято называть приложением или аппозицией, и в роли господствующего выступает имя существительное, причем оба компонента в каждом случае их употребления в предложении закономерно принимают одну и ту же падежную форму (студент-отличник, студента-отличника, студенту-отличнику и т.д.); в этом словосочетании одно из соединяемых слов точно воспроизводит, как бы копирует, форму другого слова» [8, с. 15]. Итак, корреляция – это такой способ подчинительной связи между членами словосочетания, при котором форма зависимого слова в каждом случае его употребления уподобляется формам господствующего. Корреляция в русском языке является способом выражения аппозитивных отношений; однако в некоторых языках, где формы прилагательных совпадали с формами существительных, например, в латинском, старославянском и древнерусском, способом корреляции выражались как аппозитивные, так и определительные отношения (добра жена, добры жены, добры жень). По способу корреляции, по-видимому, объединяются и глагольные формы типа *Пойду погляжу, Сидим чай пьем* и т.п. [8, с. 16].

Особый способ выражения синтаксической подчинительной связи имеется в так называемых изафетных определительных словосочетаниях имен существительных иранских, тюркских, самодийских и других языков.

Этот способ связи имеет частичное сходство с согласованием и с синтеизмом. В отличие от согласования, в нем синтаксическая связь выражается в форме подчиняющего, а не подчиненного слова средством специальных формантов (в тюркских языках аффиксов принадлежности). В отличие от синтеизма этот особый способ ограничивается в основном выражением определительных синтаксических связей (или отношений).

Этот способ связи именуется по-разному: способ изафета [14] или способ отражения [1].

Способ отражения в иранских языках, например в персидском, заключается в том, что определяемое предшествует определению и получает специальный формант *e ~ je*, а определение своей связи с определяемым не выражает ничем: *дафтар-е шагерд* «тетрадь ученика» (ученическая тетрадь), *тала-je пак* «чистое золото» и др.

В тюркских языках способ отражения наблюдается в изафетных словосочетаниях II типа – *окушы дэптері* «ученическая тетрадь (ученик тетрадь – его)», *темба сууи* «родниковая вода (родник вода – его)» и в изафетных словосочетаниях III типа – *окушының дэптері* «тетрадь ученика», *тембанін сууи* «вода родника (родника вода – его)».

Определение стоит перед определяемым. Связующими элементами служат: в определении – форма неоформленного и оформленного родительного падежа, в определяемом – аффикс принадлежности, зависящий от лица – числа определения.

Аналогично с тюркскими передается способ отражения в самодийских, некоторых тунгусо-маньчжурских языках. Например, в эскимосском языке найға-м куля-ңа «вершина горы» (горы вершина ее) – определительное словосочетание, где определение стоит в форме относительного, а определяемое имеет лично-притяжательную форму.

Примыкание как способ синтаксической связи характеризуется отсутствием формально-грамматического выражения. Примыкающее слово, как слово неизменяемое, вступает с подчинительным словом во внутреннюю, смысловую (семантическую) связь, в определенные синтаксические отношения (в русском языке обычно в обстоятельственные связи).

В роли примыкающих слов в русском языке, как правило, выступают слова наречного типа или их фразеологические эквиваленты, а также неизменяемые формы слов (инфинитив, деепричастие), например: громко петь, читать по-немецки, работа вручную, вполне удовлетворительно, разбить в пух и прах, манера разговаривать, читать сидя и т.п.

Примыкание реализуется в предложении через локализацию, тот или иной порядок слов. Е.В. Кротевич, не соглашаясь с высказыванием И.И. Мещанинова о том, что «локализация охватывает все предложение, примыкание применяется только внутри его членений» и что примыканию «свойственно соседство двух слов», иначе получается «размыкание», пишет: «Чаще всего примыкающее слово и в предложении занимает обычное для словосочетания контактное положение по отношению к господствующему члену, но когда оно в силу тех или иных причин попадает в дистантное положение, его связь (примыкание) не разрушается, ср., например: хорошо сделать и «Хорошо он все это сделал» или «Сделал он все это хорошо» или «Все это сделал он хорошо» [8]. Примечательно, что в курсе научного синтаксиса, разработанного в тридцатые годы на материале современного казахского языка [4], четко различаются непосредственное или тесное примыкание (*қабысу*) и опосредствованное или свободное примыкание (*жанасу*).

В тюркских языках примыкание, в отличие от русского, служит обычным средством выражения синтаксических связей в именных и глагольных словосочетаниях, не только определительных и обстоятельственных отношений (алтын сағат «золотые часы», қызыл орамал «красный платок», жақсы оқысыз, «вы хорошо учитесь», еріксіз күліп жіберді «он невольно засмеялся»), но формально и объектных отношений (например, когда объект выступает в винительном неоформленном падеже, т.е. по существу является управляемой нулевой формой). С.А. Аманжолов еще в 1940 г. отмечал: «Выпадение падежных окончаний у тех или иных слов к категории примыкания не относится» [4].

Управление в традиционной грамматике трактуется как один из способов (типов) подчинительной связи, при котором зависимое слово ставится в той падежной форме, которую требует господствующее, управляющее слово.

В русском языке различается управление *непосредственное*, когда в зависимости от управляющего слова употребляется форма косвенного падежа имени существительного или местоимения без предлога (решить задачу, лишиться надежды, интересы дела, помощь другу), и предложное, когда косвенный падеж находится в зависимости не только от управляющего слова, но и от предлога, или когда управление формой косвенного падежа осуществляется с помощью предлога (вспоминать о детстве, тоска по родине, стремиться к цели).

Д.Н. Овсяннико-Куликовский отождествил синтаксические связи между словами внутри предложения с выражением ими определенных членов предложения: дополнение – управляемый член предложения, определение – согласуемый, обстоятельство – примыкаемый. Он же впервые высказал ту мысль, что *косвенный падеж имени существительного может примыкать к глаголу* (в так называемых фиктивных дополнениях или дополнениях – обстоятельствах – творительный сравнения и превращения, родительный даты, творительный времени и т.п.) [11, с. 236].

В традиционных грамматиках русского языка, в исследованиях по тюркским языкам нередко используются термины А.М. Пешковского (1914 г.) «сильное управление» и «слабое управление», причем понятие слабого управления не соответствует назначению управления и «приложимо к любому глаголу» [12].

Вопрос о синтаксической связи слов в словосочетании (и в предложении) соприкасается непосредственно с вопросом о сочетаемости слов вообще, об их смысловой совместимости. Само понятие переходности глагола (иногда это называется «валентностью» глагола) связано с представлением о необходимости для определенного разряда глаголов сочетаться с определенной падежной формой имени. Как отметил В.Г. Адмони, «на понятии обязательной сочетаемости основано понятие «сильного управления». Необходимость наличия косвенного падежа при каком-либо другом слове отграничивается здесь от случаев, когда косвенный падеж только возможен» [2].

Переходным глаголам (иначе говоря, сильноуправляющим глаголам) не чужда и факультативная сочетаемость, ср.: *послать письмо* (обязательная сочетаемость) и *послать другу, послать за другом, послать для друга, послать с утра, послать на рассвете, послать налоговым платежом* и т.д. (факультативная сочетаемость).

Непереходные глаголы (так называемые слабоуправляющие глаголы) сами по себе не способны управлять. В эту группу входят глаголы чисто пространственного значения: глаголы движения (ходить, бежать, ехать...) и состояния (лежать, спать, висеть, влажнеть, греться...).

Под понятие управления не подводятся также случаи, когда падежная форма отрывается от своей парадигмы и в какой-то мере

адвербиализуется, т.е. употребляется с ослабленным значением падежа, например: творительный сравнения (лететь стрелой), родительный даты (закончить третьего числа), винительный количества (купаться пять раз), винительный места и времени (проскучать всю дорогу, отдыхать месяц) и т.п. [6, с. 380-381]. Такие полунаречные именные формы не управляются господствующим членом, а лишь входят при нем, примыкают к нему.

Таким образом, в понятие управления мы включаем только сочетания переходных в широком смысле этого слова глаголов и вербальных имен с падежными формами имен. Переходность всегда мыслится при наличии объектных отношений, непереходность – при наличии субъектных отношений. Иными словами, действие выражаемое глаголом, относится либо к объекту действия, либо к самому субъекту действия. Решающим критерием глагольного управления, как убеждают нас материалы тюркских языков (и русского языка), является наличие объектных отношений между именем и глаголом. Наблюдаемые в различных тюркских языках сочетания падежных форм имен с непереходными глаголами движения и состояния обусловлены не столько семантикой непереходного глагола, сколько всем предложением в целом, и как таковые приближаются к примыканию.

На материале русского языка в такого типа сочетаниях непереходного глагола с падежной формой имени (с предлогом или без него) сделана попытка установить отличный от управления и примыкания способ синтаксической связи – «падежное примыкание» [9]. Этот способ (тип) синтаксической связи усматривается в словосочетаниях «в *буфете горел* (яркий свет)», (Дмитрий) *беседовал* (с Аннушкой) *на мосту ранним утром*» и др., где нет зависимости от лексического значения глагола. Косвенный падеж в этих случаях диктуется потребностью выражаемой мысли.

Нетрудно видеть, что термин «падежное примыкание» охватывает собой то синтаксическое явление, которое И.И. Мещанинов именует сепаратизацией. «Характерным для этого синтаксического приема будет не только самостоятельная позиция слова в предложении, но и вызванное ею оформление самого слова. Последнее зависит не от других слов предложения, а от собственного значения данного слова в построенном всего предложении... Так, например, наличие прямого дополнения может быть связано и с переходной семантикой глагола и с содержанием всего предложения, передающего переход действия на объект» [10, с. 79]. Выделение этого особого способа синтаксической связи слов представляется вполне правомерным. Следует только отметить, что этот способ характеризует не столько связи слов в словосочетании, сколько их соотносимость в структуре целого предложения.

Типы синтаксических связей слов в языках мира многообразны (согласование, управление, примыкание, опосредствованное примыкание, изафет, локализация и др.), так или иначе представлены в каждом отдельном языке.

Типологические отношения всеобщи и объединяют самые несхожие между собой человеческие языки, поскольку основываются на

элементарном типологическом сходстве всех языков мира (по крайней мере, в их отдельных структурных подсистемах). Следовательно, типологическое сходство между языками имеет многоплановый, разнородный характер. Важность лингвистической типологии для создания подлинно научной теории языка несомненна.

Акад. Ф.Е. Корш, один из пионеров синтаксической типологии, на основании сопоставительного анализа синтаксических определительных конструкций в индоевропейских, семитских и тюркских языках верно отметил: «В общих ли законах мышления или общечеловеческом предании следует искать причины многочисленных синтаксических аналогий в чуждых друг другу языках, – для сравнительного синтаксиса все равно: здесь важен самый факт существования таких аналогий, заставляющий предполагать общую основу, какова бы она ни была» [7].

Литература

1. Аврорин В.А. Особый способ выражения синтаксической связи // «Вопросы грамматики», Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. – М.-Л., 1960. – С. 31-42.
2. Адмони В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы // «Вопросы языкознания». – №1, 1958. – С. 112.
3. Аманжолов С. Қазақ әдеби тілі синтаксисінің қысқаша курсы. 1-бөлім. – Алматы, 1950. – 56 б.
4. Аманжолов С. Тезисы «Синтаксиса казахского языка в научном освещении» // «Вестник КазГУ», Серия филологическая. – №7, 1997. – С. 12.
5. Ахманова О.С. Словосочетание // Сб. «Вопросы грамматического строя». – М., 1955.
6. Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1947. – С. 380-381.
7. Корш Ф.Е. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. – М., 1877. – С. 12-13.
8. Кротеви́ч Е.В. О связях слов. – Львов, 1959.
9. Лесник М.Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке // Сб. «К вопросу управления (приглагольного и приименного)». – Рига, 1957. – С. 29.
10. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.-Л., 1945.
11. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1902. – С. 236.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 7. – М., 1956.
13. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Сб. «Вопросы грамматического строя». – М., 1955. – С. 31.
14. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.-Л., 1950. – С. 37-55.
15. Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание // Сб. «Вопросы грамматического строя». – М., 1955. – С. 450.

ТИПЫ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТУРЕЦКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтаксическая типология тюркских языков продолжает оставаться наименее изученным разделом тюркского языкознания. Так, не получили достаточного освещения структурные особенности уступительных подчинительных конструкций, формы выражения понятия уступительности (обратной обусловленности) в тюркских языках. Например, выявляется, что турецкий и казахский языки, несмотря на их генетическое родство, значительно отличаются в отношении структуры уступительных конструкций.

В турецком и казахском языках можно выделить следующие группы уступительных конструкций: уступительное придаточное предложение, уступительный развернутый член предложения (уступительное развернутое обстоятельство) и уступительный устойчивый оборот (грамматикализованное словосочетание). В нормативных грамматиках такие синтаксические конструкции обычно рассматриваются как уступительные придаточные предложения.

Придаточное уступительное предложение

Подлежащее придаточного уступительного предложения в турецком и казахском языках выражается именем или местоимением в основном падеже. Личное местоимение может опускаться, если в сказуемом придаточного уступительного предложения есть притяжательный аффикс (аффикс принадлежности), который указывает на лицо субъекта действия, т.е. на подлежащее.

Сказуемое придаточного уступительного предложения образуется от формы сказуемого придаточного условного предложения при помощи частицы *da, de, ta, te* в турецком языке или при помощи той же усилительной частицы *da, de, ta, te* в казахском языке.

Форма *ise de (-sa da, -se de)* в турецком или же форма *-са да, -се де* в казахском языке соединяет придаточное уступительное предложение с главным.

Основные различия прослеживаются здесь в сказуемом придаточного уступительного предложения (в именном сказуемом и, главным образом, в глагольном сказуемом).

Развернутый уступительный член предложения

Развернутый уступительный член предложения в тюркских языках по своему содержанию соответствует придаточным уступительным предложениям языков с развитой системой союзов (например, индоевропейские языки), но по форме связи с предложением является его членом.

В развернутом уступительном члене предложения субъект (действующее лицо) выражен формой основного или притяжательно-го-родительного падежа имени или местоимения (местоимение может опускаться), а предикат (действие, состояние) – некоторыми видами причастий с притяжательным аффиксом (аффикс принадлежности), указывающим на лицо субъекта.

Непременное условие развернутого уступительного члена – выражение лица субъекта, времени действия (состояния) и других предикативных свойств причастия.

В современном турецком языке имеется один тип развернутого уступительного члена предложения конструкция на *-dîği halde*. К причастию прошедшего-настоящего времени на *-dik* с аффиксом принадлежности примыкает арабское по происхождению имя существительное *hal* «положение, состояние» в местном падеже.

В современном казахском языке мы обнаруживаем 4 типа развернутых уступительных членов предложения-конструкции на *-ғанымен*, *-ғанда да*, *-ғанына* (*-атынына*) *қарамастан*, *-ғаны* (*-атыны*) *болмаса*.

Развернутый уступительный член предложения (развернутое обстоятельство) в турецком и казахском языках обычно бывает распространенным. Вокруг его центров (субъекта, выраженного именем существительным или местоимением, и предикатом, выраженным причастием) группируются различные определительные, дополнительные и обстоятельственные слова и сочетания.

Уступительный устойчивый оборот

Уступительный устойчивый оборот выражается предикативными и непредикативными словосочетаниями. Эта уступительная синтаксическая конструкция не обладает достаточными признаками ни придаточного предложения, ни развернутого члена предложения.

В современном турецком языке имеется 3 типа уступительных оборотов – конструкции с формой *-makla beraber*, *-a* (*-masına*) *ragmen*, со словом *iken*.

Имя действия (инфинитив) с персидским по происхождению словом *beraber* «вместе» образуют уступительный оборот, который не выражает ни лица субъекта, ни времени действия или состояния.

Слово *rağmen* «несмотря, вопреки» (арабск. *rağm* «зло») с именем существительным в дательном падеже, которым оно управляет, образуют уступительный оборот, который также не выражает ни лица, ни времени.

Особый случай представляет употребление в качестве управляемого слова отглагольного имени существительного на *-та, -те*, где уступительный оборот выражает обычно действие субъекта III лица единств. числа, выражает другие глагольные (предикативные) признаки, кроме значения времени. Однако перифрастическая форма отглагольного имени на *-та, -те* выражает время действия или состояния (*-miş olmasına, -makta olmasına*).

Слово *iken* с причастием настоящего-будущего (*-r, -ar, -er, -ır, -ir, -ur, -ür*), будущего-категорического (*-acak, -ecek*) и прошедшего (*-mış, -miş, -muş, -mış*) времени или же с именем в основном падеже образуют уступительный оборот. Значение времени здесь выражается лишь в том случае, когда *iken* присоединяется к указанному причастию. Лицо же субъекта действия в этом обороте ничем не выражено.

В современном казахском языке имеется 3 типа уступительных оборотов – конструкции со словом *қарамастан*, со словом *болмаса* и со словом *тұра*.

Изафетное сочетание, в котором определение – имя существительное или местоимение в родительном падеже (местоимение может опуститься), а определяемое – имя существительное или же инфинитив (имя действия) на *-у, -ю*, и адverbиальное слово *қарамастан*, которое управляет дательным-направительным падежом второго компонента (определяемого) в изафетном сочетании, образуют уступительный оборот. В данном обороте выражается лицо субъекта, но отсутствует значение времени.

Имя существительное в основном падеже со словом *болмаса* (глагол *бол-* «быть» в отрицательной форме условного наклонения) образуют уступительный оборот. Слово *болмаса* в уступительном обороте выступает как союзное слово. В этом обороте лицо субъекта может выражаться именем существительным с аффиксом принадлежности и местоимением в притяжательном-родительном падеже. Значение времени в данном уступительном обороте отсутствует.

Деепричастие на *-а, -е, -и* со словом *тұра* (здесь деепричастная форма глагола *тұр-* «стоять» выступает как союзное слово) образуют предикативный уступительный оборот. Форма *-а тұра* не выражает ни времени действия, ни лица субъекта. При уступительном деепричастном обороте могут быть дополнения, определения и обстоятельства, как и в развернутом члене предложения.

Все рассмотренные уступительные конструкции подтверждаются многочисленными примерами из современной турецкой и казахской литературы и прессы. Полное выявление их типологических особенностей и самобытных признаков – задача дальнейших исследований по сравнительной типологии тюркских языков.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксис есть собрание правил о сочетании слов в предложении. Одной из проблем тюркского синтаксиса и посвящена данная работа.

Вопрос о том, какими формами или способами выражается идея уступительности в тюркских языках, каковы особенности этих форм (способов), до сих пор не получил своего полного освещения. Естественно, автор столкнулся в процессе работы с большими трудностями. Объектом исследования в данной работе являются уступительные конструкции в современном турецком языке.

В конечном результате выявлено и изучено три типа уступительных подчинительных конструкций, присущих турецкому литературному языку: уступительное придаточное предложение, уступительный развернутый член предложения и уступительный оборот. Толчком к углубленному изучению уступительных конструкций в современном турецком языке послужили лекции вдумчивого знатока турецкого языка Ш.С. Айлярова в Московском государственном университете (1954-1955 учебный год), ценные консультации ученого, а также его оригинальный учебник (1). Синтаксические идеи нашего учителя получили дальнейшее развитие в его докторской диссертации, опубликованной в виде монографии (2). «Характерной особенностью современного турецкого литературного языка является исключительное разнообразие уступительных оборотов и придаточных предложений с тончайшими нюансами и оттенками значений, позволяющими располагать эти обороты в определенной последовательности, отражающей степень уступления, точнее, степень несоответствия между тем, что ожидалось, и тем, что выражено сказуемым, и следовательно, происходит на самом деле» (3).

Придаточное уступительное предложение указывает на такое обстоятельство, вопреки которому осуществляется то, о чем говорится в главном предложении (обратная обусловленность). Уступительные конструкции в составе простого предложения также противопоставлены тому результату, о котором говорится в сказуемом предложения. Следуя традиции, турецкие лингвисты, например Т. Бангуоглу (4), относят любые уступительные конструкции турецкого языка к придаточным уступительным предложениям.

В русской лингвистике говорится о двух путях развития сложного предложения. «Первый путь – соединение двух простых предложений на базе сочинения. Из этого сочинения вырастает в дальнейшем подчинение. Второй путь – развитие изнутри простого предложения через обороты, «обладающие содержанием придаточных предложений, но не получивших еще формы придаточных предложений» (5).

Первый путь прошли в русском языке сложноподчиненные предложения с придаточным предложением причины, следствия, цели, времени, условия и уступительным. Они «могут редуцироваться до значения внутреннего обстоятельства в составе главного предложения и таким образом стать членами этого предложения» (6).

К уступительным конструкциям в турецком языке не относятся сложносочиненные предложения противительной семантики, которые состоят из формально независимых простых предложений, соединенных между собой сочинительными противительными союзами типа арабских *ата* (атта), *fakat*, *lâkin* «однако, но». Например, *Ben de oradaydım, fakat görmedim.* – Я тоже был там, но (ничего) я не видел. *Şimdiye kadar görüşemedik, lâkin gıyaben sizi tanıyordum.* Эпизодическое употребление в таких предложениях персидского по происхождению слова *gerçi* «действительно, правда, хотя» воспринимается как явный варваризм или просторечие. Вопреки мнению некоторых российских исследователей (7), это не изменяет синтаксическую структуру сложносочиненного предложения и не переводит его по русскому образцу (под влиянием русского смыслового соответствия) в разряд сложноподчиненного предложения. Ср., например: *Gerçi ben de oradaydım, fakat görmedim.* – Действительно, я тоже был там, но (ничего) я не видел. *Gerçi şimdiye kadar görüşemedik, lâkin gıyaben sizi tanıyordum.* – Хотя (действительно) мы до настоящего времени не могли видеться, однако я все же знал вас заочно.

Примеры на уступительные подчинительные конструкции турецкого языка извлечены нами из современной турецкой художественной и научной литературы, а также из периодической печати. Иногда приводятся примеры из пособий по грамматике и словарных статей (8).

1. Придаточное уступительное предложение.

Придаточное уступительное предложение выражает мысль противоположной направленности по сравнению с мыслью главного (9). В турецком языке придаточное уступительное предложение является частным случаем придаточного условного предложения. Придаточное уступительное предложение (как и придаточное условное) ставится перед главным предложением.

Подлежащее придаточного уступительного предложения в турецком языке выражается именем или местоимением (последнее может опускаться) в основном падеже.

Сказуемое придаточного уступительного предложения образуется от сказуемого придаточного условного предложения, выраженного

формой условного наклонения на *-sa*, *-se* или формой условной модальности на *-ise* (с личными аффиксами принадлежности), через прибавление к нему усилительной частицы *da*, *de* (*ta*, *te*), реже ее синонима *dahi* («даже») или модального слова *bile* «даже, если даже, хотя бы даже».

Придаточное уступительное предложение с формой *-sa da*, *-se de* преимущественно употребляется в турецкой разговорной речи. *Söylese de, faydası yok* (ТР словарь). – *Хоть и скажет (даже если он и скажет), пользы нет.* *Söylesen de anlamaz* (T. Banguoğlu 1990). – *Хоть и скажешь, он не поймет.* *Artık mektup yazsa da cevap veremeyeceğim* (T. Banguoğlu 1990). – *Наконец, даже если он напишет письмо, я не отвечу.* *Bugün gelseler dahi faydası olmayacak* (ТР словарь). – *Если они даже сегодня и придут, все равно пользы не будет.* *Hayati kurtulsa bile sakat kalacak* (T. Banguoğlu 1990). – *Даже если он и выживет, травма останется.* *Bir tehlike karşısında kalsa bile savaşa devam edecek* (РТ словарь). – *Он будет бороться, даже если ему угрожает опасность.* *Yemin etse bile, inanmam* (ТР словарь). – *Даже если он поклянется, я не поверю.*

Придаточное уступительное предложение с формой *ise de* широко употребляется в турецкой письменно-литературной речи.

Форма *ise de* (*ise* – условная форма вспомогательного глагола *imek* «быть», *de* – усилительная частица) связывает придаточное уступительное предложение с главным. Как известно, аффикс *-sa*, *-se* в значении условного наклонения глагола восходит в тюркских языках к своему более полному древнетюркскому варианту *-sar*, *-ser*. В турецком языке форма условной модальности может принимать аффикс принадлежности I и II лица (в III лице отсутствует).

Форма *ise* имеет раздельное и слитное написание с предшествующим словом. В последнем случае *ise* превращается в свою аффиксальную разновидность (*-sa* // *-se*), а после слов, оканчивающихся на гласный звук, меняет «i» на «u».

Сказуемое придаточного уступительного предложения с формой *ise de* бывает именным и глагольным.

Уступительные придаточные предложения с именным сказуемым, образованным от имени существительного, имени прилагательного, а также от предикативных имен *var* «есть, имеется» и *yok* «нет, не имеется» (первоначально эти слова обозначали «наличие» или «отсутствие» чего-либо).

Trabzon *ehemiyetli bir ticaret iskelesi ise de* şimal rüzgârlarına karşı mahfuz değildir (Гайдаров 1944). – *Хотя Трабзон является важным торговым портом, он не защищен от северных ветров.* Enver *akıllı bir çocuk ise de* bazan yaramazlıklar yapar (Айляров 1954). – *Хотя Энвер умный мальчик, он иногда озорничает.* Gelen adam *Ahmet değil ise de girsin*. – *Хотя пришедший человек и не Ахмет, пусть войдет.* Bunlardan maada, işletilen ocaklar *Türkler elinde ise de* bunlar çok dağınık ve fennî vesaitten mahrum ve küçük sermayelere müstenittirler (F. Sabrî). – *Хотя действующие шахты, кроме этих, находятся в руках у турок, они очень разбросаны, лишены технического оснащения и располагают*

незначительным капиталом. *Çakım çok iyi bir çelikten ise de çabuk körlendi* (Айляров 1954). – Хотя мой ножик из хорошей стали, он быстро притупился. *Ereğli şimalişarkî rüzgârlarından mahfuz ise de garp ve şimaligarbî rüzgârlarına açıktır* (Гайдаров 1944). – Хотя Эрегли защищен от северо-восточных ветров, он открыт западным и северо-западным ветрам. *Kabuğu parlak ise de, galiba içi koftur* (J. Deny 1921). – Хотя скорлупа у него и блестящая, нутро у него, вероятно, пустое. *Onun paltosu bende ise de giymedim*. – Хотя его пальто у меня, я его не надевал. *Bazı yerlerde çeltik fabrikaları varsa da bunların miktarı ziyade değildir* (F. Sabrı). – Хотя в некоторых местах имеются рисоочистительные заводы, численность их невелика. *Vaktin yoksa da bu makaleyi oku*. – Хотя у тебя и нет времени, прочти эту статью.

Форма *ise de* может употребляться также после имени и вспомогательного глагола *imek* «быть» в форме прошедшего-категорического времени (*idi*).

Hava çok soğuk idi ise de çocuklar patinaj yapmağa devam ediyordılar. – Хотя погода была очень холодной, дети продолжали кататься на коньках. *Vaktımız var idi ise de sinemaya getmedik*. – Хотя у нас и было время, мы не пошли в кино. *Onun parası yok idi ise de bir güzel çifte aldı*. – Хотя у него не было денег, он купил хорошую двустволку.

Уступительные придаточные предложения с глагольным сказуемым, образованным от причастия настоящего времени, причастия настоящего-будущего времени, причастия будущего-категорического времени, причастия прошедшего-субъективного времени, от основы настоящего-длительного времени и основы прошедшего-категорического времени изъявительного наклонения.

Türkiyede zengin petrol yatakları bulunuyor ise de bunlardan henüz istifade edilmiyor (F. Sabrı). – Хотя в Турции имеются богатые нефтяные месторождения, они еще не используются. *Trabzon, Giresun ve Ordu ile Erzurum ve Erzincan civarında, Divrik ve Kayseri havalisinde de demir cevheri bulunuyorsa da bütün bu servetlerden yolsuzluk ve sermayesizlik yüzünden istifade edilemiyor* (F. Sabrı). – Хотя в окрестностях Трабзона, Гиресуна, Орду, Эрзурума и Эрзинджана, а также в районе Диврика и Кайсери имеются железные рудники, (однако) вследствие бездорожья и отсутствия капиталов все эти богатства не используются. *Hatta bazı yerlerde Arabistan ve İran yaylalarını hatırlatacak kadar kuvvetli sıcak basar ise de uzun müddet devam etmez* (F. Sabrı). – Хотя местами наступает сильная жара, заставляя вспомнить Аравийское и Иранское плоскогорья, продолжается она недолго. *Türkiyede buğday ve arpadan maada mısır buğdayı, çavdar, darı, yulaf, pirinç te ekilir ise de bu mahsullerin miktarı buğdaya ve arpaya nisbetle pek azdır* (F. Sabrı). – Хотя местами наступает сильная жара, заставляя вспомнить Аравийское и Иранское плоскогорья, продолжается она недолго. *Türkiyede buğday ve arpadan maada mısır buğdayı, çavdar, darı, yulaf, pirinç te ekilir ise de bu mahsullerin miktarı buğdaya ve arpaya nisbetle pek azdır* (F. Sabrı). – Хотя местами наступает сильная жара, заставляя вспомнить Аравийское и Иранское плоскогорья, продолжается она недолго. *Türkiyede buğday ve arpadan maada mısır buğdayı, çavdar, darı, yulaf, pirinç te ekilir ise de bu mahsullerin miktarı buğdaya ve arpaya nisbetle pek azdır* (F. Sabrı). – Хотя местами наступает сильная жара, заставляя вспомнить Аравийское и Иранское плоскогорья, продолжается она недолго. *Türkiyede buğday ve arpadan maada mısır buğdayı, çavdar, darı, yulaf, pirinç te ekilir ise de bu mahsullerin miktarı buğdaya ve arpaya nisbetle pek azdır* (F. Sabrı). – Хотя местами наступает сильная жара, заставляя вспомнить Аравийское и Иранское плоскогорья, продолжается она недолго. *Bütün işlerimi cuma günü bitireceksem de pazardan evvel gidemiyeceğim* (Айляров 1954). – Хотя все свои дела я закончу в пятницу, но до воскресенья не смогу выехать. *Ayşe bizimle*

gidecekse de bu ana kadar görünmüyor. – Хотя Айше намерена ехать с нами, однако до сих пор ее не видно. Emrutabat demir madenleri de bir aralık işletilmiş ise de bunların hepsi şimdi metruktur (F. Sabri). – Хотя одно время железные рудники Эмрутабат тоже разрабатывались, сейчас все они заброшены. Japonlar, Avusturalyanın 6.980 tonluk «Hobart» hafif kruvazörünün battığını iddia etmişlerse de müttefik kayıp listesinde bu gemi yoktur (Гайдаров 1944). – Хотя японцы утверждают, что австралийский легкий крейсер «Hobart» водоизмещением в 6.980 тонн пошел ко дну, это судно не упоминается в списке потерь союзников. Türkiye'de pek çok pamuk yetiştirmekte ise de bazı cins uzun elyaflı pamukları dış memleketlerden ithat eder. – Хотя Турция выращивает очень много хлопка, (тем не менее) она импортирует из-за границы некоторые сорта длинноволокнистого хлопка. Fabrika işlemekteyse de bazı dairelerinde ufak tefek aletler yapılmaktaydı (Айляров 1954). – Хотя завод не работал, в некоторых его цехах изготавливался мелкий инвентарь. Bir aralık – milâttan evvel 329 senelerine doğru – Büyük İskender İranlıları Anadoludan çıkardı ve Hindistana kadar bütün buraları zaptetti ise de hükümeti çok sürmedi (F. Sabri). – Хотя одно время (к 329 г. до нашей эры) Александр Македонский вытеснил персов из Анатолии и завоевал все земли до самой Индии, власть его просуществовала недолго. Vapurumuz Trabzon limanına uğradiysa da sert dalga yüzünden yükünü boşaltamadı (Айляров 1954). – Хотя наш пароход зашел в порт Трабзон, однако из-за сильных волн не смог разгрузиться.

В разговорной речи ise de обычно употребляется после аффиксов прошедшего-категорического времени и лица (например: *geldimse de*, вместо *geldiysem de* «хотя я пришел»).

К уступительным придаточным предложениям с обобщающим или усиливающим характером можно отнести в турецком языке придаточные предложения, сказуемое которых выражается причастием настоящего-будущего времени с аффиксом условного наклонения *-sa/-se* в сочетании с формой повелительного (желательного) наклонения от того же глагола, что и причастие. Это сказуемое выражает лицо субъекта действия или состояния. Перед сказуемым имеется вопросительное слово (*ne kadar* «сколько, как», *ne* «что», *nerede* «где» и др.).

Azime kızı oynatacak olanların akıllı uslu olmalarına ne kadar dikkat ederse etsin, her oturakta muhakkak kavga çıkıyor, silâh atılıyor, adam vuruluyordu (S. Ali). – Сколько бы Азиме ни предупреждала тех, кто заставлял девушку танцевать, быть благоразумными, на каждый пиршке наверняка возникала ссора, стреляло оружие, погибали люди. Mademki bir kere birbirimizi görmüştük, ne vaziyette ve nerede olursak olalım, artık unutmazdık (S. Ali). – Поскольку мы однажды встречались, в какой ситуации и где бы ни оказались, мы бы уже не забыли.

2. Развернутый уступительный член предложения.

В турецком языке имеется один тип развернутого уступительного члена предложения (*-dîği halde*).

Субъект (действующее лицо) в нем выражается именем существительным или личным местоимением (может опускаться) в основном падеже.

Предикат развернутого уступительного члена выражается причастием прошедшего-настоящего времени на *-dik* (*-dik, -duk, -dük, -tık, -tik, -tuk -tük*) с аффиксом принадлежности. К причастию примыкает арабское по происхождению имя существительное *hal* «положение, состояние» с аффиксом местного падежа (*halde*).

Слово *halde* придает уступительное значение развернутому члену предложения и связывает его с предложением.

Согласно общему правилу, развернутый уступительный член обычно стоит в начале предложения (*halde*).

Развернутый уступительный член обычно бывает распространенным. Вокруг его центров – субъекта, выраженного именем существительным или местоимением, и предиката, выраженного причастием, – группируются всевозможных форм дополнения, определения и обстоятельства.

При имени существительном или местоимении, выражающем субъект, могут находиться различные определения.

При причастии, выражающем предикат, могут находиться прямые и косвенные дополнения, обстоятельства времени, места, образа действия и другие. При прямом или косвенном дополнении могут быть свои определения.

...Ben onu hemen her gün gördüğüm halde kendisine asıl bize, bizim ikimize ve bizim ikimizin hayatlarına taallük eden meselelerden bahsedemezdim (S. Ali). – Хотя я видел ее почти ежедневно, я не заводил с ней разговоров на вопросы, касавшиеся, действительно, нас, нас обоих и наших жизней. Kendisini on dakika bile devamlı görmediğim halde bütün gün onu düşündüm (S. Ali). – Хотя наша встреча длилась не более десяти минут, в течение всего дня я думал о ней. Sebebini bilmediği halde bu kıza karşı içinde bir kızgınlık var gibiydi (S. Ali). – Кажется, он сердился на эту девушку, хотя и не знал причины этого. Beni tanımadığınız halde, tanıdığınızı söylediler... (S. Ali). – Хотя Вы меня (и) не знаете, они заставили Вас сказать, что знаете меня. Çok çalıştıkları halde yorulmadılar (S. Ali). – Хотя они много работали, они не устали.

Вместо *halde* в данном развернутом уступительном члене может изредка употребляться слово *surette* (*suret* «образ»). *Orada hazır olmadığı surette bu işi biliyordu* (Кононов 1941). – Хотя он и не присутствовал там, но об этом деле он знал.

Причастие прошедшего-настоящего времени с аффиксом принадлежности III лица и имя существительное *hal* в местном падеже (*halde*) выражают в ряде случаев также обстоятельство образа действия. *Reisicumhur bugün saat 16.30 da Hariciye Vekili hazır olduğu halde Fransa Büyük Elçisini kabul etmişti* (Кононов 1941). – Президент Республики сегодня в 16.30, в присутствии министра иностранных дел, принял посла Франции.

3. Уступительный устойчивый оборот.

Термин «уступительный оборот», или, точнее, «уступительный устойчивый оборот», понимается здесь в узком смысле как особое не-свободное словосочетание, а не как сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным, как он употребляется в ряде грамматик тюркских языков.

Уступительный устойчивый оборот – это уступительная синтаксическая конструкция, которая не обладает всеми необходимыми признаками ни придаточного предложения, ни развернутого члена предложения.

В современном турецком языке имеется три типа уступительных устойчивых оборотов – конструкции с формой *-makla beraber*, со словом *rağmen*, со словом *iken*.

1. Уступительный оборот с формой *-makla beraber*.

Имя действия (инфинитив) на *-mak -mek* с послелогом *ile (-la -le)* и персидским по происхождению словом *beraber* «вместе» образует уступительный оборот.

Форма на *-makla, -mekle beraber* не выражает ни времени действия, ни лица субъекта.

Субъект действия в уступительном обороте выражается именем существительным или местоимением в основном падеже. Субъект может совпадать с подлежащим предложения, может и не совпадать. В первом случае подлежащее может опускаться, и тогда на подлежащее и на субъект указывает аффикс сказуемости.

Предикат данного уступительного оборота выражается именем действия (инфинитивом) на *-mak -mek*.

Послелог *ile (-la -le)* и слово *beraber* связывают оборот с предложением.

При уступительном обороте могут быть дополнения, определения и обстоятельства, как и в развернутом уступительном члене.

Данный уступительный оборот может выражать время в том только случае, когда предикат выражен перифрастической формой инфинитива (*-miş olmak, -makta olmak*). В остальных случаях время оборота определяется сказуемым.

Ben de kendisi gibi düşünmekle beraber, daha akıllı görünmek için şöyle diyordum... (S. Ali). – Хотя я думал так же, как и он, я, чтобы показаться более умным, сказал так... *Bugün hiç bir şey yapmamakla beraber, çok yoruldum* (Айляров 1954). – Я очень устал, хотя ничего не делал сегодня. *Bir step köylüsü ile şehirliğin kafası müşterek hükümlere sahip olmakla beraber, birbirinden iki dünya gibi uzaktılar* (S. Ertem). – Хотя в головах крестьян-степняков и горожан содержатся совместимые суждения, тем не менее они далеки друг от друга, как два (отдельных) мира. *Halide Salih imzalı bir yazı, Zola'yı Shakespeare mertebesine çıkarmakla beraber, Salih'in Zola'yı hiç anlamamış olduğunu gösteriyor* (H. Bozok). – Статья за подписью Халиде Салих, хотя и возносит Золя до уровня Шекспира, тем не

менее показывает, что Халиде абсолютно не поняла Золя. Kübrâ biraz (kendini) toplamış olmakla beraber, yüzünün hasta sarılığını hâlâ muhafaza ediyordu (S. Ali). – Хотя Кюбра несколько поправилась, она все еще сохраняла болезненную желтизну лица.

2. Уступительный оборот со словом *rağmen*

Слово *rağmen* «несмотря, вопреки» (арабск. *rağm* «зло») с именем существительным в дательном падеже, которым оно управляет, образует уступительный оборот, который не выражает ни времени, ни лица.

Исключение представляет употребление в качестве управляемого слова отглагольного имени существительного на *-ma, -me*, где притяжательный аффикс (чаще III лица) выражает лицо субъекта, а время действия может быть выражено лишь при употреблении перифрастической формы отглагольного имени (*-miş olmasına, -makta olmasına*).

Последнее обстоятельство позволяет отчасти согласиться, при наличии перифрастических конструкций, с мнением видного специалиста Ш.С. Айлярова (10), который отнес такой уступительный оборот в разряд развернутых уступительных членов предложения. Считаем необходимым привести здесь его высказывание и примеры на этот счет:

«Среди многочисленных разновидностей уступительных оборотов, развернутых уступительных членов предложения и придаточных уступительных предложений эта форма развернутого уступительного члена предложения характеризуется, пожалуй, наибольшей частотностью употребления и наибольшей степенью уступления: *Derenin kabarmasına rağmen karşı yakaya geçebildik*. «Мы сумели переправиться на тот берег, несмотря на то, что вода в речке поднялась»; *Köprü'nün uçurulmuş olmasına rağmen nakliyat durmadı*. «Несмотря на то, что мост был взорван, перевозки не приостанавливались»; *Odanın parasını peşin olarak vermiş olmama rağmen oraya hiç uğramayışım, ev sahiplerinin bana karşı biraz soğuk davranmalarına sebep oluyordu* (S. Ali). «Несмотря на то, что за комнату я заплатил вперед, но туда совсем не заглядывал, хозяева дома относились ко мне немного холодно» (11).

-a/-e rağmen

Oldukça soğuk havaya rağmen... düşün açıktaki yapıyıldı (S. Ali). – Несмотря на довольно холодную погоду, свадьба справлялась под открытым небом. *Bu optimizme rağmen birçok... kimselerin Zola'yı pesimist bir yazarı olarak farzetmelerine hayret etmemek mümkün değildir* (H. Bozok). – Нельзя не удивляться тому, как, несмотря на этот оптимизм, многие предполагают, что Золя является писателем-пессимистом. *Şahinde de bütün dırıltısına rağmen bu işten pek şikayetçi değildi...* (S. Ali) – А Шахинде, несмотря на все свое ворчание, не очень (уж) жаловалась на это дело. *O zamana kadar söylediğim laflarda, bütün gayretlerine rağmen, kanuni bir cürüm bulamıyorlardı* (S. Ali). – Несмотря на все свое старание, они не

могли найти в сказанном мной до этого какого-нибудь нарушения закона. *Zayıf ve ufak tefek olduğu için, güzelliğine rağmen, bu gözü ette olan seyircilere hoş görünmiyebilirdi.* (S. Ali). – Несмотря на свою красоту, она, будучи худенькой и маленькой, не могла понравиться этим зрителям, которых привлекала полная фигура.

-masına// -mesine rağmen

Bu Şakir, *yaşının on sekizden fazla olmamasına rağmen*, kasabada herkese yaka silktirmiş bir çocuktü (S. Ali). – Этот Шакир, несмотря на то, что ему было не больше восемнадцати лет, осточертел всем в городке. *Kaptan olma çocuğüm, demesine rağmen* çocuğün içindeki kıvılcımlar kuvvetli bir körükle kor haline konuyordu (S. Ertem). – Хотя он и говорил: «Не будь капитаном, сынок», искорки в душе мальчика разгорались, как уголь, на который дуют из мехов. *Güzel olmamasına rağmen* hoş giden bir yüzü, mat ve güzel bir teni vardı (S. Ali). – Хотя она и не была красива, у ней было симпатичное лицо и красивая матовая кожа.

Уступительный оборот с *rağmen* нередко бывает распространенным. Он может находиться в составе любого развернутого члена предложения и относиться к его предикату, противореча ему.

В составе развернутого дополнительного члена: Yusuf *kendisini içten içe kaynatan bütün isiyan hambelerine rağmen* boyun eğceğini, ne bilgisinin, ne de kuvvetinin ona yardım etmiyeceğini biliyordu (S. Ali). – Юсуф знал, что, несмотря на все кипевшие в нем мятежные порывы, он не подчинится, что ни знания, ни силы ему не помогут.

В составе развернутого уступительного члена:

Aylardan beri onu doru atları ve hafif arabası kadını birçok yerlere götürdüğü, *birçok yerlerden, bazan arkalarından atılan kurşunlara rağmen* selamette evine getirdiği halde, belki bir kere adamakıllı birlerinin yüzüne bakmamışlardı (S. Ali). – Несмотря на то, что его гнедые кони и легкая повозка в течение ряда месяцев увозили женщину во многие места и, *вопреки пулям, которые пускались вслед им во многих местах*, благополучно доставляли ее домой, они, может быть, ни разу как следует не посмотрели друг другу в лицо.

3. Уступительный оборот со словом *iken*

Слово *iken* (исторически причастие от глагола *imek* «быть») в сочетании с причастием настоящего-будущего времени (-*r*, -*ar*, -*er*, -*ir*...), будущего-категорического (-*acak*, -*ecek*), прошедшего (-*miş*), настоящего данного момента (-*yor*...), с глаголом в форме настоящего-длительного времени изъявительного наклонения (-*makta*, -*mekte*) или же с именем в соответствующем падеже образует временной оборот, который в ряде случаев переосмысливается в уступительный оборот.

Сочетания *iken* с именем и именными формами глаголов имеют различия.

Причастие (а также глагол в форме настоящего-длительного времени изъявительного наклонения) со словом *iken* выражает соответствующее время действия, однако лица субъекта действия не выражает.

Имя же со словом *iken* обозначает некую ситуацию, состояние, факт, вопреки которому совершается действие, выраженное сказуемым предложения. Время и лицо не выражаются.

Слово *iken* может писаться слитно с именем или причастием, к которому относится, и тогда гласный «i» в слове *iken* опускается (*-ken*).

Как уже отмечалось, уступительный оборот, как и развернутый уступительный член, может быть распространенным.

Gitmesi lâzım gelir iken gitmek istemedi (Кононов 1941). – Хотя он и должен был уходить, он не захотел уйти. *Abdülhamit muharebe işlerinden askerlikten hiç anlamazken* muharebe işlerine karıştı (Resimli Kıraat). – Хотя Абдильхамит ничего не понимал в военном деле и в военной организации, тем не менее он принимал участие в военных операциях. *Sen hiç bir şey işitmezken* bu haberi nasıl işittin? (Гордлевский 1928). – Каким образом услышал ты эту весть, хотя обычно ты ничего не слышишь? *Hamdi bir ateş al der demez bir atıklığımızdan ateşi herifin çıgarasına tutacak iken* burnuna tutup ta zavallı adamcağızın burnunu yokmıyalım mı? – Не успел Хамди попросить огня, как мы поспешно вместо того, чтобы поднести огонь к папироске парня, поднесли к его носу и (как вам нравится?) прижгли нос бедняге. *Bir aralık ipek ve koz ihracatı pek azalmış iken* sulhun takarrüründen sonra yeniden yükselmeğe başlamıştır (F.Sabri). – Хотя одно время экспорт шелка и коконов очень сократился, однако после установления мира он (экспорт) снова стал расти. *Zeyd keyfsiz iken* İstanbula gitti (Кононов 1941). – Зейд, хотя и был болен, отправился в Стамбул. *Sen büyük çocukken* ağlıyorsun (Э.А. Грунина. Дипломная работа). – Хоть ты и большой мальчик, а плачешь. *Münevver neslin vazifesi, geri kalmış tabakalarımıza elbette daha nüfuzlü, daha faal şekilde sokulabilmek, onlara rehberlik edebilmek iken*, heyhat, çok cılız âciz durumdayız («Akşam», 5.04.1949). – Хотя задача интеллигенции, несомненно, заключается в том, чтобы установить действенную и более активную связь с отсталыми слоями нашего населения и руководить ими, мы, к сожалению, беспомощны.

К уступительным оборотам тесно примыкают сравнительно-противительные обороты. В них или предлагается отклонить то, что противопоставляется содержанию сказуемого предложения, или же говорится о том, что действие, выраженное сказуемым, произошло вместо того, что следовало бы ожидать.

В турецком языке есть три типа сравнительно-сопоставительных оборотов – формы на *-maktan ise* (*-maktansa*), на *-acağına*, на *-acağı yerde*.

1. Сравнительно-сопоставительный оборот на *-maktan ise* (*-maktansa*)

Инфинитив на *-mak*, *-mek* в исходном падеже (*-maktan*, *-mekten*) и недостаточный глагол *imek* «быть» в форме условного наклонения (*-ise*) образуют сравнительно-противопоставительный оборот, который показывает, что действие сказуемого предпочитается действию, выраженному в данном обороте.

Форма на *(-maktan ise // -mekten ise)* может писаться слитно, и тогда гласный «i» глагола *imək* «быть» опускается (*-maktansa, -mektense*). Эта форма одновременно связывает оборот с предложением.

В данном обороте не выражается лицо и, как правило, время (кроме перифрастических форм).

Nedense aklıma esti, son günü İzmir'de kalıp dolaşmaktansa sabah treniyle Selçuk'a gider, Efesos harabelerini gezer, akşamı ederim... dedim (S. Ali). – Почему-то мне пришло в голову и я решил, чем остаться и бродить последний день в Измире, поехать утренним поездом в Сельчук, осмотреть развалины Эфеса и провести (таким образом) вечер... Bir kuşun bir kanat vuruşuyla bu duvarları aşarak serbestliklerle kucaklaşmağa gittiğini görmektense, nefes almaktan başka hürriyeti hatırlatacak hiçbir şey bulunmıyan bir yerde kapanmak daha iyi değil midir? (S. Ali). – Не лучше ли замкнуться там, где ничто, кроме дыхания, не напоминает о свободе, чем видеть, как взмахом крыльев птица перелетает стену и бросается в объятия свободы? Bir çokları başlarını belaya sokmaktansa ona arada bir yemek yedirmek pek asılırsa yarım lira borç vermekle yakalarını kurtarmıya nakıyorlardı (S. Ali). – Многие, чем подвергать себя риску, старались избавиться от него, угощая его время от времени (обедом), а если он очень приставал, отдавали ему в долг пол-лиры. Ama koyunların arasında...günün büründe bıçak altına yatmak korkusuyla yaşamaktansa, bu işi bir kökünden halletmek isteyenler türemişti (S. Ali). – Но среди овец появились такие, которые требовали в корне разрешить этот вопрос, чем жить в постоянном страхе однажды попасть под нож...

2. Сравнительно-противопоставительный оборот на -acağına

Причастие будущего-категорического времени на *-(y)acak/- (y)ecek* с аффиксом принадлежности любого лица (чаще III лица) и с аффиксом дательно-направительного падежа в ряде случаев (кроме выражения развернутого дополнительного члена предложения) может выступать как сравнительно-сопоставительный оборот на *-(y)acağına, -(y)eceğine*.

В этом обороте не выражается время действия, но лицо субъекта выражается.

Сравнительно-противопоставительный оборот данного типа употребляется в побудительных предложениях, когда надо предпочесть другое действие тому, что выражено в обороте.

Bu tuğları pahalı pahalı dışarıdan getireceğimize memlekette yarmamız gerek («Cumhuriyet», 13.11.1947). – Чем привозить эти кирпичи по дорогой цене из-за границы, нам надо делать их внутри страны. Sinemaya gideceğine derslerinle meşgul ol! – Чем идти в кино, лучше займись своими уроками! Evin küçüğü olacağına dağın domuzu ol (поговорка). – Чем быть (на побегушках) младшим в доме, лучше стань (дикой) свиньей в горах.

3. Сравнительно-противопоставительный оборот на *-acağı verde*

Причастие будущего-категорического времени на *-(y)acak/- (y)ecek* с аффиксом принадлежности и имя существительное *yer* «место» в местном падеже (*verde*) образуют сравнительно-противопоставительный оборот. Причастие в обороте выражает должное действие, вопреки которому происходит фактическое действие, выраженное в сказуемом предложения.

Субъект действия данного оборота совпадает с подлежащим предложения.

В данном обороте не выражается время действия, но, в отличие от предыдущих, выражается лицо субъекта.

Форма на *-acağı verde* связывает оборот с предложением и стоит в конце оборота.

O zaman bu adamı hatırlar gibi oldum, sorduğuna *cevap vereceğim verde*, âdeta yerimden fırlıyarak: «Siz ne zamandan beri bu köydesiniz», dedim (S. Ali) – В этот момент я как будто вспомнил человека; но вместо того, чтобы ответить на его вопрос, я спросил, привскочив с места: «С какого времени Вы (проживаете) в этой деревне?» *Amma kendini toparlayacağı verde*, yüzümü...bana doğru tuttuğu kibrite uzattım (S. Ali). – Но вместо того, чтобы взять себя в руки, я потянулся к спичке, которую он протянул мне. ...*Siz gözünüzü, kulağınızı dört açıp istifade edeceğiniz verde* etrafınıza bakınıyorsunuz (S. Ali). – Вместо того, чтобы максимально сосредоточить свое внимание (на занятиях), вы озираетесь по сторонам. *Bana yardım edeceğin verde* akıl öğretiyorsun (T. Banguoğlu, 1990). – Вместо того, чтобы мне помочь, ты учишь уму-разуму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айляров Ш.С. Учебник турецкого языка. – М., 1954. Этот учебник несомненно повлиял на последующую трактовку уступительных конструкций и развернутых членов предложения в грамматическом труде академика А.А. Кононова «Грамматика турецкого литературного языка» (М.-Л., 1956), ср. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – Л., 1941.
2. Айляров Ш.С. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. – М., 1974.
3. Там же, с. 164
4. Banguoğlu T. Türkçenin grameri. 3 basılış. – Ankara, 1990. – S. 556, 574.
5. Пospelов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». – М., 1950. – С. 327.
6. Там же. – С. 329-330.
7. Баскаков А.Н. Предложение в современном турецком языке. – М., 1984. – С. 168; Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. – М., 2007. – С. 446.

8. Айляров Ш.С. Учебник турецкого языка. – М., 1954. (Айляров 1954); Гайдаров Ф.П. Учебник турецкого языка, ч. II (тексты). – Баку, 1944 (Гайдаров 1944); Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка. – М., 1928 (Гордлевский 1928); Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – Л., 1941 (Кононов 1941); Русско-турецкий словарь / Составили Э.М.-Э. Мустафаев и В.Г. Щербинин. – М., 1972 (РТ словарь); Турецко-русский словарь. – М., 1977 (ТР словарь); Banguoğlu T. Türkçenin grameri. 3 basılış. – Ankara, 1990 (T. Banguoğlu, 1990); Deni J. Grammaire de la langue turque (dialekte osmanlı). – Paris, 1921 (J. Deni, 1921).
9. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948. – С. 269.
10. Айляров Ш.С. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. – М., 1974. – С. 177.
11. Там же. – С. 177-178.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о том, какими формами или способами выражаются уступительные и вообще подчинительные отношения в тюркских языках, какова специфика этих форм (способов), все еще изучен мало. Между тем обстоятельное исследование структуры уступительных конструкций (особенно в сопоставительном плане) во многом бы способствовало выявлению синтаксической типологии тюркских языков.

В казахской лингвистической литературе¹ зафиксировано несколько различных способов образования уступительных подчинительных конструкций, однако все они именуются не иначе как «уступительными придаточными предложениями» (**қарсылықты бағыныңқы сөйлем**).

Отстраняя миссионерскую точку зрения на казахский язык, при которой анализ живой материи языка подменялся разбором русского перевода, проф. С.А. Аманжолов² первым указал на необходимость дифференцированного подхода к синтаксическим категориям казахского языка. «Говоря о придаточном, которое в казахском языке всегда стоит впереди главного, мы должны сказать об отсутствии в казахском языке союзных слов, которые имеются в русском языке, напр.: который, как только, где, какой, откуда. Они при переводе с русского

¹ Аманжолов С. Қазақ тілі ғылыми синтаксисінің қысқа курсы. – Алма-Ата, 1940. – С. 130-131; Сауранбаев Н.Т. Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер жүйесі. – Алматы, 1948. – С. 80-82; Аманжолов С., Ұйықбаев И., Әбілқайев А. Қазақ тілі грамматикасы, II бөлім. Синтаксис. – Алматы, 1951. – С. 169 (изменения и уточнения имеются в последующих изданиях данного стабильного учебника); Қазіргі қазақ тілі. – Алматы, 1954. – С. 546-547 (автор раздела «Синтаксис сложного предложения» – Сауранбаев Н.); Болатов Ж. Синтаксические функции причастия в казахском языке. Автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1955; Балакаев М., Кордабаев Т. Қазіргі қазақ тілі грамматикасы. Синтаксис. – Алматы, 1961. – С. 237-239 (автор раздела «Синтаксис сложного предложения» – Т. Кордабаев); Есенов Х.М. Условные и уступительные предложения в современном казахском языке: Автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1961. К сожалению, последняя работа не внесла ничего существенно нового в изучение уступительных конструкций казахского языка.

² Аманжолов С. Природа сложноподчиненных предложений в казахском языке по сравнению с русским языком // «Ученые записки КазПИ им. Абая». Том I. – Алма-Ата, 1940. – С. 65-78.

на казахский передаются причастиями с падежными окончаниями. В некоторых случаях русские сложные предложения по-казахски принимают вид простого распространенного предложения»³.

Сравнение структуры и функций причастных конструкций в казахском языке с русскими придаточными предложениями позволило С.А. Аманжолову сделать следующий вывод: «Эти примеры ярко показывают, что вообще в казахском языке нет придаточных предложений места. Аналогичное явление мы имеем с придаточными предложениями определительными и дополнительными. Отсюда, классификация как сложносочиненных, так и сложноподчиненных предложений в тюркских языках вообще, в казахском языке в частности, должна принимать иной вид»⁴.

Сложное предложение представляет собой единое целое, отдельные части которого, взятые изолированно, не выражают законченную мысль. В сложноподчиненном предложении и «главный», и «придаточный» его компоненты взаимно связаны и взаимно обусловлены.

«Придаточное предложение вообще характеризуется двумя основными моментами: 1) относительной логической самостоятельностью мысли и 2) отдельно выраженным сказуемым (в одной из выражающих сказуемость форм, так наз. *verbum finitum*) и подлежащим. Отдельное обозначение подлежащего в башкирской фразе, правда, может не иметь места; тем не менее в некоторых случаях (переходного типа) оно из второстепенного признака становится решающим»⁵. Кроме того, придаточное предложение, по мнению проф. Н.К. Дмитриева⁶, отличается еще тем, что эпизодически вводится союзом. Исходя из этих критериев выделения придаточных предложений в тюркских языках, Н.К. Дмитриев сделал чрезвычайно важный вывод: «Огромное большинство предложений с причастиями и деепричастиями не удовлетворяет основным требованиям придаточных предложений. Эти случаи надлежит рассматривать как обычные причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты в составе простого предложения»⁷.

Придаточное уступительное предложение указывает на такое обстоятельство, вопреки которому осуществляется то, о чем говорится в главном предложении (обратная обусловленность). То же самое можно сказать об уступительных конструкциях в составе простого предложения. Действие или состояние, выраженное в таких уступительных конструкциях, противоположно тому результату, о котором говорится в сказуемом предложения.

В русском языке, богатом всевозможными союзами, придаточные уступительные предложения соединяются с главным при помощи

³ Там же. – С. 71.

⁴ Там же. – С. 76.

⁵ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.–Л., 1948. – С. 245.

⁶ Там же. – С. 245.

⁷ Там же. – С. 245.

союзов хотя (хоть), несмотря на то что, невзирая на то что, пускай, пусть, даром что.

Но совсем иное происходит в языках тюркской системы, в частности в казахском языке, где мало союзов вообще, а подчинительных союзов в особенности. То обстоятельство, что в казахском языке мало подчинительных союзов, привело к тому, что бессоюзная связь осталась преобладающей формой сцепления подчиняющих и подчиненных членов сложных по своему содержанию синтаксических конструкций. В результате этого сложное по своему содержанию предложение по формам связи и сцепления составляющих его членов напоминает структуру простого распространенного предложения. Причем подчиненная часть предложения всегда предшествует подчиняющей части.

Подходя к уступительным конструкциям с данной точки зрения, мы можем выявить в современном казахском языке три группы уступительных подчинительных конструкций: уступительное придаточное предложение, уступительный развернутый член предложения (уступительное развернутое обстоятельство) и уступительный оборот (скованное фразеологическое сочетание).

I. Придаточное уступительное предложение

В казахском языке придаточное уступительное предложение является частным случаем придаточного условного предложения.

Подлежащее придаточного уступительного предложения в казахском языке выражается именем существительным или местоимением в основном падеже. Личное местоимение может опускаться, если в сказуемом придаточного уступительного предложения есть личный аффикс, который указывает на лицо субъекта действия, т.е. на подлежащее.

Сказуемое придаточного уступительного предложения образуется от формы сказуемого придаточного условного предложения (*глагол* в форме условного наклонения с личным аффиксом сказуемости в I и II лице единственного и множественного числа) путем прибавления к нему усилительной частицы (энклитики) *да, де, та, те*, которая придает всему предложению уступительный характер. Аффикс условного наклонения *-са, -се* восходит в казахском языке к своему более полному древнетюркскому варианту *-сар, -сер*, который употреблялся сначала как формант особого деепричастия и лишь позднее превратился в показатель личной формы глагола – *verbum finitum*⁸.

В казахском языке, наряду с формой -са да, -се де основного глагола, в образовании сказуемого придаточного уступительного предложения может участвовать форма болса да от вспомогательного глагола бол- «быть». Форма болса да в сочетании с именами, причастиями, деепричастием на -п (-ып, -ін), формой намерения на -мақшы (-мекші) и основой глагола настоящего

⁸ Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. – М., 1960. – С. 63; Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. – М., 1963. – С. 78, 109.

длительного времени на -уда (-уде) образует сказуемое придаточного уступительного предложения (такое сказуемое бывает как именным, так и глагольным).

Форма -са да (-се де) глагольного сказуемого или *болса да* именного и глагольного сказуемого соединяет придаточное уступительное предложение с главным. Вместо усилительной частицы *да, де (та, те)* иногда может выступать ее синоним *-дағы (-тағы)*.

Абай Дәндібай сөзінен жақсы пейілді аңғарса да, ол кезде көмектерін алмаған-ды (М. Әуезов). – Хотя Абай из слов Дандыбая догадался о благожелательном отношении, он тогда не получил их поддержки. Барып сырттан құлақ салсақ та, ешбір дыбыс естілмейді (Ы. Алтынсарин). – Хотя мы подошли и прислушались, не было слышно ни звука. Жігіттер қысылып болса да бастарын изеді (Ғ. Мүсірепов). – Хотя юноши и смутились, они (в знак согласия) кивнули головами. **Өзім жұмысшы болмасам да, жұмысшы деген халықты ардақтайтын жан едім (Ә. Әбішев).** – Хотя я сам не рабочий, я всегда уважал рабочий народ. Түк күнәсі жоқ болса да, Аламанның өзі де сескене қарап, түк айта алмай үнсіз тұр (Ә. Әбішев). – Аламан и сам, хотя за ним нет никакой вины, испуганно смотрит и молчит, не в силах что-либо сказать. Ұлжанның сөздері сыпайы, майда айтылған болса да, ар жағында сыр, салмақ жатқан сөз (М. Әуезов). – Хотя слова Улжан были сказаны учтиво и вежливо, в них крылся тайный смысл. Жасы алпысқа таяр болса да, денесінде әлі бір арам майы жоқ. – Хотя ему около шестидесяти лет, он еще несколько не располнел. Бұрын ондай аңшылыққа арнап шықпайтын болса да, Абай биыл... шығатын болды (М. Әуезов). – Хотя прежде Абай не выезжал на такую охоту, в этом году он решил выехать... Бұл хатты кеше жазбақшы болсам да, уақытым болмады. – Хотя я намеревался вчера написать это письмо, у меня не было времени. Бұл үй көптен бері салынуда болса да, әлі жуықта бітетін емес. – Хотя этот дом строится уже давно, он не скоро будет закончен. Теңізден таудай толқын соқса-дағы, жағадағы жартасты жыға алмайды (Абай). – Хотя с моря ударяют огромные (как горы) волны, они не смогут сокрушить скалы на берегу. Жұрт тарап кетсе-дағы сақ жүзді, нәзік, бойшаң келген қазақ қызы қақпа алдында қалып қойды (Ж. Жұмақанов). – Хотя народ уже разошелся, у ворот осталась светолицая, изящная, довольно высокая девушка-казашка.

Иногда (пожалуй, под влиянием русского книжного языка) сказуемое придаточного условного предложения окрашивается оттенком противопоставления или сопоставления, что дало повод некоторым исследователям⁹ усмотреть в таких спорадических случаях придаточные уступительные предложения.

Капитализм дүниесінде ғылым жетімсіздікке тартса, социализм дүниесінде ол жетістікке тартады (Ғ. Мұстафин). — Если в мире капитализма наука усугубляет лишения (для трудящихся), то в мире социализма она способствует изобилию. **Бірақ онысын кейбіреулер мазақ қылса, Омар ол мазаққа түсінбейтін еді (С. Сейфуллин).** – Но если некоторые и подтрунивали над ним, Омар не понимал этих насмешек.

⁹ Балакаев М., Кордабаев Т. Указ. работа. – С. 238; Есенов Х. М. Указ. работа. – С. 18.

Уступительное придаточное предложение особого типа

К уступительным придаточным предложениям с обобщающим или усиливающим характером можно отнести придаточные предложения, в которых сказуемое выражено глаголом в отрицательной форме III лица повелительного наклонения, а перед сказуемым имеется вопросительное местоимение (қай, қайсы «какой, который», **қандай** «какой», **қанша** «сколько», **қалай** «как», **қашан** «когда», **қайда** «куда», **қайдан** «откуда» и др.).

Этот тип придаточного уступительного предложения указывает на то, что, несмотря на усиленное или предельное проявление действия или признака, о котором говорится в придаточном предложении, получается результат, противоположный тому, которого следовало бы ожидать.

Біз спектакльдеріміздің **қандай жағдайда болмасын** Ленинградтағыдай толық күйінде көрсетілетін болуын көздедік («Социалистік Қазақстан», 26.12.1954). – Мы предусмотрели то, чтобы наши спектакли давались в таком же полном виде, как и в Ленинграде, в каких бы условиях они ни проходили. Қай іске басын ұрмасын, ештеңе шықпайтын еді. – За какое бы дело он ни брался, у него ничего не ладилось. Қайсыбір халықтың болмасын, өзінің қадір тұтып, қастерлейтін дәстүрі болады («Лениншіл жас»). – К какому бы народу (это) ни относилось, у каждого имеются свои традиции уважения и почитания. Қалай қиын болмасын, бұл жұмысты жақын арада бітіруім керек. – Как бы ни было трудно, я должен на днях закончить эту работу. Асау **ат қайда бұрмаламасын**, дізгінді ұстаған адам мықты болса оны еркіне жібермейді. – Куда б ни рвался норовистый конь, если поводья в руках сильного человека, тот не позволит ему вольничать.

II. Развернутый уступительный член предложения

Развернутый уступительный член предложения в тюркских языках по смыслу соответствует придаточным уступительным предложениям языков с развитой системой союзов (например, индоевропейские языки), но по форме связи с предложением является его членом.

В современном казахском языке обнаруживается четыре типа развернутых уступительных членов предложения.

В развернутом уступительном члене предложения субъект (действующее лицо) выражен формой основного или родительного падежа имени существительного или местоимения (местоимение может опускаться), а предикат – формой причастия с притяжательным аффиксом (аффиксом принадлежности), указывающим на лицо субъекта действия, процесса, состояния. Непременное условие развернутого уступительного члена – выражение лица субъекта, времени действия (состояния) и других глагольных (предикативных) свойств причастия – вид, залог, аспект (или форма). Развернутый уступительный член

принимает в себя различные определительные, дополнительные и обстоятельственные слова и сочетания.

В казахском языкознании добрый десяток работ посвящен выявлению природы «развернутых членов предложения» (*үйірлі мүше*), однако в сущности вопрос еще только поставлен¹⁰. Если говорить конкретно о развернутом уступительном члене, то такого понятия в казахском языкознании до сих пор не было. Все уступительные конструкции казахского языка классифицировались как придаточные уступительные предложения.

Именно недостаточной развитостью подчинительных союзов в казахском языке и объясняется то, что по форме связи с предложением развернутый член является членом предложения, а по своему содержанию соответствует придаточному предложению языков с развитой системой союзов, каким, к примеру, является русский язык.

Наличие определенного интонационного момента, паузы между развернутым уступительным членом и остальным предложением обусловлено тем, что здесь имеются два противоречащих друг другу действия. Длительность паузы может меняться в зависимости от различных обстоятельств и порой сводится до минимума.

Итак, каковы же типы развернутых уступительных членов предложения в современном казахском языке?

1. Развернутый уступительный член с формой на *-ғанымен...*

Субъект (действующее лицо) выражается именем или личным местоимением в основном падеже (а также притяжательными аффиксами при причастии в предикате). Личное местоимение может опускаться.

Предикат (действие, процесс, состояние) выражается причастием прошедшего (точнее прошедшего-настоящего) времени на **-ған, -ген, -қан, -кен** с аффиксом принадлежности (III лицо субъекта выражается и без аффиксов принадлежности) и с аффиксом инструментального (орудийного, вспомогательного) падежа **-мен, -бен**¹¹, который придает развернутому члену уступительный характер высказывания и связывает его с остальным предложением.

¹⁰ К исследованиям, помогающим в какой-то мере раскрыть сущность развернутых членов предложения в казахском языке, относятся следующие: Кордабаев Т. Қазақ тіліндегі үйірлі мүше туралы // «Известия АН КазССР», серия филологии и искусствоведения, вып. 1-2. – Алма-Ата, 1954. – С. 62 и др.; Аманжолов С. Үйірлі мүше туралы // «Қазақ тілі мен әдебиеті», № 11, 1959. – С. 37-42; Шаукенов Қ. Үйірлі мүше туралы // «Тіл және әдебиет мәселелері» (аспиранттар мен ізденушілер мақалаларының жиыны). – Алматы, 1965. – С. 59-65.

¹¹ Так называемый аффикс «инструментального падежа» (көмектес септік) не подвержен гармонии гласных и, по существу, представляет собой послелог, который в отличие от одинакового союза, пишется слитно с предшествующим словом. По установившейся традиции мы пользуемся этим неточным термином казахских грамматик.

Иногда к причастию примыкает еще частица (энклитика) *де*, которая подчеркивает в развернутом уступительном члене «мысль противоположной направленности» (Н.К. Дмитриев) по отношению к сказуемому предложения.

Причастие на **-ған, -ген, -қан, -кен** в основном выражает прошедшее и настоящее времена.

Как уже говорилось, согласно общему для всех тюркских языков правилу, развернутый уступительный член стоит в начале предложения. В развернутом уступительном члене могут быть, а практически всегда имеются дополнения, определения и обстоятельства. Поэтому развернутый уступительный член приобретает, так сказать, распространенную форму.

При имени существительном или местоимении, которое выражает субъект развернутого уступительного члена, могут находиться различные определения.

При причастии, выражающем предикат, могут быть прямые и косвенные дополнения, различные обстоятельства (времени, места, образа действия и др.). При прямом или косвенном дополнении могут быть определения.

Іркілген жоқ, тағы бір өтірікті соғып жіберді: **«Мен алаш офицері болғаныммен** Зверевке бағыныштымын...» (Ә. Әбішев). – Он не растерялся и еще раз соврал: «Хотя я алашординский офицер, тем не менее я подчиняюсь Звереву...»

Вместо аффикса инструментального падежа **-мен, -бен** может употребляться его более старая разновидность **-менен, -бенен. Баланы жұбатқаныменен** өзін жұбата алмады (Ғ. Мұстафин). – Хотя она утешила ребенка, зато не смогла утешить себя.

В тех случаях, когда субъект развернутого уступительного члена выражен именем существительным или местоимением в III лице, причастие на **-ған** может употребляться без аффикса принадлежности (**-ғанмен**). Здесь мы наблюдаем нулевой показатель лица субъекта при причастии.

Ақ сұңқар ауға шырмалғанмен, ұясынан ұшқан балапаны сұңқарлық етпей қоймас (М. Әуезов). – Хотя белый сокол попал в сети, его птенцы, вылетев из гнезда, не перестанут делать соколиное дело. **Қожаштың айтқан өлеңі басқаға жұмбақ болғанмен**, Гайшаға жұмбақ емес (С. Көбеев). – Хотя песня, которую пел Кожаш, была загадочной для других, она была понятна Гайше. **Қазіргі кезде үйірлі мүше туралы жоғары оқу орындарына арналған программада сөз бола тұрғанмен**, оның қандай сөз таптарынан жасалатыны, ұқсастық, айырмашылық белгілерін көрсететін материал әлі де болса аз»¹². – Хотя в программе для вузов в настоящее время и говорится о развернутом члене, однако материала, который бы показывал, из каких частей речи эта категория образуется, каковы ее сходные и отличительные признаки, все еще мало.

¹² Шаукенов Қ. Указ. работа. – С. 65.

Как уже говорилось, к причастию в роли предиката в развернутом уступительном члене может примыкать частица **де**, которая усиливает значение противительности. **Әбіш жасынан кедейлік көрмегенімен де**, пар ат шегіп көрмеген шала шаруаның бірі еді (С. Көбеев). – Хотя Абиш и не сталкивался с ранних лет с бедностью, он был одним из тех полукрестьян, которые никогда не имели даже двух лошадей.

Значение уступительности выражается и тогда, когда в данном развернутом уступительном члене имеется местоименное слово **қанша** (**қаншама**) «сколько (как)». Сочетание **қанша(ма) ... -ғанымен** показывает, что, несмотря на усиленное или предельное проявление действия или признака, о котором говорится в развернутом члене, получается результат, противоположный ожидаемому. **Мен қанша қысылғаныммен** бұл сөзге мырс етіп күлмей тұра алмадым (Ә. Әбішев). – Как я ни сдерживался, я не смог не прыснуть со смеху при этих словах. **Қанша ұмтылғанымызбен** жете алмадық, өзенге он километр қалғанымызда күн батып кетті (Ә. Әбішев). – Как мы ни старались, мы не смогли добраться до реки: когда мы находились в десяти километрах от нее, солнце закатилось. **Максим қанша ойлағанымен** бұл сұраудың жауабын таба алған жоқ (Ә. Әбішев). – Сколько Максим ни думал, он не смог найти ответ на этот вопрос. Жазушылық қабілеті жоқ адамға қаншама ақыл, кеңес айтқаныңмен қонбауы да мүмкін («Қазақ әдебиеті», 11.03.1955). – Сколько бы ты ни наставлял человека, лишённого писательских способностей, советы вряд ли помогут.

2. Развернутый уступительный член с формой на **-ғанда да...**¹³

Субъект в развернутом уступительном члене выражается именем существительным или местоимением (последнее обычно опускается) в основном падеже.

Предикат выражается причастием прошедшего-настоящего времени (**-ған, -ген, -қан, -кен**) с аффиксом принадлежности I или II лица (аффикс принадлежности отсутствует, когда субъект выражен именем существительным или местоимением III лица) или без него и с аффиксом местного падежа **-да, -де**. К причастию примыкает частица **да, де**, которая придает развернутому члену предложения уступительный характер.

Развернутый уступительный член может быть распространенным, т.е. в нем могут быть дополнения, определения и обстоятельства. **Дәулетін бөліп бермегенде де**, – Атаман күрсінді, – ең болмаса... жаны ашыр еді (Ә. Сәрсенбаев). – «Хотя он и не поделил бы своего богатства, – Атаман кашлянул, – на худой конец... он бы посочувствовал».

¹³ На данную уступительную конструкцию, не отмеченную в литературе по казахскому языку, нам указал в свое время проф. С.А. Аманжолов. Он привел следующий пример: Бұл шөп, үш күн жаңбыр жауғанда да, су болмаған шөп. – Это сено такое, что не вымокло, хотя в течение трех дней лил дождь.

Рассмотренная форма **-ғанда** да зачастую может выражать обстоятельство времени, что обусловлено семантическими особенностями входящих в нее компонентов. **Шауып ала ма деп Кенесарыдан қо-рыққанда да** Жұманның ойына бар дүниелігінен бұрын осы самауыр түсетін (Р. Мүсірепов). – Даже когда Жумана пугало то, что Кенесары может совершить налет, он вспоминал об этом самоваре раньше, чем об остальном своем имуществе.

3. Развернутый уступительный член с формой **-ғанына... (-атынына...) қарамастан**

Субъект выражается именем существительным или местоимением в основном или родительном падеже.

Предикат выражается причастием прошедшего-настоящего (**-ған, -ген, -қан, -кен**) или будущего-переходного (**-атын, -етін, -йтын, -йтін**; исторически деепричастный аффикс **-а, -е, -й** и причастие **тұрған > тұғын > -тын, -тін**) времени с аффиксом принадлежности и с аффиксом дательно-направительного падежа. К причастию примыкает слово **қарамастан**, которое придает развернутому члену уступительное значение. Исторически **қарамастан** является причастием будущего-предположительного времени в отрицательной форме с аффиксом исходного падежа, затем оно перешло в разряд деепричастий, а в данном развернутом уступительном члене употребляется как адвербиальное слово, которое находится в процессе перехода в союзное слово. Вместе с тем слово **қарамастан** в других конструкциях может употребляться как деепричастие, как подобные формы от других глаголов.

Между причастием и словом **қарамастан** может вставляться частица **да, де**.

Данный тип развернутого уступительного члена так же, как и предыдущие, обычно бывает распространенным... **Алақаны ауырғанына да қарамастан**, сарт-сарт соғып тұр (Ә. Әбішев), – Невзирая на боль в ладонях, он сильно хлопает ими. **Бүгін ағасының келетініне қарамастан**, оны қарсы алуға шықпады. – Несмотря на то что сегодня приезжает ее старший брат, она не пошла его встречать.

4. Развернутый уступительный член с формой **-ғаны... (-тыны...) болмаса**

Субъект выражается именем существительным или местоимением, которое обычно опускается.

Предикат выражается причастием прошедшего-настоящего (**-ған, -ген, -қан, -кен**) или будущего-переходного (**-атын, -етін, -йтын, -йтін**) времени с аффиксом принадлежности любого лица и числа.

К причастию примыкает слово **болмаса** (< бол- «быть» в отрицательной форме условного наклонения), которое здесь употреблено как адвербиальное слово, находящееся в стадии перехода в союзное слово. Последнее придает развернутому члену уступительное значение.

Этот тип развернутого уступительного члена также может распространяться, т.е. иметь при себе дополнения, определения и обстоятельства.

...Оның сындырған ағашының сытырын естігенім болмаса, өзін көре алмадым (Ә. Әбішев). – Хотя я услышал треск сломанной им ветки, однако я не смог увидеть его самого. Бірақ бұл сөздер, **сыртқа айтылғаны болмаса**, Абайдың біреуге ақыл қосқан сөзі емес (М. Әуезов). – Хотя Абай произнес эти слова вслух, тем не менее они ни для кого не предназначались. **Құр қорқатынымыз болмаса**, бейпіл сөзінді естіген емеспіз (Ғ. Мүсірепов). – Хотя мы тебя (почему-то) боимся, тем не менее мы никогда не слыхали от тебя лишнего слова.

К причастию может прибавляться собирательный аффикс **-дық, -дік (-лық, -лік)**. **Тек жазуын оқи алмайтындығым болмаса** өзінен кем шығармаймын (Ә. Сәрсенбаев). – Я вывожу эти надписи не хуже его, хотя и не могу читать их.

III. Устойчивый уступительный оборот

Термин «уступительный оборот» или, точнее, «устойчивый уступительный оборот» мы понимаем здесь в узком смысле как особое несвободное словосочетание, а не как сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным, как он дается в ряде грамматик тюркских языков.

Устойчивый уступительный оборот – это уступительная синтаксическая конструкция, которая не обладает всеми необходимыми признаками ни придаточного предложения, ни развернутого члена.

Уступительный оборот выражается предикативными и непредикативными словосочетаниями. Предикативный уступительный оборот не выражает лица субъекта. Непредикативный уступительный оборот не указывает на время действия, но обозначает ситуацию, вопреки которой совершается действие, выраженное сказуемым предложением. В современном казахском языке имеется три типа устойчивых уступительных оборотов.

1. Уступительный оборот со словом **қарамастан**

Сочетание слова **қарамастан** (исторически отрицательная форма причастия будущего-предположительного времени от глагола **қара-** «смотреть») с дательно-направительным падежом имени существительного образует уступительный оборот.

В этом обороте выражается лицо субъекта (чаще III лица), если имя, управляемое адвербиальным словом **қарамастан**, является определяемым словом в изафетном сочетании с именем существительным или же местоимением (личное местоимение может опускаться) в родительном падеже.

Шыққан ортасының, заманының қалың шытырман қайшылықтары мен қараңғылығына қарамастан, Абай өз дәуірінің прогресті ақыны екенін, қазақ халқының озық ойы екенін көрсетіп кетті (Ғ. Мүсірепов). – Несмотря на запутанные противоречия и темноту своей среды и своего времени, Абай проявил себя как прогрессивный поэт своей эпохи и выразитель передовых идей казахского народа. **Шытынап сынған аязға қарамастан**, адам бойын шіміркендірер көк иісі мұңкіген дымқыл бар (С. Шаймерденов). – Несмотря на трескучий мороз, чувствуется влажность, раздражающая тело и пахнущая по-весеннему.

2. Уступительный оборот со словом *болмаса*

Имя существительное с аффиксом принадлежности и глагол бол- «быть» в отрицательной форме условного наклонения (болмаса) в ряде случаев образуют уступительный оборот особого рода. В таком уступительном обороте выражается лицо.

Сочетание слова **болмаса** с именем существительным, как правило, дает придаточное условное предложение, где глагол бол- «быть» в отрицательной форме условного наклонения употребляется в основном значении. **Бірен-саран жекеше болмаса**, ауыл жаппай колхозға енген (Ғ. Мұстафин). – Если не считать отдельных единоличников, аул целиком вступил в колхоз.

Однако в ряде случаев, обусловленных семантикой компонентов предложения, вместо ожидаемых условно-следственных отношений, мы имеем конструкцию или оборот, в котором содержится общее значение сопоставления с оттенком уступления. Слово **болмаса** в уступительном обороте находится в стадии перехода в союзное слово.

Құр серейген бойың болмаса, өзің менің Қозыбағымнаң да жас екенсің (Ә. Сәрсенбаев). – Несмотря на свой высокий рост, ты оказывается даже моложе моего Козыбака. Ботаны көрмеген біреу ботаны көргенде: **«Кішкентайлығы болмаса, құдды түйе»** деген («Қазақ әдебиеті», 15.04.1955). – Некий человек, который сроду не видал верблюжонка, увидев верблюжонка, говорят воскликнул: «Хоть он и маленький, но вылитый верблюд!».

3. Уступительный оборот с формой *-а тұра*¹⁴

Сочетание деепричастия на -а, -е, -й со словом **тұра** (деепричастная форма глагола тұр- «стоять», который в данном случае адвербиализуется и близок к переходу в союзное служебное слово) образует предикативный уступительный оборот.

¹⁴ Эта конструкция, весьма характерная для произведений С. Муканова, исследователями зарегистрирована в качестве «уступительного придаточного предложения». См.: Балакаев М., Кордабаев Т. Указ. работа. – С. 238; Есенов Х. М. Указ. работа. – С. 19-20.

Форма **-а тұра** не выражает ни времени действия, ни лица субъекта. Она связывает оборот с предложением.

Субъект действия в данном уступительном обороте выражается именем существительным или местоимением в основном падеже. Предикат данного уступительного оборота выражается деепричастием на **-а, -е, -й**. При уступительном деепричастном обороте могут быть дополнения, определения и обстоятельства, как и в развернутом уступительном члене.

Әкесінің рұқсаты бола тұра, Гүлнар Байжанды осы Марфуғаның сөзіне қарап үйіне түсірмеді (С. Мұқанов). – Хотя было разрешение отца, Гульнар не пустила Байжана домой, поверив словам Марфуги. Гүлнар **Марфуғаны сыйлай тұра, көңіліне қарай тұра** шын сүйген Байжанмен бос уақыттарын бірге өткізбей тұра алмады (С. Мұқанов). – Хотя Гульнар уважала Марфугу и считалась с ней, однако она все-таки не смогла не проводить свое свободное время с Байжаном. **Солай бола тұра**, жай сөйлемнің дара сөзден құрала беретінін теріске шығарудың реті жоқ (М. Серғалиев). – Хотя (это) и так, неправомерно отрицать, что простое предложение может состоять из отдельного слова.

* * *

К уступительным конструкциям тесно примыкают, но не сливаются с ними, сравнительно-противопоставительные обороты. В них или предлагается отклонить то, что противопоставляется по содержанию сказуемому предложения, или же говорится о том, что действия или состояния, выраженного сказуемым, и не следовало бы ожидать. В современном казахском языке употребляются два типа сравнительно-противопоставительных безличных оборотов.

1. Сравнительно-противопоставительный безличный оборот с формой **-ғанша** (причастие прошедшего времени+аффикс **-ша, -ше**) не выражает ни времени действия, ни лица субъекта. **Жалғыз жүріп жол тапқанша**, көппен жүріп адас (пословица). – Чем разыскать путь в одиночестве, лучше заблудись вместе со всеми (ср. русскую пословицу «На мир и суда нет»). Әй бала, **селтендеп босқа жүргенше**, кел бері, жұмыс істе (Ә. Сәрсенбаев). – Эй мальчик, чем вертеться попусту, иди сюда, поработай!

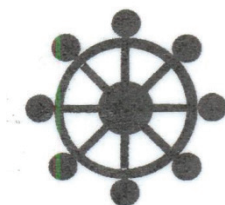
2. Сравнительно-противопоставительный безличный оборот с формой **-мақ түгіл** (изредка **-мақ тұрсын**, в говорах казахов Семиречья **-мақ тұрмақ**, в говорах казахов Алтая¹⁵ **-мақ тұрғай, -мақ тұрғой**) образуется от имени действия, инфинитива при помощи служебного слова. **Сені еркелетпек түгіл**, өз басын көтере алмай жатыр (Б. Майлин). – Он не то что бы тебя ласкать, сам не может поднять голову. **Сен мұны айтпақ түгіл**, маңайлай да алмайсың (С. Мұқанов). – Ты не то что сказать

¹⁵ Болатов Ж. Шығыс Қазақстан облысы Большенарым селолық ауданында тұратын қазақтар тіліндегі жергілікті ерекшеліктер туралы // «Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері», 5-шығы. – Алматы, 1963. – С. 201.

ему это, даже подойти (к нему) не сможешь. **Өзің білмейтін тұлға, тақырып туралы айтпақ түгіл**, жазбақ түгіл, тіс жаруға болмайды («Алматы ақшамы», 30.07.2011). – О личности и теме, которую не знаешь, не то, чтобы говорить и писать, даже упоминать нельзя. Жабайы түйе тым сақ. Күзетте тұрған бура көзі шалды дегенше **жанына жақындатпақ тұрсын**, олар шаңын да көрсетпей кетеді («Лениншіл жас», 15.01.1967). – Дикие верблюды очень осторожны. Стоит только стерегущему верблюду-самцу заметить (человека), как они не то чтобы подпустить к себе поближе, тут же бесследно исчезают.

III

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О ГАГАУЗАХ В КАЗАХСТАНЕ И ИХ ЯЗЫКЕ

Вопросы изучения языка и этногенеза гагаузов, упомянутых впервые академиком П.И. Кеппеном (1854 г.) под названием «болгары из Добруджи, говорящие по-турецки», в конце XIX – начале XX веков привлекали большое внимание русских востоковедов В.А. Мошкова и академика В.В. Радлова, болгарских ученых проф. К. Иречека, Г. Занетова, профессора Л. Милетича, Д.Г. Гаджанова и др. Позже историей и филологией гагаузов плодотворно занимались крупные советские ученые акад. Л.Б. Берг, акад. Н.С. Державин, чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриев, польский востоковед Т. Ковальский и др.

В последнее десятилетие написано несколько кандидатских диссертаций по конкретным вопросам языка и фольклора гагаузов Молдавии (Б.Г. Гафаров, Л.А. Покровская, Т.Г. Калякина-Каледина). В Кишиневе и Москве ведется работа по созданию нормативной и научной грамматики гагаузского языка. Благодаря неуклонному проведению ленинской национальной политики, гагаузы Молдавии в 1957 году получили письменность (на основе русской графики), установлены основные принципы орфографии гагаузского языка¹, в школах начато обучение на родном языке, на гагаузском языке издается газета, вышел первый литературный сборник².

Гагаузы в пределах СССР живут главным образом на юге Молдавской ССР (96 тысяч из общего числа 124 тысяч гагаузов, отмеченных в СССР по Всесоюзной переписи населения 1959 года)³, а также в Одесской и Запорожской областях Украинской ССР, на Северном Кавказе и в Казахстане. Гагаузы есть также в Румынской и Болгарской республиках.

Известно, что часть гагаузов переселилась на территорию Бессарабии (нынешней Южной Молдавии) из Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в конце XVIII – начале XIX вв., особенно после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Постепенно поселения гагаузов продвигались в южные районы Украины, в Крым, на Кавказ. После столыпинской

¹ Правила орфографии гагаузского языка. Составители: Танасоглу Д.Н. и Покровская Л.А. –Кишинев, Молдавгиз, 1958.

² Буджактан сесләр. Литература йазылары. Хазырлайан: Дионис Танасоглу. – Молдавгиз, Кишинев, 1959.

³ «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», № 29 (13265), 4 февраля 1960 г. – С. 1-2

реформы в 1908-1914 гг. часть колонистов гагаузов была поселена царским правительством в Казахстане. По Всесоюзной переписи 1926 г. на территории Казахстана было зарегистрировано 830 гагаузов⁴.

В настоящее время на территории Казахстана гагаузы проживают группами по несколько десятков человек, в основном в Семипалатинской области (в селах Кокпекты, Романовка, Прохладное, Ивановка, Буконь Кокпектинского района, в селе Георгиевка Жарминского района, в Чарском, Аксуатском, Аягузском, Урджарском районах), а также местами и в Актюбинской, Целиноградской, Кустанайской, Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях. Отдельные гагаузские семьи живут и в других областях Казахстана, а также в Ташкентской области Узбекистана.

До последнего времени казахстанские гагаузы не привлекали к себе внимания исследователей. Почин в изучении особенностей языка гагаузов, более полувека живущих в гуще казахского населения, сделан профессором С.А. Аманжоловым и Г.К. Калиевым. Летом 1955 и 1956 гг. они побывали в местах населения гагаузов в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской и Кокпектинском районе Семипалатинской областей, где собрали сведения о казахстанских гагаузах, записали несколько десятков гагаузских слов и сказку «Ашык-Гариб».

Летом 1959 г. нам довелось съездить на полтора месяца в Кокпектинский и Жарминский районы Семипалатинской области с целью изучения языка казахстанских гагаузов. Выяснилось, что здесь проживает около 400 гагаузов (главным образом в Кокпектинском районе), являющихся в основном выходцами или потомками выходцев из сел Вулканешты, Этулия, Гаваносы, Чешмекей и др. бывшей Бессарабской губернии. По национальности они пишутся в документах болгарами, но наряду с этим называют себя гагаузами и гаджалами (язык же свой называют турецким или тюркским – түрк дили). Быт, нравы и образ жизни у них близки к болгарам. В Кокпектинском районе основное занятие гагаузов – земледелие и скотоводство, они в основном являются членами колхоза им. Буденного. Религия у гагаузов православная, с заметными следами влияния ислама, например, в некоторых названиях обрядов и их отправлении (Курбан байрам, Ораза байрам). В домах держат иконы. Сами гагаузы считают себя по происхождению болгарами. Язык свой (болгарский или туканский) они забыли, т.к. под игом турецких феодалов им запрещалось говорить на ином языке, кроме турецкого. Слово «гагауз», согласно народной этимологии они считают прозвищем, данным им турками и означающим: а) гаганы тут уз – «держи клюв прямо» – так говорили турки, когда били болгар по лицу (с. Кокпекты, сообщил И.И. Карагяуров, 55 лет, уроженец с. Вулканешты); б) гага уз – «клюв прямой» – так называли болгар, говорящих по-турецки, в отличие от горбоносых турок (с. Романовка, сообщила Н.А. Пантелеева, 56 лет, уроженка с. Вулканешты).

⁴ Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // «Советская энциклопедия», № 1, 1937. – С. 81.

Славяноязычных болгар сами гагаузы называют туканами (по-болгарски ила тука – «иди сюда»). Гагаузы сильно перемешались с «туканами». В Семипалатинской области очень распространены браки между гагаузами, с одной стороны, и болгарами, украинцами, русскими, немцами – с другой.

Большинство гагаузов неплохо владеет казахским языком, на котором они разговаривают с местным казахским населением. Гагаузская молодежь в Казахстане учится на русском языке и свободно им владеет. Среди гагаузских стариков и старух лица, не знающие никакого другого языка, кроме гагаузского, встречаются редко. Некоторые гагаузы говорят, кроме своего языка, также и по-болгарски.

Фамилии у гагаузов в основном болгарские, славянские (Добрев, Крецов, Радышев, Замфилов), иногда тюрко-славянские (Карагяуров, Кирезлиев, Узунов, Кивиоглов), иногда тюркские (Долапчы, Кысаджык, Пулукчу). Многие гагаузы, наряду с христианской фамилией, имеют тюркские прозвища (сокак лаабы), которыми зовут друг друга.

Вопрос о происхождении гагаузов и их языка остается пока нерешенным, среди самих гагаузов распространена версия о том, что гагаузы – это отуреченные болгары, усвоившие навязанный им турецкий язык и позабывшие свой славянский язык, но сохранившие прославную веру. Эта гипотеза, которой придерживаются некоторые болгарские и советские исследователи⁵, была подвергнута серьезной критике еще В.А. Мошковым. Отмечая большую устойчивость языка, он писал, что турки, будучи в меньшинстве и не обладая более высоким культурным развитием по сравнению с покоренными балканскими народами, не могли навязать болгарам свой язык и что даже имевшее место «отуречение» некоторой части болгар и сербов «состояло главным образом в том, что они приняли от турок ислам; что же касается языка и других национальных особенностей, то все это у них сохранилось прежнее»⁶.

Большинство исследователей считает, что гагаузы по происхождению представляют собой остаток средневекового тюркоязычного народа, принявшего христианство. Болгарский ученый проф. К. Иречек в конце прошлого века выдвинул гипотезу о том, что гагаузы – потомки куманов и половцев, переселившихся в Болгарию из южной России после 1241 года⁷. В.А. Мошков (как и В.В. Радлов) полагает, что гагаузы – потомки одной из ветвей огузов (уз < огуз). Опираясь на исследование П. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия

⁵ Мерещук И.И. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-х гг. XIX столетия. «Ученые записки Кишиневского университета». Т. III, 1950. – С. 73-87; С.А. Токарев. Этнография народов СССР. – М.: Изд. МГУ, 1958. – С. 204: «Очень вероятно, в частности, что «болгарские гагаузы» – это как раз тюркизированные болгары».

⁶ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. «Этнографическое обозрение». – М., 1900, № 1, кн. XLIV. – С. 9.

⁷ Иречек К. История болгар. – Одесса, 1878.

татар» (Киев, 1884), В.А. Мошков считает гагаузов потомками узов или торков, уже в XI–XII веках принявших православие от русского народа, и вместе с остатками печенегов, берендеев и других тюркских племен, известных в русских летописях под именем «черных клобуков», вероятно, за черные шапки, которые они носили⁸. Болгарский историк К. Шкорпил высказал гипотезу, согласно которой гагаузы и гаджалы, или делиорманские турки Северо-Восточной Болгарии, одного и того же происхождения и являются потомками кочевых аспаруховых болгар (праболгар), осевших в VII веке в долине Дуная⁹.

Язык гагауз некоторые ученые (Д.Г. Гаджанов, Г. Занетов, Т. Ковальский, И.С. Иванов) характеризовали в основном как один из говоров современного разговорного турецкого языка. Проф. К. Иречек также отмечал, что язык гагаузов не отличается от обычного османского языка, и только некоторые формы у него ближе к татарскому языку¹⁰.

Проф. Н.К. Дмитриев, отмечая ряд существенных особенностей фонетики и грамматического строя гагаузского языка, писал: «Эти принципиальные сдвиги, в результате которых гагаузский язык занял совершенно особое место среди тюркских языков, не позволяют нам согласиться с точкой зрения тех, кто пытается объединить гагаузский язык с турецкими говорами Дели-Ормана и другими турецкими говорами Болгарии в одно общее понятие «дунайского-турецкого языка». Более плодотворным представляется нам то соображение, что гагаузский язык, по материалам Мошкова, должен быть охарактеризован, как типичный крестьянский говор (ср. особенно лексику и фольклор) в противоположность урбанизованному литературному языку Турции»¹¹.

В числе специфических особенностей гагаузского языка, по сравнению с близкородственным турецким языком, отмечаются следующие:

1) гласный **э** в безударном положении обычно переходит в **е**: **бэн** (я) – **бени** – меня, **гежэ** – ночь, **гежелэр** – ночи и др. Следует, однако, оговориться, что это явление, широко представленное в чадырлунгском и комратском говорах, почти не наблюдается в вулканештском говоре гагаузского языка (а также в говоре казахстанских гагаузов);

2) сочетания **нл, мл** переходят в **нн**: **оланнар** – юноши, **инсаннан** – с людьми, **адамнан** – с человеком, **аннады** – понял;

3) гласные переднего ряда **е, и, ө, ү, э** в начале слова иногда произносятся как йотированные: **йев** – дом, **йөрдек** – утка, **йүст** – верх;

⁸ Мошков В.А., указ. Статья. – С. 12-13.

⁹ См.: Державин Н.С. указ. Статья. – С. 80-87.

¹⁰ Иречек К. Княжество България. Часть II. Пътувания по България. – Пловдив, 1899.

¹¹ Дмитриев Н.К. Гагаузские этюды // «Ученые записки ЛГУ», № 20, серия филологических наук, вып. 1, 1939. – С. 3-4.

4) гласные **ө, о** в 1-м слогѣ произносятся обычно как дифтонг **уо, үө** (**уон** – десять, **уонун** – его, **сүөүледи** – он говорил);

5) наличие нескольких форм настоящего времени, которые дифференцируются по говорам: **-(а)йор, -ыйр, -ийр, -эр, -йар, -ый, -ий**. В качестве литературной нормы гагаузского языка в Молдавии принята форма **-эр (алэр – берет, ойнээр – играет, гөрер – видит)**;

6) наличие грамматического женского рода с аффиксом **-ка, -йка**, заимствованного из славянских языков: врачка – женщина-врач, чин-генейка – цыганка, болгарийка – болгарка, чорбажыйка – хозяйка;

7) наличие послелога **(й)лан, (й)лэн, (й)нан, (й)нэн** (в турецком литературном языке **ile, -la, -le**): **алмайлан** – с яблоком, **екмеклэн** – с хлебом, **чобаннан** – с пастухом, **чизменнэн** – с моим сапогом, **оннар чыктыйнан** – как только они вышли;

8) тюркский порядок слов в предложении под влиянием славянских языков нарушился, а относительная свобода порядка слов, широкое употребление инверсии в гагаузском языке используется и как стилистическое средство;

9) в сложных предложениях преобладают личные формы глагола – сказуемого;

10) широкое употребление союзов славянского происхождения **(а, но, да, и)** в сложносочиненных предложениях;

11) значительные напластования из лексики славянских языков (например, бабу – бабушка, старуха, дэду – дед, старик, маму – мать, деверь – дружка, талига – телега, кырчма – корчма, мера – делянка, чобатар – сапожник, пулук – плуг и др.).

Во время пребывания среди гагаузов в селах Кокпектинского и Жарминского районов Семипалатинской области (1959 г.) нами записывались гагаузские слова по разнообразной тематике, было записано из уст рассказчиков-гагаузов некоторое количество фольклорного материала – более тридцати сказок (масаллар: Ашык-Гариб, Көроглу, Дүннэ гүзэли, Барбакот, Каплум буба, Араб кызы, Денгибоз, Зенгин Марко, Биберко, Бужор, Тепегөз, Семиренко, Безедия, Махмуд и др.), пятьдесят песен (түркү), много припевок или частушек (маане), загадок (билмейже), пословиц (сөлейш), а также несколько рассказов о современной жизни.

В языке этих сказок и рассказов наблюдаются некоторые особенности (дополнительно к перечисленным выше), которые вызваны, по-видимому, диалектными различиями в самом гагаузском языке. Таковы, например: 1) преимущественное употребление формы настоящего времени на **-ый** вместо **-эр (алый** вместо **алэр** – он берет, **бекый** вместо **беклеер** – он ждет), 2) употребление в речи отдельных гагаузов формы настоящего времени на **-ыйр, -ийр, (чыкыйр** – выходит, **анныйр** – понимает, **гелийр** – приходит); 3) переход звука **х** в **ф**, очевидно, под влиянием говоров славянских языков, где **х** и **хв** произносятся как **ф**, и наоборот (**фороз** вместо **хороз** – петух, **фору** вместо **хору** – хоровод, **тафта** вместо **тахта** – доска);

4) частичное нарушение сингармонизма в аффиксе множественного числа в глагольных временных формах (**гидийлар** – они уходят, **үренийлар** – они учатся, **гелмишлар** – они пришли); 5) спорадическое исчезновение звука **р** в аффиксе множественности (**терзилэ** вместо **терзилэр** – портные, **отурийла** вместо **отурийлар** – они сидят, **верийла** вместо **верийлар** – они дают); 6) употребление формы долженствовательного наклонения 1 л. множественного числа на **-малык** (**калмалык** – нам следует остаться, **алмалык** – нам следует взять), ср. употребление формы **malıyız** в турецком языке; 7) употребление в некоторых случаях отрицательной формы **-мер** причастия настоящего-будущего времени, вместо ожидаемой формы **-мез**, что сближает гагаузский язык с языками туркменским и чувашским.

Известное сильное влияние славянских языков на лексику, фонетику и грамматику языка целиком наблюдается и в речи казахстанских гагаузов. Наряду с этим, в речи отдельных гагаузов в Кокпектинском районе Семипалатинской области наблюдается чередование звуков **ч** и **ш** (**ашан** вместо **ачан** – когда, **кашты** вместо **качты** – он убежал, **ишти** вместо **ичти** – он выпил, **гешти** вместо **гечти** – он переправился), что связано, возможно, с влиянием казахского языка.

Дальнейшее изучение говора казахстанских гагаузов, который по своим чертам в основном смыкается с вулканештским говором гагаузского языка, дает интересный материал по ряду вопросов, имеющих отношение и к другим тюркским языкам, например, по вопросу об устойчивости грамматического строя языка и степени влияния иноязычного окружения (неродственного и родственного по языку).

KAZAKİSTANDAKİ GAGAUZLAR VEYA HAKİKİ BULGARLAR HAKKINDA

İlk defa P.İ. Keppen (1) tarafından Dobruçalı Türkçe konuşan Bulgarlar diye zikredilen Gagauzların dılı ve menşei meselesine 19. asrın sonları ve 20. asrın başında Rus bilgini V.A. Moşkov, meşhur Türkolog V.V. Radloff, Bulgar bilginleri K. İrecek, G. Zanetov, L. Miletic, D.G. Gagjanov v.b. dikkatleri çektiler. Sonradan Gagauzlar üzerinde daha geniş olarak L.B. Berg, N.S. Derjavin, N.K. Dmitriyev, T. Kowalskiy, L.A. Pokrovskaya, Zajaczkowski, V. Drimba v.b. çalıştılar.

Gagauzların bir kısmı Bessarabiya (şimdiki Güney Moldavya) toprağına 18. asrın sonu ve 19. asrın başlarında, özellikle 1828-1829 yıllarındaki Rus-Türk savaşından sonra Dobruca ve kuzey-doğı Bulgaristan'dan gelip yerleşmişlerdir. Yavaş yavaş Kırım, Kafkas ve Ukrayna'nın güney bölgelerine de yerleşmeye başlamışlardır. Çarlık Rusya başbakanı Stolipin'in yaptığı reformdan sonra 1908-1914 yıllarında Gagauzların bir kısmı Çarlık hükümet tarafından Kazakistan'a yerleştirildi. 1926 yılında yapılan sayımda Kazakistan'da 830 Gagauz olduğu tesbit edildi (2).

Günümüzde Gagauzlar Kazakistan'ın daha çok Semipalatinsk bölgesinde (Kökpekti ilçesinin Romanovka, Prohladnoye, İvanovka, Böken, Kökpekti bölgelerinde, Jarma ilçesinin Georgiyevka köyünde, Urjar, Çar, Aksuat, Ayagöz ilçelerinde) ve Aktöbe, Akmola, Kostanay, Doğı Kazakistan ve Pavlodar bölgelerinin bazı yerlerinde, bir kısım Gagauz aileleri de Kazakistan'ın diğer bölgesinde yaşıyorlar.

1959 yılının yazında Kazakistan Gagauzların dilini incelemek amacıyla Semipalatinsk bölgesinin Kökpekti ve Jarma ilçelerine gittim. Orada bir buçuk ay kaldım. Gagauzlar üzerine iki makale yayımladım (3). Şuralarda (esasen Kökpekti ilçesinde) eski Bessarabiya'nın Vulkanesti, Etulya, Gavanosi, Çeşmeköy v.b. köylerinden gelenler ve onların soyuna mensup 400 civarında Gagauz oturuyor. Nüfuz cüzdanlarında milliyetleri Bulgar olarak belirtilmesine rağmen kendilerini Gagauz veya Gacal da denir. Gagauzlar kendi ana dillerinin Türk dili olduğunu söylüyorlar. Onların hayat tarzı ve gelenekleri İslav Bulgarlarınıninkine yakındır. Kökpekti ilçesinde Gagauzların esas işleri çiftlik ve hayvancılıktır. Dinleri Hristiyanlığın Ortodoks mezhebidir. Evlerinde ikonaları bulunmasına rağmen Kurban Bayramı gibi İslami bayramları da kutluyor, tıpkı bir müslüman gibi bu bayramda kurban kesiyorlar.

Gagauzlar kendilerinin Bulgar soyundan geldiğine inanıyorlar. Osmanlı hakimiyeti altında kendi ana dilleri olan Bulgarcaı unuttuklarını belirterek

şöyle diyorlar: “Dilimizi verdik ama dinimizi vermedik”. Halk etimolojisine göre Gagauz ismi Osmanlılar tarafından verilmiş takma isimdir. Bunu şöyle açıklıyorlar: “Osmanlılar Bulgarları vururken ‘gaganı tut uz!’ (gaganı düz tut) derlermiş. ‘Gagauz’ da buradan gelmiş. İkinci bir aşıkلامaya göre de Bulgaristan’da yaşayan bu Türklerin burunları Anadolu’da yaşayanlara göre daha düz bir şekilde olduğu için bunlara ‘Gagauz’ (düz gaga) adını vermişler”.

İslavca konuşan Bulgarlara ise Gagauzlar ‘Tukan’ diyor ve ‘Bulgar’ın asıl kendi adları olduğunu savunuyorlar. İslav-Tukanlarla çok karışmış olan Gagauzların bazıları İslav Bulgarcasını çok iyi bilitirler. Bunun yanında hepsi Kazakçayı da çok iyi konuşuyorlar.

Kazakistan’da yaşayan Gagauzların soyadları bazan slav Bulgarcası (Dobrev, Kretsov, Radişev, Zamirov), bazan Türkçe Bulgarca karışımı (Karagiaurov, Kirezliyev, Uzunov, Kivioğlu), bazan da tamamen Türkçedir (Dolapçı, Kısacık, Pulukçu). Ama çocuğun adı ne olursa olsun mutlaka Türkçe bir lakabı (takma adı) vardır.

Gagauzların dili ve menşei hakkındaki meseleler hala çözülmemiştir. Gagauzlar arasında bu kendi dilleri olan İslavcanın zorla unutturulup kendilerine Türkçe öğretildiği şeklinde bir kanaat yaygındır. Onlar kendilerini Ortodoksluğu muhafaza eden Türkleşmiş Bulgarlar olarak kabul ediyorlar. Bazı Bulgar ve Sovyet araştırmacılarında savundukları bu görüşe (4) V.A. Moşkov çok önceden delilleriyle birlikte karşı çıkmıştı. Bu araştırmacı dilin büyük durgunluğunu belirterek: “Türkler az sayıda olarak Bulgarlara kendi dillerini zorla öğretemezlerdi, Bulgar ve Sırpların Türkleşmesi dedikleri ise, onların Türklerden ayrıca İslamiyeti kabul etmeleridir; dili ve başka milli özellikleri ise onlarda eskiden saklamışlardır” (5) diye yazdı. Gerçekten dil, milleti belirleyen en temel ve sağlam unsurdur.

Araştırmacıların bir çoğu Gagauzların Hristiyanlığı kabuleden Türk dilli halkların bir kısmı diye sayıyorlar. Bulgar bilgini K. İreçek (6) geçen asrın sonunda Gagauzları Güney Rusya’dan Bulgaristan’a 1241 yılından sonra gelip yerleşen Kuman veya Kıpçakların torunlarıdır, diye savundu. V.A. Moşkov (7) Gagauzları Rusların baskısıyla XI-XII asırlarda Ortodoksluğu kabul eden Oğuzların (Uz < Oğuz) bir boyu sayıyor.

Bulgar tarihçisi K. Şkorpil Gagauzlar ve Gacalları ya da kuzey-doğu Bulgaristan’ın Deliorman Türkleri bir soydandır ve VII. asırda Tuna boyunda yerleşen göçmen Asparuh Bulgarların (Proto-Bulgar Türkleri) nesilleridir, diye hipotez sundu (8).

Gagauzların dilini bazı bilginler (D.G. Gadjanov, G. Zanetov, T. Kowalski, İ.S. İvanov) çağdaş Türk konuşma dilinin bir ağızı diyorlar. K. İreçek, Gagauzların dilinin Osmanlı Türkçesinden hiç farklı olmadığını, sadece bazı formlarının Tatar diline yakın olduğunu belirtir (9).

N.K. Dmitriyev Gagauz dilinin bazı fonetik ve gramer özelliklerini öne sürerek şöyle yazdı: “Gagauz dili Türk dilleri içerisinde özel yer aldığını belirten bu prensip gelişmelerden dolayı biz Gagauz dilini Deliorman Türk ağızı ve başka da Bulgaristan’ın Türk ağızları ile birlikte ‘Tuna Türk dili’ diye adlandıranlarla aynı düşünmüyoruz. Kanaatimizce Moşkov’un

malzemelerine göre Gagauz dili tipik köylü şivesidir (Özellikle kelime hazinesi ve folklor bakımından) ve bu şive Türkiye'nin şehirde gelişen edebi diline karşılık oluşmuştur (10)".

Gagauz dilinin (Bulgar Türkçesinin) husus özellikleri aşağıdakilerdir:

1. aa, ee, oo, öö, üü, ıı, ii gibi uzun ünlüler var. onların türk diline benzeyen birkaç oluşum yolları vardır.

a) iki ünlü ve inlilerin ortasında gelen ünsüz g (bazan v, h, y ses gurupları iki uzun ünlü olur: aaç < ağaç, alacaam < alacağım, gitmee < gitmeye, ool < oğul, büün < bugün, diil < değil);

b) ünlüden sonra gelen g (bazan v, h, y) kendilerinden önce gelen ünlü etkisiyle kendini kaybeder ve o ünlü çiftleşir: yaamur < yağmur, aalamaa < ağlamaya, zaamet < zahmet, sabaa < sabah, üüsüz < öğsüz, üürendi < öğrendi...;

2. birleşik nl, ml, çift nn ile değişir: oolannar < oğlanlar, ünsannan < insanla, adamnan < adamlar, annadı < anladı;

3. dil önünlüleri i, ö, ü, e kelime başında "y" ile söylenir: yev < ev, yördek < ördek, yüst < üst ...;

4. ünlü o, ö kelimenin ilk hecesindeyken diftong gibi söylenir: uo, üö (uon < on, uonun < onun, süöyledi < söyledi);

5. şimdiki zaman ekleri ağızlara göre değişir: (a)yor:yır/yir; ar. yar; ıy/iy. moldoviya'da edebi dil formu olarak -ar eki kullanır: alar < alıyor, oynaar < oynuyor, görer < görüyor;

6. -ka, -yka ekli cins ayrım göstergesi vardır (dişi cins). bu islav dillerinden alınmış bir gramer kategorisidir: vraçka < kadın doktor, çorbacıyka < ev sahibi kadın;

7. -(y)lan, -(y)lan; -(y)nan, -(y)nan bağlaçları vardır (türk dilinde ile, -la, -le): ekmeklan < ekmekle, çobannan < çobanla, çizmemnän < çizmemle, onnar çıktıynan < onların çıkışıyla;

8. islav dillerinin etkisiyle cümledeki kelimelerin yerleri değişmiştir. bundan dolayı cümlede kelime tertibi özgürlüğü geniş ölçüde kaybolmuştur;

9. karışık cümlelerde genelde fiil nesnelerin şahıs forumları oluşturur;

10. karmaşık cümlelerde islavi dillerden giren *a, no, da, i* bağlaçları kullanılır;

11. islav dillerinin kelimeleri gagauz dilinde çok yaygın olarak kullanılır: babu < büyük anne, dădu < büyük baba, mamu < anne, dever' < güvey yoldaşı, taliga < araba, puluk, çobatar < ayakkabıcı, kırçma < otel...

Semipalatinsk bölgesinin Kökpekti ve Jarma mıntıklarında Gagauzlar arasında bulunduğumuz sırada çeşitli konuda Gagauz kelimeleri ve 30'dan fazla efsane masalları (Aşık Garip, Köröğlu, Dünna güzali, Barbakot, Kaplum buba, Arab Kızı, Dengiboz, Zengin Marko, Biberko, Bucor, Tepegöz, Semirenko, Bezediya, Mahmud v.b.).

50 civarında türkü, mani bilmece, atasözleri ve çağdaş hayata bağlı birkaç hikayeyi yazıp aldık. Yukarıda söylediklerimiz dil özelliklerinden başka bu yazıp aldığımız eserlerde de bazı özellikler gözükür. Onlar Gagauz dilinin ağızlara göre değişmesi olarak görülebilir:

1. Şimdiki zaman eki -ar yerine -ıy gelir: alıy - alar "alıyor", beklıy - bekler "bekliyor".

2. Bazan konuşma dilinde şimdiki zaman eki ar yerine ıyr, ıyr gelir: çıkıyr “çıkıyor”, annıyr “anlıyor”, geliyr “geliyor”.

3. h ünsüzü yerine f gelir. Bu İslav dilinin etkisini gösterir: horoz yerine foroz, horu yerine foro, tahta yerine tafta.

4. Zaman ekini alan çokluk şeklinde fiillerinde ünlü uyumu bozulur: gidiylar “gidiyorlar”, üüreniylar “öğreniyorlar”, gelmişlar “gelmişler”.

5. Çokluk ekinin son harfi r kaybolur: terzila “terziler”, oturiyla “oturuyorlar”, veriyla “veriyorlar”.

İslav dillerinin Gagauz dilinin kelime hazinesi fonetiği ve gramerine büyük etkisi Kazakistanlı Gagauzların dilinde de görülür.

Buna göre, Gagauzların, Bulgar Türklerinin torunları olduğunu ve dillerinin de Bulgar Türkçesinin 15-18. yüzyıllarda meydana gelen tarihi değişimlerin sonucunda, Osmanlı Türkçesi ile yoğun biçimde yakınlaşarak Oğuz grubunun bir lehçesi haline geldiği kanaatine varıyoruz.

KAYNAKLAR:

1. *Keppen P.I.*, Hronologiçeskiy ukazatel materialov dlya istorii inorodtsev Evropeyskoy Rossii. Spb., 1861, s. 62.

2. *Derjavin N.S.*, O naimenovanii i etniçeskoy prinadlejnosti gagauzov. “Sovetskaya etnografiya” N. 1, 1937, s. 81.

3. *Meşçeryuk İ.İ.*, Bolgarskie i gagauzskie poseleniya Bessarabii v 20-h gg. XIX stoletiya. “Uçenie zapiski Kişinevskogo universiteta”, t.III, 1950, s. 73-87; Tokarev S.A., Etnografiya narodov SSSR. Moskova, 1958, s. 204; Boev E., N’akoi yazıkovi osobennosti na çast ot islamiziranite bulgari. “Problemi na razvijeto na bulgarskata narodnost i naziya”, Sofya, 1988, s.144-182.

4. *Moşkov V.A.*, Gagauzı Benderskogo uezda. Etnografiçeskie oçerki i materialı. “Etnografiçeskoe obozrenie” Moskova, 1900, N 1, XLIV, s. 9.

5. İrecek K., İstoriya bolgar, Odessa, 1878.

6. *Moşkov V.A.*, Gagauzı Benderskogo uezda, s. 12-13.

7. *Derjavin N.S.*, O naimenovanii i etniçeskoy prinadlejnosti gagauzov, s. 80-87.

8. İrecek K., Knyajestvo Bulgariya, çast II, Putuvaniya po Bulgarii. Provdiv, 1899.

9. *Dmitriev N.K.*, Gagauzskie etyudi. “Uçenie zapiski LGU”, N.20, seriya filologiçeskih nauk, vip.1, 1939, s. 3-4.

10. *Amanjolov A.S.*, O gagauzah v Kazahstane i ih yazıke. “Problemi tyurkologii i istorii vostokovedeniya”, İzd. Kazaknskogo universiteta, Kazan, 1964, s. 256-265; Amanjolov A.S., Semey oblısında turatın gaguzlardan jazılıp alıngan folklor teksteri. “Kazak dialektologiyası”, I-şıǵıwı, Almatı, 1965, s. 234-246.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

Исследования А.Г. Бишева¹ отличаются прежде всего аналитической направленностью и глубиной теоретических положений, вытекающих из обширного материала убедительных фактов современных тюркских языков (в особенности, якутского, туркменского и чувашского).

Учитывая непрерывный процесс развития и взаимообусловленности языковых фактов, автор рассматривает так называемые «первичные» долгие гласные как неразрывное звено развития фонетики тюркских языков. Не вызывает возражений утверждение: «Подход к «первичным» долгим гласным как к явлению обособленному и изначальному может привести лишь к ложному историзму, а в конечном счете к застою исторической мысли» (с. 5).

Точка зрения В.В. Радлова, В. Гренбека и др. об отсутствии изначальных («первичных») долгих гласных в тюркских языках получила в данной книге развернутое обоснование и дальнейшее развитие.

В книге подробно рассматривается история вопроса, дается анализ работ отечественных и зарубежных тюркологов о «первичных» долгих гласных. Поскольку же этот узловый вопрос неразрывно связан с древним вокализмом и консонантизмом, автор рассматривает многие спорные вопросы исторической фонетики тюркских языков. Складывается мнение, что по существу данная работа могла быть названа «Некоторые проблемы исторической фонетики тюркских языков».

Приведенный в книге реестр слов с долгими гласными в тюркских языках (несколько сот слов) является скрупулезно собранным ценным материалом для исследования проблемы.

Наиболее очевидные материалы по долготам дают современные тюркские языки. В древнетюркских памятниках рунического, манихейского, уйгурского и арабского письма, как правильно отметил автор, обозначение «первичных» долгих гласных вызывает серьезные сомнения. Даже материалы словаря Махмуда Кашгарского

¹ Бишев А.Г. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. – Уфа, 1963; Бишев А.Г. Соответствие -р/-з в алтайских языках. – «Исследования по уйгурскому языку». – Алма-Ата, 1964. – С. 192-205.

требуют осторожности, например, в написании بىر и بىر бир «один», ئى и ئى эд «ткань» и др. могли отразиться не долготы, как считает автор (с. 59), а разные варианты одной и той же фонемы **и, а, э...**

Основной вывод автора о том, что так называемые «первичные» долготы с протетическим звуком -й-) образовались в общетюркскую эпоху, а вторичные долготы (со звуком *-д- > -й-) образовались в сравнительно более новое время и свойственны не всем тюркским языкам, вполне убедителен (с. 66).

Однако отнюдь не доказанным остается другой важный вывод автора о том, что соответствие $p \sim z$ имеет место только в именных аффиксах (с. 79, см. также его статью).

В статье А.Г. Бишева о явлении ротацизма в алтайских языках ставятся весьма актуальные вопросы исторической фонетики тюрко-монгольских (алтайских) языков – о происхождении чередования $p//z$ в этих языках.

Автор привлек обширный языковой материал, подробно изложил историю вопроса, проявил хорошую осведомленность в научной литературе (как отечественной, так и зарубежной) по данному вопросу. В этой статье предложена новая, оригинальная трактовка общепризнанных традиционных взглядов на случаи ротацизма в тюркских языках. К сожалению, смело отвергая некоторые мнения как ошибочные, автор не привел веских доводов против них. Вряд ли, например, можно согласиться с заявлением, что в формах причастия будущего времени -ар и -маз нет чередования $p//z$. Ведь и в туркменском, и в гагаузском языке (отдельных говорах) употребляется отрицательная форма причастия настоящего-будущего времени -мар < -ма+р.

Автор статьи утверждает, что «в глагольных основах нет соответствия $p//z$, а есть два самостоятельных глагольных аффикса -р и -з» (с. 198). Отрицая общеизвестные случаи ротацизма в глагольных залогообразующих аффиксах -қыр/-қыз, -тур/-туз и др., автор почему-то не счел нужным обосновать свое особое мнение.

Самостоятельную ценность в рассмотренной книге представляет анализ системы чувашских гласных первого слога и «первичных» долгих гласных в чувашском языке. Наряду с большими отклонениями от общетюркской системы гласных, в чувашском языке автор прослеживает фонетические закономерности, общие с башкирским и татарским языками, частично с казахским и хакасским языками (ослабление артикуляции гласных и, о, у, например, графически: башк. о = казах. ұ = чуваш. ә).

В целом рассмотренные исследования А.Г. Бишева представляют большой научно-познавательный интерес и являются серьезным вкладом в историческую фонетику тюркских языков.

К СТАНОВЛЕНИЮ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Одной из сложных остается проблема разграничения именных частей речи в тюркских языках. Имя существительное и имя прилагательное, обозначая предметность или признак предмета, образуют свои парадигмы (системы словоформ) и тем самым противопоставляются друг другу. Грамматико-категориальный признак для разграничения именных частей речи в тюркских языках выступает как ведущий. Отсюда следует, что имя существительное и имя прилагательное в тюркских языках должны рассматриваться прежде всего в функционально-грамматическом плане.

В тюркских грамматиках нередко функциональная форма одной части речи относится к другой части речи. Например, факты казахского языка – форма сравнения на -дай, форма обладания на -лы и форма не-обладания (лишительности) на -сыз. Эти субстантивные, по существу, формы в казахских грамматиках обычно безоговорочно принимаются за адъективные. Однако в современном казахском языке перечисленные образования зачастую не становятся новыми лексическими единицами – именами прилагательными, а сохраняют категориальные признаки имен существительных. Например: *“К-700” тракторындай үлкен* «большой, как трактор “К-700”»; *ананың сүтіндей таза* «чистый, как молоко матери»; *төрт балалы ана* «мать, имеющая четверых детей»; *төртінші разрядты сылақшы* «штукатур четвертого разряда»; *Жиналыс комбинат басшыларыңсыз басталды* «Собрание началось без руководителей комбината»; *Айша сиыр сүтінсіз шай ішпейді* «Айша не пьет чай без коровьего молока».

Недаром П.М. Мелиоранский считал форму на -дай сравнительным падежом имени существительного. По-видимому, имени существительному в тюркских языках свойственна также категория обладания-необладания, которая выражается посредством аффиксов -лы и -сыз. Следовательно, аффиксы типа перечисленных могут выступать в двух различных функциях – словоизменительной и словообразовательной. Таким образом, выявляется возможность разграничить парадигмы имен существительных и производные имена прилагательные.

В тюркских языках, как известно, широко представлена омонимия глагольных и именных основ (например, омонимы в словаре Махмуда Кашгарского *қа-* «складывать, класть вместе, класть по порядку»

и *қа* «сосуд, посуда», *қол* «просить, добиваться, вымаливать» и *қол* «рука», *бүк* «прогнуться, сгибаться» и *бүк* «угол»). Некоторыми исследователями (Э.В. Севортян и др.) сделана попытка представить это загадочное явление не как формальное совпадение словоформ имени и глагола, а как реальное проявление синкретизма (функционального объединения) первичных, следовательно, гипотетически восстанавливаемых корней. Данная проблема может решаться по-разному в зависимости от понимания грамматического значения слова (например, значение предмета или значение процесса), от понимания грамматических категорий имени и глагола.

В тюркских языках с глубокой древности существует противопоставление глагола и имени (лексический уровень), противопоставление залоговых аффиксов и аффиксов отыменного глаголообразования. Реальные факты не подтверждают идею первоначального лексико-грамматического синкретизма омонимичных форм глагола и имени в тюркских языках.

КАЗАХСКО-РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: АННОТАЦИЯ ОТРЕДАКТИРОВАННОЙ РУКОПИСИ

Казахско-русский словарь фразеологизмов составлен впервые, в нем охвачено около 2300 фразеологических единиц казахского языка, соответственно такое же количество их эквивалентов в русском языке. Словарь окажет неоценимую помощь учащимся, студентам, переводчикам в деле достижения правильного, адекватного перевода художественного произведения, устного высказывания и письменного текста, позволяет выявить богатейшие выразительные возможности казахского и русского языков в сопоставительном плане, позволяет значительно поднять речевую культуру казахско-русского двуязычия в нашей республике, дает ценный иллюстративный материал по переводу с казахского языка на русский.

В процессе редактирования словаря в первую очередь были уточнены с авторами и тщательно согласованы принципы подачи в словаре казахского фразеологического материала, русского перевода и русских фразеологических эквивалентов. Первый вариант рукописи словаря был нами совместно с авторами существенно переработан. Глагольные фразеологизмы, первоначально дававшиеся в форме прошедшего категорического времени на *-ды*, теперь приводятся в форме инфинитива на *-у*, что опирается на существующую традицию составления казахско-русского и русско-казахского словарей. Сокращен объем словаря (за счет отдельных просторечных выражений и за счет сведения до минимума иллюстративного материала – в первом варианте каждый фразеологизм подкреплялся тремя-четырьмя примерами).

Затем переработанный и сокращенный второй вариант словаря (буквы «А» – «К») подвергся редакторской правке по существу предложенных казахско-русских фразеологических соответствий и смысловых переводов, а также в части перевода с казахского языка на русский иллюстративных примеров. В третьем варианте данного словаря наши исправления и уточнения по словарным статьям от «А» по «К» (половина объема словаря) авторами уже полностью учтены, как мы убедились при последнем просмотре рукописи. Однако здесь нами произведена (по третьему варианту) незначительная дополнительная правка – на стр. 78, 121, 121а, 122-123, 124-125, 199а, 213, 216. Последние замечания должны быть учтены.

Приведем отдельные случаи редакторской правки словаря в части букв «А» – «К» (в основном, по второму варианту):

«А». Стр. 1. *Абылай аспас асу (бел)*. Вм. Тяжелый переход – Труднопроходимый перевал, кряж. Даны исправления в переводе.

Абылхаят суы. – Здесь убрано пространное объяснение, выправлен перевод.

Стр. 34. *Араларына ала жіп түсу*. – Здесь мною добавлен русский фразеологический эквивалент: Между ними пробежала черная кошка.

Стр. 39 (в третьем варианте соответствует стр. 38). *Аршын төс*. Вм. Высокая грудь (о красивой женщине) – Статная женщина с высоким бюстом.

Арыстанның аузы, түрікпеннің төрі. – Не было точного перевода, принят мой. Букв.: пасть льва, почетное место в юрте у туркмена. Нечто труднодоступное, находящееся глубоко под землей, в преисподней.

«Б». Стр. 83 (в третьем варианте стр. 79). *Бармағынан бал (өнер) тамған*. Вм. Мастер на все руки – (Мастер) Золотые руки.

Бармағын тістеу (шайнау). – Уточнен перевод и найден русский эквивалент: Кусать локти (от досады).

«И». Стр. 234 (в третьем варианте стр. 206). *Иттің етінен жек көру*. – Уточнен русский перевод: Совершенно не переносить кого-либо.

Ит сілікпесін шығару. Найдено русское соответствие: Перетрясти все внутренности.

Редакторская правка остальной части словаря (буквы «Қ» – «І») касательно существа предложенных переводов и русских фразеологических эквивалентов была произведена по третьему варианту рукописи.

Авторскому коллективу необходимо учесть предложенные исправления, замечания и дополнения. Например:

«Қ». Стр. 261, 263-267, 273. – Исправления по существу значений, переводов.

«Н». Стр. 328. *Нәр сызбау (тампау)*. – Найдено соответствующий русский фразеологизм: Маковой росинки во рту не было.

«П» Стр. 354, 356. – Дан наш перевод примеров (отрывков).

«Р» *Рәсуа болу (қылу)*. *Рәсуасы шығу*. – Мной дан точный перевод на русский язык: Позориться, срамиться; быть загубленным, втоптаным в грязь.

«С» Стр. 358. *Сабыр ету*. Вм. Успокоиться – Проявлять выдержку (терпение), крепиться.

Сабыр түбі – сары алтын. Вм. Молчание – золото. – Найдены русские эквиваленты (пословицы): Терпение и труд все перетрут. Терпи казак, атаманом будешь.

Стр. 374. *Сөзге қонақ бермеу*. – Дал уточнение по переводу, дополнил русским фразеологическим эквивалентом: Как тут говорить, где не дадут рта отворить. (По словарю Вл. Даля).

Стр. 375. *Сөз келтіру (тигізу)*. – Дал перевод, которого вообще не было у авторов: Вызвать нарекания. Навлечь порицание.

Сөз етінен өтіп, сүйегіне жету. – Найден фразеологический эквивалент в русском языке: Проняло до костей.

Стр. 393. *Сілесі қату*. – Дано примечание редактора, объяснение. Сіле самостоятельно не употребляется. Ср. в алтайском, киргизском языках шили «шейное сухожилие». Изнемо́чь, измучи́ться. ≈ Выби́ться из сил.

Стр. 394. *Сіркесі су көтермеу*. – Дан фразеологический эквивалент: К нему на козе не подъедешь.

«Ш». Стр. 452, 453 и др. – Дополнения и уточнения.

«Ы». Стр. 470. *Ырқына көну*. – Дан перевод: Соглашаться на условия, слушаться кого-либо.

Ырық бермеу. – Дан перевод: Не поддаваться влиянию, уговорам. Перестать слушаться. Найден фразеологический эквивалент: Отбиться от рук.

«І». Стр. 474-479. – Правка.

Стр. 477. *Іші жылу*. Вм. Подобреть – Потеплеть на душе, на сердце. Предложен фразеологический эквивалент: Прийтись по душе.

Перечисление всех сделанных исправлений и уточнений отняло бы слишком много времени и места (см. первый, второй, третий варианты рукописи словаря).

В целом, третий вариант рукописи «Казахско-русского фразеологического словаря» в результате радикальной редакторской правки и соответственной работы авторского коллектива под руководством Х.К. Кожаметовой, при условии внесения в окончательный наборный экземпляр всех последних исправлений, отвечает самым высоким требованиям и заслуживает скорейшей публикации¹. Уверен, что отредактированная нами рукопись «Казахско-русского фразеологического словаря» (479 стр. машинописи) представляет собой законченный лексикографический труд, имеющий большое теоретическое и практическое значение.

17.04.1985

¹ Ср. Қожахметова Х.Қ., Жайсақова Р.Е., Қожахметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. Спец. редактор профессор А.С. Аманжолов. – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – 224 с. К сожалению, словарь вышел с сокращениями, причём все важные примечания и комментарии научного редактора (фактически соавтора словаря) были старательно удалены.

К ПРОБЛЕМЕ ДРЕВНЕЙШИХ СВЯЗЕЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ: ДРЕВНИЕ ГРЕКО-ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Тюркоязычные автохтоны Центральной Азии издавна общались не только с остальным алтайским языковым миром, но и с носителями различных индоевропейских языков.

Древнейшие контакты тюркских языков с индоевропейскими подтверждаются целым рядом греко-тюркских, хеттско-тюркских, тохаро-тюркских, индоирано-тюркских... лексических параллелей. Более того, имеются определенные основания предположить доисторическую общность, отдаленное родство уральских и алтайских языков с индоевропейскими (А.П. Дульзон, Н.Д. Андреев).

Для реконструкции праязыкового состояния большой интерес представляют рудиментарные формы. В ряде тюркских языков при именах существительных и прилагательных изредка обнаруживается мертвый (несловообразовательный) аффикс *-с*, *-ас*, *-ес*, например: казахск. *белес*, *бел* «кряж, отрог», казахск. *дөңес*, *дөң* «возвышение, выпуклость, холм, бугор, пригорок», якутск. *арҕас* «1) выпуклость; холм; 2) холка, верхняя часть спины или хребта» (ср. хакасск. *арҕа* «спина; хребет»), якутск. *ураҕас* «длинный шест, жердь, прут, хлыст» (ср. казахск. *сырық* «длинный шест с развилкой, служащий подпоркой в юрте во время сильного ветра»), якутск. *араҕас*, *араңас* «желтый; желтоватый, палевый, золотистый, рыжий, красный, рыжеватый» (др. тюрк. *сарыҕ* «желтый»). Этот аффикс, по всей вероятности, является реликтовым окончанием именительного падежа и сопоставим с древним окончанием именительного падежа в индоевропейских языках.

С позиций ностратической теории представляются достаточно убедительными некоторые древнегреческо-древнетюркские лексические соответствия, приведенные в исследовании В.М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков» (М., 1971, 1976):

ϣυπη «яма в земле, убежище» – *qobı*, *qovı* «пустой, полный»;

μέλι «мёд» – *bal* «мед» (не заимствование, а ностратическое соответствие);

ὀρνυμαι «поднимаюсь» – *ör* «подниматься, восходить»;

κεραιζω (производное от *κεραφος*) – «опустошаю, граблю» (точнее, исходная основа *χείρω*, *χερέω* «остричь; срубить, вырубать: истреблять,

уничтожать») – *qir* «соскребать, соскабливать» (ср. казахск. *қыр* – «скоблить, соскабливать; брить; уничтожить, истребить») и др.

Богатый материал «Древнегреческо-русского словаря» И.Х. Дворецкого (М., 1958) позволяет значительно дополнить данный ряд древнегреческо-древнетюркских лексических параллелей, например:

θαλλός «отпрыск, побег, молодая ветка» – *tal* «ива, тальник, ивовый прут» (ср. казахск. тал «тальник», турецк. *dal* «ветвь, ветка»);

ἀρρην «мужчина» – *eren* «муж, мужчина, воин»;

ἀρίς «плотницкое сверло» – *er* «бурав» (ср. хакасск. *ирес* «винт»);

ἀῦ «удивление, изумление» – *eñ* «удивляться, приходить в замешательство» (ср. казахск. аң-таң «удивление»);

ὄρχις «анат. яичко» – *uruγ, urīγ* «1) семья; 2) род, потомство» (ср. казахск. ұрық «семья», ру «род»);

αἶθος «пламя, огонь, жар» – *ot* «огонь»;

αἶθω «зажигать, воспламенять» – *ota-* «зажигать»;

ἔρι «рано, ранним утром» – *erte* «рано, утром» (*er+te*);

γεραιός «старый; старик» – *qarī* «старый; старик»;

γῆράω «стареть, стариться» – *qarī* «стариться, становиться старым»;

ἀρῥέω «ничего не делать, бездействовать» – *er-* «быть, пребывать, находиться», *erik-* «уйти в себя, впасть в забытие» (ср. казахск. ерік «скучать от безделья»);

αἰτέω «просить, требовать, добиваться» – *ajīt-, ajt-* «заставить говорить, дать говорить, просить рассказать; спрашивать» (понудительный залог);

αἰνέω «говорить, высказывать» – *aj-* «говорить, рассказывать» и др.

Данные факты свидетельствуют не только об исконных греко-тюркских языковых контактах, но и о древнейшем, надо полагать, тюркском субстрате.

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ О ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТАХ

Под нашим научным руководством выполнено и защищено 18 кандидатских диссертаций, в которых рассмотрены различные вопросы лексикологии (5), фразеологии (6) и грамматики (7). Ныне 9 наших учеников – доктора филологических наук. Ниже приводятся заключения научного руководителя по некоторым кандидатским диссертациям.

Еримбетова А.М.

**«Номинативные ряды со сравнительно-уподобительной
семантикой в современном русском языке
(в сопоставлении с казахским)»**

Диссертант А.М. Еримбетова проделала значительную работу по выявлению типологических особенностей русского и казахского языков в отношении средств выражения сравнения.

Диссертант подробно рассмотрела вариативные (номинативные) ряды с семантикой сравнения в русском и казахском языках. Справедливо отмечено, что варьирование сравнительных словосочетаний в обоих языках определяется как семантикой, так и морфологической природой стержневого слова сравнительной конструкции. Так, в русском языке характер лексического значения глагольного слова может препятствовать взаимозамещению сравнительного оборота и творительного падежа сравнения. Рассмотренные сравнительные конструкции обнаруживают зависимость также от синтаксических условий их функционирования. Разнообразные лексико-семантические и грамматические факторы, влияющие на варьирование сравнительных конструкций, обстоятельно рассмотрены во II и III главах диссертации.

Выводы автора относительно лексико-семантических и грамматических факторов, влияющих на варьирование анализируемых сравнительных структур, сделаны на большом фактическом материале современной прозы и представляются, на наш взгляд, достаточно убедительными.

Выявление единиц сравнения весьма актуально и для казахского языкознания. Специфика казахского языка проявляется здесь как

в разнообразии производных форм сравнения, так и в двойственной природе аффиксов сравнения. В большинстве казахских грамматик субстантивные формы на -дай, -дей, -тай, -тей определяются как относительные прилагательные. Однако, исследователи должны учитывать не только формообразующую функцию данного аффикса, но и тенденцию к адвербиализации. Диссертант справедливо замечает, что категориальная принадлежность форм сравнения на -дай, -дей, -тай, -тей в казахском языке, равно как форм творительного беспредложного в русском языке (в обстоятельственной функции) определяется с большим трудом. Следует сказать, что видный исследователь казахского языка П.М. Мелиоранский имел достаточные основания для сближения форм на -дай с падежными парадигмами, усматривая в последних словоизменительные формы имён. Представляется необходимым дальнейшее изучение форм сравнения в казахском языке с учётом всех контекстуальных факторов.

В целом, диссертант проявил себя как пытливым исследователем, пришел к определенным положительным результатам в плане типологического изучения русского и казахского языков, а потому данная диссертация, на наш взгляд, вполне отвечает предъявляемым требованиям.

12.06.1982

Мадиева Г.Б.
«Гидронимия Восточного Казахстана»

Выбор темы исследования был предопределен тем, что гидронимия (шире – топонимия) Восточного Казахстана еще не была предметом специального лингвистического изучения, хотя в 60-80 годах XX века данный регион обследовался нами в эпиграфическом отношении. Предложив аспирантке Г.Б. Мадиевой названную тему, мы исходили из того, что всестороннее исследование гидронимической системы данного региона позволит выявить лексико-семантические и структурно-типологические особенности казахских гидронимов, а также специфику нового, русского пласта в топонимических названиях области, с учетом общего языкового процесса взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков. Наши предположения вполне оправдались.

За время обучения в аспирантуре Г.Б. Мадиева проявила большое трудолюбие, активно участвовала в научной и общественной жизни университета, добросовестно изучила научную литературу и гидронимический материал, значительно пополнила его во время индивидуальных экспедиций по районам Восточно-Казахстанской области. Все это позволило диссертанту представить законченное исследование и, тем самым, зарекомендовать себя как вполне сложившегося, эрудированного и принципиального ученого.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и приложения. Глава I – «Лексико-семантический анализ казахских гидронимов Восточно-Казахстанской области». Глава II – «Структурно-морфологический анализ казахских гидронимов ВКО». Глава III – «Функционирование русских гидронимов на территории ВКО». Структура работы вполне логически обусловлена. Во вводной части дан подробный обзор литературы, обоснован выбор темы, чётко сформулированы цель и задачи исследования, научная и практическая значимость работы.

Материал, собранный диссертантом, богатый, изобилует разнообразными наблюдениями над смысловыми и структурными особенностями гидронимов казахского языка. Особую ценность, на наш взгляд, представляет обстоятельное описание структуры гидронимии Восточно-Казахстанской области. Суждения диссертанта на этот счёт весьма убедительны. Следует отметить также умение диссертанта применять соответствующую научную методику в каждой из глав работы.

Как одно из достоинств работы можно отметить, что в ней впервые дан подробный лексико-семантический и структурный анализ русских гидролексем в гидронимии Восточно-Казахстанской области. Исследования пласта русских названий, функционирующих в Восточном Казахстане, выявило наличие как собственно русских, так и гидронимических названий, образованных от тюрко-монгольских основ, фонетически освоенных гидронимов и т.д.

Вместе с тем, в кандидатской диссертации остаются отдельные моменты, требующие дальнейшего обоснования и детального изучения. Это, прежде всего, относится к наполнению лексико-семантических групп гидронимов и историко-этимологическому анализу, проведение которого, правда, не входило в непосредственную задачу данного исследования.

01.11.1990

Авакова Р.А.

**«Семантико-морфологическая характеристика
глагольных фразеологизмов современного уйгурского языка»**

Изучение глагольных фразеологических единиц (ГФЕ) в тюркских языках тесно связано со становлением фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Исторически все фразеологизмы построены по моделям свободных словосочетаний. Диссертационная работа Р. Аваковой освещает весьма сложную и актуальную проблематику фразеологии на материале фразеологизмов глагольной семантики современного уйгурского языка. В этой малоизученной области аспирантка Р. Авакова проявила себя как серьёзный, принципиальный исследователь, умеющий делать важные теоретические выводы на конкретном языковом материале. Актуальность темы, теоретическая значимость и практическая применимость работы очевидны.

В связи с двойной природой фразеологизмов – семантической и исторической – диссертация состоит из двух глав, в которых последовательно рассматриваются лексико-семантические и структурно-морфологические особенности глагольных фразеологизмов на материале современного уйгурского языка. В соответствии с более узким пониманием фразеологии диссертант обращает особое внимание на экспрессивную функцию глагольных фразеологизмов, отмечает разницу в парадигматике аналитических глаголов и глагольных фразеологических единиц.

Рассматривая структурно-морфологические модели ГФЕ, диссертант справедливо отмечает, что не все ГФЕ подвержены залоговым изменениям, в то время как аналитические глаголы («сложные слова») могут иметь залоговые формы, следовательно, различаются своей парадигматикой.

Полагаю, что диссертант Р. Авакова успешно справилась с поставленной задачей, а её работа полностью соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

14.11.1991

Сыздыкова М.А.

**«Сопоставительно-типологический анализ
фразеологических единиц со значением глаголов речи
(на материале русского и казахского языков)»**

Исследование посвящено семантико-структурному анализу фразеологизмов со значением глаголов речи в русском и казахском языках. Тема диссертации весьма актуальна в научно-теоретическом и практическом плане, а результаты исследования представляются значительными – вносят вклад в разработку сопоставительной фразеологии рассматриваемых языков.

Подробный семантический анализ глагольных фразеологизмов речи (говорения) дан в первой главе работы. С учётом существующих классификаций, на основе сопоставления русского и казахского языкового материала диссертант по-новому рассмотрел 8 семантических групп глагольных фразеологизмов речи.

Структурные и морфологические особенности глагольных фразеологизмов речи русского и казахского языков рассмотрены во второй главе работы. Эти глагольные фразеологические единицы группируются на двух-, трёх- и более компонентные. Причём основная масса фразеологизмов построена по двухкомпонентной модели. Диссертант справедливо полагает, что глагольным фразеологизмам в целом присущи те же морфологические особенности (категории), что и глаголу. Соответственно прослеживаются (в той степени, насколько это возможно) показатели категории залога, вида, времени, лица, наклонения

у глагольных фразеологических единиц со значением глаголов речи. Парадигматика глагольных фразеологизмов речи в рассматриваемых языках, как прослеживает диссертант, реализуется по-разному, имеет схождения и расхождения.

За время обучения в заочной аспирантуре при кафедре общего языкознания М.А. Сыздыкова проявила себя как целеустремленный исследователь, хорошо разбирающийся в тонкостях русской и казахской фразеологии. Диссертантом рассмотрено несколько сот (около 600) глагольных фразеологизмов со значением глаголов речи. Материал по крупицам собирался из фразеологических словарей и художественной литературы. Следует отметить, что сопоставительное изучение глагольных фразеологизмов рассматриваемых языков в таком объеме осуществлено впервые. «Внутренняя форма» глагольных фразеологизмов в значительной степени отражает национальную специфику русского и казахского языков. Например, в значении «заниматься пустыми разговорами» выступает русский фразеологизм чесать (трепать, молоть) языком и казахский фразеологизм малтасын езу (букв. разминать остатки курта), в значении «отчитывать, ругать» – русский фразеологизм снимать стружку и казахский фразеологизм сілікпесін шығару и т.п.

Данная диссертация – серьезный научный труд молодого исследователя. В целом, диссертационная работа выполнена на высоком научном уровне, содержит много новых ценных наблюдений по проблемам классификации и компонентного анализа глагольных фразеологизмов, вполне отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

03.01.1996

Оразалиева Э.Н.

**«К становлению теории словосочетания
в казахском языкознании (конец XIX – начало XX веков)»**

Веление времени – воссоздать неискаженную историю, историографию казахского языкознания. Изучение синтаксиса казахского языка, в частности проблемы становления теории словосочетания, тесно соприкасается с развитием языкознания и тюркологической науки. В конце XIX века были составлены первые грамматики казахского языка П.М. Мелиоранского и В.В. Катаринского. Опираясь на эти и другие работы, видный казахский ученый-языковед А. Байтурсынов в своем учебном пособии по синтаксису «Тіл – құрал, III, сөйлем жүйесі мен түрлері» (1923, 1924, 1925, 1927, 1928) создал основы казахской синтаксической терминологии. Таким образом, конец XIX – начало XX веков можно считать начальным периодом развития казахского языкознания.

Анализ опыта начального периода развития казахского языкознания в области синтаксиса словосочетания, а также вопросов сочетания

слов в предложении, проведенный в диссертации Э.Н. Оразалиевой, дал весьма положительные результаты, позволил в определенной степени раскрыть характерные черты рассмотренного периода, соотносимые с современной лингвистической теорией.

К сожалению, в данной работе никак не отмечена «Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869), ставшая основой для написания первых казахских грамматик. Кроме того, в данной диссертации на казахском языке следовало бы полнее изучить и систематизировать казахские научные термины по синтаксису словосочетания.

В целом, аспирантка Э.Н. Оразалиева проявила себя старательным и вдумчивым исследователем, успешно справилась с поставленной задачей. Полагаем, что представленная работа вполне отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

03.05.1996

Коянбекова С.Б.
«Становление теории членов предложения
в казахском языкознании
(первая половина XX века)»

Наш выбор темы кандидатской диссертации для аспирантки С.Б. Коянбековой определялся тем, что теория членов простого предложения в казахском языкознании тесно связана с разработкой концепции членов предложения в общем и русском языкознании. По традиции синтаксический анализ предложения основан на этой концепции. Вместе с тем, становление теории членов предложения в казахском языкознании остается недостаточно изученным, не было объектом специального анализа.

В данной диссертационной работе, выполненной на отличном казахском языке, становление теории членов предложения в казахском языкознании первой половины XX века рассматривается поэтапно: исследования 20-х годов, исследования 30-х годов, исследования 40-х годов.

В 20-е годы неоднократно издавалось на казахском языке учебное пособие А. Байтурсынова, в котором давалась характеристика членов предложения. А. Байтурсыновым были заложены основы казахской лингвистической терминологии, частично переработаны первые грамматики казахского языка, составленные П.М. Мелиоранским и В.В. Катаринским.

В 30-е годы казахское языкознание, испытывавшее с конца XIX века значительное влияние традиционного русского языкознания, достигло значительных успехов в изучении казахского языка. Эти годы ознаменовались не только созданием первых учебников и программ по казахскому языку для средней и высшей школы, но и становлением

казахского языкознания как науки. Проблеме классификации членов предложения посвящаются специальные исследования казахских лингвистов С. Аманжолова и Х. Жубанова. При освещении этого периода особое внимание обращается на основные принципы выделения членов предложения и их структурную характеристику в «Кратком курсе синтаксиса казахского языка в научном освещении» С. Аманжолова (1940). Этот труд, завершающий синтаксические исследования тридцатых годов, нацеливал на дальнейшую углубленную разработку проблемы членов предложения в казахском языкознании.

В 40-е годы в казахском языкознании наблюдается дальнейшее развитие теории членов предложения. Складываются синтаксические взгляды Н. Сауранбаева и М. Балакаева. Переработан и частично издан главный грамматический труд С. Аманжолова на казахском языке «Қазақ әдеби тілі синтаксисінің қысқаша курсы» – «Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка» (1950; второе, дополненное издание – 1994).

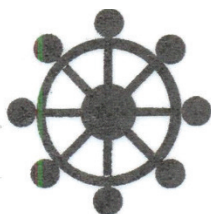
Диссертация С.Б. Коянбековой построена, в значительной степени, на архивном и малодоступном материале, что позволяет по-новому и аргументированно, в хронологической последовательности, проанализировать развитие синтаксических взглядов казахских лингвистов в первой половине XX века

Диссертант, как показывает представленная работа, проявил себя целеустремленным, трудолюбивым и принципиальным исследователем, пришел к важным научным выводам на основании малоизвестных или забытых фактов из истории казахского языкознания. Нельзя не заметить, что научная истина всегда побеждает в борьбе с косными взглядами. Вышесказанное позволяет считать данную работу весьма актуальной и несомненно соответствующей требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

06.10.1998

IV

КАЗАХСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Данный словарь (Алматы, 1997, 1999) охватывает около 2 тысяч лингвистических терминов современного казахского языка и их русские соответствия. Эти термины широко используются в учебно-методической и научной литературе по языкознанию. Словник словаря составлен по казахским источникам, что является первой практикой в истории лингвистики. Словарь предназначен для студентов, преподавателей, языковедов.

ОСНОВЫ КАЗАХСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Настоящий «Казахско-русский словарь лингвистической терминологии» составлен впервые в 1997 г., исходя из возросшей роли современного казахского языка в независимой Республике Казахстан и насущной необходимости углубленной лингвистической подготовки специалистов-филологов в высшей школе. Словарь предназначен для студентов, аспирантов казахских и русских отделений филологических факультетов, а также для языковедов. В словаре охвачено около 2 тысяч лингвистических терминов. Во второе издание словаря (1999 г.) внесены некоторые изменения и дополнения.

Опыт составления словарей лингвистических терминов казахского языка пока не велик. «Русско-казахский словарь лингвистических терминов» С. Кенесбаева и Т. Жанузакова (Алматы, 1966) за последние 30 лет несколько устарел. По сравнению с ним «Китайско-казахский словарь по лингвистике» М. Илекенова (Пекин, 1984) и «Китайско-казахский краткий сравнительный словарь лингвистических терминов» Д. Назари (Урумчи, 1985), составленные нашими коллегами в Китае, гораздо полнее учитывает новые термины. Очень полезными в процессе работы оказались «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (Москва, 1966), «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (Москва, 1985, 3-е издание), а также «Лингвистический энциклопедический словарь» (главный редактор В.Н. Ярцева, Москва, 1990).

Лингвистическая терминология (метаязык лингвистики) формируется по мере развития науки о языке, отражая различные лингвистические направления и творчество отдельных языковедов. Лингвистическая терминология казахского литературного языка после конституционного закрепления за ним, наряду с русским языком, статуса государственного языка в Казахской республике (1923 г.) прошла сложный путь становления и развития. Она в значительной мере была предопределена первыми школьными и вузовскими курсами казахского литературного языка, первыми учебными программами и учебниками, первыми лингвистическими статьями на казахском языке (20-30-ые годы).

Как известно, в 20-е годы в работах А. Байтурсынова (1873-1937) были изложены основы казахской лингвистической терминологии,

частично обработаны первые грамматики казахского языка, составленные П.М. Мелиоранским и В.В. Катаринским.

В 30-е годы казахское языкознание, испытавшее с конца XIX века значительное традиционное влияние русского языкознания, достигло значительных успехов в изучении казахского языка. Эти годы ознаменовались не только созданием первых учебников и программ по казахскому языку для средней и высшей школы, но и становлением казахского языкознания как науки. В это время публикуются специальные научные исследования казахских лингвистов С. Аманжолова (1903-1958) и Х. Жубанова (1899-1938). Труд С. Аманжолова «Краткий курс синтаксиса казахского языка в научном освещении (Алматы, 1940) заложил основы научного синтаксиса казахского языка», был первым вузовским учебником по современному казахскому языку.

В дальнейшем казахская лингвистическая терминология продолжает совершенствоваться в процессе вузовского преподавания казахского языка, тюркологических и общелингвистических дисциплин на казахском языке, в процессе разработки теоретических проблем языкознания. Вместе с тем, в казахском языкознании все еще наблюдается «неупорядоченность терминологической системы, разноречивость и пестрота в ее элементах-терминах» (Ж. Молдажаров. «Истоки формирования казахской лингвистической терминологии». – Вопросы казахского языка и литературы, VIII. – Алматы, 1971. – С. 10).

Лингвистическая терминология казахского языка непрерывно видоизменяется и обогащается, поскольку расширяются сферы его фундаментальных возможностей. Причем новые термины создаются как путем лексического калькирования (ориентация на собственно казахскую лексику, семантическое заимствование), так и путем лексического заимствования (ориентация на интернациональную лексику в основном на греко-латинские образования в русской лингвистической терминологии). Отметим, что в собственно казахскую лексику входят также арабско-персидские элементы, полностью освоенные казахским языком.

В процессе освоения лингвистических терминов на фоне казахско-русского лингвистического двуязычия появляются многочисленные терминологические дублиеты (абсолютные синонимы). Например: лингвистика – тіл ғылымы – тіл білімі, архаизм – көнерген сөз, неологизм – жаңа сөз, аффикс – формант – қосымша, синонимдік доминант – басым синоним, структура – құрылым, тілдік тұлға – тілдік форма, орфография – емле, мотивация – дәлелдеме, анализ – талдау, нейтрализация – бейтараптану, субстантивация – субстантивтену – заттану, адъективация – адъективтену – сындану. Новые термины вполне оправданы, когда обозначают новые понятия или уточняют ранее известные. Однако трудно согласиться с попытками новых пуристов максимально исключить из терминологии казахского языка «чужеродную», интернациональную лексику.

Принимая во внимание общую тенденцию к унификации и интернационализации лингвистической терминологии, представляется

необходимой полная или хотя бы частичная унификация лингвистических терминов в тюркских языках. Например, унификация терминов казахского и каракалпакского языкознания. В каждом отдельном случае проделана большая работа по созданию лингвистической терминологии на тюркских языках, однако остается много неоправданных расхождений, терминологической путаницы, даже между близкородственными языками.

Вместе с тем, актуальным представляется всестороннее выявление системных, семантических отношений между лингвистическими терминами в казахском и других тюркских языках. Такая работа уже проделана на материале татарской лингвистической терминологии (Х.Ф. Исакова. Структуры терминологических систем. Тюркские языки. – Москва, 1987). Под нашим руководством аспирант Е. Абдрасилов завершил в 1999 г. работу над темой «Семантические отношения между лингвистическими терминами (на материале казахской лингвистической терминологии)».

Известно, что в основе терминообразования лежит семантическое сходство терминов с лексическими единицами общезыкового употребления. Выявление типовых видов семантических отношений между лингвистическими терминами (синонимических, коррелятивных, целостно-компонентных, родовидовых и др.) позволит в дальнейшем создать словарь нового типа – лингвистический тезаурус на материале терминологии казахского языка.

Наряду с изучением метаязыковых семантических процессов, большое значение для теории языка и лингвистической терминологии имеет типологическое изучение языков мира. В процессе прохождения курса «Введение в языкознание» и других лингвистических дисциплин специальности студенты-филологи казахских отделений имеют возможность всестороннего научного осмысления фактов родного (казахского) языка, возможность широкого типологического сопоставления родного языка с русским языком, с генетически родственными (тюркскими) языками и, отчасти, с изучаемыми иностранными (западными, восточными) языками.

КАЗАХСКИЙ АЛФАВИТ НА БАЗЕ РУССКОЙ ГРАФИКИ

А а	Ә ә	Б б	В в	Г г	Ғ ғ
Д д	Е е	Ё ё	Ж ж	З з	И и
Й й	К к	Қ қ	Л л	М м	Н н
Ң ң	О о	Ө ө	П п	Р р	С с
Т т	У у	Ұ ұ	Ү ү	Ф ф	Х х
Һ һ	Ц ц	Ч ч	Ш ш	Щ щ	Ъ ъ
Ы ы	І і	Ь ь	Э э	Ю ю	Я я

КАЗАХСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

А

Аббревиатура	Аббревиатура (сложносокращенное слово)
Аббревиация	Аббревиация (образование аббревиатур)
Абзац (жаңа жол; күрделі синтаксистік тұтастық)	Абзац (красная строка; сложное синтаксическое сложное)
Аблаут (апофония)	Аблаут (апофония)
Аблатив	Аблатив
Абсолюттік конструкция	Абсолютная конструкция
Абсолюттік синонимдер (толық синонимдер)	Абсолютные синонимы (полные синонимы)
Абстракты категория	Абстрактная категория
Абстракты лексика (жалпылама лексика)	Абстрактная лексика
Абстракт мағына	Абстрактное значение
Абстракт есімдер	Абстрактные имена
Абстракция	Абстракция
Автоматтанған аударма	Автоматизированный перевод
Автоматтық аударма	Автоматический перевод
Автор сөзі	Авторская речь
Агглютинативті (жалғамалы)	Агглютинативный
Агглютинативті (жалғамалы) тілдер	Агглютинативные языки
Агглютинация	Агглютинация
Адвербиалдану (үстеуге айналу)	Адвербиализация (переход других частей речи в наречия)
Адстрат	Адстрат
Адъектив (сын есім)	Адъектив (имя прилагательное)
Адъективация (адъективтену, сындану, сын есімге айналу)	Адъективация (переход других частей речи в прилагательные)
Адъективті	Адъективный (свойственный прилагательному)
Адъективті баяндауыш (сын есімді баяндауыш)	Адъективное сказуемое

Ажыратушы (дифференциалды) белгілер	Дифференциальные признаки фонемы
Айқын категория	Открытая категория, открыто выраженная категория
Айқындауыш (қосарлы// қосарланған айқындауыш, оңашаланған айқындауыш)	Приложение, аппозиция (необособленное приложение, обособленное приложение)
Аймақтық тілдер	Региональные языки, зональные языки
Аккомодация (бейімдеу)	Аккомодация
Аккузатив (табыс септік)	Аккузатив, винительный падеж
Акрофония	Акрофония
Актив мүшелер	Активные органы
Актив сөздік	Активный словарь
Активтену	Активизация
Актуданған	Актуализированный
Актудалды	Актуальный
Актудалды мүшелену	Актуальное членение
Актудалды (коммуникативті) синтаксис	Актуальный (коммуникативный) синтаксис
Актуализатор	Актуализатор
Актуализация (актуалдану)	Актуализация
Акустика	Акустика
Акустика-артикуляциялық	Акустико-артикуляционный
Акустикалық	Акустический
Акустикалық фонетика	Акустическая фонетика
Акцент	Акцент
Акцентология	Акцентология
Акцентуация (акценттеу)	Акцентуация
Акценттеу	Акцентировать
Алғашқы дыбыстар	Первичные звуки
Аллатив	Аллатив (направительный падеж)
Аллегория	Аллегория (иносказание)
Аллитерация	Аллитерация
Аллограф (граф)	Аллограф (граф, вариант графемы)
Алломорф (морф)	Алломорф (морф, вариант морфемы)
Аллофон (фон)	Аллофон (фон, вариант фонемы)

Алмасу	Чередование
Алмасушы	Альтернирующий (о звуке)
Алтаистика	Алтаистика
Алфавит	Алфавит
Алфавит реті	Алфавитный порядок
Алфавиттік	Алфавитный
Алфавиттік (әріптік) жазу	Алфавитное (буквенно-звуковое) письмо
Альвеол дыбысы	Альвеолярный звук
Альтернация (дыбыс алмасуы)	Альтернация (чередование звуков)
Альтернацияланушы	Альтернирующий
Амбушюр	Амбушюр
Аморфизм (аморфтық, тұлғасыздық, түрсіздік)	Аморфизм, аморфность
Аморфты (тұлғасыз, түрсіз, қосымшасыз)	Аморфный (бесформенный)
Аморфты сөздер (тұлғасыз, түрленбейтін сөздер)	Аморфные слова, бесформенные слова
Аморфты тілдер (даралаушы тілдер, түбірлі тілдер)	Аморфные языки, изолирующие языки, корневые языки
Амплификация (плеоназм)	Амплификация (плеоназм)
Амредита (қайталама қосарлы түбір, қайталама қос сөз)	Амредита (повторительное сложение), удвоенное сложное слово
Ана тілі	Родной язык
Анаграмма	Анаграмма
Анаколүф	Анаколүф (нарушение синтаксической связи)
Анализ (талдау)	Анализ (разбор)
Аналитизм	Аналитизм
Аналитикалық	Аналитический
Аналитикалық етістік	Аналитический глагол
Аналитикалық құрылыс	Аналитический строй
Аналитикалық тәсіл	Аналитический способ
Аналитикалық тілдер	Аналитические языки
Аналогия (үйлестік)	Аналогия (уподобление)
Анафора	Анафора
Англицизм	Англицизм

Анлаут (сөз басы)	Анлаут (начало слова)
Аномалия (нормадан ауытқу)	Аномалия (отклонение от нормы)
Антиномия	Антиномия
Антитеза	Антитеза
Антифразис	Антифразис
Анноминация (парономазия)	Анноминация (парономазия)
Антоним	Антоним
Антонимдес сөз	Антонимичное слово
Антонимдік	Антонимический
Антонимия	Антонимия
Антономазия	Антономазия
Антропологиялық лингвистика	Антропологическая лингвистика
Антропоним	Антропоним
Антропонимика	Антропонимика
Антропофоника	Антропофоника
Антропофоникалық	Антропофонический
Анықталғыш (анықталушы сөз, анықталып тұратын сөз)	Определяемое
Анықтамалық сөздік	Справочный словарь, словарь-справочник
Анықтауыш	Определение
Анықтауыштық қатынастар	Определительные (атрибутивные) отношения
Анықтауыш бағыныңқы сөйлем	Определительное придаточное предложение (например, в русском языке, в казахском языке отсутствует, ему соответствует развернутый определительный член предложения – үйірлі анықтауыш)
Аорист	Аорист
Апеллятив (жалпы есім)	Апеллятив (имя нарицательное)
Апокопа	Апокопа (усечение)
Апосиепеза (апозиопезис)	Апосиепеза (апозиопезис)
Апостроф	Апостроф
Аппозиция	Аппозиция
Аппозициялық (аппозитивтік)	Аппозиционный (аппозитивный)
Арабизм	Арабизм
Арабистика	Арабистика

Аралас құрмалас сөйлем	Смешанное сложное предложение с сочинением и подчинением
Аралас тіл	Смешанный язык
Аралық тіл (ара тілі)	Язык-посредник, посредствующий язык, параязык
Арго (жаргон)	Арго (жаргон)
Арготизм	Арготизм
Арготикалық	Арготический
Ареал	Ареал
Ареалды (аймақтық)	Ареальный
Ареалды лингвистика (лингвистикалық география)	Ареальная лингвистика (лингвистическая география)
Ареалды метод	Ареальный метод
Артикль	Артикль
Артикуляция	Артикуляция
Артикуляциялық база (негіз)	Артикуляционная база
Артикуляциялық белгі	Артикуляционный признак
Архаизм (көнерген сөз)	Архаизм (устарелое слово или выражение)
Археография	Археография
Архетип (алғашқы тұлға, прототип)	Архетип (праформа, прототип)
Архифонема	Архифонема
Аспект	Аспект (вид)
Аспектология	Аспектология
Аспирата (көмей дыбысы)	Аспирата (придыхание)
Ассибиляция	Ассибиляция
Ассимиляция (дыбыс үндестігі, ықпал)	Ассимиляция (уподобление звуков)
Ассонанс	Ассонанс
Ассоциативтік грамматика	Ассоциативная грамматика
Астарлы сөз	Подтекст, импликация (подразумевание)
Астеизм	Астеизм
Ата тілі (негіз тіл)	Праязык (язык – основа)
Атау	Наименование
Атау септік	Именительный падеж, звательный падеж (в казахском языке «основной падеж»)

Атаулы сөйлем	Назывное предложение
Атауыш сөздер	Знаменательные слова
Атаулық форма (тұлға)	Звательная форма
Атауыштық единица (лексема)	Номинативная единица
Атрибут (анықтауыш)	Атрибут (определение)
Атрибуттық (анықтауыштық)	Атрибутивный (свойственный определению)
Атрибуттық қатынастар	Атрибутивные отношения
Аттракция	Аттракция (выравнивание)
Аударма	Перевод
Аударма тілі	Язык перевода
Аударма сөздік	Переводный (разноязычный) словарь
Ауслаут (сөз аяғы)	Ауслаут (исход слова)
Ауыз жолды	Плавный сонорный согласный
Ауызекі тіл	Разговорный язык, устный язык (устная речь)
Ауыспалы (келтірінді) мағына	Переносное значение
Ауыспалы осы шақ	Настоящее-будущее время (настоящее переходное время)
Ауыспалы өткен шақ	Прошедшее-будущее время (прошедшее переходное время)
Аферизис	Аферизис
Афоризм (нақыл сөз)	Афоризм
Аффективті (эмоциялық) сөз	Аффективная (эмоциональная) речь
Аффикс (қосымша, формант)	Аффикс (аффиксальная морфема, формант)
Аффиксация	Аффиксация
Аффикстік морфема (қосымша морфема)	Аффиксальная морфема
Аффрикат	Аффрикат
Ашық буын	Открытый слог (прикрытый и неприкрытый открытый слог)
Ашық дауыстылар	Широкие гласные (гласные нижнего подъема)
Ашық дифтонг	Восходящий дифтонг
Ашық рай	Изъявительное наклонение, индикатив

Аяқталған тұрпат (аспект)	Совершенный (перфектный) вид, например в русском языке
Аяқталмаған тұрпат (аспект)	Несовершенный вид (в русском языке)

Ә

Әдеби тіл	Литературный язык
Әлем тілдері (дүние жүзі тілдері)	Языки мира
Әлеуметтік диалект	Социальный диалект
Әлеуметтік диалектология	Социальная диалектология
Әлеуметтік лингвистика	Социальная лингвистика, социолингвистика
Әлсіз байланыс	Слабая связь
Әлсіз меңгеру	Слабое управление
Әлсіз позиция	Слабая позиция
Әліппе	Азбука
Әртарап сөздер (модаль сөздер)	Модальные слова
Әріп	Буква
Әріптік	Буквенный
Әріптік (алфавиттік) жазу	Буквенно-звуковое (алфавитное) письмо
Әсірелеу	Гипербола
Әуен (тембр)	Тембр

Б

Бағыныңқы	Подчиненный
Бағыныңқы сөйлем	Придаточное предложение
Бағыныңқы сыңар (компонент)	Зависимый (подчиненный) компонент
Байланысу тәсілдері	Способы связи (слов)
Байланысу түрлері	Типы связи (слов)
Байымдау	Суждение
Байырғы лексика	Исконная лексика
Бала тілі	Детский язык
Балканизм	Балканизм
Барыс септік	Дательно-направительный падеж, дательный падеж, датив

Бас әріп	Заглавная буква, большая буква, прописная буква
Басқы дыбыс	Начальный звук
Басқы сөздер (реестрдегі, сөзтізбедегі сөздер)	Реестровые слова, заглавные слова
Бастауыш	Подлежащее
Басымдылық екпін	Главное ударение, сильное ударение
Басыңқы	Господствующий, главный (подчиняющий)
Басыңқы сөйлем	Главное предложение
Басыңқы сыңар (компонент)	Главный компонент
Баяндауыш	Сказуемое
Баяндауыштық	Сказуемость
Бәсең екпін	Нисходящее ударение
Бейнелеуіш сөздер	Образоподражательные слова
Бейнелі сөз (бернелі сөз)	Образная речь (иносказательная речь)
Бейтарап	Нейтральный
Бейтарап дауыстылар	Нейтральные гласные (редуцированные гласные)
Бейтарап мағына	Нейтральное значение
Бейтарап лексика	Нейтральная лексика
Бейтарап стиль	Нейтральный стиль
Бейтараптану	Нейтрализация
Бейфинитті тұлғалар	Нефинитные формы
Белгі (көрсеткіш)	Признак, примета, показатель
Белгілік артикль	Определенный артикль
Белгісіздік артикль	Неопределенный артикль
Белгісіздік есімдігі	Неопределенное местоимение
Бернелі құрама сөздер	Идиоматическое сочетание, образное идиоматическое выражение
Бернесіз құрама сөздер	Фразеологическое сочетание, фразеологическое (неидиоматическое) выражение
Билингвизм (қостілділік)	Билингвизм (двуязычие)
Бинарлық	Бинарный

Бирема (екі құрамды сөз)	Бирема
Болжалды келер шақ	Будущее предположительное время
Болжалды сан есім	Приблизительное числительное
Болымды етістік	Положительная форма глагола
Болымсыз етістік	Отрицательная форма глагола
Болымсыздық есімдігі	Отрицательное местоимение
Бөгде сөз	Чужая речь
Бөлшек (тілдік бөлшек)	Единица (единица языка)
Бөлшекті сан есім	Дробное числительное
Брахилогия	Брахилогия
Бустрофедон	Бустрофедон
Буын	Слог
Буын екпіні	Слоговое ударение
Буын жазуы (буындық жазу)	Силлабическое письмо, слоговое письмо
Буын жігі	Слогораздел (граница слога)
Буын үндестігі	Сингармонизм слога
Бұйрық рай	Повелительное наклонение, императив
Бұйрықты сөйлем	Побудительное предложение
Бұрынғы өткен шақ	Давнопрошедшее время
Бүйірлі латерал дыбыс	Боковой латеральный звук
Бір буынды	Односложный, моносиллабический
Бір буынды тілдер	Моносиллабические языки
Бір құрамды сөйлем	Односоставное предложение
Бір мағыналылық	Однозначность
Бір мағыналы сөздер	Однозначные слова
Біртұтас тіл	Единый язык
Бір фокусты дауыссыздар	Однофокусные согласные
Бірыңғай анықтауыш	Однородное определение
Бірыңғай бастауыш	Однородное подлежащее
Бірыңғай баяндауыш	Однородное сказуемое
Бірыңғай мүшелер	Однородные члены предложения
Бірыңғай пысықтауыш	Однородное обстоятельство
Бірыңғай толықтауыш	Однородное дополнение
Бітеу буын	Прикрытый закрытый слог
Біріккен сөздер	Сложные слова

В

Валенттілік	Валентность
Варваризм	Варваризм
Вариант	Вариант
Варианттылық	Вариантность
Вариация	Вариация
Вербализация (етістікке айналу)	Вербализация
Веляризация	Веляризация
Велярланған (жуан) дауыссыз дыбыстар	Веляризованный (твердый) согласный звук
Вибрант	Вибрант
Вибрациялы (діріл) фонема	Вибрационная фонема
Вокабула (жеке сөз)	Вокабула (отдельное слово)
Вокализм	Вокализм
Вульгаризм (дөрекі сөз)	Вульгаризм (вульгарное слово или выражение)

Г

Галлицизм	Галлицизм
Гаплоглогия	Гаплоглогия
Гармония (үндестік)	Гармония
Гебраизм	Гебраизм
Гебраистика	Гебраистика
Гемината (қосарланған дауыссыз)	Гемината, удвоенный согласный
Генеологиялық классификация	Генеологическая классификация
Генезис (шығу тегі)	Генезис
Генетикалық	Генетический
Генитив (ілік септік)	Генитив (родительный падеж)
Германизм	Германизм
Германистика	Германистика
Герменевтика	Герменевтика
Герундий (қимыл-сын)	Герундий (имя действия)
Гипербола (әсірелеу)	Гипербола
Гипертрофия	Гипертрофия
Гипертеза (метатеза)	Гипертеза (метатеза)
Гипостазис (транспозиция)	Гипостазис (транспозиция, переход одной части речи в другую)

Гипотаксис (бағыну, сабақтаса байланысу)	Гипотаксис (подчинение предложений)
Глайд	Глайд
Глосса	Глосса
Глоссематика	Глоссематика
Глоттогония (тілдің пайда болуы)	Глоттогония (присхождение языка)
Глоттогониялық процесс	Глоттогонический процесс
Глоттохронология	Глоттохронология
Говор (сөйленіс)	Говор
Грамматика	Грамматика
Грамматикалық	Грамматический
Грамматикалану	Грамматикализация
Грамматикалық абстракция	Грамматическая абстракция
Грамматикалық аналогия	Грамматическая аналогия
Грамматикалық белгі	Грамматический признак
Грамматикалық бөлшек	Грамматическая единица
Грамматикалық категория	Грамматическая категория
Грамматикалық құрылыс	Грамматический строй
Грамматикалық мағына	Грамматическое значение
Грамматикалық род (тек)	Грамматический род (отсутствует в тюркских языках)
Грамматикалық семантика	Грамматическая семантика
Грамматикалық талдау	Грамматический анализ, грамматический разбор
Грамматикалық тәсіл	Грамматическое средство, грамматический способ
Грамматикалық тип	Грамматический тип
Грамматикалық форма (тұлға)	Грамматическая форма
Граф (графеманың варианты)	Граф (вариант графемы)
Графема	Графема
Графемика	Графемика
Графика	Графика
Графикалық	Графический
Графикалық лингвистика	Графическая лингвистика
Гуттурализация	Гуттурализация

Ғ

Ғылыми грамматика	Научная грамматика
Ғылыми стиль	Научный стиль
Ғылыми транскрипция	Научная транскрипция
Ғылыми этимология	Научная этимология

Д

Дара анықтауыш	Простое определение
Дара бастауыш	Простое подлежащее
Дара баяндауыш	Простое сказуемое
Дара дауыссыздар	Простые согласные, одинарные согласные
Дара етістік	Простой глагол
Дара толықтауыш	Простое дополнение
Дара пысықтауыш	Простое обстоятельство
Даралаушы белгі	Дифференциальный признак
Даралаушы (түбірлі) тілдер	Изолирующие (корневые) языки
Дауыссыз дыбыстар (дауыссыздар)	Согласные звуки
Дауыссыздардың жіктелуі (классификациясы)	Классификация согласных
Дауысты дыбыстар (дауыстылар)	Гласные звуки
Дауыстылардың жіктелуі (классификациясы)	Классификация гласных
Дәйекше	Апостроф (в арабско-казахском алфавите)
Дәлелдеме (мотивация)	Мотивация, мотивировка
Дәлелдеме белгісі	Мотивирующий знак
Дәлелдемелі сөз	Мотивированное слово
Дәлелдемесіз сөз	Немотивированное слово
Дәнекер	Связующий элемент
Дәстүрлі лингвистика	Традиционная лингвистика
Дейксис	Дейксис
Демеулік, демеулік шылау	Частица
Денотат (таңбаланушы)	Денотат (обозначаемое)
Денотативтік қатынас (сөздің аталатын затпен ара-қатынасы)	Денотативная отнесенность (предметная отнесенность слова)

Денотация	Денотация
Деңгей (саты, жүйе, тілдік шағын жүйе)	Уровень (ярус, подсистема языка)
Дербес сөздер	Самостоятельные слова
Дескриптивті лингвистика	Дескриптивная лингвистика
Дефис	Дефис
Диалект	Диалект
Диалектизм	Диалектизм
Диалектография	Диалектография
Диалектология	Диалектология
Диалектологиялық атлас	Диалектологический атлас
Диалектологиялық карта	Диалектологическая карта
Диалектологиялық сөздік	Диалектологический словарь
Диалектілік лексика	Диалектная лексика
Диалектілік құбылыс	Диалектное явление
Диалог	Диалог
Диахрония	Диахрония
Диахрониялық (тарихи) лингвистика	Диахроническая (историческая) лингвистика
Диграф (диграмма)	Диграф (диграмма, двойная буква)
	Дивергенция (звуковые, языковые расхождение)
Диереза	Диереза
Динамикалық (лебізді) екпін	Динамическое (силовое, эспираторное) ударение
Дисгармония (үндестіктің бұзылуы)	Дисгармония
Диссимиляция (керігу)	Диссимиляция (расподобление)
Дистрибутивтік әдіс	Дистрибутивный метод
Дистрибуция	Дистрибуция
Дифтонг	Дифтонг
Дифтонгоид	Дифтонгоид
Дифференциация, тілдердің ыдырауы (бөлінуі)	Дифференциация, обособление языков (расхождение языков)
Дифференциациялық процесс (ыдырау процесі)	Процесс дифференциации
Диффузды дыбыс	Диффузный звук
Диффузды (айқын бөлшектенбеген) сөйлеу	Диффузная (нечленораздельная) речь

Дөрекі лексика (вульгаризм)	Вульгарная лексика
Дублет (дублет тұлға)	Дублет (дублетная форма), разновидность данной языковой единицы
Дублет сөздер (толық синонимдер)	Дублетные слова, лексические дублеты (полные синонимы)
Дублет тұлғалар	Дублетные формы
Дүбара тіл	Гибридный язык, смешанный язык
Дыбыс	Звук
Дыбыс алмасуы	Чередование звуков
Дыбыс артикуляциясы	Артикуляция звуков
Дыбыс әлсіреуі	Ослабление звука
Дыбыс әуені (тембрі)	Тембр звука
Дыбыс заңдары	Звуковые (фонетические) законы
Дыбыс көтеріңкілігі	Высота звука
Дыбыс күші	Сила звука
Дыбыс салдыры	Шум звука
Дыбыс созыңқылығы	Длительность звука
Дыбыс тоны	Тон звука, т.е. физическое качество звуча
Дыбыс экскурсиясы (артикуляциялық бейімдеу)	Экскурсия звука
Дыбыстау аппараты	Произносительный аппарат
Дыбыстау мүшелері	Произносительные органы
Дыбыстық белгі	Обозначение тона гласного звука (китайского слога)
Дыбыстық жазу	Звуковое (фонетическое) письмо
Дыбыстық қабық	Звуковая оболочка
Дыбыстық қайталама	Звуковой повтор
Дыбыстық өзгеріс	Звуковое изменение
Дыбыстық тіл	Звуковой язык
Дыбыстық сәйкестік	Звуковое соответствие
Дыбыстық сөйлеу (сыртқы сөйлеу)	Звуковая (внешняя речь)
Діріл дауыссыз	Дрожащий согласный

Е

Езулік дауыстылар	Негубные гласные
Екпін	Ударение

Екпін құбылмалығы	Изменчивость ударения
Еліктеу сөздер	Звукоподражательные слова
Еліктеуіш сөздер	Звуко-образоподражательные слова
Емле (орфография)	Правописание, орфография
Еркін аударма	Свободные перевод, вольный перевод
Емле ережесі	Правило правописания
Еркін сөз тіркесі	Свободное словосочетание
Еріндік дауыстылар	Губные гласные
Есептік сан есім	Количественное числительное
Есім баяндауыш	Именное сказуемое
Есім сөздер	Именные слова
Есім меңгеру	Именное управление
Есімді тіркес	Именное сочетание (словосочетание)
Есімді фразеологизм (есім фразеологизм)	Именной фразеологизм
Есімдік	Местоимение
Есімше	Причастие
Есімшелік орам (есімшелік оборот)	Причастный оборот, причастная конструкция
Етіс (етіс категориясы)	Залог (категория залога)
Етістік баяндауыш	Глагольное сказуемое
Етістік меңгеру	Глагольное управление
Етістік райлары	Наклонение глагола
Етістік тұлғалары	Формы глагола
Етістік шақтары	Времена глагола
Етістікті тіркес	Глагольное сочетание (словосочетание)
Етістікті фразеологизм (етістік фразеологизм)	Глагольный фразеологизм

Ж

Жазба ескерткіштері (жазу ескерткіштері)	Письменные памятники, письменность
Жазба тіл	Письменный язык
Жазу	Письмо
Жазу таңбалары	Письменные знаки

Жазу түрлері	Типы письма
Жай сөйлем	Простое предложение
Жай шырай	Положительная степень сравнения (имени прилагательного)
Жайылма сөйлем	Распространенное предложение
Жақ (жақ категориясы)	Лицо (грамматическое), категория лица
Жақсыз сөйлем	Безличное предложение
Жақты сөйлем	Личное предложение
Жақша	Скобки
Жалаң (дара) дауыстылар	Краткие (простые) гласные
Жалаң сөйлем	Нераспространенное предложение
Жалғамалы (агглютинативті) тілдер	Агглютинативные языки
Жалғау	Аффикс, окончание (числа, падежа, принадлежности, лица)
Жалғаулық (жалғаулық шылау)	Союз
Жалғаулық мәнді сөз	Союзное слово
Жалғаулықсыз құрмалас сөйлем	Бессоюзное сложное предложение
Жалғаулықсыз сабақтас құрмалас сөйлем	Бессоюзное сложноподчиненное предложение
Жалғаулықсыз салалас құрмалас сөйлем	Бессоюзное сложносочиненное предложение
Жалғаулықты сабақтас құрмалас сөйлем	Сложно подчиненное предложение с союзом
Жалғаулықты салалас құрмалас сөйлем	Сложносочиненное предложение с союзом
Жалған этимология	Ложная этимология
Жалқы есім	Имя собственное
Жалпы есім	Имя нарицательное
Жалпы лексика	Общая лексика
Жалпы тіл білімі (жалпы лингвистика)	Общее языкознание, общее языковедение, общая лингвистика
Жалпы фонетика	Общая фонетика
Жалпылама лексика	Абстрактная лексика
Жалпылау есімдігі	Обобщающее местоимение
Жалпылауыш сөздер	Обобщающие слова

Жалпылингвистикалық	Общелингвистический,
Жалпыхалықтық тіл	общезыковедческий
Жанама толықтауыш	Общенародный язык
Жарыса бағыну	Косвенное дополнение
Жарыспалы бағыныңқылы сабақтас құрмалас сөйлем (жарыспалы бағыныңқылы сабақтас)	Соподчинение
Жасанды тіл	Сложноподчиненное предложение с несколькими однородными или неоднородными придаточными предложениями при одном главном
Жасырын категория	Искусственный язык
Жасырын септік	Скрытая категория, невыраженная категория
Жасырын синтагма	Скрытая (нулевая) падежная форма
Жатық дыбыс	Скрытая (имплицитная) синтагма
Жатыс септік	Ровный звук, I тон китайского слога
Жедел өткен шақ	Местный падеж, локатив
Жеке тіл білімі	Прошедшее категорическое (очевидное) время
Жеңіл дыбыс	Частное языкознание
Жергілікті диалект	Легкий звук, нейтральный тон китайского слога
Жиілік сөздік	Территориальный (местный) диалект
Жуан дауыстылар (тіл арты дауыстылар)	Частотный словарь
Жұрнақ (қосымша, аффикс)	Твердые гласные (гласные заднего ряда)
Жүйе (система)	Аффикс, суффикс
Жүйелі сөз	Система
Жүйелік қатынастар	Связная речь
Жіктеу	Системные отношения
Жіктеу есімдігі	Изменение по лицам, спряжение
Жіктік жалғау	Личное местоимение
Жіңішке дауыстылар (тіл алды дауыстылар)	Личное окончание
Жылжымалы (еркін) синтаксис	Мягкие гласные (гласные переднего ряда)
Жылысу	Мобильный синтаксис
	Переразложение (перемещение границ морфем)

3

Зат есім	Имя существительное (субстантив)
Заттану (субстантивтену)	Субстантивация (субстантивирование)
Заттық мағына (лексикалық мағына)	Вещественное значение (лексическое значение)

И

Игерулі өзгерістер	Комбинаторные звуковые изменения
Игерусіз өзгерістер	Спонтанные звуковые изменения
Идеограмма	Идеограмма
Идеография	Идеография
Идеографиялық жазу	Идеографическое письмо
Идиом	Идиома
Идиоматика	Идиоматика
Идиоматизм	Идиоматизм
Идиомдық тіркес	Идиоматическое сочетание
Иероглиф	Иероглиф
Иероглифика	Иероглифика
Изоглосса	Изоглосса
Изафет	Изафет
Изафеттік құрылым	Изафетная конструкция
Имперфект	Имперфект
Изоляция	Изоляция
Имплицит (жасырын) категория	Имплицитная (скрытая) категория
Имплозив дауыссыз дыбыстар	Имплозивные согласные звуки
Инвариант	Инвариант
Инверсия	Инверсия (нарушение обычного порядка слов)
Индикатив (ашық рай)	Индикатив, изъявительное наклонение
Индукция	Индукция
Инкорпорация	Инкорпорация, инкорпорирование (примыкание к друг другу корней и оформление этого сочетания служебными элементами)

Инкорпорациялық тілдер (полисинтетикалық, көп құрамды тілдер)	Инкорпорирующие языки (полисинтетические языки)
Инновация	Инновация, новообразование
Интегралды метод	Интегральный метод (метод системного исследования языковых явлений)
Интеграция, тілдердің бірігуі (тұтасуы)	Интеграция, объединение языков (схождение языков)
Интеграциялық процесс (бірігу процесі)	Интеграционный процесс, процесс интеграции
Интерлингвистика	Интерлингвистика
Интернационалдық лексика	Интернациональная лексика
Интернационалдық сөздер	Интернациональные слова
Интернационализм	Интернационализм
Интерференция	Интерференция
Интерфикс (қыстырма дыбыс)	Интерфикс (вставной звук)
Интонация	Интонация
Интонациялық	Интонационный (ритмомелодический)
Интонациялық кесте	Интонационный рисунок, интонационный контур
Интонациялық тәсіл	Интонационный метод
Инфикс	Инфикс (аффикс, вставляемый внутрь основы)
Инфинитив (тұйық етістік)	Инфинитив (именная форма глагола)
Информация	Информация
Информациялық теория	Теория информации
Иранистика	Иранистика
Иррадиация	Иррадиация
Ирреалды тұлға	Ирреальная форма

Й

Йот	Йот (среднеязычный щелевой согласный J)
Йотация	Йотация (появление звука J перед гласным звуком в начале слова)

К

Каламбур	Каламбур
Каллиграфия (хаткерлік)	Каллиграфия
Калька (лексикалық калька)	Калька (лексическая калька)
Калькалау	Калькирование
Капиталды (монументалды) жазу	Капитальное (монументальное) письмо
Каузатив (өзгелік етіс)	Каузатив (понудительный залог)
Кәсіби сөздер	Профессиональная лексика, профессионализмы
Квантитативтік талдау (сан-мөлшерлік талдау)	Квантитативный анализ (количественный анализ)
Квантитативтік типология	Квантитативная типология
Кейінді ықпал	Регрессивная ассимиляция
Келер шақ	Будущее время
Келте дауысты дыбыс	Краткий гласный звук
Кеңсе тілі	Канцелярский язык
Кері сөздік	Обратный словарь
Классификация (топтастырылу)	Классификация
Комбинаторлық (позициялық, игерулі) өзгерістер	Комбинаторные (позиционные) звуковые изменения
Коммуникативтік	Коммуникативный
Коммуникативтік қызмет (хабарлау қызметі)	Коммуникативная функция (функция сообщения)
Коммуникативтік синтаксис	Коммуникативный синтаксис
Коммуникация (хабарлау)	Коммуникация (сообщение)
Компаративистика (салыстырмалы тіл білімі)	Компаративистика (сравнительное языкознание)
Компонент	Компонент
Компоненттік талдау	Компонентный анализ
Компьютерлік лингвистика	Компьютерная лингвистика
Конвергент	Конвергент
Конвергенция	Конвергенция
Конверсия	Конверсия
Конкретті (нақты) мағына	Конкретное значение
Коннотация	Коннотация
Консонант (дауыссыз дыбыс)	Консонант, согласный звук

Консонантизм	Консонантизм
Конструкция (орам, тізбек шумақ)	Конструкция (оборот)
Контаминация	Контаминация
Контекст	Контекст
Контрастивтік лингвистика	Контрастивная лингвистика
Концептуалды талдау	Концептуальный анализ
Корреляция	Корреляция
Коррелятивтік	Коррелятивный, соотносительный
Коррелятивтік белгі	Коррелятивный признак
Коррелятивтік қатар	Коррелятивный ряд
Көмей дауыссыздары (көмейлік дауыссыздар)	Гортанные (ларингальные) согласные
Көмектес септік	Инструментальный (орудийный) падеж
Көмекші етістік	Вспомогательный глагол
Көмекші сөздер	Служебные слова
Көнерген сөз	Устарелое слово, архаизм
Көп бағыныңқылы сабақтас	Сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными частями
Көп мағыналылық	Многозначность
Көп нүкте	Многоточие
Көптік жалғау	Окончание множественного числа
Көптік категориясы	Категория множественности
Көпше (көпше түрі)	Множественное число, форма множественного числа
Көркем әдебиет тілі	Язык художественной литературы
Көсемше	Деепричастие
Көсемшелік орам (көсемшелік оборот)	Деепричастный оборот, деепричастная конструкция
Криптография	Криптография
Курсив	Курсив
Күрделенген сөйлем	Осложненное предложение
Күрделі анықтауыш	Сложное определение
Күрделі бастауыш	Сложное подлежащее
Күрделі баяндауыш	Сложное сказуемое
Күрделі етістік	Сложный глагол
Күрделі етістік баяндауыш	Сложное глагольное сказуемое

Күрделі мүше	Сложный член предложения
Күрделі пысықтауыш	Сложное обстоятельство
Күрделі синтаксистік тұтастық	Сложное синтаксическое целое
Күрделі сөздер	Сложные слова
Күрделі толықтауыш	Сложное дополнение
Күшейтпелі (асырмалы) шырай	Усилительная (превосходная) степень сравнения
Күшті меңгеру	Сильное управление
Күшті позиция	Сильная позиция
Кідіріс	Пауза (интонационный раздел)
Кірме сөз	Заимствованное слово (лексическое заимствование), иноязычное слово
Кіріккен сөздер	Слитные слова
Кіріспе	Приступ, экскурсия
Кітаби лексика	Книжная лексика
Кітаби тіл	Книжный язык
Кіші әріп	Маленькая буква, строчная буква

Қ

Қабысу	Примыкание
Қайталама	Повтор
Қалау рай	Желательное наклонение
Қанатты сөздер	Крылатые слова
Қарапайым лексика	Просторечная лексика
Қарапайым сөз	Просторечное слово, просторечие
Қаратпа сөз	Обращение
Қарсылықты бағыныңқы сөйлем	Придаточное уступительное предложение
Қаріп (шрифт)	Шрифт
Қатаң дауыссыздар	Глухие согласные
Қатыстық сын есім	Относительное имя прилагательное
Қимыл есім	Имя действия
Қимыл-сын пысықтауыш	Обстоятельство образа действия
Қимыл-сын бағыныңқы сөйлем	Придаточное предложение образа действия
Қиысу	Согласование
Қолданбалы лингвистика	Прикладная лингвистика

Қолжазба	Рукопись
Қопармалы (флексивті) тілдер	Флексивные языки
Қоршалу	Замыкание
Қос ерінді дауыссыздар	Губно-губные (билабиальные) согласные
Қос нүкте	Двоеточие
Қос сөздер	Парные слова
Қос тілділік	Двуязычие
Қосарланған дауыссыз	Удвоенный согласный
Қосарланған (қосарлы) етістік тіркестер	Парные глагольные сочетания
Қосарланған (қосарлы) етістіктер	Парные глаголы
Қосарлы айқындауыш	Приложение, необособленное приложение
Қосымша (аффикс)	Аффикс, формант
Қосымша екпін	Второстепенное ударение, слабое ударение
Қосымша морфема (аффикстік морфема)	Аффиксальная морфема
Құпия тіл	Тайный язык
Құрама (аралас) баяндауыш	Составное сказуемое, составное именное сказуемое
Құрмалас сөйлем	Сложное предложение
Құрылым (структура)	Структура
Құрылымдық (структуралық) лингвистика	Структурная лингвистика
Құрылымдық әдіс (метод)	Структурный метод
Құрылымдық (структуралық) синтаксис	Структурный синтаксис
Құрылымдық талдау	Структурный анализ
Құрылымдық ұқсастық	Структурное сходство
Қысаң дауыстылар	Узкие гласные (гласные верхнего подъема)
Қысқарған күрделі сөздер	Сложносокращенные слова
Қыстырма дыбыс	Вставной звук
Қыстырма сөздер	Вводные слова

Л

Лабиализация (лабиалдану)	Лабиализация
Лаконизм	Лаконизм
Лакуна (лексикалық сәйкессіздік)	Лакуна (лексическое несоответствие)
Латинизация	Латинизация
Лебізді (динамикалық) екпін	Силовое (динамическое) ударение
Лексема	Лексема
Лексика (сөздік құрам)	Лексика (словарный состав)
Лексикалану	Лексикализация
Лексикалық ауысу	Лексическое заимствование
Лексикалық мағына (заттық мағына)	Лексическое значение (вещественное значение)
Лексикалық нормалану	Лексическая нормализация
Лексикалық сәйкестік	Лексическое соответствие
Лексикалық тұлға	Лексическая форма
Лексикалық ұя	Лексическое гнездо
Лексикология	Лексикология
Лексикография	Лексикография
Леп белгісі (лептік белгі)	Восклицательный знак
Лепті сөйлем	Восклицательное предложение
Лигатура	Лигатура
Лингвал сингармонизм	Лингвальный сингармонизм
Лингвист (тіл маманы, тілтанушы)	Лингвист, языковед
Лингвистика (тіл білімі, тіл ғылымы)	Лингвистика (наука о языке, наука об отношениях между языковыми системами), языковедение, языкознание
Лингвистикалық география (диалектография)	Лингвистическая география (диалектография)
Лингвистикалық карта	Лингвистическая карта
Лингвистикалық категориялар	Лингвистические категории
Лингвистикалық метод (әдіс)	Лингвистический метод
Лингвистикалық палеонтология	Лингвистическая палеонтология
Лингвистикалық психология (тіл психологиясы)	Лингвистическая психология, психология языка

Лингвистикалық статистика (лингвостатистика)	Лингвистическая статистика (лингвостатистика)
Лингвистикалық стилистика (лингвостилистика)	Лингвистическая стилистика (лингвостилистика)
Лингвистикалық типология	Лингвистическая типология
Лингвистикалық универсалиялар (тілдік универсалиялар)	Лингвистические универсалии
Лингвистикалық үнемдеу (тілдік үнемдеу)	Лингвистическая экономия (экономия языковых усилий)
Лингвистикалық философия (тіл философиясы)	Лингвистическая философия (философия языка)
Лингвистикалық дидактика (тілдік лингвистика)	Лингводидактика (лингвистическая дидактика)
Лингвостилистика (лингвистикалық стилистика, тілдік стилистика)	Лингвостилистика (лингвистическая стилистика)
Литота	Литота
Логикалық екпін (ой екпіні)	Логическое ударение
Логикалық грамматика	Логическая грамматика
Логикалық субъект	Логический субъект
Логограмма (идеограмма)	Логограмма (идеограмма)
Логография (идеография)	Логография (идеография)
Логографиялық жазу	Логографическое письмо
Локатив (жатыс септік)	Локатив, местный падеж
Лұғаттық мақала	Словарная статья

М

Мағына	Значение
Мағыналық байланыс	Смысловая связь
Мағыналық топ	Смысловая группа
Макролингвистика	Макролингвистика
Мақал	Пословица
Мақсат бағыныңқы сөйлем	Придаточное предложение цели
Мақсат пысықтауыш	Обстоятельство цели
Мақсатты келер шақ	Будущее достигательное время
Матасу (изафет)	Изафет, тюркский изафет
Математикалық әдіс	Математический метод
Математикалық лингвистика	Математическая лингвистика

Материалдық ұқсастық	Материальное сходство
Машиналық аударма	Машинный перевод
Машиналық қор	Машинный фонд
Мәнерлі сөз	Выразительная речь
Мәнерлеп оқу (мәнерлі оқу)	Выразительное чтение
Мәтел	Поговорка
Мәтін (текст)	Текст
Мезгіл бағыныңқы сөйлем	Придаточное предложение времени
Мезгіл пысықтауыш	Обстоятельство времени
Мекен пысықтауыш	Обстоятельство места
Мемлекеттік тіл	Государственный язык
Меңгеру	Управление
Металингвистика	Металингвистика
Метатеза (дыбыстардың орын ауыстыруы)	Метатеза (перестановка звуков)
Метатіл («екінші қатардағы» тіл, объект тілді баяндауда пайдаланатын тіл)	Метаязык (язык «второго порядка», язык описания языкаобъекта)
Метафора	Метафора
Метод (әдіс)	Метод
Метонимия	Метонимия
Микролингвистика	Микролингвистика, внутренняя лингвистика
Микросистема (шағын жүйе)	Микросистема (подсистема)
Модаль сөздер (әртарап сөздер)	Модальные слова
Модалдық	Модальность
Модель (схема)	Модель (схема)
Монголистика	Монголистика
Монолог	Монолог
Моносемия (бір мағыналылық)	Моносемия (однозначие)
Монофтонг (жалаң дауысты дыбыс)	Монофтонг (простой гласный)
Морф	Морф (предельная грамматическая форма — корень, аффикс)
Морфема	Морфема (класс тождественных морфем)
Морфология (сөз грамматикасы)	Морфология (грамматика слова)
Морфологиялық	Морфологический
Морфологиялық белгі	Морфологический признак

Морфологиялық ерекшеліктер	Морфологические особенности
Морфологиялық категориялар	Морфологические категории
Морфологиялық классификация (топтастыру)	Морфологическая классификация
Морфологиялық принцип (морфологиялық қағида)	Морфологический принцип
Морфологиялық семантика	Морфологическая семантика
Морфологиялық талдау	Морфологический анализ
Морфонема	Морфонема
Морфонология	Морфонология
Мотивация (дәлелдеме)	Мотивация
Мұрын жолды дауыссыз	Носовой сонорный согласный
Мұрын жолдану	Назализация

Н

Нақ осы шақ	Настоящее данного момента, собственнонастоящее время
Нақыл сөз (афоризм)	Афоризм
Негіз	Основа
Негізгі етіс	Основной залог
Негізгі мағына (жалпы мағына)	Основное значение, общее значение
Негізгі сөздік қор	Основной словарный фонд
Негізгі түбір	Непроизводная основа
Нейролингвистика	Нейролингвистика
Нейтрализация (бейтараптану)	Нейтрализация
Неолингвистика	Неолингвистика
Неологизм (жаңа сөз немесе жаңа сөз қолданысы)	Неологизм (новое слово или выражение)
Номинатив (атау септік)	Номинатив (именительный падеж)
Номинативтік (атаулы)	Номинативный
Номинативтік құрылысты тілдер	Языки номинативного строя
Номинативтік функция (атауыштық қызмет)	Номинативная функция
Номинация (атау)	Номинация
Норма	Норма (принятое употребление языковых средств)
Нормалану	Нормализация

Нормативтік
Нормативтік грамматика
Нормативтік сөздік
Нүкте
Нүктелі үтір

Нормативный
Нормативная грамматика
Нормативный словарь
Точка
Точка с запятой

О

Объект
Объект тіл (сипатталатын тіл)

Объектілік
Объектілік етістік
Объектілік қатынастар
Одағай
Ой екпіні
Ойма жазу
Оқшау сөздер

Объект
Языкобъект (язык как предмет описания)
Объектный
Объектный глагол
Объектные отношения
Междометие
Логическое ударение
Надпись
Слова и сочетания в независимой позиции (слова, не связанные грамматически с членами предложения)
Омограф
Омоним
Омонимичные слова
Омонимичный ряд
Омонимия
Омофон
Омоформа
Ономастика
Ономасиология
Обособленное приложение
Обособленные члены предложения
Оборот (конструкция)
Ориенталистика, востоковедение
Фиксированный синтаксис
Совместный залог (например, в казахском языке)
Общий язык (койне)

Омограф
Омоним
Омонимдес сөздер
Омонимдік қатар
Омонимия
Омофон
Омоформа
Ономастика
Ономасиология
Оңашаланған айқындауыш
Оңашаланған мүшелер
Орам (тізбек, шумақ, оралым)
Ориенталистика (шығыстану)
Орнықты (тұрақты) синтаксис
Ортақ етіс

Ортақ тіл (койне)

Орын тәртібі (орналасу)

Порядок (расположение, локализация)

Орфография (емле)

Орфография (правописание)

Орфографиялық сөздік

Орфографический словарь

Орфоэпия

Орфоэпия

Орфоэпиялық сөздік

Орфоэпический словарь

Осы шақ

Настоящее время

Ө

Өзгелік етіс

Понудительный залог (например, в казахском языке)

Өздік есімдік

Возвратное местоимение

Өздік етіс

Возвратный залог, взаимно-возвратный залог

Өлі тіл

Мертвый язык

Өрлемелі дыбыс

Быстро восходящий звук, II тон китайского слога

Өткен шақ

Прошедшее время

Өнімді аффикс (жұрнақ)

Продуктивный аффикс

Өнімсіз аффикс (жұрнақ)

Непродуктивный аффикс

П

Пазиграфия

Пазиграфия

Палаталданған (жіңішке) дауыссыз дыбыс

Палатализованный (мягкий, смягченный) согласный звук

Палатализация

Палатализация

Палеография

Палеография

Парадигма

Парадигма (формообразование, совокупность форм словоизменения лексической единицы, совокупность словоформ)

Парадигмалық құрылым (структура)

Парадигматическая структура

Парадигматика

Парадигматика (парадигматический план), рассмотрение единиц языка как совокупности противопоставленных структурных единиц

Паралингвистика	Паралингвистика
Паратакис (салаласа байланысу)	Паратакис (сочинение предложений)
Парафраза	Парафраза
Парцелляция	Парцелляция
Пароним	Пароним
Парономазия	Парономазия
Пассив (ырықсыз етіс)	Пассив (страдательный залог)
Пассив мүшелер	Пассивные органы
Патроним	Патроним
Пауза (кідіріс)	Пауза
Перифраза (ойды тұжырымдап айту)	Перифраза
Перфект	Перфект (прошедшее результативное время)
Перцептивтік функция	Перцептивная функция
Пиктограмма	Пиктограмма
Пиктография	Пиктография
Пиктографиялық жазу (сурет жазуы)	Пиктографическое письмо (рисуночное письмо)
Плеоназм	Плеоназм
Позиция (орналасу)	Позиция (положение)
Позициялық өзгерістер	Позиционные звуковые изменения
Позициялық реңктер	Позиционные оттенки формы
Полиграфизм	Полиграфизм
Полисемия (көп мағыналылық)	Полисемия (многозначность)
Полисиндетон	Полисиндетон
Полисинтетикалық (инкорпорациялық, көп құрамды) тілдер	Полисинтетические (инкорпорирующие, многосоставные) языки
Полифтонг	Полифтонг
Посессивтік (тәуелдік) қатынастар	Посессивные (притяжательные) отношения
Посессивтік құрылысты тілдер	Языки посессивного строя
Постфикс	Постфикс (суффикс в широком смысле)
Поэтикалық тіл	Поэтический язык
Прагматика	Прагматика
Предикат	Предикат

Предикативтік тізбек	Предикативная конструкция
Предикативтілік	Предикативность
Предикаттық (предикативтік)	Предикативный
Предлог	Предлог
Префикс	Префикс (префиксальная морфема)
Префиксация	Префиксация
Проклиза	Проклиза
Проклитика (проклитикалық сөз)	Проклитика (проклитическое слово)
Проминализация (есімдікке айналу)	Проминализация (переход другой части речи в местоимение)
Просодия	Просодия
Просодиялық единица	Просодическая единица
Протеза	Протеза
Пунктуация (тыныс белгілері)	Пунктуация
Пуризм	Пуризм
Пысықтауыш	Обстоятельство
Пысықтауыштық қатынастар	Обстоятельственные отношения

Р

Рай категориясы	Категория наклонения
Редукция	Редукция
Реконструкция (қалпына келтіру)	Реконструкция (восстановление)
Рема (хабарлау мазмұны)	Рема (содержание коммуникации, высказывания)
Ресми тіл	Официальный язык
Ритмика	Ритмика
Риторика	Риторика
Род (тек) категориясы	Категория рода (в казахском языке грамматический род отсутствует)
Романизм	Романизм
Романистика	Романистика
Ротацизм	Ротацизм
Руника	Руника
Руникалық жазу	Руническое письмо
Русизм	Русизм
Русистика	Русистика

С

Сабақтас байланыс (сабақтаса байланысу, сабақтасу)	Подчинительная связь
Сабақтас құрмалас сөйлем	Сложноподчиненное предложение
Сабақтастырушы жалғаулықтар	Подчинительные союзы
Сабақты етістік	Переходный глагол, транзитивный глагол
Салалас байланыс (салаласа байланысу, салаласу)	Сочинительная связь
Салалас құрмалас сөйлем	Сложносочиненное предложение
Салғастырмалы әдіс	Сопоставительный метод
Салдыр дауыссыздар	Шумные согласные
Салт етістік	Непереходный глагол, интранзитивный глагол
Салыстырмалы әдіс	Сравнительный метод
салыстырмалы-тарихи әдіс	Сравнительноисторический метод
Салыстырмалы (ұқсату) бағыныңқы сөйлем	Сравнительное придаточное предложение
Салыстырмалы грамматика	Сравнительная грамматика
Салыстырмалытарихи тіл білімі	Сравнительноисторическое языкознание
Салыстырмалы фонетика	Сравнительная фонетика
Салыстырмалы шырай	Сравнительная степень (имени прилагательного)
Сан есім	Имя числительное
Сан категориясы	Категория числа
Санмөлшерлік екпін	Количественное ударение
Санмөлшерлік редукция	Количественная редукция
Сапалық екпін	Качественное ударение
Сапалық редукция	Качественная редукция
Сапалық сын есім	Качественное прилагательное
Сатылы бағыныңқылы сабақтас құрмалас сөйлем (сатылы бағыныңқылы сабақтас)	Сложноподчиненное предложение с последовательно подчиненными придаточными предложениями
Сахна тілі	Сценическая речь
Себеп пысықтауыш	Обстоятельство причины
Себепсалдар бағыныңқы сөйлем	Придаточное предложение причины

Себепсалдар үстеуі	Наречие причины
Сема	Сема
Семантема (лексикалық мағына)	Семантема (лексическое значение)
Семантика	Семантика
Семантикалық ауысу (калька)	Семантическое заимствование (калька)
Семантикалық байланыс	Семантическая связь
Семантикалық жылжыс	Семантический сдвиг
Семантикалық өріс (ая)	Семантическое поле
Семантикалық синтаксис	Семантический синтаксис
Семантикалық талдау	Семантический анализ
Семантикалық үйір (топ)	Семантическая группа
Семасиология	Семасиология
Семасиологиялық қызмет	Семасиологическая функция
Семиотика	Семиотика
Септеу	Склонение
Септеулік шылау (септеулік)	Послелог
Септік	Падеж
Септік жалғау	Падежное окончание
Сигнификат (таңбалаушы)	Сигнификат (обозначающее)
Сигнификативтік (мағына ажыратушы) қызмет	Сигнификативная (смыслоразличительная) функция
Сингармонизм (үндестік заңы)	Сингармонизм
Синекдоха	Синекдоха
Синкопа	Синкопа
Синкретизм	Синкретизм
Синкретикалық	Синкретический
Синология	Синология
Синоним	Синоним
Синонимдес сөздер (мәндес сөздер)	Синонимичные слова
Синонимдік қатар	Синонимичный ряд
Синонимдік ұя	Синонимическое гнездо
Синонимдік доминант (басым синоним)	Синонимический доминант
Синонимика	Синонимика
Синонимия	Синонимия

Синсематикалық (көмекші) сөздер	Синсематические (служебные) слова
Синтагма	Синтагма
Синтагмалық тізбек	Синтагматическая конструкция
Синтагматика	Синтагматика (синтагматический план), членение речи на синтагмы (или словосочетания)
Синтагматикалық грамматика	Синтагматическая грамматика
Синтагматикалық қатынастар	Синтагматические отношения
Синтаксис (жүйелі сөз грамматикасы)	Синтаксис (грамматика связной речи)
Синтаксистік байланыс	Синтаксическая связь
Синтаксистік бөлшек	Синтаксическая единица
Синтаксистік жүйе	Синтаксическая система
Синтаксистік категориялар	Синтаксические категории
Синтаксистік қатынастар	Синтаксические отношения
Синтаксистік құрылым	Синтаксическая структура
Синтаксистік құрылыс	Синтаксический строй
Синтаксистік қызмет	Синтаксическая функция
Синтаксистік орам	Синтаксический оборот
Синтаксистік семантика	Синтаксическая семантика
Синтаксистік (еркін) сөз тіркесі	Синтаксическое (свободное) словосочетание
Синтаксистік талдау	Синтаксический анализ, синтаксический разбор
Синтаксистік топ	Синтаксическая группа
Синтаксистік тізбек	Синтаксическая конструкция
Синтаксистік типология	Синтаксическая типология
Синтаксистік шартты мағына	Синтаксически обусловленное значение
Синтез	Синтез
Синтетизм	Синтетизм
Синтетикалық құрылыс	Синтетический строй
Синтетикалық етістік	Производный глагол синтетического (аффиксального) образования
Синтетикалық форма (тұлға)	Синтетикалық форма (тұлға)
Синхрония	Синхрония

Синхрониялық (сипаттама) лингвистика	Синхроническая (описательная) лингвистика
Сипаттама	Описание
Сипаттама әдіс	Описательный (дескриптивный) метод
Сипаттама грамматика	Описательная грамматика
Сипаттама диалектология	Описательная диалектология
Сипаттама лексикология	Описательная лексикология
Сипаттама фонетика	Описательная фонетика
Славистика	Славистика
Славянизм	Славянизм
Созылыңқы (қосарланған) дауыссыздар	Долгие (удвоенные) согласные
Сонор (үнді) дауыссыздар	Сонорные согласные
Созылыңқы дауыстылар	Долгие гласные
Социолингвистика (әлеуметтік лингвистика)	Социолингвистика (социальная лингвистика)
Социологиялық бағыт	Социологическое направление
Сөз	Слово
Сөз айыру	Словораздел (сигнал границы слов)
Сөз айыру белгісі (руникалық жазуда)	Знак словораздела (в руническом письме)
Сөз ауысуы	Заимствование слов
Сөз екпіні	Словесное ударение
Сөзжасам	Словообразование
Сөз жасау процесі	Словообразовательный процесс
Сөз кестесі	Фигура речи
Сөз қарқыны	Темп речи
Сөз қолданым	Словоупотребление
Сөз құрамы	Состав слова
Сөз мағынасы (лексикалық мағына)	Значение слова, лексическое значение
Сөз мағынасының өзгеруі	Изменение значения слова
Сөз негізі	Основа слова
Сөз орамы (сөз шумағы)	Оборот речи, выражение
Сөз таптары	Части речи
Сөз тәртібі (сөздердің орын тәртібі)	Порядок слов, словопорядок (словопроизводство)

Сөз тудыру (деривация)	Аффиксальное словообразование
Сөз тудырушы	Словообразовательный, словообразующий, деривационный
Сөз тұлғасы	Форма слова, словоформа
Сөз түрлендіру	Словоизменение
Сөз түрлендіруші	Словоизменятельный
Сөз тізбегі	Фразеосочетание
Сөзтізбе	Словник
Сөз тіркесі	Словосочетание
Сөз тіркесі синтаксисі	Синтаксис словосочетания
Сөз тіркесінің түрлері	Типы словосочетания
Сөз тіркесінің бағыныңқы сыңары (компоненті)	Зависимый компонент словосочетания
Сөзбесөз аударма	Дословный перевод, буквальный перевод
Сөздердің орын тәртібі	Порядок слов (словопорядок), расположение слов
Сөздік	Словарь
Сөздік қор	Словарный фонд, лексикон
Сөздік құрам	Словарный состав
Сөздік түрлері	Типы словарей
Сөздің ішкі формасы (ішкі мазмұны)	Внутренняя форма (внутреннее содержание, значение) слова
Сөйлемнің актуалды (коммуникативтік) мүшеленуі	Актуальное (коммуникативное) членение предложения
Сөйлемше	Квазипредложение
Сөйлем	Предложение
Сөйлем моделі	Модель предложения
Сөйлем мүшелері	Члены предложения
Сөйлем мүшелерінің орын тәртібі (орналасуы)	Порядок членов предложения (расположение)
Сөйдем мүшелерінің тұрақты орын тәртібі	Устойчивый порядок членов предложения
Сөйлем синтаксисі	Синтаксис предложения
Сөйлем түрлері	Типы предложения
Сөйлем шумағы	Конструкция предложения
Сөйлеу	Речь, говорение
Сөйлеу әрекеті	Речевая деятельность

Сөйлеу дағдысы	Речевой штамп
Сөйлеу мәдениеті	Культура речи, речевая культура
Сөйлеу мүшелері	Органы речи, речевые органы, артикуляционные органы
Сөйлеу психологиясы	Психология речи
Сөйлеу сазы, сөйлеу әуезі (сөйлеу сарыны)	Мелодика речи
Сөйлеу тілі (ауызекі тіл)	Разговорный язык
Сөйлеу үдемелілігі (сөйлеу интенсивтілігі)	Интенсивность речи
Сөйлеу ырғағы	Ритм речи, речевой ритм
Спонтандық өзгерістер (игерусіз өзгерістер)	Спонтанные звуковые изменения
Стенография	Стенография
Стилистика	Стилистика
Стилистикалық қызмет	Стилистическая функция
Стиль	Стиль
Стилистикалық бояма мағына	Стилистически окрашенное значение
Структура (құрылым)	Структура
Структуралық лингвистика (структурализм)	Структурная лингвистика (структурализм)
Структуралық (құрылымдық) метод	Структурный метод
Субстантив (зат есім)	Субстантив (имя существительное)
Субстантивация (субстантивтену, заттану)	Субстантивация
Субстрат	Субстрат (следы побежденного языка в языке победителя при скрещивании двух языков)
Субстрат тілдер	Субстратные языки
Субъект (қимыл иесі)	Субъект (действующее лицо)
Субъектілік	Субъектный
Субъектілік қатынастар	Субъектные отношения
Субъектілікобъектілік қатынастар	Субъектнообъектные отношения
Суперстрат	Суперстрат (следы языка пришельцев в составе языка коренных жителей)

Супплетив формалар	Супплетивные (образующиеся путем супплетивизма) формы
Супплетивизм	Супплетивизм (образование форм одного и того же слова от разных корней или основ)
Суффикс (жұрнақ)	Суффикс (суффиксальная морфема)
Суффиксация (түбірге жұрнақ қосылу)	Суффиксация (присоединение суффиксов к корням и основам как способ словообразования и формообразования)
Сұрау белгісі	Вопросительный знак
Сұрау есімдігі	Вопросительное местоимение
Сұраулы сөйлем	Вопросительное предложение
Сұраулық демеулік шылау	Вопросительная частица
Сызықша (тире)	Тире
Сын есім	Имя прилагательное
Сын есім шырайлары	Степени сравнения имен прилагательных
Сына жазу	Клинопись
Сындану (сын есімге айналу)	Адъективация
Сыртқы лингвистика	Внешняя лингвистика
Сыртқы синтаксис	Внешний синтаксис
Сыртқы (дыбыстық) сөйлеу	Внешняя (звуковая) речь
Сілтеме	Сноска
Сілтеу есімдігі	Указательное местоимение
Сіңісу	Опущение (деэтимологизация)

Т

Табу сөз (киелі сөз)	Словесное табу, запретное слово (например, на охоте)
Табыс септік	Винительный падеж
Тавтология	Тавтология
Таза тіл (қаймағы бұзылмаған тіл)	Чистый язык, монолитный язык
Тайпа тілі, тайпалық тіл, тайпалық диалект	Племенной язык, язык племени, племенной диалект
Таксономия (систематика)	Таксономия (систематика)
Таксономиялық грамматика	Таксономическая грамматика
Таксономиялық категория	Таксономическая категория

Такт	Такт
Таңба	Знак
Таңбаланушы	Обозначаемое, денотат
Таңбалаушы	Обозначающее, сигнификат
Таптық диалектілер	Классовые диалекты
Тарихи алмасу	Историческое чередование
Тарихи грамматика	Историческая грамматика
Тарихи диалектология	Историческая диалектология
Тарихи құбылмалылық	Историческая изменчивость
Тарихи лексика	Историческая лексика
Тарихи лексикология	Историческая лексикология
Тарихи фонетика	Историческая фонетика
Тарихиэтимологиялық (идеологиялық) талдау	Историкоэтимологический (идеологический) анализ
Тасымал, тасымалдау	Перенос слова
Тәуелдеу категориясы	Категория принадлежности
Тәуелдік жалғау	Окончание принадлежности, притяжательное окончание
Тәуелдік қатынастар	Притяжательные отношения
Тезаурус	Тезаурус
Текст (мәтін)	Текст
Текстология (мәтінтану)	Текстология
Тема (хабарлау негізі)	Тема (основа сообщения, высказывания)
Теңеу	Сравнение, уподобление
Теңдестіру	Отождествление
Теориялық лингвистика	Теоретическая лингвистика
Тепетеңдік (функционалдық ортақтық)	Тождество (функциональная общность)
Термин	Термин
Терминжасам	Терминообразование
Терминология	Терминология
Терминологиялық сөздік	Терминологический словарь
Типология	Типология
Типологиялық әдіс (салыстырмалы- салғастырмалы әдіс)	Типологический метод (сравнительносопоставительный метод)

Типологиялық классификация (грамматикалық тұлға бойынша топтастырылу)	Типологическая классификация (классификация по грамматическому типу)
Типологиялық талдау	Типологический анализ
Типологиялық ұқсастық	Типологическое сходство
Типтік дыбыстар (дауысты, дауыссыз)	Типовые звуки (гласные, согласные)
Тире	Тире
Тоғыспалы ықпал	Взаимовлияние звуков (взаимная ассимиляция)
Толық омонимдер	Полные омонимы
Толық синонимдер	Полные синонимы
Толықтауыш	Дополнение
Толымды сөйлем	Полное предложение
Толымсыз сөйлем	Неполное предложение
Тон (буынның тоны, әуені)	Тон (например, мелодия слога в китайском языке)
Тонема	Тонема
Тонемика	Тонемика
Тоникалық екпін (тондық екпін)	Тоническое ударение, тональное ударение
Топоним (жерсу аты, атауы)	Топоним
Топонимика	Топонимика
Топонимикалық сөздік	Топонимический словарь
Топонимия	Топонимия
Төл сөз	Прямая речь
Төлеу сөз	Косвенная речь
Төмендемелі дыбыс	Быстро нисходящий звук, IV тон китайского слога
Транскрипция	Транскрипция
Транслятив	Транслятив
Транслитерация	Транслитерация
Транспозиция	Транспозиция
Трансформация	Трансформация
Трансформациялақ талдау	Трансформационный анализ
Троп	Троп
Тура мағына (номинативті мағына)	Прямое значение (номинативное значение)

Тура толықтауыш	Прямое дополнение
Туындаушы грамматика	Порождающая грамматика
Туынды етістік	Производный глагол
Туынды мағына	Производное значение
Туынды негіз	Производная основа
Туынды сөз	Производное слово
Туынды тұлға	Производная форма
Туыстас тілдер (туыс тілдер)	Родственные языки
Туыс емес тілдер	Неродственные языки
Тұйық буын	Неприкрытый, закрытый слог
Тұйық етістік	Инфинитив
Тұлға (форма)	Форма
Тұлғалық (формалды)	Формальный
Тұлғалық грамматика (формалды грамматика)	Формальная грамматика
Тұлғасыздық (түрсіздік)	Аморфность
Тұрақты сөз тіркесі	Устойчивое словосочетание
Тұрлаулы мүшелер	Главные члены (предложения)
Тұрлаусыз мүшелер	Второстепенные члены (предложения)
Тұрмыстық лексика	Бытовая лексика
Түбір (негізгі түбір)	Корень (непроизводная основа)
Түбір етістік	Корневой (непроизводный) глагол
Түбір морфема (түбірлі морфема)	Корневая морфема
Түбір сөз (негізгі түбір сөз)	Корневое (непроизводное) слово
Түбірлі тілдер, түбір тілдер, даралаушы тілдер, аморфты тілдер	Корневые языки, изолирующие языки, аморфные языки
Түйдекті тіркес	Скованное сочетание
Түпнұсқа тіл	Языкисточник, язык оригинала
Түркология (түркітану)	Тюркология
Түсіндірме сөздік	Толковый словарь
Тығыз байланыс	Тесная связь
Тыныс белгілері	Знаки препинания
Тырнақша	Кавычки
Тіл	Язык
Тіл білімі (тіл ғылымы, лингвистика, тілтану)	Языкознание, языковедение, наука о языке, лингвистика

Тіл дамыту	Развитие речи
Тіл зерттеу деңгейі	Уровень исследования языка (фонетика, грамматика, лексикология)
Тіл маманы (лингвист, тілтанушы)	Языковед, лингвист
Тіл мәдениеті	Языковая культура
Тіл социологиясы	Социология языка
Тіл мүкістігі	Дефекты речи
Тіл психологиясы	Психология языка, лингвистическая психология
Тіл саясаты	Языковая политика
Тіл типологиясы	Языковая типология
Тіл философиясы	Философия языка, лингвистическая философия
Тілдердің классификациясы (тілдердің топтастырылуы, тілдердің таптастырылуы)	Классификация языков
Тілдердің тоғысуы	Скрещивание языков
Тілдік байланыстар	Языковые контакты
Тілдік бөлшек	Единица языка
Тілдік жағдай	Языковая ситуация
Тілдік жүйе (тілдік система)	Языковая система
Тілдік категория	Языковая категория
Тілдік құбылыс	Языковое явление
Тілдік құрылым (тілдік структура)	Языковая структура
Тілдік норма	Языковая норма
Тілдік одақ	Языковой союз
Тілдік ойлау	Языковое мышление
Тілдік ортақтық	Языковая общность
Тілдік өрнектер	Фигуры речи
Тілдік сана	Языковое сознание
Тілдік семья	Языковая семья
Тілдік стиль	Языковой стиль
Тілдік таңба	Языковой знак
Тілдік туыстық (тілдік туыстастық)	Языковое родство
Тілдік тұлға (тілдік форма)	Языковая форма
Тілдік тұтастық	Языковое единство
Тілдік универсалиялар	Языковые универсалии

Тілдік ұқсастық	Языковое сходство, схождение языков
Тілдік элементтер	Языковые элементы
Тіркес (тіркесу)	Сочетание
Тіркесім	Сочетаемость
Тірі тіл	Живой язык
У	
Увуляр дауыссыздар	Увулярные (язычковые) согласные
Умляут	Умляут
Универсалды грамматика	Универсальная грамматика
Ұ	
Ұғымдық категория	Понятийная категория
Ұйытқы сөз	Стержневое слово, опорное слово (главное слово сочетания)
Ұлт тілі (ұлттық тіл)	Язык нации, национальный язык
Ұлтаралық қатынас тілі	Язык межнационального общения
Ұлттық мәдени қызмет (тілдің этникалық қызметі)	Этнокультурная (этническая) функция языка
Ұя (лексикалық ұя)	Гнездо (лексическое гнездо)
Ұялы сөздік	Гнездовой словарь
Ұяң дауыссыздар	Звонкие согласные
Ұяңдану	Озвончение
Ү	
Үдемелі екпін	Восходящее ударение
Үйірлі анықтауыш	Развернутое определение
Үйірлі бастауыш	Развернутое подлежащее
Үйірлі мүшелер	Развернутые члены предложения (в казахском языке они имеют в своем составе предикативный компонент, выраженный причастием, и на русский язык переводятся обычно как придаточные предложения)
Үйірлі толықтауыш	Развернутое дополнение

Үндестік	Созвучие, гармония
Үндестік заңы (сингармонизм)	Сингармонизм
Үнді (сонор) дауыссыздар	Сонорные согласные
Үнді (тоникалық) екпін	Тональное ударение, тоническое ударение
Үстеме (қосымша) мағына	Побочное (дополнительное) значение
Үстеу	Наречие
Үстеуге айналу	Адвербиализация
Үтір	Запятая

Ф

Фантастикалық дәлелдеме	Фантастическая мотивировка
Филология	Филология
Финитті тұлғалар (предикативті тұлғалар)	Финитные формы, личные (предикативные) формы глагола
Флексия	Флексия
Флексивті (қопармалы) тілдер	Флексивные языки
Фон	Фон
Фонема	Фонема
Фонема реңктері	Оттенки фонемы
Фонематикалық принцип	Фонематический принцип
Фонемика	Фонемика
Фонетика	Фонетика
Фонетикалық алмасу	Фонетическое чередование
Фонетикалық вариант	Фонетический вариант
Фонетикалық жазу	Фонетическое письмо
Фонетикалық мүшелену (фраза, такт т.б.)	Фонетическое членение (фраза, такт и т.д.)
Фонетикалық заңдар	Фонетические законы
Фонетикалық құрылыс	Фонетический строй
Фонетикалық өзгеріс	Фонетическое изменение
Фонетикалық транскрипция	Фонетическая транскрипция
Фонограмма	Фонограмма
Фонология	Фонология
Форма (тұлға)	Форма
Формант	Формант

Формалды (тұлғалық) грамматика	Формальная грамматика
Формалды дәлелдеме	Формальная мотивировка
Фраза (сөз тізбегі)	Фраза
Фразалық екпін	Фразовое ударение
Фразеологизм	Фразеологизм
Фразеология	Фразеология
Фразеологиялық антонимия	Фразеологическая антонимия
Фразеологиялық байлаулы мағына	Фразеологически связанное значение
Фразеологиялық бөлшек (фразеологизм, сөздердің еріксіз тіркесі)	Фразеологическая единица (фразеологизм, несвободное сочетание слов)
Фразеологиялық бірлік	Фразеологическое единство
Фразеологиялық орам (оралым, оборот)	Фразеологический оборот
Фразеологиялық сөз тіркесі (тұрақты сөз тіркесі)	Фразеологическое словосочетание (устойчивое словосочетание)
Фразеологиялық сөздік	Фразеологический словарь
Фразеологиялық тұтастық (фразеологиялық түйдек, идиом)	Фразеологическое сращение, идиом
Фразеологиялық тізбек	Фразеологическое сочетание
Фузия	Фузия
Фузиялы (флексивті) тілдер	Фузионные (флексивные) языки
Функционалдық грамматика	Функциональная грамматика
Функционалдық лингвистика	Функциональная лингвистика
Функционалдық семантика	Функциональная семантика
Функционалдық синтаксис	Функциональный синтаксис
Функционалдық сөздер	Функциональные слова
Функционалдық стилистика	Функциональная стилистика
Функционалдық стильдер	Функциональные стили
Функция (қызмет)	Функция

Х

Хабарлау интонациясы	Интонация сообщения, коммуникативная интонация
Хабарлау қызметі	Функция сообщения, коммуникативная функция (языка)
Хабарлы сөйлем	Повествовательное предложение

Халықаралық терминдер	Международные термины
Халықаралық тіл	Международный язык
Халықаралық фонетикалық алфавит	Международный фонетический алфавит
Халық тілі	Язык народности
Халық этимологиясы, халықтық этимология	Народная этимология
Хаткерлік (каллиграфия, көркем жазу)	Каллиграфия

Ц

Цитатты сөз	Цитатная речь
Циркумфлекс, циркумфлекті (жеңіл) екпін	Циркумфлекс, циркумфлексное (облегченное) екпін
Цифрлы код	Цифровой код

Ш

Шағын стиль	Подстиль
Шақ категориясы	Категория времени
Шартты бағыныңқы сөйлем	Придаточное условное предложение (придаточное предложение условия)
Шартты рай	Сослагательное наклонение, конъюнктив, условное наклонение (в казахском языке)
Шегініс	Отступ, рекурсия
Шендесу	Зияние
Шешендік сөз	Ораторская речь
Шұғыл (үзілмелі) дауыссыздар	Эксплозивные согласные, смычные согласные, мгновенные согласные
Шығандамалы дыбыс	Нисходяще-восходящий звук, III тон китайского слога
Шығыс септік	Исходный падеж, аблатив
Шылау сөздер	Служебные слова
Шынайы дәлелдеме	Реальная мотивировка
Шырай түрлері	Степени сравнения (прилагательных)

Ы

Ызың (сүзілмелі) дауыссыздар	Свистящие согласные, проточные фрикативные согласные
Ықшам дауыстылар	Краткие гласные
Ым тілі	Язык жестов, кинетическая речь (ручная речь)
Ырыксыз етіс	Страдательный залог

І

Ілгерінді ықпал	Прогрессивная ассимиляция согласных
Ілік септік	Родительный падеж, притяжательно-родительный падеж, генетив
Ішкі лингвистика	Внутренняя лингвистика
Ішкі реконструкция	Внутренняя реконструкция
Ішкі синтаксис	Внутренний синтаксис
Ішкі флексия	Внутренняя флексия
Іштей сөйлеу	Внутренняя речь (эндофазия)

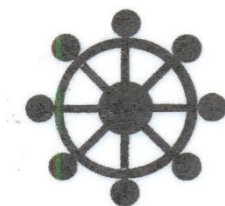
Э

Эвфемизм	Эвфемизм
Эвфония	Эвфония
Экватив	Экватив (сравнительный падеж)
Эквивалент	Эквивалент
Экзофазия (сыртқы, дыбыстық сөйлеу)	Экзофазия (внешняя, звуковая речь)
Эксперименталды (эксперименттік) фонетика	Экспериментальная фонетика
Экспрессивтік (сәулелендіруші) қызмет	Экспрессивная функция
Экспирация	Экспирация
Эксплицит (айқын) категория	Эксплицитная (открытая) категория
Экстралингвистика	Экстралингвистика, внешняя лингвистика
Элизия	Элизия

Эллипсис (элизия)	Эллипсис (элизия)
Эллипсистік сөз орамы	Эллиптическая конструкция
Эмоционалды лексика	Эмоциональная лексика
Эмоционалды (эмоциялық) реңк	Эмоциональная окраска
Эмфаза	Эмфаза
Эмфатикалық сөз	Эмфатическая речь
Эндофазия (іштей сөйлеу)	Эндофазия (внутренняя речь)
Энклиза	Энклиза
Энклитика, энклитикалық сөз	Энклитика, энклитическое слово
Эпентеза	Эпентеза (вставка, параптиксис)
Эпитеза	Эпитеза
Эпитет	Эпитет (образное определение)
Эргативтік құрылысты тілдер	Языки эргативного строя
Эстетикалық қызмет	Эстетическая функция
Этимология (сөз төркіні)	Этимология
Этимологиялық принцип	Этимологический принцип
Этимологиялық сөздік	Этимологический словарь
Этимон	Этимон
Этникалық атау	Этническое название
Этникалық қызмет	Этническая функция
Этнолингвистика (этнографиялық лингвистика)	Этнолингвистика (этнографическая лингвистика)
Этноним (этникалық атау)	Этноним (этническое название)
Этнонимика	Этнонимика (раздел ономастики)
Этнонимия	Этнонимия

V

НАУКА И СУДЬБЫ

ВСТРЕЧИ АКАДЕМИКА А.Н. САМОЙЛОВИЧА С КАЗАХСКИМИ УЧЕНЫМИ-ЛИНГВИСТАМИ (ИЮНЬ 1936 ГОДА)

Академик А.Н. Самойлович широко известен как выдающийся востоковед-тюрколог, директор Института востоковедения АН СССР, один из организаторов науки в Казахстане¹. В июне 1936 г. корифей советского востоковедения в последний раз посетил историческую родину элитных яблонь Алма-Аты (Алматы). Своими впечатлениями об этом он поделился на страницах местной газеты в статье «Алматинские встречи»:

«Интересные встречи были в Институте национальной культуры. Интересны они для меня тем более, что я участвовал в организации этого института. С тех пор институт значительно вырос. Здесь работают сейчас три сектора – языка, фольклора и исторический. Выросли прекрасные национальные кадры научных работников... Большую и хорошую зарядку для дальнейшей научной деятельности дали мне 18 дней, проведенных в Алма-Ате. Вернувшись в Ленинград, я приступлю к основной своей научной работе – истории казахского языка» («Социалистическая Алма-Ата», 21.06.1936).

После гибели ученого в 1938 г. наступили годы забвения, и только через 18 лет справедливость восторжествовала, в 1956 г. ученому было

¹ Александр Николаевич Самойлович (1880 –1938) – выдающийся российский тюрколог, по национальности украинец, родился в Нижнем Новгороде, окончил в 1903 г. факультет восточных языков Петербургского университета, в 1929 г. избран академиком АН СССР, в 1932-1935 гг. председатель Президиума Казахстанского отделения (филиала) АН СССР, в 1934-1937 гг. директор Института востоковедения АН СССР. 2 октября 1937 года А.Н. Самойлович был арестован, по доносу обвинен в сотрудничестве с японской разведкой и в пантюркизме («в своей научной деятельности воспитывал буржуазных националистов»). 13 февраля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР акад. А.Н. Самойлович был приговорен к расстрелу, что было немедленно исполнено. Наконец, 25 августа 1956 г. этот несправедливый приговор был отменен, а пострадавший за тюркологию ученый был реабилитирован.

возвращено доброе имя, благодаря усилиям почитателей стали вновь изучаться и издаваться его научные труды².

В начале 2006 г. автор данной публикации обнаружил и изучил в Архиве НАН Казахстана (ф.1, оп.1, д.357, л.1-106) трудноразличимую, невыправленную стенограмму трех докладов акад. А.Н. Самойловича на заседаниях совета НИИ национальной культуры от 8-9 июня 1936 года. Стенограмма представляет собой машинописный текст (скорее всего, 3-й экземпляр) на пожелтевшей бумаге. Поскольку архивный материал, оставшийся неопубликованным, значительно дополняет творческую биографию ученого, мы приводим сокращенное изложение этих докладов, ответы на заданные вопросы и выступления казахских языковедов, снабжая изложение необходимыми комментариями.

Заседание совета открыл его председатель, директор НИИ национальной культуры Б. Алманов³. Он сказал:

«Товарищи, разрешите заседание совета НИИ национальной культуры с представителями отдельных организаций, лингвистами, историками и литераторами считать открытым.

Академик Александр Николаевич Самойлович прибыл в Казахстан для чтения докладов и участия в работе Института национальной культуры, главным образом, в области языкового строительства, изучения истории казахской литературы и изучения истории казахского народа.

Александр Николаевич достаточно знаком нам, казахстанцам, и всем восточным народностям нашего Советского Союза. Он – крупнейший востоковед и, в частности, у нас в Казахстане несколько лет руководил Казахстанским филиалом Академии наук СССР.

Александр Николаевич думал побыть у нас несколько дольше, но в связи с тем, что он должен выехать на Международный лингвистиче-

² Ашнин Ф.Д. Александр Николаевич Самойлович. 1880–1938. – «Тюркологический сборник. 1974». – М., 1978. – С. 8-27; Аракин В.Д. Сравнительно-исторический метод в исследованиях А.Н. Самойловича. – Там же. – С. 31–45; Абрамзон С.М. А.Н. Самойлович – этнограф. – Там же, с 169–197; Усманов М.А. А.Н. Самойлович и изучение актовых источников Джучиева улуса. – Там же. – С. 256–252; Малышева М.П., Познанский В.С. Неопубликованные статьи академика А.Н. Самойловича // «Известия АН КазССР, серия филологическая, 1988, №3. – С. 58-66; Благова Г.Ф. Из истории тюркской текстологии. А.Н. Самойлович – исследователь «Бабур-наме». – М., 1993; Благова Г.Ф. А.Н. Самойлович и Н.К.Дмитриев: архивные материалы А.Н. Самойловича и их значение для тюркологии // Сб. «Вопросы тюркской филологии», вып. IV. – М.: ИСАА при МГУ, 1993. – С. 21-30; Благова Г.Ф. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков // «Вопросы языкознания», 2002, №5; Благова Г.Ф. Александр Николаевич Самойлович – диалектолог и грамматист (по архивным материалам) // Сб. «Вопросы тюркской филологии», вып. V. – М.: ИСАА при МГУ, 2003., Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Сост. и отв. ред. Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов. – М.: Вост. Лит., 2005.

³ Баймен Алманович Алманов (1896-1943) – активный участник гражданской войны и социалистического строительства в Казахстане, партийный и советский работник. Родился в Иргизском районе Актюбинской области, окончил в 1916 г. учительскую семинарию в Актюбинске, член ВКП (б) с 1918 г., председатель Иргизского ревкома (1918-1920), председатель Адайского ревкома (1922-1924), директор Казахского пединститута (1932), директор Казахского НИИ национальной культуры (1936), зам. председателя Комитета по науке ЦИК Казахстана.

ский конгресс, нам надо максимально использовать это короткое время и все возможности для тесного общения с ним, для приобретения знаний».

* * *

Академик А.Н. Самойлович свой первый доклад для казахских ученых прочитал на тему **«О результатах I лингвистического съезда Туркмении в связи с языковым строительством в Казахстане»**.

Докладчик прежде всего поблагодарил Казахское правительство за приглашение принять участие в научной работе по вопросам языка, литературы и истории.

«С момента моего приезда, – сказал Александр Николаевич, – прошло пять дней. За этот срок я успел ознакомиться только с некоторыми научно-исследовательскими и культурно-просветительскими учреждениями Алма-Аты. Я должен сказать, что в области осуществления национальной политики Ленина-Сталина Крайкому Казахстана во главе с тов. Мирзояном и правительству во главе с товарищами Кулумбетовым и Исаевым удалось за последние годы и в области науки, и в области народного хозяйства, и в области народного искусства достигнуть выдающихся успехов⁴.

При знакомстве с работой Института национальной культуры, с работой в области языка и литературы я обратил внимание на то, что за последние годы значительно выросли кадры национальных научных работников, занимающихся столь важными для Казахстана культурными вопросами: вопросами языка и его дальнейшего развития, вопросами развития казахской художественной литературы, вопросами изучения казахского фольклора, играющего большую роль и в области развития художественной литературы».

А.Н. Самойлович отметил, что лингвистический съезд в Ашхабаде на всех участников произвел весьма благоприятное впечатление своей организованностью, своей подготовленностью. Участники съезда получили в печатном виде развернутые тезисы докладов на русском и туркменском языках. В работе съезда активно участвовали туркменские педагоги и писатели, представители АН СССР, руководители партии и правительства Туркменистана, гости из Азербайджана, Башкирии, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. А.Н. Самойлович выразил сожаление ввиду того, что на данном съезде Казахстан не был представлен. Он сказал следующее: «Прежде всего, достаточно выросшие лингвистические кадры Казахстана внесли бы, безусловно, свою положительную лепту в тот коллективный труд, который был осуществлен на этом съезде, и с другой стороны я полагаю, что эта коллективная работа Туркменского съезда была бы полезна и для представителей Казахстана».

⁴ Все названные руководители Казахской республики (Левон Исаевич Мирзоян, Узакбай Кулумбетов, Ораз Исаев), как и сам акад. А.Н. Самойлович, вскоре стали жертвами политических репрессий.

Съезд был открыт председателем СНК Туркменской республики К.С. Атабаевым. Он отметил те ошибки, которые были допущены в языковом строительстве Туркмении на предыдущей конференции.

Научным докладом, который подвергся на съезде детальному обсуждению, был доклад проф. А.П. Поцелуевского, «крупного знатока туркменского языка, который посвятил себя изучению языкового строительства». Доклад А.П. Поцелуевского касался вопроса туркменской орфографии. Принципиальную критику этого доклада дала С.Л. Быховская, представительница Института языка и мышления АН СССР. Она отметила, что проект реформы туркменского правописания, предлагаемый проф. А.П. Поцелуевским, излишнее внимание уделяет фонетике, базируясь на фонетическом принципе. С.Л. Быховская предостерегала от злоупотребления фонетическим принципом при установлении правописания. Эта точка зрения встретила сочувствие большинства участников съезда.

«Таким образом, – отметил А.Н. Самойлович, – в результате этого съезда в отношении основ правописания была укреплена позиция морфологическая, общий фонетический и морфологический принцип, который везде у нас рекомендован. Повторяю, что в специфических условиях Туркмении и неизжитом резком различии между отдельными диалектами, по-видимому, эта линия должна быть признана правильной».

Значительно меньше возражений вызвал доклад М. Богдановой по вопросам туркменской терминологии. Этот доклад произвел на участников съезда особое впечатление и признан полезным не только для Туркмении, но и для некоторых других братских республик и областей, где терминологическая работа несколько отстала⁵. В докладе содержалась критика ошибок в языковом строительстве Туркмении, критика той терминологии, которая существовала до I Туркменского лингвистического съезда.

Выступавшие говорили о «хаосе в терминах» и «отставании синтаксиса туркменского языка от требований жизни», что особенно отражается на качестве туркменских переводов трудов классиков марксизма-ленинизма. «Недостатки этих переводов, – сказал А.Н. Самойлович, – в основном те же самые, как и в Казахстане, что было отмечено в статье С. Аманжолова⁶ и в моем труде⁷».

Относительно терминологии А.Н. Самойлович отметил следующее: «В силу того, что теперь небывалым образом растет культура, растет наука, язык не может оставаться в старых своих узких рамках. Эти

⁵ См.: Беседа с академиком А.Н. Самойловичем [в связи с I лингвистическим съездом Туркмении] // «Туркменская искра», 17.05.1936; Самойлович А.Н. За высокую квалификацию работников языкового фронта // «Туркменская искра», 24.05.1936

⁶ Аманжолов С. О языке перевода классиков марксизма-ленинизма. – Труды Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, т. I. – Алма-Ата – М., 1935. – С. 14-26.

⁷ Самойлович А.Н. Первые переводы «Коммунистического Манифеста» на казахский и узбекский языки // Сб. «Памяти Карла Маркса». – М.-Л., 1933. – С. 827-840.

рамки тесны, они ломаются, и мы должны приветствовать это. Вместе с этим, мы не должны отказываться от тех данных языка, которые не утеряти своей роли».

Остановившись на задачах языкового строительства в Казахстане, А.Н. Самойлович сказал: «В свое время, когда вырабатывался новый алфавит, не были учтены интересы языкового строительства таких языков, как казахский, каракалпакский, татарский, башкирский. Одной из самых главных причин, приводящих к необходимости пересмотра орфографии казахского языка, является неустранение и поныне дефектов нового алфавита. Что касается вопроса терминологии и ряда других вопросов, которые здесь также разрабатываются, я думаю, они настолько продвинулись вперед, что о них можно сегодня не говорить».

* * *

Второй свой доклад акад. А.Н. Самойлович прочитал на тему **«Некоторые вопросы истории туркменского литературного языка»**.

«Туркменское правительство, – сказал докладчик, – предложило мне выступить с докладом на тему «История туркменского литературного языка». Всем известно, что история туркменского языка и, в частности, история туркменского литературного языка еще не написана. Выступая на съезде с докладом, который я озаглавил: «Некоторые материалы и соображения по истории туркменского литературного языка», я ограничил рамки своего доклада эпохой развития туркменского языка в условиях классового общества.

Отметив, что предки туркмен довольно рано в различных местах перешли к оседлой жизни, к земледельческой культуре, к кустарной промышленности и торговле в городах, в оазисах Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, А.Н. Самойлович подчеркнул, что важнейшим источником по истории тюркских языков, туркменского языка в частности, является труд лингвиста XI века Махмуда Кашгарского.

Переходя к XIV-XV векам, докладчик обратил внимание на важную роль, которую играл живой туркменский язык в литературном языке на территории Хорезма, в формировании среднеазиатско-тюркского литературного языка. Далее он сказал: «Теперь спрашивается, какое существует соотношение между туркменской и чагатайской литературой, основанной главным образом Тимуром. Литературный язык государства Тимуридов назывался и должен называться чагатайским. Этот язык развивался в пределах XV и начала XVI века. Я утверждаю, что туркменский язык принимал участие в образовании не только золотоордынской, но и чагатайской художественной литературы. С другой стороны, чагатайский язык принимал участие в развитии туркменского литературного языка XVII-XVIII веков. Так, язык туркменского поэта Гаиби, сторонника бухарского эмира, является перепевом языка чагатайского».

Наконец, отдавая дань «новому учению» о языке, докладчик коснулся вопроса ирано-тюркского «скрещивания» в туркменском языке,

участия иранских элементов в словообразовании (например, naadogru «неправильный; неправильно»), как это наблюдается и в азербайджанском, и в узбекском языках.

* * *

Третий доклад акад. А.Н. Самойлович посвятил теме **«Богатый и бедный в тюркских языках»**. Одноименную работу докладчик написал для сборника «Памяти Энгельса», который издается союзной АН⁸. Он сказал: «К сожалению, я ее не взял и поэтому сегодня, выступая перед вами, излагаю эту работу исключительно по памяти. Основная цель работы – попытаться проникнуть в глубь времен за пределы истории отдельных языков тюркской системы».

Далее он под влиянием «нового учения» о языке заявил: «Ядвигаю положение, что слова бар и жоқ, первоначально в отдельных тюркских языках обозначающие, с одной стороны, присутствие или отсутствие чего-либо (как имя существительное), с другой стороны, «обладающий, имеющий» или «не обладающий, не имеющий» (как прилагательное), на ранней стадии общественной формации усвоили новое значение социального порядка – «богатый» и «бедный».

Вместе с тем, А.Н. Самойлович в названной статье и сокращенном докладе воздержался от собственно «палеонтологического анализа» концептов «богатый» и «бедный», представленных многочисленными словами тюркских языков.

Предупреждая возможные упреки последователей акад. Н.Я. Марра, он пообещал: «В дальнейшем я коснусь ряда терминов чрезвычайно выпуклых и особенно центральных, где выявлена связь языка с социальными явлениями».

Затем докладчик ответил на некоторые вопросы слушателей.

Чем объясняется отставание работы по синтаксису?

– Это объясняется тем, что изучение синтаксиса представляет особые трудности и для этого требуется значительная подготовка. Отставание работ по синтаксису нельзя считать специфической особенностью тюркского языкознания, но надо прибавить, что принимаются меры к ликвидации этого отставания. У нас по ряду языков тюркской системы на первый план поставлена работа синтаксическая (Ташкент).

Почему такие интернациональные термины как «Совет», «революция» кое-где упорно изгоняются?

– Термин «Совет» действительно интернациональный, но как-то получается неладно, когда за рубежом совет употребляется в значении «Совета», а в пределах Советского Союза избегают этого термина под разными предлогами. Здесь момент политической заостренности играет большую роль. Я указывал на это в моей работе – в статье о переводе на казахский и узбекский языки «Коммунистического Манифеста».

⁸ Самойлович А.Н. Богатый и бедный в тюркских языках // «Известия АН СССР», 1936, №4. – С. 21-66.

Вопрос об элементах флективности в казахском языке.

– Этот вопрос рассматривался С. Аманжоловым в его статье⁹. Что касается соотношения типа мен – маған, сен – саған в казахском языке, здесь дело более сложное. Здесь мы имеем два различных исторически слова, и нельзя говорить, что маған «мне» от мен «я», а саған «тебе» от сен «ты». Мне кажется, что этот вопрос исследователем не доведен до конца. Нельзя сопоставлять несопоставимые вещи. Мне кажется, история мен и сен иная, чем история маған и саған.

[Полагаем, что акад. А.Н. Самойлович в данном вопросе излишне категоричен. Древнетюркские формы дательного падежа личных местоимений *baŋa < бер «я», таŋa < теп «я»*, как и казахские формы маған и саған, несомненно, обнаруживают элементы фузии¹⁰, свойственной фузионным или флективным языкам. Для прояснения вопроса считаем необходимым привести соответствующий отрывок из статьи С. Аманжолова. – А.А.].

«Наша задача – показать возможность перерастания агглютинативных языков в флективные, основывая свои доводы на том, что и в агглютинативных языках есть элементы флексии, что между языками всех трех типов не было и нет китайской стены. В каждом из них имеются элементы и флективности, и агглютинативности, и синтетичности...

Говоря об агглютинативной природе казахского языка, нельзя обходить молчанием существующие в нем элементы флективности.

Даже не специалист-языковед может заметить, что местоимения у казахов как личные (*мен – я, сен – ты, ол – он*), так и указательные (*анау – тот, мынау – этот, әне – вон, міне – вот, бұл – этот, осы – это, сол – тот и т.д. и т.п.*) при склонениях не сохраняют своих корней, а изменяются, ломаются, удлиняются, порою сокращаются, оставляя иногда даже до одного звука и, наоборот, из двух звуков превращаясь в четырехзвуковые слова.

Меняясь, слово *мен* в дательном падеже единственного числа вместо того, чтобы принять окончание *-ға, -ге, -қа, -ке* прямо без изменения основ самого местоимения, превращается в неузнаваемый вид, с новым начертанием слова, т.е. превращается в *маған*. Слово *сен* – в *саған*, слово *ол* – в *оған*. Меняясь, слово *анау* превращается (в дательном падеже) в *анаған*, *бұл* – в *бұған*, *сол* – в *соған* и т.д.»¹¹.

Вопрос о формах казахских фамилий.

– Мне представляется наиболее рациональным предложение не принимать ни «-ин», ни «-ов», а обходиться без них, скажем, не «Жубанов», а «Жубан» – и красиво, и коротко.

Вопрос об едином правописании для казахского и для туркменского языков.

⁹ Аманжолов С. Элементы флективности в казахском языке. – Труды Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, т. I. – Алма-Ата – М., 1935. – С. 27-33.

¹⁰ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 505: «Фузия. Тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многозначными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию границ между морфемами»

¹¹ Аманжолов С. Элементы флективности в казахском языке. – С. 28-29.

– До конца на этот вопрос ответить не могу, так как недостаточно разобрался в отношении казахского языка. Правописание надо строить без установления того, какого происхождения слово.

Что сделано Туркменией по терминологии?

– По-моему, очень мало. Много сделано, во всяком случае количественно, по терминологии в Азербайджане.

О диалектных различиях в казахском языке и правилах правописания.

– Этот вопрос стоит. Во-первых, здесь богатство диалекта должно быть использовано, если это ведет к обогащению словаря, уточнению терминологии и возможности разных оттенков термина. Во-вторых, когда речь идет только о различиях в произношении, здесь необходимо стремиться к единому начертанию. Это достигается в различных республиках на основании различных принципов. Самое правильное – это считаться с тенденциями, которые проявляет данный язык к дальнейшему развитию. Поэтому всем таким большим мероприятиям по языковому строительству должно предшествовать солидное изучение живого языка данной республики, это в высшей степени помогает устанавливать соответствующие термины.

* * *

В прениях по докладам выступили С. Аманжолов и Х.К. Жубанов (текст выступлений приводится с небольшими сокращениями).

С. Аманжолов, зам. директора Института национальной культуры, доцент Казахского педагогического института¹²:

¹² Сарсен Аманжолович Аманжолов (1903-1958) – видный казахский языковед-тюрколог, один из основоположников казахского языкознания. Родился в Уланском районе Восточно-Казахстанской области, работал школьным учителем (1919-1922), народным судьей (1922-1924), ответственным секретарем Усть-Каменогорского исполкома (1924-1926), окончил в 1930 г. педагогический факультет Среднеазиатского государственного университета по специальности «казахский язык и литература». С марта 1932 г. в должности доцента КазПИ, основатель и первый директор Казахского научно-исследовательского Института национальной культуры (1934-1936), из секторов которого впоследствии выросло несколько академических институтов. В 1935 г. за активную работу на фронте языкового строительства награжден почетным знаком «15 лет Казахстана». В 1936-1937 учебном году проходил подготовку в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде, прослушал курсы акад. И.И. Мещанинова, акад. Л.В. Щербы, проф. С.Е. Малова и других лингвистов. По возвращении из Ленинграда в разгар репрессий, будучи кандидатом партии, был удостоен строгого выговора «за небдительность», подвергся клеветническим нападкам в местной печати как «выкормыш Алаш-Орды» (обвиняли в том, что он обучался в 1919-1920 годах на учительских курсах в городе Семипалатинске). В апреле 1938 г. С. Аманжолов первым из казахских языковедов получил ученую степень кандидата филологических наук и был утвержден в ученом звании доцента. В предвоенные годы руководил фактически всей лингвистической работой в Казахстане (зав. кафедрой казахского языка в КазПИ, зав. сектором языка Казахстанского филиала АН СССР). Участник Великой Отечественной войны. В феврале 1948 года защитил в Институте языка и мышления (Москва) докторскую диссертацию на тему «Основные проблемы казахской диалектологии», ему было присвоено ученое звание профессора. В ноябре 1954 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР.

Товарищи, многие из присутствующих здесь на вчерашнем заседании нашего совета не участвовали. Те, которые участвовали, очень признательны Александру Николаевичу. Этот доклад был очень глубоким и содержательным, он весьма полезен для строительства казахского языка. Нас, лингвистов, он заставляет думать и работать больше, чем до настоящего времени.

Заслушав доклад о туркменском съезде по языковому вопросу, я считаю, что этот съезд действительно был подготовлен всесторонне и на нем были поставлены не только языковые вопросы, но и вопросы литературы, поскольку они были тесно связаны с языком классиков марксизма-ленинизма. Съезд был посвящен не только вопросам орфографии и алфавита, а всему языковому строительству. В прошлом году в Казахстане, на съезде деятелей культуры эти вопросы не были так поставлены, как в Туркмении. Об этом можно сожалеть. В дальнейшем нужно будет учесть уроки соседних республик в постановке и разрешении этих вопросов.

Приглашение специалистов из Башкирии, Татарии, Крыма, Азербайджана, Узбекистана, Киргизии и других республик также говорит о том, что работа была квалифицированная и плодотворная. Присутствие Александра Николаевича Самойловича, присутствие известных лингвистов, литературоведов и востоковедов помогло разрешению вопросов культуры отдельных национальных республик.

Вопросы терминологии, вопросы алфавита, вопросы синтаксиса, пунктуации – все эти вопросы поставлены своевременно и, думается, разрешены плодотворно. Нам есть чему поучиться у Туркменского съезда лингвистов. Это интересно не только для узкого числа специалистов, но и для коллектива научных работников, коллектива учителей, коллектива издательских работников, имеющих отношение к изучению терминологии.

Можно приветствовать и такой момент, как назначение докладчиков и содокладчиков из самих туркмен по части синтаксиса. Мы в дальнейшем должны наладить с туркменскими работниками тесную связь. Для нас важно, что в Туркмении имеются крупные лингвисты как А.П. Поцелуевский, М. Богданова. Было бы ошибкой думать, что если лингвист работает где-нибудь в национальной республике, то и пользу приносит только этой республике. Полезные научные работники приносят пользу всему Союзу, ибо в науке бывают отдельные открытия мирового значения. Теперь братство, содружество народов СССР заключается во взаимном обмене результатами работы, во взаимном сотрудничестве при разрешении тех или иных вопросов. И это в дальнейшем необходимо практиковать. Это – не только вопрос чисто теоретического характера, здесь увязывается теория с практикой. Здесь важны и такие вопросы, как вопросы преподавания, вопросы методики и т.д. Если имеются где-нибудь достижения, то эти достижения необходимо перенести в другие национальные республики.

Надо отметить скромное заглавие доклада Александра Николаевича «Некоторые вопросы истории туркменского языка». На самом

деле этот доклад охватывает далекое прошлое, приблизительно за 8-10 столетий. Мы считаем, что доклад по вопросам истории туркменского языка касается не только Туркмении, а если глубже посмотреть, он касается истории всех тюркских языков, в частности и казахского языка.

Казахский язык имеет долгую историю, подобно истории туркменского и других тюркских языков. Богатый материал имеется в словаре Махмуда Кашгарского, который является более или менее полным источником по этим языкам.

Отдельные конкретные наблюдения, приведенные Александром Николаевичем в его кратко изложенном докладе, который на самом деле имеет большой объем, действительно, закладывают фундамент истории большинства тюркских языков.

Все факты, приведенные Александром Николаевичем в сегодняшнем и вчерашнем докладах, полностью применимы к казахскому языку. Действительно, основные вехи истории казахского языка мы можем найти в изложении Александра Николаевича. Он исследовал не только туркменский язык, но и казахский язык, и отдельные слова казахского языка. И то, и другое может послужить основным фундаментом казахского языкознания.

Далее, поскольку Александр Николаевич был на съезде лингвистов Туркмении, где практически был разрешен вопрос орфографии и алфавита, то он не мог не остановиться на вопросе орфографии и алфавита казахского языка. Александр Николаевич уделяет большое внимание практическому осуществлению строительства казахского языка с тем, чтобы казахский язык шел в ногу, как требует советское правительство. Со своей стороны Александр Николаевич сделал несколько замечаний. Его замечания несколько не расходятся с замечаниями руководителя казахстанской парторганизации Левона Исаевича Мирзояна, который всячески указывал на то, чтобы мы к языковому строительству в Казахстане подходили осторожно, чтобы вместо усовершенствования алфавита и орфографии не получили сплошной неграмотности и малограмотности.

Я хотел бы сказать несколько слов об алфавите и орфографии казахского языка. Всем казахстанцам известно, что в прошлом году съезд по культурному строительству на этом останавливался и некоторые принципиальные вопросы были успешно разрешены. Тут возражений совершенно не было и не могло быть. Тут был единственный, правильный принцип, который нам предложил последний пленум ЦК нового алфавита. Основной принцип заключается в том, чтобы интернациональные слова, термины брать не из иностранных языков, а из русского языка, и через орфографию передавать в неискаженном виде. Таким образом, этот принцип был положен в основу. Дальше, решено не всегда прибегать к русскому языку, поскольку в казахском языке имеются многочисленные термины неинтернационального значения. Это было принято, и тут не могло быть никаких возражений.

Александр Николаевич этот принцип всячески поддерживал на заседаниях президиума ЦК нового алфавита.

Теперь вопрос об орфографии. Конечно, сначала необходимо было разработать алфавит, создать орфографию с достаточным количеством знаков и букв.

Без этого невозможна современная орфография, и для нас, надо сказать, это – аксиома. Наш основной вопрос упирается в вопрос алфавита, и тут самый главный и основной спор наших товарищей. Одни из них предлагают, как вы знаете, убрать все мягкие буквы (4 буквы) и вместо них предлагают поставить апострофы. Другие товарищи предлагают эти буквы оставить, ничего не прибавлять и не убавлять, а на этом существующем алфавите создать двойную орфографию, чтобы на базе существующей орфографии интернациональное слово писалось совершенно отдельно, по-своему, чтобы было произношение одно, а начертание совершенно другое. Таково предложение С. Кенесбаева и других, таким образом, товарищи предлагают внести путаницу (начертание одно, произношение другое). В дальнейшем сложность вопроса в том, что грамотность населения на этой базе, безусловно, снизится. Если мы скажем: «Пишите так, а читайте так!» – это будет английская, французская и подобная письменность. Несмотря на красивые выражения последних, в правописании будет расхождение между казахским словом и интернациональным словом, возникнет большая путаница в действительности, а от этого мы давно отказались. Думаю, что никогда этого не поддержит тов. Жубанов. Мы будем стоять на своих позициях, предлагая единый принцип, единую орфографию терминов.

Конечно, мы будем сражаться за свои научные убеждения, беда только в том, что у нас есть некоторые расхождения. Тов. Жубанов предлагал апостроф, я также одно время поддерживал эту идею, потом перед съездом работников культурного строительства от нее отказался, поскольку употребление апострофа маскирует отдельные звуковые значения. В общей сложности получается 19 значений. Усвоить эти 19 звуковых значений, переучить учеников I и II ступени, студентов вузов – очень большой труд. Это переучивание может даже вызвать возмущение. Мы зимой боролись с малограмотностью студентов, потому что была путаница в 3-4 буквах, а тут получается еще большая путаница.

Апостроф, в сущности говоря, скрадывает реальное число звуковых значений, а это должно как-то соотноситься с типографскими знаками, с полиграфической техникой... Собственно казахские слова и новые термины, которые вошли в казахский язык, мы должны широко распространять, не ограничивать их узкими рамками, не дающими им возможности развиваться. Как, например, получается с апострофом. Апостроф на сегодняшний день суживает развитие отдельных слов, поскольку держит их в определенных рамках. Это – словно шапка на голове, как шапка прикрывает голову, так и апостроф прикрывает слова, не давая проявиться отдельным звуковым значениям и начертаниям.

Хотя апостроф имеет правильный принцип, принцип единства орфографии казахских и интернациональных слов, однако он не достигает цели и не отвечает потребностям нашей страны и нашей общественности. Исходя из этих соображений, от апострофа следует полностью отказаться.

Что касается согласных звуков [f], [x], [v], большинство нашей общественности, наши студенты и научные работники, полагаем, поддерживали в прошлом году наше предложение принять буквы f «Ф», x «Х», v «В». Предлагаем для обозначения слов «вагон», «вольт», «Ворошилов» употреблять букву v «В» (vagon, а не bagon; volt, а не bolt; Vorocilov, а не Borocilov). Не следует говорить, что казахи не могут произносить эти буквы. Сейчас казахи в своем большинстве стали грамотными, общаются с русским населением, часто говорят на русском языке, а поэтому и не затрудняются произносить эти буквы.

Х.К. Жубанов, зав. кафедрой казахского языка и литературы, профессор Казахского пединститута, председатель Государственной терминологической комиссии¹³:

Товарищи, тот факт, что в прошлом году в Узбекистане и у нас состоялись съезды деятелей культурного строительства, а в этом году проходил лингвистический съезд в Туркмении, это означает новую эпоху, новую эру в нашем культурном строительстве национальностей.

В чем заключается новизна подхода к отдельным вопросам на проходившем лингвистическом съезде, а также и в выступлении нашего уважаемого гостя Александра Николаевича Самойловича? Эта новизна заключается в том, что здесь ясно видно, что развитие науки о языке по сравнению с дореволюционным временем идет полным шагом.

Тюркология еще до революции собрала много фактического материала, сделала много для науки о языке тюркских народностей, имела больших ученых, таких как академик В.В. Радлов (а наш Александр Николаевич является его учеником). Несмотря на это, в наше время она оказалась не совсем приспособленной. Во время нашей первой культурной революции, во время обсуждения вопроса о переходе на новый алфавит, старая наука все-таки не смогла подойти к практическому языковому строительству в таком виде, как сегодня.

¹³ Худайберген Куанович Жубанов (1889-1938) – видный казахский языковед – тюрколог, один из основоположников казахского языкознания. Родился в Темирском районе Актюбинской области, в 1925-1928 годах работал инспектором-методистом в системе народного образования, окончил в 1928 г. Институт живых восточных языков в Ленинграде (экстерном), в 1930-1932 годах аспирант Яфетического института АН СССР (Ленинград), с сентября 1932 г. в должности профессора, зав. кафедрой казахского языка и литературы КазПИ, председатель Гостерминкома при Наркомпросе Казахстана, член ВКП (б), с 1935 г. член ЦИК Казахстана, награжден почетным знаком «15 лет Казахстана». 19 ноября 1937 года Х.К. Жубанов по доносу «друзей» - сексотов был арестован, обвинен в «антисоветской контрреволюционной деятельности» и «воспитании казахской молодежи в духе контрреволюционного буржуазного национализма», а 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу. 25 августа 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила этот несправедливый приговор, и ученый был реабилитирован.

Теперь мы видим плоды социалистического культурного строительства на развитие этой науки. Везде и всюду различные вопросы изучаются конкретно, и на основе этих конкретных материалов и на базе марксизма-ленинизма решаются большие сложные проблемы.

Меня особенно удовлетворяет сообщение, сделанное Александром Николаевичем на съезде в Туркмении, и сообщение, сделанное им сегодня. Удовлетворяет именно потому, что Александр Николаевич, во-первых, начинает все более и более применять достижения нового учения о языке. Сегодняшняя тема доклада *«Богатый и бедный в тюркских языках»* и то освещение туркменского литературного языка, которое было сделано вчера, в основном опираются на это новое учение.

Многие товарищи не знают работы Александра Николаевича по истории среднеазиатско-тюркского литературного языка. На основе конкретного исследования, подтверждая теорию академика Н.Я. Марра, он устанавливает, что развитие литературных языков не всегда совпадает с живым разговорным языком, что в зависимости от формы эксплуатации и социального строя литературный язык может быть близок к живому языку и, наоборот, может быть непонятен. Именно таковым было, вероятно, развитие среднеазиатского литературного языка. Вместе с тем Александр Николаевич не стеснялся заявлять, что туркменский язык мог участвовать в развитии среднеазиатского литературного языка.

Каково было значение среднеазиатско-тюркского литературного языка в развитии казахского литературного языка и каково было значение казахского в развитии среднеазиатско-тюркского литературного языка? К этой проблеме Александр Николаевич подходит пока с туркменской позиции, он только начал знакомиться с казахским языком.

Мы не сомневаемся, что Александр Николаевич в дальнейшем будет более тесно связан с казахами, будет больше заниматься казахским языком, потому что этого требует ход научных исследований.

Заслушав вопрос о значении туркменского языка для среднеазиатско-тюркского, нельзя не коснуться вопроса о том, каково было значение казахского языка в развитии среднеазиатско-тюркского литературного языка. Александр Николаевич остановился на таких золотоордынских памятниках, которые имеют отношение и к казахскому языку.

Мы должны извлечь некоторый урок от этого Туркменского съезда, чтобы решить вопрос об орфографии казахского литературного языка. В прошлом году мы Туркмению опередили, теперь Туркмения сделала значительный шаг вперед.

Я хочу несколько коснуться сегодняшнего доклада, поскольку Александр Николаевич просил высказать свое мнение. Конечно, не подготовившись к выступлению по этому вопросу, многого сказать нельзя, но некоторые моменты отметить можно.

Александр Николаевич к вопросу о развитии значений «богатый» и «бедный» подошел правильно, он привел все источники, которые

имеются в тюркских языках, в том числе и письменные источники. Я думаю, что, опираясь на достижения нового учения, можно смело подойти к этому вопросу, в частности к вопросу об отношении слова бай к слову бий, несмотря на то, что бай означает «богатый», а бий обозначает «судья» или «правитель». Здесь мы должны подойти к вопросу о терминах, имеющих социальное значение именно в связи с историей развития. В доклассовом обществе не могли иметь место слова, обозначающие «бай» и «бий», была деформация... Я больше не буду распространяться на этом вопросе, потому что к нему не подготовлен, тут требуется более тщательный подход к делу.

Теперь два слова о замечаниях насчет языкового строительства в Казахстане и по вопросу об орфографии и алфавите. Александр Николаевич совершенно правильно подтверждает то положение, что недостатки нашего казахского алфавита заключены с самого начала в самом алфавите, и он настаивал на заседании Всесоюзного ЦК нового алфавита, что надо пересмотреть алфавит, улучшить его состав. Только этим путем можно разрешить правильно вопрос орфографии.

В унифицированном латинском алфавите нет букв, которые бы удовлетворили казахов, поэтому надо улучшить унифицированный алфавит. Надо к каждому языку подойти в отдельности, учитывая особенности, только в таком подходе мы можем найти выход. Надо использовать своеобразие звуков и соответственно им применять те или иные буквы латинского алфавита.

Мы думали, что достигли унификации в отношении хакасского и татарского языков, а на самом деле это не дало унификации. Для того чтобы унифицировать, мы должны конкретно изучить тюркские языки и их особенности. Унификации не может быть до тех пор, пока не будет общих, несколько не различающихся звуков. Унификацию надо понимать в смысле координации. Мы должны взять отдельные звуки отдельного языка и координировать.

Поработав над этим вопросом, я пришел к выводу, что для казахского языка нет другого выхода, кроме того, что я предлагаю.

Тов. Аманжолов развернул целую теорию, не совсем соответствующую действительности, будто апостроф дает изменение 19 букв.

Я хочу задать вопрос тем товарищам, которые возражают. Против чего возражают? Против системы изображения мягкости смягчающим знаком? Могут сказать, что это – теория, оторванная от практической жизни. Я не признаю такой теории, которая не может быть осуществлена на практике.

С места: «Однако существует такая теория о составе гласных букв в казахском письме, которая расходится с конкретным строением слов. Эта теория изложена профессором Жубановым».

В казахском языке в отличие от тех языков, которые мы знаем, гласные и согласные могут употребляться твердо и мягко. Уточнить твердость и мягкость мы можем в пределах слога. Это никакой действительности не противоречит. Речь идет о том, как можно улучшить

казахскую орфографию – путем прибавления целого десятка новых букв или же путем оставления букв, которые есть.

Относительно буквы *v* «В», я думаю, здесь никаких разговоров быть не может. По этому поводу мы знаем мнение руководящих работников. Были высказаны официальные соображения, и снова поднимать этот вопрос будет некрасиво.

В отношении *x* «Х» и *f* «Ф». Высказывалось мнение, что никаких новых букв мы вводить не будем и полемизировать по этому вопросу поздно. Нам нужно говорить об упрощениях казахского алфавита в тех пределах, которые есть.

* * *

В выступлении Х.К. Жубанова несколько настораживает наставительный тон по отношению к своему бывшему учителю, марристская фразеология и упорное отстаивание так называемого принципа апострофа (ср. «даекши» арабско-казахского письма), фактически фонетического принципа орфографии, вопреки С. Аманжолову, акад. А.Н. Самойловичу и Всесоюзному ЦК нового алфавита, который в 1933 г. утвердил морфолого-фонетический принцип, гармоническое равновесие фонетического и морфологического принципов в качестве эталона новой орфографии¹⁴.

Закрывая расширенное заседание совета Казахского НИИ национальной культуры, председатель заседания, директор Института Б. Алманов подвел некоторые итоги. Он сказал: «К этому вопросу мы еще вернемся. Одно ясно, что вопрос алфавита и орфографии за последнее время стал дискуссионным, а это приносит отрицательные результаты, и сейчас это отражается на нашей грамотности, на нашей печатной работе. Различные мнения высказываются и в печати, и везде. Александр Николаевич познакомился с этим вопросом, и этот вопрос будет обсуждаться специально. Мы думаем, что Александр Николаевич учтет этот момент при докладе руководителям Казахстана. Нам надо общими усилиями в этом же году окончательно принять какое-то решение, после которого всякие дискуссии в отношении алфавита должны прекратиться, и заняться углубленной исследовательской работой в области лингвистики».

Академику А.Н. Самойловичу оставалось жить полтора года. Он еще успеет выступить на Международном лингвистическом конгрессе

¹⁴ Космарский А.А. О реформе письменности тюркоязычных народов России и бывшего СССР в 20-е годы XX века // Сб. «Вопросы тюркской филологии, вып. V. – М.: ИСАА при МГУ, 2003. – С. 77. Ср. Аманжолов С. Новый алфавит и орфография казахского литературного языка (составлен на базе русского алфавита). Проект одобрен Оргкомитетом нового алфавита при ЦК КП(б)К. – Алма-Ата, 1940. – С. 19 «Корень слова должен писаться по морфологическому принципу, сочетание корня с суффиксом и окончанием должно писаться по фонетическому принципу. Например: «сும்ьсь» (а не «сும்ьссь»), «qanbadь» (а не «qambadь»), «tyngi» (а не «tyngj»)».

в Стамбуле и опубликовать несколько статей¹⁵. Его славное имя подобно яркой звезде осталось вечно сиять на небосводе тюркологической науки.

СЕРДЦУ НЕ СТАРЕТЬ: К 75-ЛЕТИЮ В.М. НАСИЛОВА

Париж, 1963 год.

Под сводами просторного зала Сорбонны профессора, преподаватели и студенты университета собрались послушать очередную лекцию видного советского ученого-языковеда Владимира Михайловича Насилова. На этот раз не по годам моложавый и стройный русский профессор, приглашенный в крупнейший университет Франции для чтения курса тюркологии, начинает на безупречном французском языке лекцию о великом казахском поэте-мыслителе Абае Кунанбаеве...

Равелло, живописный приморский городок близ Неаполя, 1966 год.

Международная конференция алтаистов. О результатах исследования тюркских языков в Советском Союзе делает сообщение В.М. Насилов.

Ученый получает приглашение прочитать тюркологический курс в Гарвардском университете (США), его называют своим добрым другом тюркологи Праги, Будапешта и Варшавы.

Сердечная дружба и общая работа связывают В.М. Насилова с известными языковедами-уйгуроведами Алма-Аты – А. Илиевым, Т. Талиповым, Г. Садвакасовым, А. Кайдаровым и другими. Они часто обращаются к своему старшему другу за советом и консультацией по актуальным проблемам уйгурского языкознания. Ведь и в том, что при Академии наук нашей республики успешно работает уйгуроведческий центр – отдел уйгуроведения, есть немалая заслуга В.М. Насилова.

Ученый с мировым именем, Владимир Михайлович Насилов – представитель старшего поколения советских тюркологов. Незадолго до Октябрьской революции В.М. Насилов успешно окончил дипломатическое отделение Лазаревского института восточных языков в Москве (этот институт в 1921 году был переименован в Московский институт востоковедения).

1918-1929-е годы. В стране работают тысячи ликбезов. В.М. Насилов по призыву Советской власти стал народным учителем... Ликвидация неграмотности в то время была важнейшей задачей.

¹⁵ Стамбульские впечатления 1936 года (Третий Турецкий языковой конгресс и культурный рост Турции) // «Звезда». – Л., 1936, №12. – С. 161-168; Третий лингвистический конгресс в Турции // «Вестник АН СССР», 1936, № 11-12. – С. 51-55; Академик В.В. Радлов // «Вестник АН СССР», 1937, №1. – С. 124-125; Памяти великого тюрколога академика В.В. Радлова. (К столетию со дня рождения: 1837-1937) // «Революция и национальности», 1937, №2. – С. 79-81; Türkiye ile Sovyetler Birliğinde başlıca dilcilik meseleleri ve dil kuruluşunun yaptığı – «Üçüncü Türk Dil Kurultayı. 1936. Tezler. Muzakere zabıtlar», İstanbul, 1937, s. 319-327. [При участии И.И. Мещанинова и Х.Ф.Габидуллина].

А затем – Коммунистический институт трудящихся Востока. В.М. Насилов ведет там большую педагогическую и научно-исследовательскую работу. Начиная с этого времени, он особое внимание уделяет изучению уйгурского языка. Приезжает к уйгурам в Среднюю Азию, записывает их песни, сказки, пословицы и поговорки, составляет уйгурско-русский словарь. В 1939 году в Москве был издан его (совместно с Н.А. Баскаковым) «Уйгурско-русский словарь». В 1940 году в Москве выходит «Грамматика уйгурского языка» В.М. Насилова. Эта книга стала настольной для каждого языковеда-тюрколога в нашей стране. В последние годы В.М. Насилов создал такие значительные труды, как «Язык орхоно-енисейских памятников» (М., 1960) и «Древнеуйгурский язык» (М., 1963). И вот итог продуктивной научной деятельности – полсотни исследований, посвященных самым важным проблемам тюркского языкознания.

Четырнадцать лет профессор В.М. Насилов руководит кафедрой турецкого, уйгурского, монгольского и венгерского языков в Московском институте международных отношений, возглавляет в Московском университете кафедру тюркской филологии, в Институте восточных языков при Московском университете читает лекции по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков и спецкурс по древнетюркским языкам. Согласитесь – нагрузка огромная, ответственная. Но даже и при такой нагрузке он кропотливо работает над памятниками древнетюркской письменности. Ведь без изучения этих памятников невозможно создать историческую грамматику тюркских языков.

Педагог, общественник, превосходный лектор – таким знают Насилова его многочисленные ученики, алма-атинские тоже. И если прибавить, что он человек большой души, разносторонней культуры, высокой научной принципиальности и необычайной скромности – то это будет верный портрет неугомонного ученого, нашего замечательного современника. Ему сейчас семьдесят пять. Но его бодрости и юношескому энтузиазму можно только позавидовать.

Языковеды Алма-Аты от всего сердца желают видному тюркологу и уйгуроведу Владимиру Михайловичу Насилову долгих лет жизни и новых творческих достижений.

1968 г.

P.S. Спустя два года после появления этой газетной заметки незабвенный Владимир Михайлович по воле судьбы ушел в мир иной (20.05.1970), завещая нам, его ученикам, свято хранить наши духовные и культурные ценности, всемерно умножать достижения тюркологической науки.

ВРЕМЯ ВСЕ РАССТАВИТ НА СВОИ МЕСТА

Наверное так устроен человек, что ему хочется знать все: и про то, как жили люди до нас, и как после. У каждого времени есть свои тайны. Прошное хранит в себе множество загадок. Об одной из них – о древнетюркском письме, мы попросили поделиться с нашими читателями, профессора кафедры общего языкознания Алтая Сарсеновича Аманжолова.

«Горизонт», 2.02.1996 г.

– Алтай Сарсенович, древнетюркское письмо называется руническим. Что же означает слово «руника»?

В переводе с древнегерманского языка – это тайна, загадка.

– Что представляет собой эта наука – тюркская рунология?

Далекие предки казахов, алтайцев, киргизов и других родственных народов – древнетюркские племена Южной Сибири, Монголии, Казахстана и Киргизии в VI-IX веках широко пользовались оригинальным буквенным орхоно-енисейским или тюркским руническим алфавитом. В 1893 году датский ученый Вильгельм Томсен расшифровал загадочный тюркский рунический алфавит, а затем усилиями многих тюркологов древнетюркские надписи на каменных обелисках с Орхона и Енисея были прочитаны. Благодаря этому выявились самые сокровенные страницы древней истории тюркских племен, запечатленные в рунических надписях.

В настоящее время в Южной Сибири, Монголии, Казахстане и Киргизии известно около трехсот тюркских рунических надписей. Причем надписи обнаружены не только на камне, но и на различных предметах из золота, серебра, бронзы и глины. На территории Казахстана выявлено уже около 30 подобных надписей. Несомненно количество их будет возрастать.

В середине VI века древние тюрки создали на Алтае мощное государство. Впоследствии, в связи с его расширением ставка верховного хана была перенесена с Иртыша на Орхон. Поэтому наиболее значительные памятники – эпитафии тюркской династии находятся в бассейне реки Орхон в Монголии. Это – знаменитые надписи VIII века. В Тюркском каганате была широко распространена грамотность, высокого развития достиг письменно-литературный тюркский язык, имеваемый иначе «древнетюркским».

– Сколько надписей расшифровано вами?

Этим делом я занимаюсь вот уже 30 лет. Мной было расшифровано более двадцати надписей.

– Алтай Сарсенович, как к вам пришла идея заняться этим делом?

Вообще, я учился в Институте восточных языков при МГУ. В течение пяти лет изучал турецкий, арабский, персидский и узбекский

языки. Здесь же под руководством профессора В.М. Насилова занимался древнетюркскими языками. Через три года после окончания МГУ поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию под названием «Глагольное управление в языке древнетюркских памятников». С 1966 года преподаю в высших учебных заведениях Алма-Аты.

Я хочу отметить и то, что я вырос в среде ученых. Мой отец был видным ученым-тюркологом, одним из основоположником казахского языкознания.

Был у меня и второй отец – профессор В.М. Насилов, он помог мне встать на этот путь, выбрать любимое дело.

– А есть ли у вас ученики, продолжатели ваших трудов?

В области грамматики, лексики – да. А вот в деле изучения древнетюркской письменности, к сожалению, нет настоящих учеников. Были ребята, которые, начав изучение, свернули на полпути в поисках более легкого. Ведь моя работа требует много усилий, кропотливости, выдержки. Не каждый способен посвятить себя этому. К тому же подлинная наука не балует нас благами материальными.

– Кто помогает вам в поисках древнетюркских надписей?

В основном – археологи. Они привозят мне предметы с надписями или их фотоснимки. При необходимости, отправляюсь в поездку и изучаю надписи на месте их обнаружения.

– Есть ли дилетанты в вашей профессии?

В последнее время мы часто с этим сталкиваемся. Многие люди, не имея соответствующей подготовки, берутся расшифровывать древние письмена. Дают ложную расшифровку им. Подобное делается в погоне за славой, сенсацией.

Был один интересный случай, который произошел у нас, с нашими учеными. Это случилось двадцать лет назад. В газете «Комсомольская правда» (13.02.1973) вышла статья под названием «Пробный камень», высмеявшая наших дилетантов, их уровень. Так вот, люди из Академии наук Казахстана привезли камень в 8 тонн из Капчагая. На камне была имитация древнетюркской надписи. Не обращаясь к специалистам, они приняли ее за надпись, якобы высеченную 2500 лет назад. Подняли ажиотаж, дали информацию в СМИ. На самом же деле эту надпись выбили при съемках фильма «Кыз-Жибек». Становится стыдно за тех людей, которые опозорили не только себя, но и всю нашу Академию.

– Алтай Сарсенович, чего вы хотите больше всего?

Хочу, чтобы наука Казахстана была на уровне требований нашего времени.

– Ваши пожелания читателям?

В любом деле будьте исключительно ответственны. Не нужно искать легких путей. Жизнь и время сами расставят все на свои места. И главное, относитесь с уважением к культуре своего народа.

1996 г.

У ИСТОКОВ КАЗАХСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

У этой книги трудная и славная судьба. В основе капитального труда С. Аманжолова «Вопросы диалектологии и истории казахского языка», впервые изданного в 1959 г., посмертно, докторская диссертация автора, защищенная в феврале 1948 г. в Институте языка и мышления (Москва). Первоначально защита была намечена на 1942 год. Однако помешала война.

Докторская диссертация «Основные проблемы казахской диалектологии» получила высокую оценку крупнейших тюркологов и востоковедов – академика В.А. Гордлевского, члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева, профессора М.П. Вяткина и других. По актуальности поднимаемых историко-лингвистических проблем, глубине исследования древних и современных диалектов казахского языка, богатству фактического материала эта диссертация, как и опубликованная монография, была признана выдающимся достижением не только в области казахского языкознания, но и в тюркологии вообще. Примечательно, что автор одновременно выступает и как языковед, и как историк.

Языковед-тюрколог Н.К. Дмитриев (1898-1954) отмечал: «Работа С. Аманжолова является своего рода событием в казахском языковедении, так как это первое широкое научное исследование в области казахской диалектологии. Большая заслуга диссертанта в том, что... оперируя громадным количеством фактического материала, он окончательно опроверг ненаучное и вредное представление о мнимом отсутствии диалектов в живом казахском языке.

Поставив перед собой задачу – выяснить основные черты казахских диалектов, С. Аманжолов не удовлетворился данными диалектологических экспедиций, одним из организаторов которых он был. Диссертант изучил и язык дореволюционных поэтов, писателей, а также словарей, язык районных и областных газет...

Вопросы диалектов и литературного языка С. Аманжолов изучает в тесной связи с историей народа. Необходимо отметить еще один чрезвычайно важный момент: диссертант всюду прослеживает благотворное влияние русской культуры и передовых русских людей на развитие казахской культуры и национально-освободительного движения среди казахов. С. Аманжолов изучает также влияние русской лексики (дореволюционного и советского периодов) на лексику казахских диалектов.

Работа С. Аманжолова, несомненно, представляет большую ценность не только для казахских лингвистов, но и для всех тюркологов» («Казахстанская правда», 5 марта 1948 года).

Знаток истории Казахстана М.П. Вяткин (1895-1967) в своем обстоятельном отзыве писал: «Ни один исследователь вопроса этногенеза казахского народа мимо исследования С. Аманжолова не пройдет. Его выводы настолько основательны, что нужно признать,

что, вероятно, в своих окончательных выводах он не противоречит исторической правде. Для историка Казахстана основным в работе С. Аманжолова являются разделы, посвященные этногенезу казахских племен... С. Аманжолов обогащает историческую науку о Казахстане новыми мыслями».

Несколько слов об авторе книги. Сарсен Аманжолович Аманжолов (1903- 1958) – выдающийся казахский языковед-тюрколог, который стоял у истоков казахской лингвистики вообще, казахской диалектологии в частности. Он был первым языковедом-казахом, получившим ученую степень (1938 г.), членом-корреспондентом АН республики (1954 г.). Перед Отечественной войной он уже был автором первых нормативных учебников казахского языка для начальной и средней школы, автором первого вузовского учебника казахского языка («Краткий курс синтаксиса казахского языка в научном освещении», 1940 г.), автором проекта современного казахского алфавита и основных принципов казахской орфографии, принятых на V сессии Верховного Совета Казахской ССР 10 ноября 1940 года. В предвоенные годы руководил фактически всей лингвистической работой в Казахстане.

Он родился 27 декабря 1903 года в Уланском районе Восточно-Казахстанской области в семье батрака. Ему шел одиннадцатый год, когда умер отец. Благодаря поддержке старших братьев-матросов, работавших в Иртышском пароходстве, он в 1916 г. заканчивает Чингистайскую русско-казахскую школу. Затем учится на двухгодичных педагогических курсах в Семипалатинске, работает аульным учителем в Устькаменогорском уезде, народным судьей в Бухтарминском уезде, ответственным секретарем Устькаменогорского уисполкома, в 1926 г. направляется на учебу в Ташкент. В 1930 г. окончил педагогический факультет Среднеазиатского государственного университета по специальности «Казахский язык и литература». Академик В.В. Бартольд и профессор С.Е. Малов рекомендуют его в аспирантуру, но аспирантом и ассистентом этого университета он пробыл всего полгода.

В 1931 г. он был направлен на научно-педагогическую работу в Казахский педагогический институт имени Абая в г. Алматы, там работает ассистентом, доцентом (с 1 марта 1932 г.), заведующим кафедрой казахского языка (с 1 декабря 1937 г. вплоть до скоропостижной кончины 28 января 1958 г.). Наряду с этим, он был первым директором Казахского научно-исследовательского института национальной культуры (1934-1936 гг.), из секторов которого впоследствии выросло несколько академических институтов, в 1937-1942 гг. (вплоть до ухода на фронт) заведовал сектором языка Казахского филиала АН СССР, а с 1946 г. – отделом Института языка и литературы АН Казахской ССР (по совместительству).

В своей автобиографии С. Аманжолов незадолго до кончины кратко напишет: «С 1930 г. по настоящее время преподаю в вузах. В АГПИ имени Абая работаю с 1931 г. Одновременно по совместительству вел и веду научно-исследовательскую работу в АН Казахской ССР.

Мною разработаны: 1) основы казахской грамматики для начальных, средних и высших учебных заведений, 2) основы казахской письменности (алфавита и орфографии), 3) основные принципы казахской терминологии, 4) основы казахской диалектологии.

Составлял и редактировал орфографический, русско-казахский военный и русско-казахский сельскохозяйственный словари. Подготовил к научной работе более 16 языковедов, из них 10 ныне являются кандидатами наук.

5 лет находился в рядах Советской Армии, был лектором и агитатором среди бойцов нерусской национальности, был начальником армейской и фронтовой агитмашины, проводил семинары низовых агитаторов армии, дивизии и полков».

Итак, отгремела война, успешно защищена докторская диссертация, профессор С. Аманжолов был в расцвете творческих сил, преисполнен решимости осуществить дальнейшие научные замыслы. Однако надвигались новые грозные тучи. Недобросовестные люди, завистники и флюгеры, нередко вчерашние «ученики» – посредственные студенты и аспиранты, включаются в огульную клеветническую компанию против научных взглядов С. Аманжолова. Он якобы «оказывает пагубное влияние на молодежь», «совершенно увяз в болоте буржуазного национализма», в чем «не уступает лжеисторику Бекмаханову», а изучая диалекты, ученый будто «пытается разжигать родовую вражду», «продолжает говорить о тех же трех диалектах, как правило, без языковых фактов», мало того, «С. Аманжолов по данному вопросу стоял и продолжает прочно стоять на марровской позиции и после дискуссии, после опубликования гениальных трудов И.В. Сталина по языкознанию» («Вестник АН КССР», 1951, № 9; «Әдебиет және искусство», 1952, № 1 и др.). Причем эти критики предпочитают употреблять слова «диалект» и «диалектолог» с язвительным оттенком (в кавычках), третируют казахскую диалектологию как науку путем предвзятого отрицания территориальных диалектов (групп говоров) в казахском языке. Ныне, по казахским диалектам и говорам защищены многие кандидатские и докторские диссертации, гораздо полнее изучены отдельные диалектные массивы казахского языка, их фонетические, лексические и грамматические особенности; утверждения о бездиалектности казахского языка, об отсутствии в нем четких диалектных различий опровергнуты окончательно и бесповоротно. Например, защитили докторские диссертации по казахской диалектологии – по группам говоров востока, запада и юга Казахстана лучшие ученики С. Аманжолова, выпускники КазПИ имени Абая Ж. Болатов (1970 г.), А. Нурмаганбетов (1975 г.) и О. Накисбеков (1994 г.).

Подвергаясь систематической травле, основоположник казахской диалектологии твердо отстаивал свои научные взгляды. Противники задерживали публикацию его работ, собирали компромат, искали «байский след» в его биографии, принимали решение сослать в Семипалатинск, заставили временно уйти из Академии наук... Президиум АН КССР своим постановлением накладывал запрет на казахскую

диалектологию – это было время административно-командных решений в науке, время рабского послушания и гонений на принципиальных, непримиримых к несправедливости, честных ученых.

«Создать обстановку для свободной научной критики» – так было озаглавлено письмо, с которым С. Аманжолов обращался в редакцию «Казахстанской правды» (письмо было опубликовано 25 марта 1955 г.). Небезынтересно привести отрывок из этого письма:

«Таким образом, во взглядах на вопросы истории и диалектологии казахского языка сложились два различных мнения. Вполне закономерно ожидать, что каждому будет предоставлена возможность свободно, устно и печатно, высказывать и отстаивать свою точку зрения. Ведь только при этом условии может плодотворно развиваться наука, можно выяснить и установить правильную точку зрения.

К сожалению, Н. Сауранбаев, пользуясь своим служебным положением, насаждает в Академии наук Казахской ССР чуждые советской науке нравы. Свободная научная критика подавляется. Вот некоторые примеры: Н. Сауранбаев долгое время не допускал к печати мою статью «О диалектной основе казахского литературного языка», где критикуются его взгляды. По этой же причине была полностью отвергнута другая моя статья – «О диалектах казахского языка», которая, кстати сказать, была позднее опубликована в органе Института языкознания АН СССР – журнале «Вопросы языкознания» (1953 г., № 6).

В этой обстановке положительную роль сыграл отзыв видного тюрколога, члена-корреспондента АН СССР С.Е. Малова, направленный 28 января 1953 г. в редакцию журнала «Вопросы языкознания». В отзыве на статью С. Аманжолова говорилось: «В 1941 г. я писал в своей статье «К истории казахского языка» (Известия АН СССР, ОЛЯ, 1941 г., № 3, стр. 97), что диалекты в казахском языке есть... и что происходит в Казахстане работа по изучению этих диалектов. Этого мнения я придерживаюсь и теперь.

Теперь, в 1952-1953 гг., в Казахстане этот вопрос о диалектах является очень серьезным и болезненным. Дело дошло до постановления Президиума АН Казахской ССР об отсутствии диалектов в казахском языке; последнее обстоятельство не обошлось без участия некоторых московских языковедов. Статья «О диалектах казахского языка» принадлежит диалектологу С. Аманжолову. Я нахожу, что статья эта вполне заслуживает напечатания».

Как известно, ценным источником по западному диалекту (группе говоров) казахского языка являются «Материалы к изучению киргизского наречия» Н.И. Ильминского. Это впервые обстоятельно рассмотрено С. Аманжоловым, однако в свое время привлекло, оказывается, внимание татарского ученого-просветителя Х. Фаизханова. В письме Х. Фаизханова к Ч.Ч. Валиханову от 7 апреля 1863 г. (дается в переводе с татарского А.Х. Маргулана, обнаружено в 1965 г.) говорится следующее: «Ильминский в Казани издал небольшую книжонку по казахскому языку, но со многими недостатками словарь очень бедный, всего, пожалуй, не будет около полутора тысяч слов. Еще толкование

неверное. Значение многих слов построено на основе говора Внутренней орды и совершенно чуждо казахскому языку. Отсюда и можно понять о наличии диалектной особенности в казахском языке, как и в языках других народов. Ибо Ильминский хорошо знает казахский язык и не приходится думать, что все это сделано по незнанию». См.: Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений в 5 томах, том IV, Алматы, 1968, с. 107. Таким образом, если взять, например, три близкородственных тюркских языка, то в казахском языке выделяются 3 основных диалекта (северо-восточный, южный и западный), в каракалпакском языке – 2 основных диалекта (северо-восточный и юго-западный), в ногайском языке – 3 основных диалекта (собственно ногайский, караногайский и акногайский).

После выхода в свет книга С. Аманжолова стала незаменимой настольной книгой всех тюркологов, историков, литературоведов и языковедов. В рецензии С. Муканова и Е. Исмаилова отмечалось: «Книга имеет огромное значение не только для языковедов, учителей и студентов, у которых до сих пор не было подобного учебного пособия, но и для историков, этнографов, литераторов и журналистов. В своей книге С. Аманжолов поставил и в значительной степени разрешил на огромном фактическом материале целый ряд сложнейших проблем и тем самым поднял изучение истории и диалектологии казахского языка до уровня науки» («Казахстанская правда», 7 марта 1959 г.).

Выполняя пожелания рецензентов, для настоящего издания книги нами составлены указатели исторических имен и географических названий. Кроме того, прилагается сокращенный текст научного доклада С. Аманжолова «К вопросу о диалектах в казахском языке» (1940 г.).

Заведующий кафедрой тюркской филологии профессор Московского университета В.М. Насилов откликнулся на эту книгу проникновенными строками письма от 18 марта 1959 г.:

«Книга Вашего отца представляет интереснейший исследовательский труд. Проблема, касающаяся казахов, имеет очень широкие пределы общетюркологического плана. Книга написана настолько хорошо и просто, что ее читаешь как увлекательный роман, не говоря о ее огромной познавательной ценности. После ее чтения буду изучать непосредственно относящиеся к моей работе богатые ее материалы. Читая эту книгу, думаешь, как рано ушел этот талантливый и трудолюбивый человек от науки, который еще много бы дал. Может быть, от этих строк Вам станет горько, но я не могу не почтить Вашего отца самым добрым словом и не отметить его славный трудовой путь. Я убежден, что Вы верная его смена и продолжите его исследовательскую работу».

Книга открывает новые горизонты, содержит основы не только описательной, но и исторической диалектологии казахского языка. Склоняя голову перед светлой памятью автора, благодарю судьбу за высокую честь работать как над первым, так и над вторым изданием этой книги.

1997 г.

СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА И ЕГО НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Сарсен Аманжолович Аманжолов (1903-1958) в тридцатые-пятидесятые годы прошлого века разработал теоретические основы казахского языкознания, основы нормативной и научной грамматики, истории и диалектологии казахского языка, основы современной казахской письменности. Широкое признание и мировую известность получил фундаментальный труд С. Аманжолова «Вопросы диалектологии и истории казахского языка» (1959, 1997). Он является творцом современного казахского письма, им был разработан проект казахского алфавита и орфографии на базе русской графики – «Новый алфавит и орфография казахского литературного языка» (1940), где даны сведения по истории казахской письменности, изложены цели и принципы перехода на новый алфавит, основные правила современной казахской орфографии.

С. Аманжолов родился и вырос в Уланском районе Восточного Казахстана, в семье крестьянина-бедняка. В 1916 году, после окончания Чингистайской русско-казахской школы, он поступает в реальное училище Усть-Каменогорска, но нужда заставила его оставить училище и пойти батрачить. Только после установления советской власти он смог продолжить свое образование. Окончив двухгодичные педагогические курсы в Семипалатинске (1919-1920 гг.), работает учителем родного края (с. Ахмерово, с. Нугманово), народным судьей в Бухтарминском уезде, ответственным секретарем Устькаменогорского уездного исполкома, активно участвует в ликвидации неграмотности среди населения, в борьбе за упрочение Советской власти. В 1926 году по разнарядке губернского отдела народного образования был направлен на учебу в Ташкент, где окончил в 1930 году Среднеазиатский государственный университет (педагогический факультет), получив специальность преподавателя казахского языка и литературы.

С 1 сентября 1931 г. и до последнего дня своей жизни он вел научно-педагогическую и воспитательную работу в Казахском педагогическом институте им. Абая как ассистент, доцент (1 марта 1932 г.) и заведующий кафедрой казахского языка (1 декабря 1937 г. – 28 января 1958 г.). Наряду с этим С. Аманжолов вложил много труда в организацию Академии наук республики, в 1934-1936 годах он был одним из руководителей (директор, ученый секретарь) Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, в 1937-1942 годах вплоть до призыва в Советскую армию заведовал лингвистическим сектором Казахского филиала АН СССР, в 1948-1958 годах руководил сектором и отделом Института языка и литературы АН Казахской ССР (по совместительству).

С. Аманжолов свою научно-просветительскую деятельность начал с издания букваря и учебника для малограмотных колхозников (Ташкент,

1931), с составления учебников и программ по казахскому языку для начальной школы (1932 г.). Он активно сотрудничает в республиканском научно-педагогическом журнале «Жаңа мектеп», входит в редколлегия журнала (1933 г.), публикует ряд научных и методических статей. В дальнейшем он составляет первые программы и учебники для средней школы, задержанный с изданием учебник казахского языка для VI-VII классов (1934 г.). Особо следует отметить его «Грамматику казахского языка» в двух частях для средней школы. I часть учебника (фонетика и морфология) издавалась в 1938-1940-х годах, пока не была присвоена коллегами в его отсутствие во время войны, а II часть (синтаксис) продолжает издаваться с постоянными изменениями и под его основным авторством с 1939 года по настоящее время. В 2004 году учебник казахского языка С. Аманжолова для VIII класса, обновленный нами, был признан образцовым учебником нового поколения.

Наряду с этим С. Аманжолов составляет первые программы и учебники по казахскому языку для высшей школы. Его перу принадлежит «Краткий курс синтаксиса казахского языка в научном освещении» (1940 г.), а также переработанное издание этого вузовского учебника – «Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка» (1950 г., второе дополненное издание – 1994 г.). Он также принимал участие в составлении программы вузовских курсов «История казахского языка» (1940 г.) и «Современный казахский язык» (1952 г.).

В культурной жизни Советского Востока жизненно важным был вопрос реформирования письменности. В решении этого вопроса активное участие принимал С. Аманжолов. В 1938 году по его предложению были введены некоторые изменения в латинизированный казахский алфавит и казахскую орфографию. В 1940 году по разработанному и обоснованному им проекту казахская письменность была переведена на русскую графику. С. Аманжолов сыграл большую роль в развитии культуры казахского народа. Об этом свидетельствует успешная практика применения русской графики казахским народом в течение последних 65 лет. Современная казахская письменность, выдержавшая испытание временем, признана ведущими специалистами лучшей среди письменностей тюркских народов, отвечает возросшим культурным запросам современности. Несмотря на попытки ее «реформирования» или замены, вызванные синдромом самоутверждения некоторых опрометчивых ученых, несмотря на попытки игнорирования основных орфографических принципов, она остается основным действенным подспорьем в реализации государственного статуса и общественных функций современного казахского языка.

Жизненный путь и этапы становления ученого отражают реальную, сложную и противоречивую историю нашего общества, идеологическую борьбу нового со старым, перестройку общественного сознания и культурную революцию в Казахстане. Лингвистические взгляды С. Аманжолова развивались в обстановке острой идеологической борьбы нового (марксистского) и старого (буржуазного) языкознания.

Нелишне напомнить о противоречиях общественного развития, многочисленных испытаниях и завоеваниях социализма, перестройке общественного сознания и культурной революции, периодических искажениях национальной политики, «новом учении о языке» Н.Я. Марра, лингвистической дискуссии 1950 года на страницах «Правды», так называемом «аракчеевском режиме» и новом повороте в марксистском языкознании... Научное творчество и языковая личность ученого-лингвиста формировались под непосредственным влиянием передовых ученых его времени.

С. Аманжолов получил базовое высшее образование в области историко-филологических и педагогических наук в стенах Среднеазиатского государственного университета (1930), в котором преподавали крупные специалисты – академик В.В. Бартольд, профессор Е.Д. Поливанов, профессор С.Е. Малов и др. Среди послушанных пытливым студентом теоретических дисциплин значатся: «Введение в тюркологию», «Языковедение», «История культуры», «История развития общественных формаций», «Исторический материализм», «Новая история Запада», «Общая этнография», «Этнология», «История Востока VI-XIV веков», «Новая и новейшая русская история», «История русской литературы», «История персидской литературы», «Казахский язык», «Методика родного языка», «Казахская литература», «Русский язык», «Английский язык», «Арабский язык», «Узбекский язык», «Таджикский язык», «История педагогики», «Введение в педологию», «Возрастная педология» и др. Несомненно, эти фундаментальные предметы значительно расширили научный кругозор молодого исследователя, вооружили его глубокими знаниями в области филологии и истории.

В 1936-1937 учебном году, будучи признанным специалистом в области изучения и преподавания казахского языка в КазПИ им. Абая, С. Аманжолов предстал перед маститыми учеными Ленинграда, наряду с молодыми учеными-лингвистами из Узбекистана (Фахри Камалов, Закир Магруппов, Махкамбай Пирмухамедов, Хусан Газиев) и Азербайджана (Мамед Ширалиев, Абдулазал Демирчизаде, Мухтар Гусейнов) он слушал лекции по общему языкознанию и тюркологии, повышал квалификацию, сдавая экзамены кандидатского минимума. Среди его научных наставников, читавших лекции для соискателей и аспирантов, мы видим академика И.И. Мещанинова, академика Л.В. Щербу, профессоров С.Г. Бархударову, М.И. Матусевич, С.Л. Быховскую, Н.К. Дмитриева, С.Е. Малова и др.

Профессор С.Е. Малов в январе 1937 года в своем отзыве на научные труды С. Аманжолова отмечал: «Последними печатными работами С. Аманжолова являются «Вопросы классификации членов предложения» и «Функции падежных окончаний» (сб. «Тіл мәселелері», II, Алматы, 1936, с. 5-14 и 19-31). Автор научно освещает функции казахских падежей, каковых (т.е. функций) он насчитывает числом 61. Я бы отметил в трудах С. Аманжолова один крупный недостаток; это – оперирование только своим родным казахским языком. Вот, расширение

сферы своих интересов и знаний по части других турецких языков и должно составлять, по-моему, главную цель теперь занятий С. Аманжолова в Институте языка и мышления, как командированного из г. Алма-Ата. Мне известно еще, что С. Аманжолов ведет большую работу по синтаксису казахского языка, что составляет предмет его вузовского курса в Казахстане» и ходатайствовал о присуждении ему ученой степени кандидата филологических наук. После научной стажировки в Ленинграде, в Академии наук СССР С. Аманжолов стал первым лингвистом-казахом, ставшим кандидатом наук (апрель 1938 г.).

Следующие этапы его жизни связаны с большими надеждами на его талантливых учеников, с перспективами развития лингвистических курсов в Казахстане. Начиная с 1940 года он время от времени публикует на страницах научно-педагогического журнала «Халық мұғалімі» статьи по курсу общего языкознания. Тогда же ученым был опубликован развернутый список тем по общему и казахскому языкознанию, которые должны были найти свое отражение на страницах журнала. Многочисленные темы группируются в следующих разделах: «Основные вопросы общего языкознания», «История казахского языка и письменности», «Теория казахской грамматики», «Вопросы казахской лексикологии», «Методика преподавания казахского языка». К сожалению, журнал пережил не лучшие времена, а наиболее талантливые аспиранты ученого (около десяти молодых казахских языковедов) не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны. Одного из них – Акмиша Ахметова хорошо помню. Мы жили в домах напротив, я вырос вместе с его двумя детьми, а его жена Багила-апа до конца жизни – 25 лет ждала его, без вести пропавшего.

Закончив войну политработником в звании майора, С. Аманжолов продолжил свою научно-педагогическую деятельность. В феврале 1948 г. он защитил в Институте языка и мышления (Москва) докторскую диссертацию на тему «Основные проблемы казахской диалектологии», а в ноябре 1954 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук КазССР (в Республике Казахстан это соответствует званию академика Национальной Академии наук).

Послевоенное поколение аспирантов и соискателей ученого в значительной мере оправдало надежды ученого и стало костяком его научной школы в казахском языкознании. Под его руководством были защищены кандидатские диссертации на следующие темы: «Причастие в казахском языке» (Т. Ергелиев), «Наименования домашних животных в казахском языке» (Ш. Жанабилов), «Некоторые особенности аральского говора казахского языка» (Г. Калиев), «Некоторые вопросы топонимики Казахстана» (А. Абдрахманов), «Некоторые вопросы использования наглядности в преподавании казахского языка» (Д. Алимжанов), «Пунктуация современного казахского языка» (Ф. Мусабекова), «Синтаксические функции причастий в казахском языке» (Ж. Болатов), «История казахской письменности после Октябрьской революции» (Н. Оралбаева), «Значение и функции глагола де-»

(А. Абилькаев), «Безличное предложение в казахском языке» (Г. Ластаева-Мадина), «Лексико-грамматические особенности глаголов состояния в русском и казахском языках» (З.Е. Ключникова). Многие из его учеников стали не только кандидатами, но и докторами наук, они развивают науку о казахском языке в различных новых перспективных направлениях. Научная школа С. Аманжолова в языкознании, несмотря на все препятствия, борется и побеждает.

Наука неотделима от творчества и личности ученого. Будущий специалист должен усвоить такие качества настоящего ученого, которыми обладал С. Аманжолов, как высокая идейность, порядочность, научная принципиальность, патриотизм, гражданское мужество, трудолюбие и целеустремленность. Каждый настоящий ученый проходит нелегкий путь познания и жизненной борьбы. Необходимо всесторонне изучать, анализировать, постигать драгоценный опыт, неутомимые искания, ошибки и достижения корифеев науки. На рубеже XXI века новому поколению независимого Казахстана, благодаря росту самосознания нации полнее раскрывается многогранная научная педагогическая и общественная деятельность профессора С. Аманжолова, имя которого носит Восточно-Казахстанский государственный университет. В стенах университета закладывается фундамент новой науки – «аманжоловедения». С. Аманжолов начинается... Это направление требует глубокого познания научного творчества, яркого таланта и обаятельной личности ученого-патриота.

2005 г.

ПАМЯТЬ НЕ СТАРЕЕТ

В 1952-1957-х годах я учился на восточном отделении филологического факультета Московского государственного университета (в последний год это отделение вошло в Институт восточных языков при МГУ).

Самым ярким событием моих студенческих лет в Москве, пожалуй, было то, как я сдавал зачет по физкультуре на втором курсе, в июне 1954 года. На нашем курсе было 300 девушек и 20 юношей (обычное соотношение для филологов). Два года я наравне с другими посещал занятия по физкультуре и сдавал нормативы. Поэтому был уверен в зачете-автомате. Когда же пришел сдавать экзамен по военной подготовке, узнал, что не допущен к экзаменам из-за отсутствия зачета по физкультуре.

Мой недоброжелатель, преподаватель физкультуры, был очень строг и неприступен. Он заявил, что я, будучи «здоровым» (в смысле: долговязым), должен был сдавать нормативы ГТО второй ступени, а не первой, как все остальные сокурсники-филологи, оказавшиеся «нездоровыми». Кстати, я в 10-летнем возрасте перенес хирургическую операцию и на два года был освобожден от физкультуры. Короче говоря, до следующего экзамена оставалось три дня, а мне предстояло сдать нормативы: прыжок в длину – 4 м 80 см (заменен заплывом на 300 м), прыжок в высоту – 140 см (поскольку я брал в высоту только 125 см, он был заменен прыжком в воду с 5-метровой вышки), велосипедный кросс на 20 км. Самое трудное было – прыгнуть в воду с высоты 5 метров (впервые в жизни).

2 июня 1954 года, мой день рождения. Плавательный бассейн высотного здания МГУ. Как обреченный, стою под самым потолком, шепчу: «Прощайте, мои двадцать лет!» зажимаю глаза и камнем лечу вниз, отбивая себе бок и, задыхаясь, долго-долго выбираюсь на поверхность воды. Наблюдавшие это явление весело смеялись – кто-то совершил прыжок в воду по-особому, боком. В результате, трудный зачет по физкультуре был сдан и экзаменационная сессия у студента завершилась с отличным результатом. Действительно, мне было легче умереть, чем испытать позор отчисления из университета. Убедительный урок мужества, полученный в Московском университете, навсегда запечатлелся в моей памяти.

Мои научные интересы: вопросы сравнительно-исторического изучения тюркских языков, история и теория древнетюркского письма. Тема кандидатской диссертации: «Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности». Защита состоялась в Институте восточных языков при МГУ 25 декабря 1963 года. Тема докторской диссертации: «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности» (работа защищена на филологическом факультете КазГУ 23 декабря 1975 года).

При подготовке дипломной работы и кандидатской диссертации (в годы аспирантуры) моим научным руководителем был замечательный ученый и педагог, заведующий кафедрой тюркской филологии Московского университета профессор Владимир Михайлович Насилов. Это был человек щедрой души, разносторонней культуры, высокой научной принципиальности и необычайной скромности. Он стал мне, по существу, вторым отцом, заботливым, требовательным и справедливым. Его жизнь – пример бескорыстного служения науке, высокой порядочности и принципиальности.

С исключительным мастерством и неотразимой артистичностью читал свои лекции на филологическом факультете профессор Рубен Александрович Будагов. Курсом «Введение в языкознание» выдающийся профессор-лингвист открывал нам, первокурсникам, мир большой науки, предопределял наш жизненный путь.

Больше всего из «внеучебной» жизни запомнились культпоходы в московские театры и на концерты симфонической музыки, воскресники по благоустройству территории будущего стадиона в Лужниках, помощь подмосковным хозяйствам на уборке овощей. Высокий эмоциональный настрой, совместный труд, озорные студенческие песни, многие из которых мы сочиняли сами, еще больше укрепляли дух подлинного интернационализма, дружбы и студенческого братства. Светлую дружбу юношеских лет воспитанники МГУ, ныне признанные филологи, сохранили на всю жизнь.

Самым выдающимся из моих однокурсников считаю Владислава Марковича Иллича-Свитыча, выпускника славянского отделения филологического факультета МГУ. Он прожил недолгую жизнь – всего 32 года, однако проявил себя глубоким ученым, успел обосновать новое направление в языкознании – «ностратическую теорию». Слава был задумчивым, скромным и очень порядочным юношей. Мы обменивались с ним научными идеями, советовались в затруднительных ситуациях.

Научные и дружеские связи с коллективом преподавателей МГУ поддерживаю постоянно на протяжении всей своей творческой деятельности.

2004 г.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Я, Аманжолов Алтай Сарсенович, родился в городе Алма-Ате в год Собаки, утром 2 июня 1934 года. Родители – уроженцы Рудного Алтая, из трудовых семей. Незабвенные родители, душевные и скромные люди, являли собой пример высокой порядочности и принципиальности, отзывчивости и самоотверженности. Отец, Аманжолов Сарсен Аманжолович (1903-1958), был выдающимся казахским

языковедом-тюркологом, доктором филологических наук, профессором. Мне суждено было родиться в семье преподавателя КазПИ и КазГУ (по совместительству), одновременно первого директора Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, из секторов которого впоследствии выросло несколько академических институтов. Мать, Аманжолова-Кузелева Евгения Степановна (1914-1990), русская, кандидат химических наук, доцент, за сорок лет научно-педагогической деятельности в КазГУ скрупулезно разработала основы коллоидной химии. Она, несомненно, могла защитить докторскую диссертацию, стать профессором, если бы не постоянные семейные хлопоты, заботы о моем отце, заботы о многочисленной казахской родне (кстати, мать хорошо говорила по-казахски, соблюдала казахские обычаи), заботы о детях. Я был первенцем, после меня родились София, Урал, Алтын, Алия. Самая младшая – Алия (1953 г.р.), кандидат химических наук, доцент, пошла по стопам матери.

В раннем детстве я впервые увидел и навсегда полюбил отчий край – Рудный Алтай, неукротимое течение Иртыша, причудливые скалы с древними петроглифами и разноцветным лишайником, целебные озера и родники, казахские белые юрты на зеленом лугу, ощутил неповторимый аромат арчи и степных трав. Каждый раз, возвращаясь в эти священные места, получаю от духов предков новый заряд жизненной энергии и вдохновения.

Когда началась Великая Отечественная война, мне только-только исполнилось 7 лет. Хорошо помню этот день – 22 июня. Родители, моя трехлетняя сестренка София и я отдыхали на даче в Малоалматинском ущелье, близ небольшой ГЭС. Здесь стремительно несется вниз к городу горная речка Малая Алматинка, несущая воды тающих ледников и прозрачных родников. Ее окружают огромные валуны, принесенные когда-то бушующим потоком. Трогательно хрупки березки, выросшие среди гранитных нагромождений. С детства и на всю жизнь мне дороги эти окрестности Алматы, яблоневые сады и манящие взор вершины Заилийского Алатау. Мои родители, педагоги алматинских вузов, в начале июня сняли дачу – небольшой домик в яблоневом саду. Рядом была дорога на Медео, вымощенная булыжником. Напротив, через дорогу – березовая роща и несмолкающий шум горной речки. В этой роще было много грибов, ягод: ежевики, малины, земляники, смородины. По соседству жили местные ребята, мои ровесники. Подружившись, мы стали в этой роще безраздельными хозяевами, играли в свои веселые игры, часто забывая о том, что рядом существует большой, сложный мир взрослых.

Яблоки, хотя и не совсем зрелые, конечно не оставались вне нашего ребячьего внимания. Ребята бегали в саду, ловили жуков, кузнечиков, стрекоз и необыкновенно красивых, разноцветных бабочек. Зеленые яблоки набивали оскомину, но мы их грызли беспрерывно. Хозяйка домика (они были русскими) разрешала брать упавшие яблоки, но ругали, если кто-нибудь начинал яблоню трясти.

Помнится, тогда со мной произошел довольно печальный случай. Это связано, может быть, с извечным стремлением человека к познанию. Я забрался на высокую яблоню, набрал за пазуху яблок, откусил одно и тотчас же бросил – кислятина. Ребята, стоявшие внизу (среди них была озорная девчонка с веснушками), стали просить – потряси, мол, спелые упадут. Как это получилось, не знаю. Я забрался слишком высоко, ветка обломилась, и я, как следует, шмякнулся о землю и потерял сознание. Очнулся – вокруг меня испуганные люди. Кто-то льет на меня воду. Родители куда-то уходили, пришли поздно. Потом хозяйка отвела меня в дом, уложили в постель. «Еще хорошо отделался, – говорят, – кости целы». Ни тогда, ни после не сердились они на меня. Наоборот, всегда шутили: «Ну, герой, в следующий раз, если будешь падать, заранее подстели побольше сена». Дня три после этого сильно болела голова, но чистый горный воздух, теплые лучи солнца, великолепие неповторимой по красоте природы, забота окружающих меня людей – все это помогло мне быстро поправиться, как будто я и не падал!

После этого случая между отцом и сыном состоялся откровенный разговор. «Видишь, какой здесь выращен прекрасный сад! Скоро созреют лучшие в мире яблоки, и это будет наградой людям за их большой труд. Ты, оказывается, не уважаешь труд людей, иначе не стал бы стряхивать яблоки. Но каждое недоброе дело неминуемо повлечет за собой наказание. В этом ты и сам убедился. Понимаешь ли ты свою вину?» – «Да, я виноват!» – «Тогда еще раз запомни, сынок, все начинается с малого и от тебя самого зависит, каким ты станешь!»

Отец мой любил играть в шахматы, в казахскую национальную игру «Тогуз-кумалак». Позже я узнал, что еще в 1936 году в Алма-Ате была издана на казахском и русском языках его брошюра «Тогуз-кумалак» (там впервые подробно описаны правила игры). В этой брошюре он писал: «Игра сама по себе довольно сложная, процесс состязания (игры) показывает, что она исключительно предназначена для развития умственной культуры, математических способностей и быстрой ориентации. Стране строящегося коммунистического общества, готовящей всесторонне развитых бойцов, такое наследие, как «Тогуз-кумалак», полезная вещь. Можно без всякого преувеличения сказать, что «Тогуз-кумалак» не менее интересен и интересен, чем шахматы...»

В то лето на даче отец научил меня правилам игры в шахматы. Сначала он назвал все фигуры (ферзь, король, конь, слон, ладья, пешка), а затем показал мне простейшие комбинации шахматной игры. Игра мне очень понравилась. Каждый день (и утром, и вечером) мы устраивались в беседке, под яблонями, и играли по три-четыре партии сразу. Постепенно я начинал входить во вкус – проигрывать не хотелось, и я старался оттянуть поражение. Случалось, одна партия затягивалась на полчаса. Наконец, наступало время, когда отец предлагал ничью. Я не соглашался и играл до последней фигуры. Отец, наверное, уже и сам был не рад, что связался с таким партнером. По несколько раз подходила мать и настойчиво говорила: «Сеня, Алик, пойдемте кушать!» (Мать

называла нас так ласкательно, а отец ее обычно называл Жека, меня – Алташ). Часто приходилось откладывать партию на следующий день. Кажется, иногда я выигрывал, хотя бы одну партию. Тогда уже радости не было предела. Однако это происходило, возможно, оттого, что отцу хотелось поскорее закончить игру. Во всяком случае, он надолго привил мне интерес к этой волевой и благородной игре. Это была школа мужества, школа самоотверженной борьбы. Именно упорство в достижении цели, мужество борца помогало отцу преодолевать многочисленные трудности и выходить победителем во многие периоды его жизни.

Игре «Тогуз-кумалак» я научился намного позже – только в 15 лет. Научил меня этой интересной игре опять-таки отец, но это было уже после войны. К счастью, отец вернулся с войны живым и невредимым, если не считать контузии от фашистского снаряда. В тот воскресный день 22 июня 1941 года пришла грозная весть – война. Мы погрузили свои вещи в телегу и часа через два вернулись в город. Проезжая по улицам, слышали как по радио снова и снова передавали заявление Советского правительства. На площадях и в парках Алма-Аты проходили митинги. Весь народ выражал твердую решимость разгромить лютого врага, напавшего на нашу Родину. В этот день, можно сказать, кончилось наше счастливое детство. Теперь моих сверстников стали называть детьми военного времени.

Детство мое закончилось в военные годы, навсегда запомнилось проводами на фронт стрелковых дивизий под звуки духового оркестра, часто с песней «Белоруссия родная, Украина золотая». Мы, мальчишки, сопровождали наших бойцов от центра города до самого вокзала и еще не знали, что многим из них не суждено было вернуться. Нельзя позабыть утомительные длинные очереди за хлебом по карточкам, подсобные огороды, спасительную кукурузу и американскую тушенку, робкое исполнение песен перед ранеными бойцами в госпиталях (многие школьные здания Алма-Аты были отданы под военные госпитали), волнующие сообщения с фронта, всеобщее ликование в День Победы над фашистской нечистью.

В 1942 году отец ушел на фронт, а я пошел в первый класс алма-тинской русской школы №40. Моей первой учительницей была Мария Ивановна Гуданец. Молодая и строгая, она приехала с Украины, несколько раз попадала под бомбежку. Мария Ивановна учила нас выразительному чтению, чистописанию и арифметике, учила очаровательным украинским песням. Между прочим, моя бабушка, которая жила в Усть-Каменогорске и иногда приезжала к нам, была украинкой, а мать тоже хорошо пела украинские песни. После второго урока наступал особо приятный момент – учительница возвращалась из буфета с полной сумкой горячих пончиков или пирожков и раздавала всем по два (в трудное время страна не забывала подкормить своих ребятишек).

Помню, в 1945 году начинающий бандит Котька Чернов, исключенный за хулиганство из школы и впоследствии осужденный за

убийство, запустил камнем из рогатки в Марию Ивановну, но промахнулся и попал мне в висок (хорошо, что не в глаз). Вообще-то всякого хулиганья в городе было предостаточно, и мне нередко доставалось от русской шпаны только за то, что я по отцу казах и не примыкал к дурной компании.

Тетя Кабыш (старшая сестра отца) жила с нами и наравне с матерью мужественно переносила тяготы военного времени. Она учила меня, сестренку Софию и братишку Урала казахскому языку, рассказывала нам казахские сказки, пела казахские песни. Должно быть ее усердные молитвы были услышаны Всевышним, и наш отец вернулся с победой. Она лечила травами, заклинаниями и ласковым словом құлыным «жеребенок мой», осуждала негодаев-шовинистов, когда я приходил домой избитым. А в 1947 году она впервые взяла меня с собой на молитву в мечеть.

В 1947 году после операции скончалась дорогая сестренка София (ей исполнилось всего 9 лет, сказалось безотрадное военное детство). Тяжело переживал. Позже в отчий дом дважды пришла радость – в 1949 году родилась сестренка Алтын, а в 1953 году – сестренка Алия. Забот у старших братьев и родителей прибавилось, зато мои родители были вполне счастливы, глядя на подрастающих детей, горячо любимых дочерей.

Из школьных предметов в мужской средней школе №33 имени М.В. Ломоносова, где я учился начиная с пятого класса, предпочитал английский язык, русскую литературу, черчение и тригонометрию. В 1950 году, когда в стране развернулась лингвистическая дискуссия и отец подвергся тенденциозной критике, у меня возник неослабевающий интерес к проблемам языкознания.

Школа была копией царившего тоталитарного режима – преследовались свободомыслие, демократическая критика и джазовая музыка, практиковались доноительство, рукоприкладство и мучительные допросы в кабинете директора (все это мы называли «бибиковщиной», по фамилии директора-самодура). Осенью 1950 года директор неожиданно уволил нашего замечательного учителя математики Ивана Ивановича Грохотова. Незадолго до этого мне исполнилось 16, я получил советский паспорт и был преисполнен особой гордости. Мы, ученики девятых классов, заступились за любимого учителя, пошли с петицией в городской отдел образования. Шли тремя колоннами (150 человек) с пением «Интернационала» и других революционных песен по улицам Алматы.

Избрали четырех учеников-отличников, в том числе и меня, делегатами восставших. Наше искреннее возмущение несправедливостью было расценено начальством как «антисоветское» выступление, петиция была разорвана, нам велели немедленно вернуться в классы (мол, сопляки еще что-нибудь требовать). Началось методичное выявление «зачинщиков», и делегаты, если бы не поддержка учительского коллектива, запросто могли вылететь из школы. В 1952 году я окончил с

серебряной медалью русскую среднюю школу №33 в городе Алма-Ате (золотую медаль не дали, занизив первоначально отличную оценку по сочинению). В том же году я прошел на отлично собеседование и поступил учиться в Московский государственный университет.

Московский университет... Наставники и друзья... Напряженная учеба, воспитание в себе человека, поиски истины, жаркие споры, ненависть и любовь, горечь утрат и радость первых побед. Все это оживает в памяти, когда думаю о Москве и университете на Моховой, у входа в который стоят памятники Герцену и Огареву. В этом старом здании вплоть до переезда на Ленинские горы размещался филологический факультет МГУ.

В 1952 году мне посчастливилось поступить на восточное отделение филологического факультета Московского университета. Было мне тогда 18. Стремительно пролетели пять студенческих лет. Три года работы в Академии наук нашей республики – и снова я в родном университете, теперь уже аспирант Института восточных языков при МГУ. Три года учебы в аспирантуре, завершившиеся защитой кандидатской диссертации в декабре 1963 года в старом здании университета. Московский университет имени М.В. Ломоносова дал мне знания, а главное – светлую веру в торжество человеческого разума, в идеалы добра и справедливости. Лекции по «Введению в языкознание» с исключительным блеском читал профессор Р.А. Будагов. В Коммунистической аудитории его заворожено слушал весь курс филологического факультета – 320 студентов. В той же Коммунистической аудитории состоялась встреча студентов восточного отделения («восточников») с выдающимся турецким поэтом Назымом Хикметом. Он с большим чувством прочитал несколько своих стихотворений, пожелал нам успехов в учебе. В то время мы с большим интересом читали не только его стихи, но и философскую повесть «А был ли Иван Иванович?», по несколько раз ходили в театр имени В.В. Маяковского на спектакль «Легенда о любви», поставленный по пьесе Назыма Хикмета.

Никогда не забыть той отеческой заботы, которую проявляли по отношению к студентам-восточникам член-корреспондент АН СССР профессор Н.К. Дмитриев, профессор Б.М. Гранде, профессор В.М. Насилов и другие наши наставники. Благодаря научному руководству Владимира Михайловича Насилова я смог своевременно завершить и успешно защитить кандидатскую диссертацию на тему «Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности». Профессор В.М. Насилов, заведующий кафедрой тюркской филологии Института восточных языков при МГУ, стал моим мудрым учителем и добрым другом на многие годы. Наставник мечтал дожить до того дня, когда его ученик станет доктором филологических наук. Незабвенный учитель скончался в 1970 году (в возрасте 77 лет), а через пять лет его ученик защитил докторскую диссертацию.

После скоропостижной кончины моего отца (28 января 1958 года) я получил в наследство влиятельных недоброжелателей-завистников,

которые всячески отравляли нашу жизнь. Один из них – администратор от науки, директор академического института препятствовал моему поступлению в московскую аспирантуру, пытался сорвать защиту моей кандидатской и, позднее, докторской диссертации, писал лживые репортажи в московские инстанции. Еще в 1968 году он предпринял попытку подставить главного редактора газеты «Қазақ әдебиеті» и меня за публикацию научно-познавательной статьи о чагатайском языке, оказавшем значительное влияние на казахский литературный язык. Вместо честной дискуссии наш академик побежал к секретарю ЦК Компартии Казахстана и клеветнически заявил, что статья «идеологически порочна, пропагандирует феодальную чагатайскую литературу», однако за нас вступились принципиальные московские тюркологи и не отдали на растерзание. Позднее в декабре 1986 года тот же академик обращался к кровавому временщику Г.В. Колбину с клеветой на свобододолюбивую казахскую молодежь.

В июне 1988 года я опять прикоснулся к нашей Академии наук (ныне Указом Президента фактически расформированной), когда участвовал в конкурсе на должность заведующего отделом тюркологии и истории казахского языка. Поскольку я потревожил осиное гнездо, злопыхатели, судя по анонимному письму, упрекали меня в «незнании казахского языка» и грозили кузькиной матерью (в подлиннике набор сочных казахских фразеологизмов). Завершилась моя затея острым сердечным приступом и реанимационным отделением больницы. Хотя и прошел по конкурсу (10 голосов – «за», 8 – «против»), все-таки из университета я не ушел и свою кафедру не бросил. Глубоко переживая критическую ситуацию, все еще находясь в больнице, я испытал необычайное вдохновение и сочинил на казахском языке два стихотворения (опубликованы в газете «Шалқар» на арабской графике). Общий стаж моей научно-педагогической деятельности составляет ныне 55 лет, из них 46 лет проработал в высших учебных заведениях. В 1957-1960 годах, а также с 1964 года работал младшим научным сотрудником в АН Казахской ССР. В июне 1966 года был направлен Министерством высшего и среднего образования Казахской ССР в Казахский государственный женский педагогический институт, на кафедру казахского языка, где работал старшим преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой до сентября 1979 года. В декабре 1975 года защитил докторскую диссертацию на тему «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности».

С 1979 года работаю (на протяжении около 33 лет) в Казахском национальном университете имени аль-Фараби, в 1979-1995-х годах заведовал кафедрой общего языкознания, а с апреля 1995 года по настоящее время работаю в должности профессора кафедры общего языкознания. В университете разработал и читаю ряд теоретических курсов – «Введение в тюркскую филологию», «Древнетюркский язык», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Общее языкознание», «Графическая лингвистика», опубликовал программы (10)

и учебные пособия (3) для казахских отделений филологических факультетов.

Имею более двухсот опубликованных работ по тюркской филологии и языкознанию, в том числе 7 монографий на русском и казахском языках, несколько зарубежных публикаций на английском и турецком языках. Основные работы: Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. Москва: Наука, 1969, 104 с; Тюркская руническая графика. Алматы: КазГУ, 1980 (ч. I, 56 с.), 1981 (ч. II, 56 с.), 1985 (ч. III, 48 с.); Бабалар сөзі. Пекин: Ұлттар баспасы, 1988, 70 с. (на казахском языке, на арабской графике); Ortak asil miras – Ортақ асыл мирас. Трабзон, 1994, 38 с. (на турецком и казахском языках); Түркі филологиясы және жазу тарихы. Алматы: Санат, 1996, 128 с. (турецкий перевод: Turk filolojisi ve yazı tarihi. Istanbul: Ötüken, 2006, 155 s.); Қазақша-орысша лингвистикалық терминология сөздігі. – Казахско-русский словарь лингвистической терминологии. Алматы: Қазақ университеті, 1997, 86 с. (2-ое издание, исправленное и дополненное – 1999, 75 с.); История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003, 368 с. (2-ое издание, исправленное и дополненное – 2010, 368 с.).

В 1980 году окончил ФПК при Ленинградском государственном университете по специальности «Общее языкознание». Проходил научную стажировку в КНР при Пекинском университете (сентябрь 1986 года – март 1987 года). В 1993-1994 учебном году находился в Турции, читал лекции по современному казахскому языку и сравнительной грамматике тюркских языков в Черноморском техническом университете (Трабзон).

Выступал с докладами на международных научных конференциях, подготовил 18 кандидатов и трех докторов филологических наук (не считая шести докторов-«перебежчиков»). С 1978 года – профессор, с 1990 года – почетный член Казахского общества охраны памятников истории и культуры, с 1995 года – действительный член (академик) Академии гуманитарных наук Казахстана, с 2007 года – академик Академии художеств Республики Казахстан, с 2009 года – заслуженный деятель Казахстана. Награжден медалью «Ветеран труда» (1988 г.), орденом «Құрмет» (1999 г.), международной премией и Золотой медалью Организации Экономического Сотрудничества (2000 г.), нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2004 г.).

Женат, имею четверых детей (сын Сакен, дочь Зульфия, сын Ерен, сын Есен). Все с высшим образованием (экономист, юрист, политолог, филолог соответственно), Сакен – кандидат экономических наук.

Вспоминая прожитое, испытываю гордость за наш героический народ и независимый Казахстан, успешно проводящий демократические преобразования. Я служил своей стране, поэтому считаю себя счастливым человеком. Мысленно пролетая над страной с юга на север, восхищаясь видом белоснежных вершин Тянь-Шаня и Алтая (Хан-Тенгри, Талгар и двуглавая Белуха – Акмузтау), невольно думаю о высших духовных ценностях, о сияющих и зияющих вершинах науки.

ПРОШЛОЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО

«Вспоминая прожитое, испытываю гордость за наш героический народ и независимый Казахстан, успешно проводящий демократические преобразования. Я служил своей стране, поэтому считаю себя счастливым человеком. Мысленно пролетая над страной с юга на север, восхищаясь видом на белоснежные вершины Тянь-Шаня и Алтая (Хан-Тенгри, Талгар и двуглавая Белуха – Акмузтау), невольно думаю о высших духовных ценностях, о сияющих и зияющих вершинах науки».

Это слова написаны известным лингвистом Алтаем Сарсеновичем Аманжоловым на последних страницах книги «Опыт изучения тюркских языков» Астана, 2012 г.). Эту книгу он готовил в издательстве «Фолиант», к ней он подбирал фотографии, подписывал их с особым трепетом. К сожалению, он так и не увидел её опубликованной. Книга была издана через месяц после того, как ушел Человек эпохи, науки, педагогики...

В этом году мы отмечаем две юбилейные даты – 90-летие Казахского национального университета и 90-летие профессора А.С. Аманжолова. Судьба вуза и судьба выдающегося ученого тесно переплелись в одной эпохе и поэтому так значимы слова Алтая Сарсеновича Аманжолова о своем служении науке и стране: «Я служил своей стране, поэтому считаю себя счастливым человеком».

В каждом его слове чувствуется любовь к стране, семье, студентам, коллегам, друзьям. И мы еще долго будем дискутировать о «сияющих и зияющих вершинах науки...» (цитата А.С. Аманжолова). В этом высказывании, глубоко философской, мне видится следующее: в науке встречаются и сияющие вершины – это ученые, чьи труды остаются навсегда, роль и вклад значительны; но есть «зияющие» вершины – это ученые, которые ничего не привносят в науку, кроме самого себя.

Алтай Сарсенович был той сияющей вершиной, которая оставила на века не только свои труды, научные открытия, но и стал образцом яркой личности и мы его запоемим именное таким: патриотом, беззаветно любящий свою Родину, свою семью, почитавший память предков, умел видеть прекрасное и умел дарить людям Вдохновение; человеком науки, теоретиком и практиком, а его ученики и дети запоемнят экспедиции и его размышления о выдающихся тюркологах, алтаистах, славистах.

Мои воспоминания об этой книге прежде всего связаны с подготовкой ее к первому изданию. Мне посчастливилось работать рядом с ним и обсуждать, какого цвета будет обложка книги, в какой последовательности изложен материал.

В тот момент я еще не думала, что мы не успеем лишь не несколько недель с публикацией данного издания. 8 октября 2012 года не стало

А.С.Аманжолова, а я уже ночью написала статью «Жил в ладу с совестью», которую отправила в газету «Казахстанская правда». А утром вылетала в Алматы из Астаны, чтобы проводить в последний путь ученого, друга и учителя. Вернувшись обратно из Алматы после похорон, я сразу направилась в издательство «Фолиант», чтобы завершить начатое им дело.

Тогда, перелистывая последнюю верстку книги А.С. Аманжолова «Опыт изучения тюркских языков», с его правками и дополнениями, очень остро осознала, что мы потеряли великого Ученого, тюрколога, востоковеда. Кажется, только недавно он перечитывал строчки, выправляя неточности, закраившиеся в процессе подготовки книги к изданию, радовался тому, что скоро он получит в твердом переплете свою книгу. Он ждал эту книгу с нетерпением. Это его опыт и это его наставления. И вот она, уже готовая к изданию, без своего автора.

Алтай Сарсенович Аманжолов в течение всей своей жизни шел вперед, как бы трудно ему не было. Он сохранил лингвистическое наследие своего отца – Сарсена Аманжолова, продолжая его дела; изучил, собрал по крупицам малоизвестные и неизвестные факты древнейших языковых процессов, и, вглядываясь в древние письмена, писал свои научные труды в надежде, что будущее поколение будет пользоваться ими и сможет высветить такие стороны языковых изменений тюркских языков, которые все еще остаются малоизвестными.

С ним рядом всегда шли те, кого он почитал, любил, ценил – его друзья и коллеги, члены кафедры «Общего языкознания» (так это кафедра называлась долгие годы, и я не хочу менять это название) КазНУ им. аль-Фараби, знакомые, ученики.

Его лекции – это огромный тюркский мир, это увлеченность и умение заворочить материалом. При этом А.С. Аманжолов порой просто забывал об аудитории, увлекаясь древнейшим текстом. Его ученики помнят его красивый почерк и исписанную мелом доску как свидетельство о бурлящей мысли и научном поиске.

В книге «Опыт изучения тюркских языков» представлены основные исследования профессора А.С. Аманжолова по грамматическому строю и лексическому составу тюркских языков, отдельные тюркологические и биографические заметки разных лет, включая отзывы на научные работы своих учеников, автобиография, написанная им самим в дар будущему поколению. Особое внимание в книге уделяется сравнительному изучению тюркских языков. При этом автор описал строй тюркских языков, их типологическую характеристику.

А.С. Аманжолов написал эту книгу для нынешнего и будущего поколения, научной общественности, языковедов, преподавателей, студентов высших учебных заведений. Он включил самые важные составляющие тюркских языков:

- глагольное управление в языке древнетюркских памятников;
- синтаксическая типология тюркских языков;
- тюркологические заметки;

- казахско-русский словарь лингвистической терминологии;
- научно-биографические материалы о творчестве языковедов-тюркологов.

Большое внимание автор уделяет сравнительно-сопоставительному (типологическому) изучению тюркских языков. При этом он устанавливает их материальное родство, выявляет фонетико-грамматические закономерности, описывает важнейшие особенности лексико-грамматических и грамматических категорий. Крайне важно, что Алтай Сарсенович смог установить общие типологические черты грамматического строя тюркских языков и описать специфические особенности отдельных языков.

В своем предисловии к книге Алтай Сарсенович отмечает: *«Сравнительно-историческое изучение тюркских языков осуществляется на основании тщательного диахронического исследования языка древнетюркских письменных памятников VII-XI веков (иначе говоря, древнетюркского письменно-литературного языка) сравнительно с современными тюркскими языками. Сравнительно-сопоставительное (типологическое) изучение тюркских языков осуществляется на основании синхронного выявления отличительных признаков родственных и неродственных языков в области лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса.*

Будучи воспитанником Московской тюркологической школы, я по мере сил старался приложить полученные знания в сфере науки и образования Казахстана. Меня всегда окрыляла светлая вера в торжество идеалов добра и справедливости, привитая мне Московским университетом имени М.В. Ломоносова, наследниками Герцена и Огарева, русской демократической интеллигенцией, моим мудрым наставником – Владимиром Михайловичем Насиловым.

Научно-педагогической деятельностью в Казахстане занимаюсь уже полвека (Академия наук, Казахский женский педагогический институт, Казахский национальный университет имени аль-Фараби). Знания и убеждения, московское высшее образование, откровенно говоря, не позволяли мне долго работать в застойной академической среде прежних лет. Мне всегда было интересно работать с молодежью. Новое просвещенное поколение, возрожденный независимый Казахстан, его единение с демократическими силами России и других стран – залог духовного обновления, подлинного расцвета нашей науки и образования»

Наследие А.С. Аманжолова останется с нами, также как и память об этом удивительном Человеке, с которым мне посчастливилось когда-то познакомиться. Именно он принимал меня на работу (тогда он заведовал кафедрой «Общего языкознания» КазГУ имени С.М. Кирова, а ныне – КазНУ им. аль-Фараби), потом был профессором этой кафедры, в течение длительного времени заместителем председателя диссертационного совета, возглавляемого доктором филологических наук профессором Э.Д. Сулейменовой. На этой кафедре, где А.С. Аманжолов работал до конца своих дней, мы всегда будем ощущать его

присутствие. С тех пор мы работали вместе, участвовали в деятельности «Ассоциации антиковедов», в конференциях и форумах, посвященных Дню славянской письменности. Алтай Сарсенович много знал об античности и тюрко-славистике, высказывал свои суждения по вопросам языкового развития и взаимодействия.

Называя новое поколение просвещенным, А.С. Аманжолов с огромным пониманием относился всегда к молодым ученым. При этом он был безгранично требовательным и никогда не скупился на консультации. Его слово на кафедре всегда было значимым. Полиглот, прекрасно владевший родным – казахским языком, русским, английский, турецким, ученый-дешифровщик древних памятников письменности, А.С. Аманжолов – замечательный отец, воспитавший вместе со своей супругой четверых детей. В своей автобиографии он пишет: *«Женат, имею четверых детей (сын Сакен, дочь Зульфия, сын Ерен, сын Есен). Все с высшим образованием (экономист, юрист, политолог, филолог соответственно), Сакен – кандидат экономических наук»*. Алтай Сарсенович всегда с любовью вспоминал своих родственников, так похожего на него брата – Урала Сарсеновича, сестер, внуков, которые радовали и вдохновляли.

А.С. Аманжолов жил в гармонии с собой и своей совестью, он был патриотом своей Родины. Он всегда был занят: готовил к изданию новую монографию или статью, выступал на телевидении, работал в домашнем архиве, где сохранились бумаги отца, которые он собирал по крупицам в течение всей своей жизни, часто ездил в университет, названный именем его отца – Сарсена Аманжолова.

А.С. Аманжолов подготовил 18 кандидатов и трех докторов филологических наук, не считая шести докторов – «перебежчиков», как шутя, называл он тех, кто защищался у него в рамках кандидатской диссертации, а потом переходил к другим ученым, меняя профиль исследования, уходя в другой научный поиск, в другую лингвистическую парадигму. И к ним Алтай Сарсенович относился с пониманием, иногда по-детски обижался, но всегда ценил выбор своих коллег и учеников.

А.С. Аманжолов неоднократно выступал с докладами на международных научных конференциях, зарубежных лингвистических форумах. При этом всегда завоевывал любовь аудитории, а порой зависть соперников. Я гордилась тем, что выезжая за рубеж, мне стоило только сказать, что я работаю с профессором А.С. Аманжолов, как все с восторгом начинали вспоминать его.

С 1990 года А.С. Аманжолов стал почетным членом Казахского общества охраны памятников истории и культуры, с 1995 года действительный член (академик) Академии гуманитарных наук Казахстана, с 2007 года академик Академии художеств Республики Казахстан, с 2009 года заслуженный деятель Казахстана. Награжден медалью «Ветеран труда» (1988 г.). В 1999 году А.С. Аманжолов за свои выдающиеся заслуги был награжден высокой наградой орденом «Құрмет». Было приятно осознавать, что его заслуги не остались незамеченными, а также отмечен был международной премией и Золотой

медалью Организации Экономического Сотрудничества (2000 г.), нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2004 г.).

Труды А.С. Аманжолова, так быстро разлетавшиеся по всему миру, – это важнейший вклад в развитие науки, в частности, тюркологии, а воспоминания о тюркологах, о жизни языковеда отца – С. Аманжолова, о встречах с известными учеными, поездках о в Монголию в составе правительственной делегации во главе с И. Тасмагамбетовым, позволяют судить о от богатейшем наследии, которое оставил нам А.С. Аманжолов.

В ранних работах А.С. Аманжолова рассматривается управление древнетюркского глагола в связи с некоторыми аспектами его словообразования. При изучении глагольного управления Алтай Сарсенович исходил, в первую очередь, из лексико-семантических и структурных особенностей глагольных основ, выступающих как господствующий, управляющий компонент объектного словосочетания, а затем уже устанавливал управляемые падежные формы имен.

За каждым словом вновь публикуемой книги «Опыт изучения тюркских языков» мы обнаружим тонкую натуру исследователя высокого профессионального уровня.

14–15 мая 2024 года в КазНУ имени аль-Фараби стартовала I Международная научно-методическая конференция «Аманжоловские чтения – 2024», которая была посвящена 90-летию профессора А. С. Аманжолова. Мероприятие проведено было с целью привлечения внимания к вопросам сохранения и изучения рукописей и старопечатных книг, а также обсуждения актуальных проблем развития тюркологической науки, поиска ответов на дискуссионные вопросы тюркологии, алатистики на основе анализа концепций ученых.

Особое внимание уделено проблемам историографии науки, изучения наследия ученых и, в первую очередь, трудов профессора КазНУ имени аль-Фараби Алтая Сарсеновича Аманжолова.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Председатель Правления – Ректор КазНУ имени аль-Фараби Жансеит Туймебаев. Он отметил, что в год празднования 90-летия КазНУ чествует выдающихся ученых университета. Очень символичным и знаковым является в этой связи празднование 90-летия тюрколога с мировым именем, человека высокой культуры – профессора Алтая Сарсеновича Аманжолова. Ж.К. Туймебаев, говоря о профессоре А.С. Аманжолове, вспоминал всех известных педагогов-тюркологов, работавших на филологическом факультете нашего вуза. Он также отметил, что *«Алтай Аманжолов – истинный ученый, преданный своему делу и научному кредо, – подчеркнул руководитель университета. – Научно-исследовательская работа Аманжолова охватывает широкий круг проблем истории языка и письменности. Он – один из немногих специалистов в области исторической грамматики тюркских языков, истории древнетюркской письменности»*

На пленарном заседании выступали исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор Н.Ж. Шаймерденова, профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент НАН РК Ф.Ш. Оразбаева, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии и переводческого дела Э.Д. Сулейменова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ Тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби Н.И. Егоров (РФ, Чувашская Республика, г. Чебоксары), доктор исторических и философских наук, профессор Чирчикского государственного педагогического университета Н. Назаров (Узбекистан, г. Ташкент) и другие.

В программе конференции представлено около 100 участников из Азербайджана, Франции, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации, Узбекистана, Турции, которые в течение двух дней работали в режиме онлайн и офлайн по следующим направлениям: «Роль и значение трудов профессора А.С.Аманжолова в исследовательской и образовательной парадигме», «Университетоведение и научное наследие ученых, педагогов», «Библиотековедение: книги в традиционном и цифровом формате», «История письма: от тюркских рун – к современной коммуникации», «Тюркско-славянское взаимодействие языков и культур». Главным событием этого мероприятия стало передачи эпистолярного архива профессора А.С.Аманжолова в НИИ Тюркологии и алтаистики.

Верю, что будет много изданий и переизданий данной книги, поскольку она с годами не теряет актуальности. Весь 2024 год мы будем участниками и свидетелями множества мероприятий, организованных его учениками и коллегами в честь своего Учителя – профессора А.С.Аманжолова. Каждый раз приходя в библиотеку КазНУ имени аль-Фараби, работая в фонде, переданном семьей книг А.С.Аманжолова, обращаясь монографии «Опыт изучения тюркских языков», в нашей памяти будет оживать образ выдающегося Ученого и Педагога.

Нурсулу Шаймерденова

доктор филологических наук, профессор,
исполнительный директор НИИ тюркологии
и алтаистики КазНУ имени аль-Фараби

Известный лингвист Сарсен Аманжолов
с супругой Евгенией и первенцем Алтаем.
Алматы, 1939 г.

Алтай Сарсенович с родителями - Сарсеном Аманжоловым
и Евгенией Степановной, братом Уралом и сестрой Алтын,
1950 г.

Сарсен Аманжолов с сыном Алтаем.
Москва, 1954 г.

А.С. Аманжолов с другом-однокурсником Д.А. Монгушем
в военном лагере под Москвой, 1956 г.

Алтай Сарсенович с супругой Айшой в кругу семьи,
1958 г.

А.С. Аманжолов – руководитель студенческого научного общества
в педагогическом институте. Алматы, 1977 г.

Вице-премьер Республики Казахстан И.Н. Тасмагамбетов
и профессор А.С. Аманжолов во время научной экспедиции
в Монголию, 1997 г.

Наставник и ученики.
Алматы, 1998 г.

Алтай Сарсенович с учениками,
Алматы, КазНУ им. аль-Фараби, 02.06.1999 г.

Встреча с близким другом,
профессором Московского университета Д.М. Насиловым.
Алматы, 2007 г.

Встреча с профессором Н.Ж. Шаймерденовой
в Российском центре науки и культуры.
Астана, 2008 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово.....	5
Предисловие.....	7
Книга I. ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ	11
Вместо введения.....	12
Условные обозначения языковых источников	13
Глава I. Назначение глагольного управления в системе синтаксических связей слов	17
Глава II. Управление древнетюркского корневого глагола	31
1. Взаимоотношения между корневыми глаголами и прямыми дополнениями	33
2. Взаимоотношения между корневыми глаголами и косвенными дополнениями	44
Глава III. Управление древнетюркского производного глагола синтетического (аффиксального) образования	58
1. Основы производных глаголов, образованных от имен, и их взаимоотношения с управляемыми компонентами	58
2. Основы производных глаголов, образованных от глаголов, и их взаимоотношения с управляемыми компонентами	70
Понудительный залог	73
Страдательный залог	76
Возвратный залог	79
Взаимно-совместный залог	81
Глава IV. Управление древнетюркского аналитического глагола	84
Заключение	98
Отзыв на диссертацию А.С. Аманжолова «Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности».....	100
Книга II. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ	103
К типологии синтаксических связей	104
Типы уступительных конструкций в турецком и казахском языках.....	114
Опыт классификации уступительных конструкций в современном турецком языке	117
Опыт классификации уступительных конструкций в современном казахском языке	130

Книга III. ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	143
О гагаузах в Казахстане и их языке (1964)	144
Kazakistan'daki Gagauzlar veya Hakiki Bulgarlar hakkında (1993)	150
О некоторых вопросах исторической фонетики (1964)	154
К становлению именных и глагольных парадигм в тюркских языках (1985)	156
Казахско-русский фразеологический словарь: аннотация отредактированной рукописи (1985)	157
К проблеме древнейших связей тюркских языков с индоевропейскими: древние греко-тюркские лексические параллели (1991)	160
Научный руководитель о диссертационных работах	162
 Книга IV. КАЗАХСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	 169
Опыт казахской лингвистической терминологии.....	170
Казахско-русский словарь лингвистической терминологии.....	173
 Книга V. НАУКА И СУДЬБЫ.....	221
Встречи академика А.Н. Самойловича с казахскими учеными-лингвистами (июнь 1936 года)	222
Сердцу не стареть: к 75-летию В.М. Насилова (1968 г.)	237
Время все расставит на свои места. Интервью (1996 г.)	239
У истоков казахской диалектологии (1997 г.)	241
Становление ученого-лингвиста и его научной школы (2005 г.)	246
Память не стареет (2004 г.)	251
Незабываемые страницы жизни	252
Прошлое для будущего	260

Научное издание

Алтай Сарсенович АМАНЖОЛОВ

**ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**

Монография

Третье издание

Корректор *Г. Сейтханкызы*

Дизайн и верстка *Х. Турсымбековой*

ИБ №__

Подписано в печать _____. Формат 70х100/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Объем ____ п.л. Тираж ____ экз. Заказ ____.

Издательский дом «Қазақ университеті»

Казахского национального университета им. аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. КазНУ.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті»